

Родная **ЛАДОГА** № 4(14)' 2010

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Зам. главного редактора
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Шеф-редактор
электронной версии журнала
Николай СТАНКЕВИЧ

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России;

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России;

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга;

ЗАО «Утро»

ООО «Издательский дом
«Родная Ладога».

*Зарегистрировано УФС по надзору за соблюдением законодательства в сфере
массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Северо-Западному
Федеральному округу ПИ № ФС-2-8531*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Архиепископ Курганский и Шадринский КОНСТАНТИН (Горянов).

АГАФОНОВ Николай, протоиерей (Самара) — член СП России.

БУЛАТОВИЧ Лилиана (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич (Москва) — председатель СП России, доктор исторических наук, заместитель Главы ВРНС.

ГРОМОВ Александр Витальевич (Самара) — председатель Самарской писательской организации, гл. редактор журнала «Русское эхо».

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДЕНИСОВ Николай Васильевич (Тюмень) — председатель Тюменской областной писательской организации, гл. редактор газеты «Тюмень литературная».

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», секретарь СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КАЗИН Александр Леонидович (Санкт-Петербург) — доктор философских наук, профессор, член СП России.

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КОНЯЕВ Николай Михайлович (Санкт-Петербург) — секретарь СП России.

КОРОЛЬКОВ Александр Аркадьевич (Санкт-Петербург) — доктор философских наук, профессор, академик РАО.

КОРЫТИН Сергей Николаевич (Санкт-Петербург) — ген. директор ЗАО «Утро».

КРАМАРЕВ Аркадий Григорьевич (Санкт-Петербург) — депутат Законодательного Собрания СПб, председатель постоянной комиссии по вопросам правопорядка и законности ЗАКСа Санкт-Петербурга, генерал-майор милиции.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына, зав. отд. поэзии журнала «Новый мир».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

МИХЕЕВ Валерий Леонидович (Санкт-Петербург) — начальник Государственной морской академии им. адмирала С. О. Макарова.

МОЛЧАНОВ Андрей Юрьевич (Санкт-Петербург) — доктор экономических наук, председатель Комитета по делам СНГ Совета Федерации РФ.

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

ОРЛОВ Борис Александрович (Санкт-Петербург) — председатель Санкт-Петербургского отделения СП России.

ПОПОВ Геннадий Андреевич (Орел) — сопредседатель СП России, руководитель Орловской писательской организации.

ПОЧАТЕК Изидор (Словакия) — журналист-международник, публицист.

СДОБНЯКОВ Валерий Викторович (Нижний Новгород) — главный редактор журнала «Вертикаль. XXI век», член СП России.

СЕМЁНОВ Валентин Евгеньевич (Санкт-Петербург) — директор НИКСИ СПбГУ, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки России.

СМОЛЬКИН Игорь Александрович (Псков) — председатель Псковской писательской организации.

ШВЕЧИКОВ Алексей Николаевич (Санкт-Петербург) — директор Межвузовского центра по религиоведению, доктор философских наук.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕХИ

«Это уже не восстановление обители, это ее дальнейшее развитие». <i>Свято-Владимирский скит на Валааме. 2 года со дня освящения</i>	5
«Наша страна получает дополнительную защиту». Торжественная церемония <i>освящения вновь обретенной надвратной иконы на Спасской башне Кремля</i>	57

ПОЭЗИЯ

Дмитрий Мизгулин	16
Диана Кан	54
Владимир Молчанов	145
Сергей Овчаренко	187
Василий Попов	219
Александр Осыков	221
Татьяна Кушнарева	255

Родная РечЬ

Владимир Крупин. Душа России. <i>К 115-летию со дня рождения С. А. Есенина</i>	19
---	----

ПАМЯТОСЛОВ

Станислав Куняев, Сергей Куняев. Бесконечная легенда. <i>К 115-летию со дня рождения С. А. Есенина</i>	22
Юрий Лощиц. «А словенский язык и русский одно есть»	191
Виктор Лихоносов. «Я знаю, что нужно жить...»	282

ПРОЗА

Сергей Щербаков. Нетленное лето. <i>Рассказы</i>	33
Сергей Котьяло. Война и голуби. <i>Из книги «Крик журавля»</i>	175
Борис Споров. Горькая осина. <i>Рассказ</i>	229

Пути ПОЗНАНИЯ

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов). <i>Доказательства бытия Божия по Виктору Несмелову</i>	65
---	----

Петербургский ПИСАТЕЛЬ

Валентина Ефимовская. Портрет. <i>К 65-летию Александра Леонидовича Казина</i>	76
Алексей Бакулин. «Через площадь к Никольскому Храму». <i>О новой книге стихов И. А. Сергеевой «Пресветлый Рай»</i>	205
Ольга Сокурова. Васильки тянутся в небо. <i>О книге Александра Ракова «О жизнь, нечаянная радость»</i>	275

ДИПЛОМАТИЯ

Александр Казин. Антиномии русского опыта.....	85
Валентин Семёнов. Православие, российская политематичность и будущее России.....	137

Наша идеология

Наталья Нарочницкая. Язык нравственности — один для всех	110
--	-----

Вопросы творчества

Сергей Кара-Мурза. Западная и русская школа: в чем суть	115
---	-----

Национальная безопасность

Степан Сулакшин. Национальная безопасность страны и качество национального образования	125
---	-----

Славянское братство

Лиляна Булатович-Медич. Эссе о литературной биографии Радована Караджича	150
---	-----

Записки дипломата

Башир Мальсагов. Суд над Садамом.....	167
---------------------------------------	-----

Критика, литературоведение

Николай Рачков. Колокола Михаила Чванова.....	197
---	-----

Точка зрения

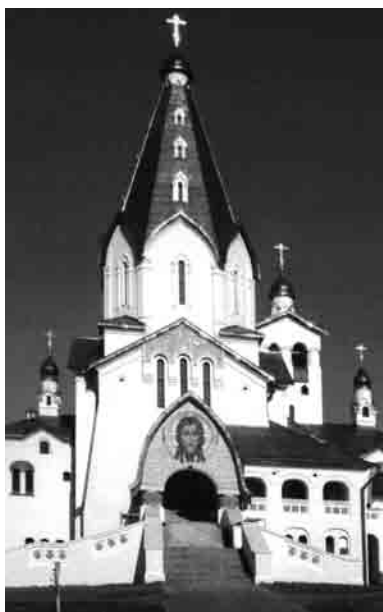
Кавад Раш. Правдивый и свободный.....	210
---------------------------------------	-----

Наследие

Протоиерей Борис Николаевский. Духовные беседы	224
--	-----

Искусство

Валентина Ефимовская. Света источник О творчестве современного русского художника Филиппа Москвитина	258
---	-----

**«ЭТО УЖЕ НЕ
ВОССТАНОВЛЕНИЕ
ОБИТЕЛИ, ЭТО
ЕЕ ДАЛЬНЕЙШЕЕ
РАЗВИТИЕ»**

**Свято-Владимирский
скит на Валааме**

*2 года
со дня освящения*

Он открывается взору внезапно. Вначале дорога идет между зелеными лужайками, поросшими можжевельником и редкими деревьями, потом небольшая группа берез и сосенок, поворот — и неожиданно взгляду предстает живописный вид, который погружает в мир древнерусских сказаний: белокаменные стены, над ними взлетает медно-красный шатер, увенчанный маковкой, узкие прорези арочных окон, апсиды, закомары и нарядные кокошники, изразцовые и резные украшения... Свято-Владимирский скит на Валааме. Наши потомки когда-нибудь назовут его шедевром русского церковного зодчества начала третьего тысячелетия. А пока, как все новое, он вызывает споры, разные суждения, от самых восторженных до резко критических.

21 сентября в праздник Рождества Пресвятой Богородицы исполняется два года со дня освящения скита. Перед началом освящения Патриарх Алексий II обратился к верующим со словами: «Сегодня мы совершаем чин Великого освящения храма в честь просветителя Руси святого равноапостольного великого князя Владимира. За короткий срок на святой Валаамской земле трудами многих людей возник новый скит. Последний скит был освящен здесь в 1917 году. Это скит в честь Смоленской иконы Божией Матери... Монастырь был возвращен Русской Православной Церкви в дни празднования 1000-летия Крещения Руси. А скит в честь крестившего Русь святого князя Владимира освящается в год 1020-летия Крещения Руси».

Это был последний храм, который освятил Патриарх Алексий, и его последнее посещение Валаама. Тогда все участники этого волную-

*Эскиз первоначального проекта Свято-Владимирского храмового комплекса.
Мастерская архитектора А. Анисимова*

шего духовного праздника не подозревали, что присутствуют при прощении Патриарха с Валаамом, и Владимирский скит стал завершением трудов Патриарха Алексия по восстановлению Валаамской обители из руин. Как-то по особому, с щемящим чувством сегодня вспоминаются слова, сказанные тогда Патриархом, сразу после совершения чина освящения и первой Божественной Литургии: «Преосвященный и дорогой владыка игумен, братия обители! Я благодарю Бога, что Господь судил мне в этом году вновь посетить Спасо-Преображенскую Валаамскую обитель. Сегодня, в воскресный день и праздник Рождества Пресвятой Богородицы, мы совершили чин Великого освящения Владимирского скита... Я хочу сердечно поблагодарить владыку игумена и братию обители за святые молитвы, укрепившие меня, и я вновь посетил эту обитель, что для меня — великое утешение и милость Божия. 70 лет назад, в 1938 году, я впервые посетил Спасо-Преображенский Валаамский монастырь. Сколько раз еще судит Господь мне посетить эту обитель? Каждый раз уезжая, предаешь себя на волю Божию, и надеешься, что, может быть, и еще раз приведет Господь посетить святое, освященное подвигами преподобных Сергия и Германа и многих поколений монашествующих, вашими трудами и молитвами место, где всегда получаешь духовное укрепление и поддержку на жизненном пути...».

Для участия в этом знаменательном событии на Валаам прибыл Глава Правительства России В. В. Путин. Его приезд не был случайностью. Ведь это событие Владимир Владимирович и Патриарх Алексий II ожидали несколько лет.

Патриарх Алексий как священноигумен Валаамского монастыря создал и лично возглавил Попечительский совет по восстановлению Валаамской обители. Патриарх вникал во все подробности работ, которые здесь шли, не прекращаясь ни на день, в течение шестнадцати лет. Из мерзости запустения поднимаются храмы, часовни, братские корпуса, реставрируется настенная живопись, оживает монашеская жизнь в скитах. Особенное место в многопла-

новой деятельности Патриарха Алексия на Валааме занимает Владимирский скит, история которого насчитывает всего несколько лет, укладываясь в рамках первого десятилетия нашего столетия. Патриарх подчеркивал, что этот скит знаменует новый этап в жизни монастыря: «Это уже не восстановление обители, это ее дальнейшее развитие».

Создание скита было задумано еще в самом начале нашего столетия. В 2002 г. 11 июля, в день памяти основателей Валаамской обители свв. преп.

Сергия и Германа Валаамских Патриархом Алексием на большой просторной поляне, был освящен закладной камень в основание Свято-Владимирского скита. Это было самое начало.

Первый наиболее ответственный этап — разработка проекта. Предполагалось, что новый скит архитектурно должен быть приближенным к эпохе князя Владимира и представлять собой византийский романский стиль, отраженный у нас на Руси во владимирской архитектуре. Для создания архитектурного проекта пригласили известного московского архитектора Андрея Анисимова. Он разработал несколько вариантов, но сам внутренне склонялся к шатровому стилю, органичному для русского севера и для Валаама, который перекликается с другими постройками на острове. Так архитектор А. М. Горностаев в XIX в. создал проект Скита Всех Святых по образцу монастырской и церковной архитектуры XVI—XVII вв. Также стилизованный шатровый стиль повторяется Горностаевым в архитектуре Никольского скита. Шатер венчает колокольню главного собора Валаама. Да и большинство деревянных храмов Валаама (Гефсиманский скит, Ильинский, колокольня Предтеченского скита) построено в духе древнерусского северного шатрового стиля. В конце концов, Патриарх Алексий и члены попечительского совета пришли к решению строить скит в шатровом стиле. Однако Андрей Анисимов не полностью отказался и от первоначального

Архитектор Андрей Анисимов и президент строительной компании «АРС-ЦЕНТР» Вячеслав Киселев представляют Святейшему Патриарху Алексию II проект храмового комплекса. 10 июля 2006 г.

Патриарх Алексий II закладывает первый камень в основание будущего храма

замысла, соединив романский стиль X—XIII вв. с шатровым. Пожалуй, в этом и состоит главная архитектурная новация Владимирского скита. Первоначально предполагалось строить только храм, а братские корпуса отдельно. Уже в процессе строительства менялась концепция и параллельно велось проектирование.

10 июля 2006 года, в канун праздника св. преп. Сергия и Германа Валаамских, был совершен чин освящения закладного камня храмового комплекса, и была подписана закладная грамота. Патриарху Алексию II представили макет будущего храма.

С самого начала живое участие и покровительство строительству нового скита оказывал Глава Правительства России В. В. Путин, который в то время был Президентом нашего Отечества. Впервые Владимир Владимирович посетил Валаам по приглашению Патриарха Алексия в 2001 г. С тех пор он старается, несмотря на огромную занятость, хотя бы раз в год посетить обитель.

Валаам — сердце Ладogi. Удивительное это место, Ладога. На краю земли, вдали от центров мировой цивилизации, в заповедных дебрях, которые даже сегодня обживаются с большим трудом. Но отсюда берет начало Русь державная и Русь православная. Здесь, в устье Волхова, была воздвигнута первая русская каменная твердыня — крепость Альдейгья, (Старая Ладога), закрывавшая вход непрошеным гостям на Русь. Отсюда, из Старой Ладogi, Рюрик, а затем Олег приступают к объединению восточнославянских племен под единым державным началом. Здесь же, в центре Ладogi, на Валааме, если верить житию Авраамия Ростовского (а нет никаких оснований не верить, вопреки мнению некоторых ученых), возникает первая русская обитель еще до крещения Руси. Может быть, поэтому нас так влечет сюда, к истокам нашей государственности и нашей святости.

Метафизический план жизни на Валааме совсем близко. Все мелкое, будничное отступает, здесь начинаешь воспринимать душою и сердцем иную реальность и высшее предназначения человека, как образа и подобия Божия. Суровый неприступный таинственный край. Бывало, бредешь лесными валаамскими дорогами, на пути — мрачные глыбы габродиабаза, темные угрюмые ели, и вдруг на опушке из-за вороха туч пробьется луч солнца. Все сразу оживает, наполняется радостью под приветственный щебет птиц. Солнце заливает поляну, освещает верхушки деревьев, сверкает в лужицах и канавках. Глаз не оторвать от этого дивного зрелища. Когда-то эта игра света среди мрачных глубин леса здесь на Валааме поразила воображение художника Шишкина и стала главной темой его творчества. Вот так и души наши здесь преображаются. Их темные глубины озаряются светом не вечерним, и все внутри изменяется. В сердце растопляются глыбы льда, плаваются камни. Каждому, кто бывал на Валааме, знакомо это чувство. Здесь начинаешь понимать, что это значит: «Царство Небесное внутри вас есть». Валаам поистине преддверие Рая, напоминание о великом обетовании, которое дано нам от Господа.

Издавна Валаам привлекал владычные взгляды. Этот монастырь был под особым царским попечением. Иоанн Грозный, Алексей Михайлович, Петр, Елизавета, Павел, Александр I, Николай I и Александр II — обращали взоры на Валаам, делали щедрые пожертвования, некоторые из них приезжали сюда помолиться, а другим (как например царю-мученику Николаю II) хоть и не пришлось побывать здесь, но они всегда стремились

сюда душой. И так радуется, что в наше время эта традиция продолжилась, и нынешний Глава Правительства России приезжает на Валаам, в этот духовный оазис севера. Также промыслительно, что здесь появляется храм св. равноапостольного князя Владимира, продолжившего дело, начатое Сергием и Германом в христианском просвещении восточных славян.

Создание храмового комплекса и скита в честь своего небесного покровителя стало предметом забот и попечения Владимира Владимировича Путина. Он неоднократно бывал на Валааме, интересуясь ходом работ. В 2006 г. он приехал сюда 28 июля, в день своих именин, когда Православная Церковь отмечает память св. бл. кн. Владимира. Этот приезд Путина был особенно памятным. «Бывают странные сближенья». По непостижимому промыслу у создателя проекта А. Анисимова на память св. князя приходится день его рождения и он тоже оказался в этот день на Валааме. «Мы с моими коллегами очень скромно и тихо, по-монастырски отметили мой день рождения и уже направились к пристани (на вечер был назначен наш отъезд). — вспоминает А. Анисимов, — И тут звонит владыка Панкратий: „Разворачивайтесь, вас хочет видеть Путин“. Мы от пристани повернули обратно. У нас нет ни чертежей с собой, ни рисунков. Вокруг стройка, только начало, показывать нечего. По счастью, я вспомнил, что в патриаршей резиденции есть макет и стенд, оставшиеся со дня освящения закладного камня. Мы все быстро установили. Владимир Владимирович подъехал на простом уазике и быстро, почти на ходу выпрыгнул из машины. Нас представили Президенту России. Он заинтересованно все посмотрел, разговор зашел об иконописной мастерской, о музее Валаамского монастыря, который было решено расположить в покоельном помещении скита. Путин потом еще приезжал, но уже без меня».

Этот приезд Президента России внес коррективы в проект. Было решено поднять шатер храма более чем на треть, что значительно расшири-

На строительстве храма побывал Президент Российской Федерации В. В. Путин. На его вопросы ответили епископ Панкратий и архитектор А. Анисимов. 28 июля 2006 г.

На строительстве скита. 2007 г.

*Храм построен! Август 2008 г.
Фото Н. Харламовой*

*Владимирский скит. Иконостас. 2008 г.
Фото Н. Харламовой*

ло весь комплекс, придало ему большую монументальность, он стал более органично вписываться в окружающий пейзаж.

Строительство шло ускоренными темпами. Теперь понятно, как это было важно. Успели завершить постройку скита еще при жизни Патриарха Алексия. В 2007 году закончились основные строительные работы, проложены внешние и внутренние инженерные сети, построена современная станция по очистке сточных вод, котельная. Начались работы по благоустройству территории. В том же году игумен монастыря епископ Панкратий совершил чин освящения храмовых крестов, которые сразу же были подняты и установлены на церковных главках, что означало завершение строительства и начало следующего этапа — украшения храма.

Надо сказать, что строителям приходилось решать непростые задачи: бороться с холодом и сыростью. Строительство не прекращались даже суровыми валаамскими зимами. А при монтаже иконостаса работа шла круглосуточно. Помню, сколько огорчений доставил строителям грибок, который появился вскоре после побелки скита. И это за несколько месяцев до освящения! Нужно было в кратчайшие сроки снова ставить леса и белить все заново. Справились и с этой задачей.

Владимирский скит знаменует не только возрождение Валаамского монастыря и Православия в России, но и возрождение современных церковных искусств. Следуя лучшим традициям русского храмового зодчества, иконописи, камнерезного мастерства, художники мастерской Андрея Анисимова создают новые архитектурные формы и интерьеры. В храмовом комплексе, в его наружной и внутренней отделке использованы самые разнообразные приемы и технологии, возвращающие нас на несколько веков назад. Особенно радует возрождение искусства резьбы по камню. Элементы этого декора использованы в наружной отделке, но главное чудо ожидает нас, когда мы входим в храм. Взору предстает резной белокаменный иконостас с колоннами и капителями, украшенными замысловатыми древнерусскими и византийскими орнаментами. И весь храм целиком — из белого камня. Он будто сияет изнутри. Среди этой великолепной белизны блистает золото икон. Поражает размерами огромный позолоченный хорос. «Владимир Владимирович во время освящения скита обратил внимание на то, что храм кажется таким солнечным и светлым и при этом нет ни одного окна. — Рассказывает А. Анисимов. — Я пояснил, что мы использовали прием романской архитектуры. Церковь освещается через небольшие световые окна, что создает особенную таинственную атмосферу — атмосферу храма. Во Владимирском храме высокие арочные окна располагаются только в алтаре, через которые лучи восходящего солнца наполняют светом все пространство».

Помимо главного храма — св. равноапостольного князя Владимира, комплекс скита включает еще две церкви. Одна небольшая — св. мученицы чешской княгини Людмилы и храм Всех Святых, в земле российской просиявших. Храм в честь св. Людмилы, небольшой, уютный с резным деревянным иконостасом, выполненным в Греции, к нему примыкает небольшой баптистерий, очень простой и лаконичный — все тоже из белого камня. Резной деревянный иконостас украшает также храм Всех Русский Святых. Украшение комплекса еще не закончено. Сейчас идут работы по росписи стен и сводов.

Продолжая тему возрождения церковного искусства, отметим, что насельники скита — иконописцы. Со своим скитоначальником иеромонахом Сергием они призваны продолжать традиции Валаамской иконописи. Некогда игумен Дамаскин приложил немало усилий для создания Валаамской иконописной мастерской, привлекая лучших петербургских художников, заботясь о всестороннем развитии монахов-иконописцев, и духовном, и эстетическом, и художественном. Попадая в иконописную студию, можно видеть из мансардных окон чудесный вид на опушку леса, так что пейзаж кажется живой картиной. Лучи света льются сквозь прорези световых окон. Здесь царит атмосфера творческой сосредоточенности. И, кажется, нет места лучше на земле для творческой работы и молитвы.

В цоколе комплекса располагается музей Валаамской обители, который рассказывает об истории монастыря с древнейших времен до наших дней. В залах музея (или более правильно по церковному — древлехранилища) — оживают древние монашеские традиции. Здесь представлены старинные иконы, рукописные и старопечатные книги, церковная утварь, рассказывается о монашеских послушаниях, о ремесленных мастерских, в которых трудились иноки, о тяжелых годах лихолетья и о новом возрождении. В одном из залов представлено собрание живописи, где есть работы таких замечательных русских художников, как Джогин и Писемский, а также живописцев советско-

*Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.
Освящение Владимирского скита
21 сентября 2008 г. Фото К. В. Жукова*

го времени, запечатлевших Валаам в момент наиболее трагический. Особое место занимает экспозиция, посвященная Патриарху Алексию II. Здесь можно видеть уникальные редкие фотографии из семейного альбома, личные вещи Патриарха — такие, как очки, часы, повседневное и праздничные облачения, патриаршую мантию, креслы и панагии.

Автор этих строк, как один из создателей валаамского музея, может засвидетельствовать, сколько любви и заинтересованности проявил к созданию экспозиции игумен монастыря епископ Панкратий. Не было такой мелочи, которую бы он счел не заслуживающей внимания. Многократно обсуждалось всё — от общего проекта — до каждого экспоната в витрине. Ему же принадлежит и сама идея создания на Валааме музея, которую Владыка вынашивал многие годы. Конечно,

в первое десятилетие было не до музея. Кто помнит Валаам того времени, тот поймет почему. Тогда, среди ужасающей разрухи и убожества, вообще было не понятно, за что браться в первую очередь. Потому что браться надо было за все сразу. Тем не менее, даже в эти годы игумен Панкратий думал о сохранении памяти о прошлом обители, продолжая и в этом плане деятельность знаменитого валаамского игумена XIX века — Дамаскина, который был неутомимым собирателем валаамских древностей. Вначале владыка Панкратий предполагал создать музей во внутреннем каре центральной усадьбы, но там не нашлось для этого подходящего помещения — достаточно просторного и удовлетворяющего музейным требованиям хранения экспонатов. Дело в том, что старый кирпич создает много проблем для поддержания необходимого уровня влажности и требует специальных дорогостоящих и энергоемких установок. Таков был вердикт специалистов из Водоканала, когда они обследовали предполагаемое помещение. Когда строительство Владимирского скита уже было в разгаре, у Владыки Панкратия возникла мысль разместить музейную экспозицию в цоколе. Эту идею горячо поддержал Патриарх Алексий, В. В. Путин и члены Попечительского совета. Мне очень жаль, что Патриарх Алексий, бла-

гословивший создание музея, не дожил до его открытия. Когда мы работали над экспозицией, мы все время старались увидеть Валаам его глазами, нам так хотелось его порадовать! Теперь музей носит имя Патриарха Алексия II, и для нас это большое утешение.

Летом прошлого года музей был торжественно открыт Патриархом Кириллом. Это событие было приурочено к двум знаменательным датам: 20-летию возрождения монашеской жизни на острове и 200-летию со дня преставления преподобного Назария, игумена Валаамского. Накануне официальной церемонии на остров прибыл Глава Российского Правительства В. В. Путин. Вместе с Патриархом Кириллом Владимир Владимирович посетил Валаамский музей. Глава Российского правительства осмотрел исторические документы, книги и фотографии, запечатлевшие как строительство храмов монастыря, так и период его разорения в советские годы. Внимание Путина привлекла фотография, на которой монахи (и среди них совсем дряхлые на вид старики) на спине, пользуясь специальным заплочным приспособлением, поднимают по лестнице за раз по несколько многокилограммовых кирпичей для строительства храма. Тут же рядом с фотографией размещены образцы старых кирпичей и заплочный деревянный козел для переноски. Эти экспонаты, заинтересовавшие Премьера, красноречиво свидетельствуют о победе духа над физической немощью.

На официальной церемонии открытия Патриарх Кирилл обратился к верующим с такими словами: «Мы открываем музей Валаамского монастыря в том месте, где еще сравнительно недавно были запустение, разруха, и многим казалось, что память о монастыре может сохраниться лишь у тех, кто специально занимается историей. За минувшие годы святыня возродилась в своей былой красоте, и уже появилась потребность отразить трагическую историю Валаама в специальных экспозициях». Создание музея обители Предстоятель Русской Церкви назвал «замечательным свидетельством того, что произошло на этой многострадальной земле».

«Мы действительно прошли большой путь. Музей назван в честь покойно-

*На освящении Владимирского скита.
Н. Харламова, автор научной концепции
Валаамского музея; Н. Бледнова, архитектор;
о. Ефрем, эконо́м Валаамского
монастыря; Т. Ефимова, ведущий архитектор.
21 сентября 2008. Фото К. В. Жукова*

*В музее Валаамского монастыря. Владимирский скит.
Святейший Патриарх Кирилл, Председатель правительства РФ В. В. Путин,
епископ Панкратий. 9 июля 2009 г.*

го Святейшего Патриарха Алексия, потому что именно он стоял у истоков возрождения обители. Поэтому и в имени, и в экспозициях музея запечатлевается вся история — в том числе славная новейшая история — Валаамской обители. Пользуясь случаем, хотел бы сердечно поблагодарить всех, кто принимал участие в создании этого музея... В центре живого монастыря, который призван служить людям, который призван возносить молитвы к Господу, мы открываем музей как хранилище памяти о замечательных, радостных, а также и скорбных страницах Валаамской истории», — заключил Патриарх Кирилл.

Хотелось бы с благодарностью упомянуть о всех, кто принимал участие в создании Владимирского скита. Прежде всего, главных инициаторов и почителей — Патриарха Алексия II и Владимира Владимировича Путина. Настоящим подвигом можно считать деятельность игумена владыки Панкратия, не жалевшего ни сил, ни времени на воплощение проекта в жизнь. Можно только бесконечно удивляться его выдержке, терпению, умению всегда владеть ситуацией, осуществлять контроль на всех этапах строительства, принимать ответственные решения, и всегда с таким поразительным монашеским спокойствием. Весь груз хозяйственных и технических забот по реализации проекта со стороны монастыря принял на себя отец-эконом обители — монах Ефрем, которому в течение двух лет пришлось соединять монашескую жизнь с такой напряженной хозяйственной деятельностью. К созданию комплекса были привлечены лучшие специалисты из разных областей. Архитектор Андрей Анисимов, создавший более двадцати храмов, ведущий архитектор Татьяна Ефимова, которая немало потрудилась над проектом скита — в ее задачу входила детальная разработка строящихся помещений и подготовка всей технической документации (всего 21 том!).

Сооружение храма — всегда ответственное дело. Оно имеет как сакральное значение, так художественно-культурное и историческое, ведь храм

строится на века и призван быть молчаливым свидетелем своей эпохи, а это налагает на строителей особые обязательства. Заказчиком выступала Дирекция по строительству и реконструкции в Северо-Западном федеральном округе при Управлении делами Президента Российской Федерации, которую возглавляет Н. С. Таскин. Руководителем проекта от Дирекции был назначен О. Б. Филиппов, он непосредственно курировал всю стройку. Генеральным подрядчиком выступала строительная компания «Арс-Центр» во главе со своим президентом В. А. Киселевым (Москва). Общими усилиями они выполнили все строительные работы в самые сжатые сроки. По существу было сделано невозможное — всего за два года возведен объект повышенной сложности с полной отделкой в условиях острова, без инфраструктуры, со сложными коммуникациями (почти полгода на Валааме отсутствует возможность подвоза стройматериалов и техники). Строители — от руководителей до простых рабочих — совершили настоящее чудо.

Скажу несколько теплых слов в адрес моих коллег по созданию экспозиции Валаамского музея, с которыми мне довелось работать в течение нескольких лет. Это Лариса Николаевна Печерина, бессменный собиратель и хранитель фондов Валаамского музея, горячий патриот Валаама и великий труженик. Ее стараниями и юношеским энтузиазмом на протяжении почти тридцати лет по крупицам собирались, систематизировались и изучались ценные экспонаты, рассказывающие об истории обители. Архитекторы-дизайнеры Валерий Павлович Наливайко и Лариса Аркадьевна Жукова, создавшие десятки музейных экспозиций не только в Петербурге, но и в различных уголках России, стали разработчиками дизайн-проекта Валаамского музея и вместе с художниками и оформителями из творческой мастерской В. П. Наливайко с огромной самоотдачей и самоотверженностью осуществили полный монтаж музейной экспозиции (Тема создания Валаамского музея заслуживает отдельной публикации, которую мы надеемся поместить в одном из следующих номеров).

Бронзовая доска, установленная на стене южного фасада скитского храма

Всё, что делается с любовью, приносит изобильные плоды. Скит стоит и радует глаз. Сегодня на скиту идет тихая размеренная жизнь его насельников-иконописцев. Летом приходят посетители музея, а зимой иноки живут в полном уединении, в трудах и молитвенном созерцании.

Наталья Харламова

ПОЭЗИЯ

**Дмитрий
МИЗГУЛИН**

КОЛЬЧУГА

Дмитрий Александрович Мизгулин — родился в 1961 году в Мурманске. Окончил Ленинградский финансово-экономический институт им. Н. Вознесенского и Литературный институт им. А. М. Горького. Служил в Советской армии, кандидат экономических наук, академик ПАНИ и РАЕН. Автор многих сборников стихотворений, среди которых «Две Реки» на чешском языке (Прага, 2006), рассказов, литературных заметок, книжки для детей. Лауреат премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка, журнала «Наш Современник», «Традиция», губернатора Ханты-Мансийского автономного округа в области литературы, губернатора Югры в области литературы и др. **Живет в г. Ханты-Мансийске.**

* * *

В жизни все идет по плану —
Поздно ляжешь. Встанешь — рано.
На работу и — домой.
В баню утром в выходной.
Телевизор. Гости. Дети.
Сорок лет на белом свете
Пролетели. Пронеслись.
Это — жизнь.

Дни летят неотвратимо.
Что-то в цель. А что-то мимо.
Едем с ярмарки. Как будто
И не вечер. И не утро.
Лошадей неспешный бег.
Выпал снег.

В суете и круговерти
Чаще думаешь о смерти.
Утром чувствуешь усталость.
Сколько там еще осталось?
По ночам тревожно спится.
Сердце. Печень. Поясница...
Едем дальше не спеша,
А душа?

* * *

Живем в виртуальном пространстве
Газета. Компьютер. ТВ.
И ветер познаний и странствий
Давно не шумит в голове

Живем в ограниченном мире,
Неиствуха и мельтеша,
И в тесной и тихой квартире
Твоя обитает душа...

А ей бы — а ей бы в дорогу,
И — к небу,
И — к звездам,
И — к Богу!

* * *

Перестройка. Перековка.
Как бы переподготовка
К лучшей жизни или на...
Думали, что передышка,
А на самом деле — крышка.
Амба. Кончилась страна.

Перестройка. Перестрелка.
Кабы знать, что море мелко,

Что измена так легка?
Ожидали лучшей жизни,
А теперь молчим на тризне.
Чарка праздная горька...

Перестройка. Переключка.
Крепнет власть. Шуршит наличка.
Каменеет страх.
Строим храмы. А до Бога
Далека еще дорога —
Тает в облаках.

* * *

Растаял туман над излукой
Осенней тяжелой реки,
Живу не любовью — разлукой,
Чьи вечные воды легки.

Стараюсь по жизни — хоть малость
Минувшего счастья сбересть,

Недолгих прощаний усталость
И радость нечаянных встреч.

На легкой волне у причала
Мороза стальная печать,
И так хорошо, что с начала
Уже ничего не начать.

* * *

Либо навзничь. Либо — вскачь.
Мы ни в чем не знаем меры,
Не сложилась жизнь — хоть плачь,
Пролетели, как фанеры
Над Парижем в облаках...
Где обещанные кущи?

Левой водкой глушим страх
Перед сумрачным грядущим.
Проглядели все глаза
В ожиданье лучшей доли...
Уплывает в небеса
Незасеянное поле...

КОЛЬЧУГА

Дрожит свечи неровной пламя,
Душа скорбит, светлеет грусть,
Когда я в опустевшем храме
О Родине своей молюсь.

Рассеян ум. Бессилен разум.
И только трудится душа:
Слова простые раз за разом,
Нанизывая не спеша.

Шумят неистовые битвы,
И с воем рать идет на рать,
А мне б слова своей молитвы
Кольчугой прочною связать...

Чуть слышно шепчутся старушки,
И гул эпох — издалека...
Ох, коротка моя кольчужка,
Ох, как кольчужка коротка...

* * *

В царстве срама и хама
Ни любви, ни стыда,
Жили раньше без храма,
И теперь — не беда.

Не останется скоро
Ни тюрьмы, ни сумы.

Осентялась дорога
Не крестом — кумачом...
Жили раньше без Бога
И теперь — ни при чем.

Ни любви, ни разлуки,
Но печалится бес —
Слишком коротки руки,
Не достать до небес.

Все в расход — без разбора
Разболтались умы,

В горних высях струится
Ослепительный свет,
Через эту границу
Никому хода нет.

* * *

Пока победно шествует эпоха,
Не лучше ли спокойно жить в глуши?
Под маскою шута и скомороха
Скрывать порывы скорбные души.

И будь во всем наивен и беспечен,
Пусть думают, что жизнь твоя легка,
Ведь никого не напугают речи
Придворного шута и дурака...

Когда ж грядут внезапно перемены,
Услышатся иные голоса.

Участников немой финальной сцены
Определят по списку небеса.

Метель утрат восторг души остудит,
Застынет в реках черная вода,
Но все-таки Господь веселых любит,
А верных — не оставит никогда!

И пусть кружат во мгле миры и меры,
В крошечном мраке исчезает путь,
Держись поближе православной веры,
А там Господь подхватит как нибудь...

* * *

В морозном сумерке белесом
Из дома выйду не спеша
И в лес войду. И стану лесом,
И успокоится душа.

Смешными кажутся обиды,
Пустопорожними — слова...
Быть может, и правы друиды,
Что наши предки — деревья?

Они всю жизнь свою упрямо
Ветвями — прямо в небеса,
А мы лишь изредка — у храма
Поднимем на небо глаза...

Я в лес войду. И стану лесом.
Замру, объятый тишиной...
В рассветном сумраке белесом
Восходит солнце надо мной.

* * *

В тумане предрассветном тают
Немые очертанья крыш...
Мне снится мама молодая,
А я еще совсем малыш.

А я еще совсем ребенок
С душой, отверстой небесам,
А я еще — во всем — спросонок,
Хотя уже шагаю сам.

И сколько счастья и света!
Неведомы печаль и страх,
Лечу над голубой планетой
На теплых маминых руках...

Восторг души года остудят,
Дожди размоют краски дня,
Но никогда уже не будет
Такого счастья у меня.

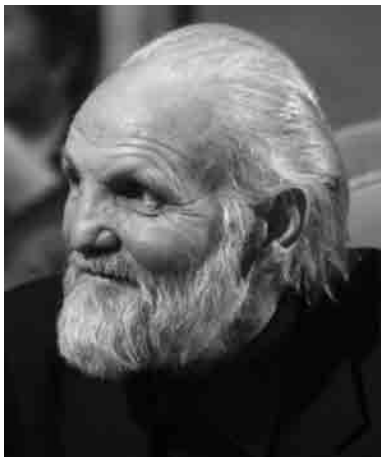
Ох, как дрожит мое сердечко,
Едва завижу я тебя...
За упокой поставлю свечку,
Молитву прошепчу скорбя.

Привычный холодок под сердцем,
Молитва тает в тишине,
И Богородица с Младенцем
С иконы смотрят в душу мне...

А я хочу ходить упрямо,
И мама шепчет мне — иди,
Но как я счастлив, если мама
Меня прижмет к своей груди.

Что будет завтра — я не знаю,
В туманной дымке жизни край...
Не оставляй меня, родная,
Не отпускай,
Не отпускай.

Родная РЕЧЬ

Владимир КРУПИН

ДУША РОССИИ

*К 115-летию
со дня рождения
С. А. Есенина*

Владимир Николаевич Крупин — родился в 1941 году в с. Кильмезь Кировской области, сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты, служил в армии. Окончил областной педагогический институт Н. К. Крупской, преподавал в школе, работал на ЦТ, был гл. редактором журнала «Москва». С 1994 года преподает в Московской духовной академии. Гл. редактор журнала «Благодатный огонь». Секретарь правления Союза писателей России. Живет в Москве.

Великий поэт всегда все знает о себе. Поединки, в которых были убиты Пушкин и Лермонтов, предсказаны ими так, как будто они вначале были убиты, а потом ожили, чтоб их описать.

Ко времени Есенина дела в России настолько утрастились, что ему не надо даже было быть провидцем, чтобы сказать: «...Меня под лай собачий похоронят». И похоронили, вначале убив. Под лай. Даже и не собачий, хуже — человеческий лай тех, кто ненавидел Россию.

Мне не надо листать книги Есенина, чтобы освежить в памяти его строки, они во мне, как во всяком русском, кажется даже, что они вошли в генный состав национального кода.

Я хотел взять для заголовка слова о Есенине, его строчку. Их вспыхивало в памяти множество, и все они были пророческими, душевными, пронзительными. «Все мы, все мы в этом мире тленны...» — какая горечь всезнания, какой упрек дорогим ему людям. «Я пришел на эту землю, чтоб быстрее ее покинуть», — вот истинно лермонтовское, горькое понимание мгновения земной жизни.

У Есенина душа томится тем, что слышала небесные звуки, которых не могут заменить «скучные песни земли», но разве не всякая наша душа — небожительница, но только поэты сохраняют в себе голос неба, диктующий им дивные откровения.

«Всю душу выплещу в слова», — вот это он и сделал. Именно всю, именно выплескал. «Много любил я и много стра-

дал», — какая точность в том, что вначале любил, а потом страдал. Многие ли понимают, что следствие любви — страдание, и что страдание — жизнь ДУШИ.

«Я давно ищу в судьбе покоя», — вот признание, родственное пушкинскому «давно, усталый раб, замыслил я побег в обитель дальнюю...». Но не суждено русским поэтам уединение, уж если Россия живет на семи ветрах, то ее поэты и подавно.

«Друзья! Друзья! Какой раскол в стране...». И можно еще много-много строк Есенина выписывать, и любая из них годится к объяснению его судьбы.

Какой поэт! Какая страшная судьба! Кто сохранил Есенина? Ведь его не издавали, запрещали. Троцкие и Бухарины ненавидели, литературные «шестерки» при жизни обтягивали, после смерти замалчивали.

Есенина сохранил народ в самом прямом и точном смысле этого слова. Переписывали от руки, пели тайком. Мальчишками у костра мы кричали: «Выткался на озере алый свет зари...», мы знали наизусть запретное творчество. Как смешны были усилия врагов России лишить нас национального достояния!

С. Есенин. 1922. Кадр из документального кинофильма «Сергей Есенин»

Представляю Есенина очень ранимым, его хочется защищать и жалеть. Никакой он не драчун, не атаман, это все внешнее, он и сам хочет, чтобы его пожалели, хотя вроде бы и говорит: «Кого жалеть, ведь каждый в мире странник», казалось бы, заявляет: «Не жалею, не зову, не плачу», — но у самого такая пронзительная жалость ко всему живому. Он сам — часть природы, он брат травинкам и деревьям, он понимает извечных спутников че-

ловека — животных, как никто до него не понимал. Лошадь у Толстого, собака у Чехова, слон у Куприна — литературные образы, у Есенина собаки и коровы — часть его судьбы. Какая жуткая тоска коровы по убитому сыну-теленку, «на колу, под осиной, шкуру трепал ветерок», какая истощающая судьба собаки, у которой топят детей, как долго дрожит незамерзающая вода в полынье над утопленными щенками, как «показался ей месяц над хатой одним из ее щенков»,

а вспомним «золото овса» в цилиндре — модной шляпе того времени — для заезженной городской клячи.

Но когда «снова выплыли годы из мрака», то есть когда Сергей Есенин стал широко издаваться, опасность, что запретный плод не будет сладок, если уже не запрещен, Есенину не угрожала. А сколько полопалось авторитетов, сколько громких фамилий потеснилось, чтобы дать дорогу «последнему поэту деревни», как называл себя Есенин. И ведь хорошие поэты, например, Мандельштам, Асеев и Пастернак, а до Есенина им — как до звезд. Он — для всех, они — для единиц.

И чем дальше, тем больше любовь к Есенину. А будет она еще обостреннее, еще спасительнее, ибо вошел грех в мир, растление коснулось многих в России, многие побежали, «задрав штаны», за хвостом позеленевшего золотого тельца, и русской деревни уже нет, нет той, есенинской, деревни. И велик наш надгробный плач, и велика наша надежда на то, что «земля и на ней человек» выдержат теперешние испытания. И говорим мы «в чужой и хохочущий сброд: “Ничего, мы споткнулись о камень, это к завтраму все заживет”».

Помню, меня однажды до слез потрясла одна строчка из Есенина. Я был один среди осеннего поля и услышал крик птиц, поднял голову — улетаели журавли. Что такое для русского улетающие журавли, объяснять не надо. И вдруг пронзила меня до сердечной боли есенинская строка «а журавлей относит ветер вдаль», ведь не ветер относит, ведь сами летят. Но сказал поэт, и я верю — журавлей относит ветер вдаль.

Ветер над Россией, какой ветер, как тяжело жить. Но ведь это же и хорошо, что Господь доверил нам такую тяжесть, это же счастье — выдерживать испытания во имя России. И как же не любить нашу единственную Родину, когда у нее такой поэт, такая душа — Есенин!

*Я ведь теперь автобиографий
не пишу. И на анкеты не отвечаю.
Пусть лучшие легенды ходят!*

*С. Есенин в разговоре
с В. Эрлихом*

Станислав КУНЯЕВ

БЕСКОНЕЧНАЯ ЛЕГЕНДА

*К 115-летию
со дня рождения
С. А. Есенина*

Сергей КУНЯЕВ

«Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. *Он мал, как мы, он мерзок, как мы!* Врете, подлецы: он мал и мерзок — не так, как вы, — иначе...»

Эта отповедь Пушкина публике, казалось бы, универсальная и окончательная, оказывается вдруг несостоятельной, когда задумываешься о судьбе Есенина... Да, жизнеописание его, вырастающее из стихов, писем, уголовных дел, мемуаров, биогра-

Станислав Юрьевич Куняев — родился в 1932 г. в Калуге. Окончил филологический факультет МГУ. Работал журналистом в Тайшете, редактором в журнале «Знамя», секретарем Московской писательской организации. Автор многих сборников стихов, трехтомника мемуаров «Поэзия. Судьба. Россия», сборников критики и публицистики. Лауреат Государственной премии РСФСР. С 1989 г. — главный редактор журнала «Наш современник». **Живет в Москве.**

Сергей Станиславович Куняев — родился в Москве в 1957 г. Окончил филологический факультет МГУ (1980). Работал в издательстве «Современник», в журнале «Москва», зав. отделом критики журнала «Наш современник» с 1992 года. Выпустил книги: «Огнепалый стих»; «Растерзанные тени», в соавторстве со Станиславом Куняевым; «Сергей Есенин», в соавторстве со Станиславом Куняевым; «Жизнь Есенина. Снова выплыли годы из мрака...», в соавторстве со Станиславом Куняевым. Документ. Повесть о Павле Васильеве «Русский беркут». Член СП России. Член правления СП России (с 1999). Лауреат премий «Зодчий» им. Д. Кедрина (1995), им. С. Есенина (1996). **Живет в Москве.**

фий и автобиографий, конечно же, легендарно. И конечно же, горы страниц о нём, написанные не только сильными мира сего — политиками, поэтами, актерами, художниками, но и «маленькими людьми» — обывателями, рядовыми журналистами, обычными завистниками и злопыхателями, чрезвычайно противоречивы. Во многих воспоминаниях поэт предстает алкоголиком, психически нездоровым человеком, самовлюбленным эгоистом, перешагивающим через людские судьбы, хулиганом и хамом. Не приходится сомневаться, что многое из мемуаров подобного рода — житейская правда. Поразительно другое. Поток воспоминаний о Есенине как о «черном человеке» не в силах ни размыть, ни изменить в наших глазах светоносную есенинскую легенду. Темная легенда о нём не в силах уничтожить легенду светлую. В сказочном облике поэта, загадочность которого с течением времени не только не исчезает, а, напротив, разрастается до гигантских размеров, приобретая немислимые масштабы, так или иначе высвечиваются все его лучшие черты: ум, человечность, обаяние, гениальность, мужская стать, искренность...

Словом, все то, что никоим образом нельзя назвать ни «мелким», ни «мерзким», ни «подлым». И никакому давлению официальной идеологии любых эпох — бухаринской, сталинской, ждановской, яковлевской и т. д. — неподвластно это стихийное творчество вот уже нескольких поколений. Кажется, окончательно оформились в российской литературной истории легенды о Лермонтове, Некрасове, Блоке, получили свое завершение жизнеописания — с некоторыми блесками легендарности — Ахматовой, Пастернака, Мандельштама. Но по-настоящему полной и цветущей жизнью дышит лишь есенинская легенда. Она все время выбрасывает новые весенние почки, разворачивается свежей листвой, и никому не ведомо, закончится ли когда ее цветение. Думается, это произойдет не раньше, чем закончится история России.

И да не сочтет читатель нашу мысль кощунственной, но хочется вспомнить слова Гоголя о том, что Пушкин — «русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет», и приложить их к Есенину. История России и судьба русского человека были подвергнуты таким испытаниям, которые не могли предугадать ни Пушкин, ни Гоголь, и именно есе-

С. А. Есенин. 1921

нинская жизнь, как нам кажется, определяет сердцевину русской истории XX века. Русскую революцию — ее ход и характер — определяли не люди «меры», а широкие русские натуры, которые любили «выплескиваться» через край и о которых Достоевский говорил, что их «надо бы сузить». Именно люди есенинского «безразмерного» склада были главными созидателями истории во всех социальных и политических слоях — у монархистов и большевиков, у эсеров и анархистов, у махновцев и антоновцев... Поэтому велик соблазн поменять имя в пророчестве Гоголя, поменять с дерзкой надеждой: а может быть, сущность русской жизни и русского национального характера мы поймем тогда, когда завершится сотворение легенды о Есенине и когда нам станет окончательно ясно, что он есть для России. Как будто бы он — последняя и роковая, самая крупная наша ставка. Оснований к тому не счесть. И сегодня история идет «по есенинскому пути»...

Русское время за последнее десятилетие переломилось еще раз, и даже в пророчества «ушедших и великих» Провидение вносит поправки. А в том, что именно Гоголь и Пушкин были бесспорными кумирами Есенина, есть тоже некое предначертание свыше. Ведь не случайно же крупнейшие поэты и писатели эпохи (как в советской России, так и в эмиграции), замечательные актеры, художники и скульпторы, влиятельные идеологи и известные политики сочли своим внутренним долгом, какой-то даже обязанностью оставить воспоминания о Есенине; причем именно в них делали они свои предположения о будущем России и русского человека.

Любопытно, что многие весьма именитые современники Есенина, хорошо знавшие его, чуть ли не на другой день после смерти поэта, отвернувшись от фактов и житейской правды, начали сочинять о нем бесконечную сказочную эпопею. Борис Пастернак, к примеру, знал о Есенине многое: его характер, стихи, быт, странный роман с Айседорой, чудачества и порой весьма расчетливое отношение к жизни. Но он пишет о Есенине так, будто они разделены морем пространства и времени, словно о Байроне или Казакове: «Есенин к жизни своей отнесся, как к сказке. Он Иван-царевичем на сером волке перелетел океан и, как жар-птицу, поймал за хвост Айседору Дункан. Он и стихи свои писал сказочными способами...»

Валентин Катаев попытался сочинить несколько легенд («Алмазный мой венец»): о Пастернаке, Юрии Олеше, Владимире Маяковском, Михаиле Булгакове, Эдуарде Багрицком... Все эти жизнеописания, однако, как ни старался Катаев, не превратились в легенды и остались всего-навсего новеллами. У них не было подлинной основы, ядра, к которому должны были бы прирасти эти новеллы, ибо легенда не сочиняется после смерти, она должна зародиться еще при жизни. И поэтому совершенно естественно, что из всех катаевских новелл один лишь рассказ о «королевиче» Есенине как бы «прилип» к медленно катящемуся есенинскому снежному кому, следуя тайным законам притяжения легендарных частиц к уже существующему ядру воспоминаний.

Сейчас уже почти невозможно разобраться в том, где сам Есенин осмоторительно или легкомысленно рассыпал зерна своей легенды, а где их сеяли его современники. Достаточно вспомнить самые первые шаги... Когда двадцатилетний поэт всего лишь на два неполных месяца приехал в Петроград, он побывал в нескольких редакциях, встретился с Блоком, Городецким, выступил на нескольких поэтических вечерах, был принят в салоне у Зи-

наиды Гиппиус. Но тут же по литературному Петрограду поползли слухи. Вот как вспоминает о них один из современников: «О Есенине в тогдашних литературных салонах говорили как о чуде. И обычно этот рассказ сводился к тому, что неожиданно-негаданно, точно в сказке, в Петербурге появился кудрявый деревенский паренек, в нагольном тулупе и дедовских валенках, оказавшийся сверхталантливым поэтом... О Есенине никто не говорил, что он приехал, хотя железные дороги действовали исправно. Есенин пешком пришел из рязанской деревни в Петроград, как ходили в старину на богомолье. Подобная версия казалась гораздо интереснее, а главное, больше устраивала всех» (М. Бабенчиков).

Создается впечатление, что литературная столица ждала пришествия некоего поэтического «мессии» из народа и признала его в Есенине. Один из рецензентов даже написал: «Это была нечаянная радость». Осторожно напомним, что «Нечаянная Радость» для людей той эпохи была не только названием блоковской поэтической книжки, но и чтимым в России иконописным образом Богородицы. Дальше, как говорится, некуда. Поэт сразу же почувствовал какую-то религиозную основу интереса к себе. В январе 1918 года он рассказывал Александру Блоку, что происходит из «богатой старообрядческой семьи», потом повторил И. Розанову, что его дед был «старообрядческим начетчиком», который знал «множество духовных стихов наизусть нехорошо разбирался в них».

Однако дед поэта по отцу, Никита Осипович Есенин, умер еще до рождения Сергея, а дед по матери, Федор Андреевич Титов, был отнюдь не книгочеем, а лихим купцом, владельцем нескольких барж. Не думая о священных книгах, он после удачных заработков гулял по неделе с земляками, и, как вспоминает Екатерина Есенина, «бочки браги и вино ставились около дома. — Пейте! Ешьте! Веселитесь, православные! — говорил дедушка. — Нечего деньгу копить, умрем, все останется... Давай споем!».

А когда сам И. Розанов в 1926 году приезжал в Константиново, дед поэта откровенно говорил, что ни к каким раскольникам он не причастен, что духовных стихов почти не знает, а его сын вообще заметил, что в их селе никаких раскольников и старообрядцев в помине не было.

Но ведь уже после смерти Есенина Сергей Городецкий, выступая на одном из вечеров памяти поэта, заявит, что «от деда-начетчика, сказителя сказок и былин, Есенин взял свои песни»!

Легенда Есенина такова, что если этот «сказочный мешок» опрокинуть, то содержимое будет сыпаться из него бесконечно. Высыплются десятки сообщений из газет 1915–1917 годов о молодом крестьянском поэте, который ведет «мужицкое хозяйство» и «пашет землю». Ни тем ни другим Есенин в жизни не занимался. Посыплются слухи о близости Есенина к царской семье. Дело это настолько запутано и мифологизировано, что до сих пор не просто разобраться, кому Есенин читал стихи 22 июля 1916 года — вдовствующей императрице Марии Федоровне или императрице Александре Федоровне, кто из царевен находился при этом, чем наградили поэта за чтение стихов — то ли золотыми часами с орлом, то ли перстнем с изумрудом, который якобы до сих пор хранится у троюродной сестры поэта. А одна из мемуаристок вспоминает о том, что Есенин рассказывал ей, как великая княжна Настенька Романова выносила ему с черного хода царскосельской кухни горшочек со сметаной, которую они съедали с ней «одной ложкой

поочередно». «Какая глупость!» — возмутится трезво мыслящий читатель, с порога отмечающий все мистическое. Однако для того, кто не является рационалистом до мозга костей, в этом фантастическом сюжете не случаен даже тот факт, что, сочиняя подобную историю, поэт выбрал из четырех княжон именно Анастасию, которая потом якобы спаслась от расстрела и лишь совсем недавно скончалась в Англии с ореолом то ли наследницы престола, то ли самозваной авантюристки. Нельзя назвать случайным и то обстоятельство, что именно Анастасия Романова «воскресла» в гениальной «Погорельщине» «антимонархиста» Николая Клюева в облике спившейся, опозоренной, изнасилованной, забывшей свое имя России. Любая выдумка, любая оговорка, любая блажь Есенина таинственным образом обретали дальнейшую судьбу. Любая фантазия, и его собственная, и чужая, как репей прилипала то к его голубой с крестиком «а-ля рюс» рубашке, то к пушкинской крылатке, то к европейскому модному костюму, то к его родным и близким, то вообще к русской истории. Аж страшно подумать — почему у него был такой талант, кроме поэтического, и такая легкая или, может быть, наоборот, такая тяжелая рука.

В пирамиду есенинской легенды вложили свои камушки чуть ли не все, кто встречался с поэтом: друзья и недруги, родные и близкие, русские и евреи, коммунистические идеологи и столпы белоэмигрантской литературы — Георгий Адамович, Георгий Иванов, Роман Гуль, Ирина Одоевцева. Не говоря уж о Максиме Горьком. Доходило до курьезов. Так, например, трагикомически (вплоть до повторения одних и тех же эпитетов и проклятий) совпало отношение к Есенину у Ивана Бунина и Николая Бухарина. То, что сказал о Есенине Бухарин — как о поэте «некрофилии», «жарких свечей», «пьяной икоты», «мордобоя», «российской матерщины», «сисястых баб», «шовинизма», — все или почти все в подобных же словах повторил великий русский писатель Бунин. Какой уж тут «златокудрый Лель» и «светлый отрок»! (Бедный Жданов — как он ни старался, из-под его пера не вышло ни одной легенды ни об Ахматовой, ни о Зощенко!) История коварна. Ну скажите, кому сейчас интересны труды «интеллектуала» академика Бухарина «Азбука коммунизма» или «Экономика переходного периода»? А «Злые заметки» живут и останутся в истории лишь потому, что замешены они на нескольких каплях живой есенинской крови. А кому интересна груда литературно-идеологического хлама, нагроможденная в свое время усилиями Троцкого, Луначарского, Сосновского? Достойна изучения, пожалуй, лишь та клевета, которую они сочиняли о Есенине...

В последние годы переизданы почти все книги Анатолия Мариенгофа. Но читаешь их и видишь, что действительно обращает на себя внимание лишь то, что он написал о Есенине. Однажды отец Есенина Александр Никитич, вернувшийся из Москвы, на вопрос матери поэта: видел ли он «Мерингофа» — с простодушной крестьянской проницательностью ответил: «Ничего молодой человек, только лицо у него длинное, как морда у лошади. Кормится он, видно, около нашего Сергея...» Вот и получилось так, что все эти мерингофы, бухарины, сосновские, шершеневичи, крученыхи и иже с ними до сих пор кормились и в необозримом будущем обречены «кормиться возле нашего Сергея»...

Поскольку в обиход ныне снова вошла легенда о Есенине, сотворенная Мариенгофом, не обойтись и без свежих комментариев к ней. Один из

нынешних публикаторов «Романа без вранья», размышляя о неоспоримых достоинствах мариенгофских воспоминаний, настаивает на том, что они «достоверны», представляют собой «незаменимый источник для изучения биографии Есенина» и т. д. В конце концов можно согласиться с публикатором, что обвинения современников «в оскорблении памяти поэта» несправедливы и что ни в коей мере нельзя считать мемуары «пасквилом»... Но тем не менее какое-то общее неприятие современниками Есенина мариенгофского «Романа» не случайно. Просто никто из них не сформулировал в свое время, почему названные мемуары, можно сказать, недостойны памяти Есенина. Попробуем это сделать мы.

В одном из эпизодов «Романа без вранья» Мариенгоф рассказывает не новый, но нравоучительный анекдот о том, что такое культура: об Англии, об английском газоне, который надо стричь два раза в неделю и ежедневно два раза поливать в течение трехсот лет. В заключение автор легкомысленно заявляет: «Всей русской литературе один век с хвостиком. Прозой пишем хорошо, когда переводим с французского».

Анатолий Мариенгоф, не являясь коренным русским, мог высказать такую поверхностную и невежественную мысль. Но еврейская девушка Надя Вольпин однажды весьма жестоко поправила его, что известно из ее мемуаров, опубликованных совсем недавно.

Они сидели втроем — Есенин, Мариенгоф и Вольпин — возле бронзового Пушкина на Тверском. Мариенгоф, как всегда, ерничал:

«— Ну как, вы его раскусили? Поняли, что такое Сергей Есенин?»

Вольпин ответила:

«— Этого никогда до конца ни вы не поймете, Анатолий Борисович, ни я. Он много нас сложнее. Вот вы для меня весь как на ладони, да и я для вас... (Тень обиды легла на красивое лицо Мариенгофа.) Мы с вами против него как бы только двумерны. А Сергей... Думаете, он старше вас на два года, меня на четыре с лишком? Нет, он старше нас на много веков!

— Как это?

— Нашей с вами почве — культурной почве — от силы полтора-два года, наши корни в девятнадцатом веке. А его вскормила Русь, и древняя, и новая. Мы с вами россияне, он русский.

(Боюсь, после этой тирады я нажила себе в Мариенгофе злого врага.)

Рассуждая так, я несколько кривила душой: умолчала, что, кроме «девятнадцатого века», во мне живет и кое-что от древних культур, от Ветхого Завета, которого добрую половину я в отрочестве одолела в подлиннике. Далеко ли ушли в прошлое те годы, когда мне чудилось, что я старше своих гимназических подруг на две тысячи лет?

Сергей слушал молча, потом встал.

— Ну а ты, Толя, ты-то ее раскусил?»

...Ассимилированный в русской жизни в первом или втором поколении, Мариенгоф был, конечно, куда более упрощенным человеком, нежели Надя Вольпин, девушка с ветхозаветным багажом, не говоря уж о Сергее Есенине. Но следует заметить, что для Вольпин ее двухтысячелетняя традиция, далекая от русского духовного склада, не могла дать ей как литератору никаких преимуществ не только перед Есениным, но даже и перед Мариенгофом. В этом тоже состояла драма «россиян», подобных Вольпин. Кстати, гораздо более глубокая, нежели пошлая дра-

ма Мариенгофа. А главный изъян его мемуаров не в «пасквильности» или «вранье», а совсем в другом. «Моя Пенза» — «есенинская Рязань», «Эпоха Есенина и Мариенгофа», «Возвращаюсь через месяц. Есенин читает первую главу «Пугачева»... Я привез первое действие «Заговора дураков»... Или вот еще: «Мы принялись оба за теорию имажинизма. Не знаю, куда девалась неоконченная есенинская рукопись. Мой «Буян-остров» был издан к осени»...

Ну кто сейчас помнит «мариенгофскую Пензу», «Заговор дураков», «Буян-остров»?! Не понимая, что ставит себя в смешное и глупое положение, Анатолий Мариенгоф от первой до последней страницы мемуаров совершенно искренне убеждает читателя, что он — величина, равновеликая Есенину! Он просто «лезет» как равный в есенинскую легенду.

Однажды Есенин в состоянии лукавого великодушия посмотрел на квадригу лошадей на фронтоне Большого театра и заметил:

— А ведь мы с тобой вроде этих глупых лошадей. Русская литература будет потяжелее Большого театра.

Поразительно, что Мариенгоф в своем тщеславии воспринимает эту реплику всерьез и всерьез верит, что он один из тех, кто, подобно Есенину, тащит воз русской литературы!

«Мне нравился Клюев, — вспоминает Мариенгоф. — ...И то, что он творил крестное знамение над жидким моссельпромовским пивом... и то, что он ради мистического ряжения и великой фальши, которую зовем мы искусством, надел терновый венец и встал с протянутой ладонью среди нищих на соборной паперти с сердцем циничным и кощунственным, холодным к любви и вере».

В этом отрывке Мариенгоф выступает как «черный человек» по отношению к страстотерпцу Клюеву, распятому эпохой, и, в сущности, рисует свой автопортрет циника с мертвой душой. То, что искусство и поэзия для него есть призвание, а не «великая фальшь», Николай Клюев подтвердил своей мученической смертью. Именно для Мариенгофа призвание было всего лишь «мистическим ряжением». Потому-то как литератор он и окончил свою жизнь в халтуре и бесславии.

Когда же Есенин понял суть своего друга и почувствовал его лицедейское понимание судьбы поэта, он резко отшатнулся от него. Все определилось в первой ссоре:

«Он тяжело опустил руки на столик, нагнулся, придвинул почти вплотную ко мне свое лицо и, отстукивая каждый слог, сказал:

— А я тебя съем!

Есенинское «съем» надлежало понимать в литературном смысле.

— Ты не Серый Волк, а я не Красная Шапочка. Авось не съешь.

Я выдавил из себя улыбку...

...Скрипнул челюстями:

— А все-таки... съем!..

Вот наша ссора. Первая за шесть лет».

Мариенгоф не понял, что это не ссора, а конец игры в «двух гениев». Моцарт наконец-то разглядел, что рядом с ним всего лишь навсего Сальери. «Я тебя съем» означало: «все равно ты будешь в моей тени, все равно нам на одном пьедестале рядом не стоять, ибо для тебя поэзия «великая фальшь», а для меня — жизнь и смерть...».

«Роман без вранья» — не столько завистливая книга (зависть пришла позже, в 50-е годы, когда всем стало ясно, что автор — лишь одна из теней есенинского окружения), сколько глупо самоуверенная и потому даже в чем-то смешная. Мариенгоф в «Романе» творил легенду не только о Есенине, но и о самом себе, причисляя «себя любимого» к сонму бессмертных.

Самовлюбленная пошлость Мариенгофа особенно проявилась в одной из ключевых фраз романа: «А Есенин на другой день после смерти догнал славу». Это очень похоже на лихорадочно-завистливое заявление Маяковского о том, что если бы он умер и лежал в гробу, то о нем стали бы говорить не меньше, чем о Есенине. Напророчил...

Оба как бы упрекали Есенина в том, что он, покончив с собой, очень ловко и без хлопот достиг невероятной славы... Наивные люди! Да не Есенин после смерти догнал славу — она сама догнала его еще при жизни, во что ни Мариенгофу, ни Маяковскому не хотелось верить.

«Алкоголик», «хам», «хулиган» и «златокудрый Лель», «светлый отрок», «русский гений» — две великие легенды о нем. А всех мелких и не перечислить. Тут и записка, якобы написанная кровью и найденная утром 28 декабря 1925 года в «Англетере», о чем в тот же день сообщили чуть ли не все центральные газеты. Здесь и полное убеждение, что «Послание евангелисту Демьяну» — одно из популярнейших самиздатовских стихотворений 20-х годов — принадлежит именно его перу. Оно не раз печаталось за рубежом как принадлежащее Сергею Есенину, и Екатерина Есенина в 1926 году вынуждена была, отводя тень, нависшую над родными поэта, опубликовать письмо, в котором категорически отрицала, что ее брат — автор «антисоветского» православного стихотворения. Конечно же, никто из живших есенинской легендой не поверил ей. Чтобы стал ясен диапазон легенды — «от великого до смешного», — вспомним напоследок, что маститый литератор Давид Бурлюк перед тем, как встретиться с Есениным в Нью-Йорке, писал глупости о жизни поэта: «Поэт уезжает на Белое море, где его дядя имеет рыбные промыслы. 5 лет туманов, 5 лет бледные звезды, отраженные в северных морях, смотрят в поэтовы зрачки...»

«Дар поэта — ласкать и карябать, роковая на нем печать», — сказал поэт о себе. Но роковой печатью отмечены так или иначе все, кто был причастен к Есенину и его судьбе. И в этом также таятся суеверные корни есенинской легенды. Судьба многих друзей и недругов Есенина, судьба его родных и близких поистине страшна. В начале перестройки в 1987 году один казенный членкор, литературовед, наводя «тень на плетень», писал о том, что коммунистическая власть преследовала среди писателей только революционеров-новаторов. «Тех же, кто писал в традиционной манере, не трогали, больше того, они Сталину были нужны». Эту же точку зрения сформулировал тридцать лет назад И. Эренбург в мемуарах «Люди. Годы. Жизнь». Он писал: «Вначале обличали Пастернака, Заболоцкого, Асеева, Кирсанова, Олешу... вскоре в «формалистических вывертах» оказались виновными Катаев, Федин, Леонов, Вс. Иванов, Эренбург. Наконец, дошли до Тихонова, Бабеля, до Кукрыниксов». Чего в этом утверждении больше — лжи или невежества, — сказать трудно, если вспомнить о стихах Пастернака, прославлявших Ленина и Сталина, о лакейском романе Катаева «За власть Советов», об эпопеях Эренбурга, отмеченных сталинскими премиями, о ленинских панегириках Тихонова. Все перечисленные «стра-

дальцы» (за исключением Бабеля и Заболоцкого) прожили (кто относительно, а кто и абсолютно) благополучные жизни и при Ленине, и при Сталине, и при Хрущеве с Брежневым. Дотошный летописец эпохи и маститый литературовед «забыли», что в первое советское двадцатилетие была под корень сведена именно самая «традиционная», народная есенинская ветвь русской литературы. Расстреляны Клюев, Клычков, Орешин, Ганин, Иван Макаров, Наседкин, Иван Катаев, Иван Приблудный, Павел Васильев, Иван Касаткин. Вместе с ними погибли два самых заметных рабочих поэта той эпохи — Кириллов и Герасимов, любившие Есенина и сотрудничавшие с ним... Расстрелян товарищ есенинской юности поэт Леонид Каннегисер. Он, в сущности, первый, на ком была поставлена роковая печать уже осенью 1918 года. Повесился в 1932 году при невыясненных обстоятельствах свидетель последних часов жизни Есенина, его многолетний «враг-друг» Георгий Устинов. Расстрелян в 1937 году автор книги «Право на песнь» поэт Вольф Эрлих. Отбыла северную ссылку близкая поэту женщина Анна Берзинь. Умер в карагандинской ссылке товарищ Есенина Александр Сахаров.

А о родных и близких и говорить нечего. Расстрелян в 1937 году его сын-первенец Юрий Есенин. Вкус суммы и тюрьмы узнала сестра Екатерина. Зверски была зарезана в своей квартире мучительная любовь поэта, мать его двоих детей Зинаида Райх...

Бениславская, Блюмкин, Сосновский, Андрей Соболев, Маяковский, Цветаева, Айседора Дункан — все они «убийцы, самоубийцы, невинно убиенные», которые «прошли, как тени», так или иначе коснувшиеся есенинского огня, навеки, каждый по-своему, остались жить в есенинском мире. Хотим мы этого или не хотим, но есть нечто неслучайное в том, что круг людей, превратившихся, по словам Пимена Карпова, в «растерзанные тени», круг теней, бывших друзьями, врагами, любовницами, собутыльниками и гонителями Есенина, так необъятен. В этом кругу и его счастливый соперник Всеволод Мейерхольд, и его партийный покровитель Киров, и расстрелянный ЧК лейб-гвардии полковник Ломан... Несть им числа.

«Особую мету» близости к Есенину признавали даже те из его друзей, которые, как говорится, никогда не верили «ни в сон, ни в чох, ни в вороний грай». Анатолий Мариенгоф в книге «Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги» вспоминает о том, как Есенин, вернувшийся из-за границы, увидел новорожденного сына Мариенгофа и решил окрестить его:

«— Я наполню купель до краев шампанским. Стихи будут молитвами. Ух, какие молитвы я сложу о Кирилке! Чертям тошно будет, а святые возрадуются».

Крещение не состоялось, но в 1940 году, как пишет Мариенгоф, «Кира сделал то же, что Есенин, его неудавшийся крестный...». Повесился...

Под грудой мемуаров о Есенине можно задохнуться. Особенно сегодня, когда разом опубликовано все, что копилось в спецхранах, в архивах, в частных собраниях, в книгах, изданных когда-то в Берлине, Нью-Йорке, Париже и наконец-то пришедших к нам. Многие новые изыскания из жизни поэта, которые вроде бы должны были заполнить «белые пятна» его судьбы, еще больше усложняют и затемняют ее. Так, в одной из недавно вышедших книг можно прочитать о матери Есенина следующее: «Несчастлива была Татьяна. Полюбила она парня, забеременела от него, но что-то не сладилось у молодых. А тут Александр Есенин уже в который раз добивался

ее руки. Вышла замуж без любви. Муж обещал скрыть позор, но разве что утаишь в деревне».

В этом же исследовании описываются две встречи Есенина со Сталиным. Во время первой вождь якобы уговаривал Пастернака, Есенина и Маяковского заняться переводами на русский язык грузинских поэтов («Сталин с кавказской гостеприимностью угощал их чаем, фруктами и вином»), а во время второй встречи, на которой Есенин должен был читать стихи Сталину и старым партийцам, поэт, бывший утром с похмелья, «вместо того чтобы читать стихи, пару раз качнулся из стороны в сторону, смахнул волосы со лба и зло бросил в зал:

— Вы хотели слушать мои стихи! — помолчал. — Х... вам, а не стихи! — Он повернулся и вышел...». По мнению автора книги, именно это хулиганство по отношению к Сталину якобы решило судьбу поэта; и можно не удивляться, если подобная версия станет восприниматься через некоторое время читателями как историческая правда.

Так что создание есенинского апокрифа продолжается. «Что быть должно, то быть должно». А чем, в сущности, отличается новая есенинская фактография от прежней, ну, к примеру, хотя бы изложенной в «Калужской коммуне» от 31 декабря 1925 года: «Слишком остро носил в себе Есенин память бабки, которую заporол во времена крепостные рязанский помещик»? Ну чем же «эта штука» слабее приема у Сталина?

По-прежнему самыми честными, самыми бесхитростными, самыми «нелитературными» остаются воспоминания о Есенине его сестер, его дальних родных по Константинову, его земляков и товарищей детства. То есть тех, для кого он всю жизнь да и после смерти оставался Сережей, Сергунькой, Сергухой, которые вспоминают, как приезжал Есенин на родину, как вместе ловили рыбу, переплывали Оку, купали лошадей. Как играл он на гармошке, во что был одет, какие песни слушал, какие частушки пел. Это — воспоминания тех, кто бы «вилами пришли вас заколоть» — вас, чужих, за каждый «крик», брошенный в поэта. Но каждый «брошенный крик» тоже ложится камушком в необъятную для взора пирамиду.

Вполне достоверны «женские» воспоминания о поэте (Г. Бениславской, Н. Вольпин, А. Берзинь) хотя бы потому, что единственная пристрастная нота в них сводится к сетованиям о том, «как она одна его спасала» и спасла бы, если бы не роковые пьяницы-друзья и другие соблазнявшие поэта женщины.

Зачатки легенды человек, конечно же, приносит в мир сам — своим лицом, жестами, словами, поступками и чем-то еще не до конца объяснимым. Но есть несколько объективных условий для ее развития. Необходимо, чтобы древо легенды разрасталось в пассионарное время и в пассионарном народе. В Европе XIX–XX веков лишь несколько — по пальцам можно пересчитать — поэтов удостоились легендарного ореола. Джордж Байрон, Поль Верлен, Гарсиа Лорка...

Для субъекта легенды крайне важно, чтобы ему самому не до конца была ясна роль, ради которой он пришел в мир. Много раз Есенин спрашивал сам себя: кто он, зачем пришел он в мир? И как бы пытаясь помочь поэту, его сотворцы по легенде вот уже несколько десятилетий ищут ответы на эти вопросы. Но волю к поиску спровоцировал он сам, примерившийся к Пушкину, а Пушкин, как известно, — это «наше всё».

*Блондинистый, почти белесый,
В легендах ставший как туман,
О, Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня хулиган.*

Не зря же все крупнейшие русские поэты XX века — Блок, Маяковский, Ахматова, Цветаева, Пастернак — каждый по-своему пытались поговорить с пушкинскими памятниками. Один прощался с Пушкиным на «тихой площади Сената», другой с фамильярной застенчивостью докладывал: «Александр Сергеевич, разрешите представиться». Третья вспоминала о «треуголке и растрепанном томе Парни», четвертая ревниво заявляла: «мой Пушкин»...

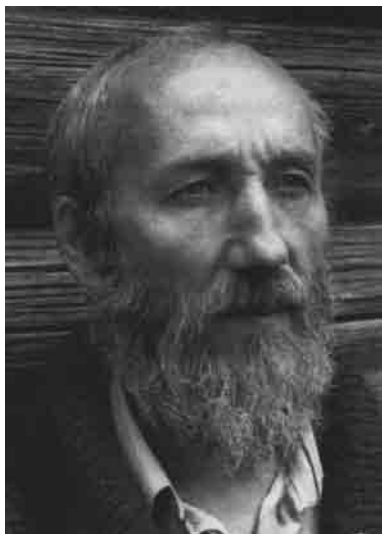
Есенин же примерял свою жизнь по пушкинской почти буквально, когда искал себе оправдания:

*Но эти милые забавы
Не затемнили образ твой,
И в бронзе выкованной славы
Трясешь ты гордой головой.*

Да, эти милые забавы если не затемнили реальный облик есенинского собеседника, то и не прояснили его, потому что он ушел от прояснения в бронзу, в памятник, в легендарную жизнь. Есенин все это прекрасно понимал и жаждал не реальной судьбы, не биографий и автобиографий, а «бронзы», закутанной в «туман». Поэтому, думая о нем, одними бесхитростными воспоминаниями сестер и земляков не обойдешься. Он сам не желал этого. Однако без них мы тоже не поймем истоки того, почему Есенин стал бронзой, песней, «русской судьбой».

И разве могла быть другой судьба поэта, стихи которого волновали душу московского чекиста и врангелевского офицера, могли увлечь царицу Александру Федоровну и Сергея Кирова, московскую проститутку и Василия Качалова? По мнению современного русского писателя Ю. Мамлеева, совершенно особое место Есенина в русской ауре определено тем, что его поэзия «вступает в соприкосновение с самым сокровенным, тайным уровнем русской души, с тем уровнем, который коренным образом связывает русских с Россией и с собой». Миф о Есенине в течение XX века постепенно изменил свое «молекулярное» строение и из явления истории переродился в явление природы.

Сергей ЩЕРБАКОВ

НЕТЛЕННОЕ ЛЕТО

Рассказы

Сергей Антонович Щербаков — родился в 1951 г. в забайкальском селе Мухоршибирь. Строил Вилюйскую ГЭС. Закончил факультет журналистики МГУ. В 1991 году окрещен православным священником о. Димитрием Дудко. В этом же году принят в члены СП России. Написал и издал книги: «Царапина», «Путные рассказы», «Цветы благоухающие», «Про зырянскую лайку», «Ближние», «Борисоглебская осень» и др. В 2008 г. награжден дипломом и премией лауреата XIV Международного литературного конкурса имени Андрея Платонова «Умное сердце», дипломом лауреата литературной премии имени Е. И. Носова. **Живет и работает в Москве и в ярославской деревеньке Старово-Смолино, что в трех верстах от Борисоглебского монастыря.**

КЕДРИ ЛИВАНСТИИ

В карманах платка не было — значит, дома забыл. Больше мне ничего не оставалось — и я, как мальчишка, шмыгнул носом. Красно-речиво глянул на Григорыча, мол, угораздило же в самое неподходящее время. Он раздумчиво наклонил голову: «Ну-у, платок забывать не надо... А болезни все там у тебя сразу пройдут». Я надеялся, что там нас ожидает немало чудесного, но чтобы мою простуду вылечить, надо дня три пить таблетки и никуда из дома не выходить... И я выразительно шмыгнул еще раз, мол, какое «там пройдут». Однако Григорыч уже открыл журнал, и я тоже развернул газету. Но в вагоне было душно, серенько до аллергии, кровь в голове словно остановилась, кроме того, задела нога в бедре, и я, сложив газету вчетверо, сокрушенно откинулся на скамейке. Григорыч вытащил из оранжевой кожаной сумки, которая, по его словам, должна была года через три потемнеть и оттого стать еще лучше, небольшой белый листок и молча подал мне. Зная, что зря он ничего не делает, я нехотя взял. Сразу бросились в глаза три подчеркнутых слова: святче, путеводзь и достопоклоняемое. В хорошем самочувствии я бы взялся размышлять, почему Григорыч подчеркнул именно их, а тут только запомнил на будущее...

На листочке была отпечатана молитва преподобному Серафиму Саровскому: «О, великий угодниче Божий, преподобне и Богоносне отче наш Серафиме! Призри от горния славы на нас смиренных и немощных, обремененных грехми многими, твоя помощи и утешения просящих...» И я вдруг понял, что веду себя как барышня кисейная. Сразу выпрямился, встряхнул плечами...

Листок и газету я держал в левой руке и неожиданно почувствовал, что газета не то что мешает мне, но ей все же не место рядом с молитвой. Спросил Григорыча: «“Литератор” не хочешь посмотреть?» Он проницательно глянул на мою руку. Зная его уважительное отношение к «Московскому литератору», я попытался оправдаться: «Просто неловко в одной руке сразу две вещи держать». Григорыч улыбнулся: «Да нет, не просто...»

— Неужели даже в «Литераторе» чертовщинка есть? — догадался я.

— Немного, но есть, — он забрал у меня газету.

Что бы там ни было, но дочитал я молитву уже спокойно и забыл о своих хворях «...буди нам воистину ко спасению путевождь и приведи нас к не вечернему свету жизни вечныя...»

— Какая вещь, Григорыч! Как песня!

— Сильная молитва, но она... недавняя. Старые посильнее будут. Такие есть.

Он даже зажмурил глаза, изогнул рот горькой подковой и медленно-медленно помотал головой.

И сразу я вспомнил наших забайкальских мужиков. Опрокинув стакан водки, они точно так, как Григорыч сейчас, мотают головой, а ты с необъяснимым интересом глядишь на них и почему-то ждешь необычного. А заканчивается всегда выдохом со слезой на глазах: хор-роша-а... зараза. Так вот откуда у Григорыча такой жест — за свою жизнь он немало стаканов с этой заразой опрокинул, а потом завязал и вот уже десять лет вина в рот не берет. Потому вместо выдоха Григорыч достал из внутреннего кармана темно-синей вельветовой куртки, уже достигшей так любимой им естественности материала, зеленый блокнот, нашел нужную страницу и прочитал: «От скверных устен, от мерзкого сердца, от нечистаго языка, от души осквернены, приими моление, Христе мой, и не презри моих ни словес, ниже образов, ниже безстудия. Дажь ми дерзновенно глаголати, яже хочу, Христе мой, паче же и научи мя, что ми подобает творити и глаголати...»

— Да, Григорыч, эта шершавее, позанозистее будет. Та поглаже...

Он лишь согласно кивнул. Значит, попал я в самую точку. Потом Григорыч узнал у соседа-майора время и бодро произнес: «Через полчаса будем в Песках». Я уныло вздохнул: «Еще полчаса». Григорыч строго одернул меня: «Не еще полчаса, а просто полчаса». Я сразу вспомнил, куда мы едем, зачем едем, и устыдился своих слов.

Когда вышли в Песках, было уже темно, но Григорыч удовлетворенно отметил: «Засветло поспели». Я, конечно, поспешил откликнуться: «Ну-у, хоть не засветло, но и, слава Богу, не затемно». И мигом сообразил, что опять забыл, куда мы едем, — опять вылез со своим «еще». Но Григорыч, будто прочитав мои мысли, великодушно смолчал. А я вдруг понял, засветло — это сразу за светом, а затемно — это сразу за тьмой. Значит, как всегда, Григорыч точно сказал.

Колдобистая дорога между одноэтажных домиков недалеке разветвлялась, и мы поспешили догнать идущего впереди мужчину. Оказалось, ему в ту же сторону. Григорыч шумно вздохнул: «У вас воздух уже другой, чем в Москве». — «Какое там другой! У нас Воскресенск рядом!» — с горечью отозвался мужчина.

Поселок кончился, и мы вступили в старый сосновый лес. Он не был дремучим, но угнетал молчаливой темнотой. Григорыч, как всегда, шагал

впереди, а я последним, за спиной нашего попутчика. Чтобы не попасть в грязь, коей было предостаточно, я старался идти по его следам и только тут увидал, что человек этот совершенно необъятных размеров. Тесно облепившая его огромные члены болоньевая куртка была настолько велика, что нас с Григорьичем можно было упрятать в нее как в мешок и еще таких троих туда же посадить. А вокруг ни души, только темный сосновый лес да чавкающая грязь под ногами — невольно по спине пробежали мурашки. Но больно хлестнула по лицу ветка, и я сосредоточился на ходьбе: запросто могло глаза выстебать. А страшноватый попутчик, будто желая разогнать молчаливую тревогу, промолвил: «Я раньше коммунистам верил...» Григорьич успокоил его, мол, не он один, а многие верили. И я подумал: именно с этих слов у нас теперь почти любой искренний разговор начинается. А попутчик продолжил: «У нас директор школы был мужик толковый. После выпускного вечера мы праздновали в лесу на полянке, и он вдруг сказал: ну, ребята, а теперь забудьте все, чему я вас учил, у нас далеко не все так, как в учебниках написано. Я тогда подумал, что он попросту перебрал лишку, а теперь понимаю...» А я улыбнулся своим страхам и подумал, что именно с таким здоровяком и в темном лесу ходить не страшно. Григорьич, конечно, не преминул вставить, мол, без православной веры ничего хорошего и выйти у нас не могло. Попутчик согласился: «Я сам неверующий, но веру уважаю. У нас отец Димитрий всех поцелует встречает. С похмелья денег у него займы попросишь, никогда не откажет и пьянкой не попрекнет. Потому и без попреков совестно станет. А попробуй нашего парторга спроси... Он тебя пошлет на три буквы, а потом еще на собрании обсрамит при всех... Коммунистам все время кто-нибудь мешает. Сначала дворяне с капиталистами, потом кулаки, потом Троцкий, потом диссиденты, а теперь демократы им мешают. Развалили вконец Россию». Я не во всем согласился с ним, но Григорьич опередил меня: «Ничего, если хоть один камень останется — восстановим». Не знаю, понял ли здоровяк, что камень-то храма Божьего, веры православной?... Но призадумался он надолго.

Наконец выбрались из старого леса на твердую дорогу в поле и попрощались с попутчиком, мол, надо нам поспешать. Отойдя от него на порядочное расстояние, я порадовался: «Все-таки мудрый народ у нас». Григорьич, словно примериваясь боднуть кого-то, наклонил голову чуть вперед: «Ну-у, в чем-то мудрый, а в чем-то и немудрый...» Я смекнул, в чем немудрость здоровяка. Насчет демократов у нас с Григорьичем мнение согласное: такие же безбожные революционеры, как и коммунисты. Еще Владимир Иванович Даль точно назвал таких межеумками, сбитыми с толку грамотейством. У наших-то демократов, переродившихся заново на чужой почве, вообще ничего святого в душе нет, зато в кармане гроши есть, да и те, как говорится, не про нашу с вами честь.

Вдруг холодно и сладко обдало речным запахом. Река показалась таинственно-незнакомой, но Григорьич, как всегда, сохранил чувство здешней жизни: «Москва-река. Она неподалеку в Оку впадает (показал рукой на какие-то грустные огоньки), и с этого места Ока грязной становится...»

На разводной переправе, освещенной огнями, встретили стайку девочек-подростков. Из тех, что уже доросли до кавалеров, но ходят еще вечерами вместе, а парни выхватывают их по одной. Мы спросили: «Как к храму пройти?» Самая бойкая, которую, наверное, выхватят первой, показала

рукой налево вдоль реки: «Это далеко еще. За дурдомом сразу». Ничего себе, приметка нашего времени: храм за дурдомом!

Одна девчушка так и не подошла к нам, и я разглядел, что она самая неказистая. Невольно представил, как одних ее подружек расхватают кавалеры, а другие уедут искать свое счастье в Москве, и ей стыдно станет ходить в компании малолеток, и засядет она дома, а мать, обычно ворчавшая, что она только и знает, что улицу красить, тут будет гнать ее на улицу чуть ли не силой, мол, досидишься, что в девках навек останешься, а девушка все будет сердчать на упрямство матери, пока однажды не выкрикнет: «Да кому я нужна такая уродина!» И мать в бессилии отступится, и будут они тихонько жить вдвоем. И сколько любви накопит в тишине дома эта неказистая девушка! И дай-то Бог какому-нибудь мудрому человеку разглядеть в ней царевну-лягушку, почувствовать за ощитительной грубостью ту великую любовь, которой на всё хватит!..

Григорьич был здесь всего три раза. В последний раз аж в 85-м году, но, несмотря на темноту, дорогу помнил. Нога моя ныла все нестерпимее, однако, видя, как поторапливается мой «путеводзь», я терпел молча. Нагнали трех женщин в светлых платках: «Православные, Христос воскрес!» — «Воистину воскрес!» — «Как нам к храму пройти?» — «А вон, видите небо посветлее, это как раз над храмом».

Этот свет не вечерний вдохновил Григорьича. Он еще прибавил шагу и во весь голос — вокруг никого не было, только три родные православные души текли следом — нараспев прочитал: «Возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдем. Аз же множеством милости Твоя, Господи, вниду в дом Твой, поклонюся ко храму святому Твоему в страхе Твоем. Господи, настави мя правдою Твоею, враг моих ради исправи пред Тобою путь мой; да без преткновения прославлю Едино Божество, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь». Голос его раздавался словно под колоколом, светло и радостно. Вдруг он весело спросил: «Что, Сереня, болезни прошли?» И опять угадал: то ли от близости присножеланной цели, то ли от щемящей мелодии молитвы, то ли еще от чего, но хвори мои как рукой сняло. Я недоверчиво потопал правой ногой — нет, никакой боли и в помине не осталось. С каждым шагом в меня вливалась молодая весенняя сила, и вскоре во мне ожило то ощущение, которое переполняло меня, когда я пришел из армии. Точно так, чувствуя в груди песню, я летал по родному селу и, казалось, мог горы своротить. А потом здоровье мое год от года все ухудшалось, болезни все обтесняли меня, и я уже решил, что пришла преждевременная старость. Я чувствовал себя то худо, то получше, а что такое хорошее самочувствие, начал даже забывать. А тут на тебе — снова молодость пришла! Не захочешь, а в Бога поверишь! И я воспрянул духом: я еще могу быть молодым, полным сил. Даже почему-то уверовал, что все в моих руках — захочу и буду здоровым...

Не знаю, светили так фонари или это белые стены церкви вкупе с золотом куполов отсвечивали, но вокруг храма стояла ясная лунная ночь. Григорьич встал пред фреской Спасителя. Перекрестился. Крестится он не просто размашисто, но как-то объемно, заводя персты аж за плечи, словно желая окрестить не только себя, но и все пространство вокруг. Поцеловал пята Христову. Я же только слегка поклонился, не осмеливаясь на большее. И тут мы увидали на железных дверях храма крепкий, до безнадежности

в сердце, висячий замок. Ничуть не смутившись, Григорьич уверенно направился к служебному дому. Перед высоченным крутым крыльцом так тщательно вытер ноги о камень, что я невольно последовал его примеру. Сначала он почему-то попробовал дверь рукой, а потом уже позвонил. В освещенном окне по правую руку от нас раздвинулись белые занавески, точно такие были в моем родительском доме, и появилась черная монашенка-старушка.

— Нам отца Димитрия.

— А он в Москву сегодня уехал.

— Когда? — как-то по-детски спросил Григорьич, словно надеялся еще нагнать отца Димитрия.

— В четыре часа.

Раньше бы я сильно расстроился: трястись два часа в электричке, с больной ногой проковылять несколько километров, и в итоге поцеловать пробой, даже не зная, где ночевать и что делать дальше. Но теперь я вновь чувствовал себя молодым, а ради этого стоило пройти тысячи километров, и со мной был Григорьич, с которым ничего не бывает впустую, это я уже знал совершенно точно. И я искренне утешил его: «Все равно не зря съездили».

— Конечно не зря. Зря ничего не бывает. Тем более в таком деле, — сразу подхватил Григорьич. — Поедем к моей сестре Маньке на «Фабричную», заночуем у нее. Надо мне передать ей кое-что, а утром в Москву, и будем с вокзала звонить отцу Димитрию. Может, он у себя дома нас примет.

Двинулись в обратный путь. Вскоре я почувствовал своими усталыми ногами, что присножеланная цель наша призрачно далека, да и вряд ли достижима на этот раз, и я в страхе усомнился: может быть, Бог не желает принять меня, грешника треокаянного? Опять заныла нога, и, надеясь на утешение Григорьича, я поделился с ним своими опасениями. Он даже прогневался на мое скудоумие: «Возле храма суеверий не бывает. И вообще у верующего суеверий нет. А ты думал: сел на электричку, пару километров пешочком прогулялся и благодать Божью заполучил... Бог знает, что делает! Значит, нужно было нам сюда приехать... Опять у тебя нога заболела — снова не веришь. Повторяй хотя бы про себя: помоги моему неверию, Господи. До тех пор пока боль не пройдет». Я начал шепотом твердить: «Помоги моему неверию, Господи. Помоги моему неверию, Господи...» Нога болеть не перестала, зато я понял, что терпения у меня хватит до самой Маньки. И все же я невольно мечтал побыстрее добраться до нее. Потому тотчас заметил неуверенность Григорьича. Мой «путеводзь» замедлил шаг и озирался вокруг. Уже уяснив себе, что он только рассердится, мол, если и заблудились — значит, так Богу нужно, я терпеливо помалкивал. Наконец Григорьич не выдержал сам: «Надо кого-нибудь спросить». Вскоре я увидел возле дома людей. На лавочке, подперев спинами палисадник, сидели два пожилых мужика, а перед ними на корточках — молодой. Не сходя с дороги, Григорьич приветствовал их: «С праздником вас!» Пожилые промолчали, словно глухонемые, зато молодой язвительно откликнулся: «Какой праздник!» В его тоне явно послышалось: вы что, мол, издеваетесь, какой праздник может быть без водки да при нашей сегодняшней жизни. Несомненно, Григорьич понял его не хуже меня, но внушительно произнес: «Как какой! Христос воскрес!» Но и на этот раз никто не обрадовался:

воистину воскрес! Тогда Григорьич сухо спросил: «Как нам к переправе пройти?» Молодой присвистнул и даже встал с корточек: «Да вы, мужики, в Воскресенск топаете». Подошел к нам: «Вон, видите, последний фонарь. До него дойдете, и метров через двести тракт будет. А там налево по асфальту». И еще крикнул вдогонку: «Налево, а не то в Мячиково уйдете». Резануло по сердцу это Мячиково. Что там, испокон веку мячи, что ли, делали? Или деревня новая? Откуда ей взяться? Старых-то почти уже не осталось! Наверное, была когда-то деревня Мечиково и жили в ней великие кузнецы, ковавшие мечи против басурман да латинян, жаждавших покорить народ православный. Но старое мы почти все позабывали, а мячиками ребятишки играют, да по телевизору сплошной футбол-хоккей, вот и стало Мечиково Мячковым. Чего не одолели огнем и мечом, то извели лукавым бесовским языком...

Григорьич неожиданно спохватился: «Пластинки у тебя?» В Москве, перед самым отъездом, он купил духовные песнопения, а теперь, как я сразу догадался, мужики так расстроили его: уже само Воскресение Христово для них без водки не праздник, что он поневоле обеспокоился — не отняли бы у него последнее... Я притворно охнул: какие, мол, пластинки? Григорьич резко остановился, так что я поспешил успокоить: «Да шучу я, шучу».

— С этим не шутят.

Я согласился, что пошутил неудачно, но все же обронил:

— Хотел тебя развеселить.

— Это в тебе язычник говорит, — осудил Григорьич. Но голос у него сразу потеплел благодарностью за мое сочувствие.

* * *

После переправы пошли не старым темным лесом, а прямо по асфальту. По обочинам подымался молодой сосняк. То ли от хорошего настроения, навеванного речным холодом, то ли еще от чего, но сосны показались мне в темноте необыкновенными. Они были удивительно раскидистые, так что я невольно представил ливанские кедры, не так давно виденные в Крыму. Да и иглы у этих тоже настолько длинные, что даже кажутся мягкими. Сразу вспомнил, на церковнославянском название их звучит волнующе чудно «кедри ливанстии»... И тут-то я уразумел, почему мне, не раз усмехавшемуся по младости над деревенским языком, всегда ласкало слух и сердце произнесение моими земляками «т» вместо «к» в некоторых словах. Несмотря на «сплошную грамотность», они упорно говорили: рустий вместо русский, хрестьянстий вместо крестьянский. И российстий, ангельстей! Господи, каким же чудом, оторванный от всего древле родного, напичканный всякими «измами», смог я расслышать в этих на поверхний взгляд невежественных «т» далекий-предалекий отголосок «кедри ливанстии» и «Распятого же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребенна. И воскресшаго в третий день по Писанием»?! Выходит, не совсем еще «людие рустие» Бога забыли?! И моя мать-коммунистка, девчонкой «ушедшая из деревни в интеллигенцию», тоже, выходит, Бога помнит?! На старости лет и она вдруг начала говорить «т» вместо «к»...

Неожиданно ясно засветила луна, и пряный сосновый запах усилился. Я снова ощутил себя двадцатилетним и сказал об этом Григорьичу. С непоколебимой уверенностью он подтвердил: «Тебе сорок, а с сорока до

пятидесяти у человека вторая молодость, а в пятьдесят человек заколеневает и живет заколеневшим, не старея, до семидесяти лет... Я сейчас как раз заколеневший» (ему 53 года). Это словечко «заколеневшее» как-то сразу связалось у меня с «кедри ливанстии», и мне открылось, что деревья большую часть своей жизни живут именно заколеневшими. Растут несколько десятков лет, а потом стоят столетия, а то и тысячелетия!

От избытка чувств я запрокинул голову. Над нами светилась Большая Медведица: «Григорыч, а ковшичек-то прямо нам на голову опрокинулся».

— Ты все на звездочки глядишь.

— На Божьи звездочки.

— Все Божье, — доточнил он мою мысль. — Две крайние звезды на Москву: на твою Марину, на отца Димитрия путь нам указывают... Но здесь звезды не те. Вот в Каменке у нас звезды так звезды... (покосился на меня) и в Мухортибири твоим тоже несравненны.

— В Мухоршибири, — поправил я.

— Шибирь, Сибирь? — произнес он.

— Да я так и думаю, что Сибирь от шибирь пошла. У монгольских племен, владевших Сибирью, шибирь означает низкое место, заросшее кустами, а наши букву «ш» на «с» заменили, и стала местная шибирь великой Сибирью...

* * *

В пустом вагоне сидела в другом конце молодая беспоцелуйная парочка и вдохновенный Григорыч в полный голос запел: «Глубиною мудрости человеколюбно вся строяй и полезная всем подаваяй, Едине Содетелю, упокой, Господи, душу раба Твоего, на Тя бо упование возложиша, Творца и Зиждителя, и Бога нашего... Благословен еси, Господи...» Мелодия слов хватала за сердце и тянула его вверх из груди на волю вольную... Григорыч умолк, а я притрепетно чувствовал, как еще раз причастился «кедри ливанстии» и «купина древле неопальне горящи»...

— Поминальная молитва, — пояснил Григорыч, и, видя мое удивление, мол, где же здесь скорбь, доточнил: — В церковнославянском поминальные молитвы — самое прекрасное.

Оказывается, в спешке мы вскочили не в ту электричку — на «Фабричной» она не остановилась. Вышли на станции «Отдых». До электрички оставалось полчаса, и мы расхаживали взад-вперед по платформе под звяк бутылок одной развеселой парочки, которая пила пиво прямо из горлышка, а опорожненную тару бросала прямо на рельсы. Григорыч неожиданно положил руку мне на плечо: «Манька приезжала ко мне в Москву, когда я в институте еще учился, и на вокзале перед отъездом обняла меня вот так, лопатку пощупала и еще 250 рублей дала». То ли оттого, что он пощупал мою худую лопатку, то ли от жалости к Григорычу, то ли от вспыхнувшей любви к Маньке, глаза мои вдруг застлало слезами...

Самую лучшую, молодую пору своей жизни Манька, Мария Григорьевна, отдала лагерям магаданским. Там и замуж вышла за такого же, как сама, бедолагу. О муже ее, Викторе Павловиче, Григорыч сказал: «Жизнь у него была не приведи Господи... Я заставлял его записать все... У них как-то там один мужик умер, а Виктор посоветовал пайку его разделить на всех по-христиански. Потом узнали, его, как зачинщика, в карцер. Вышел он оттуда едва

живой, спрашивает: а где моя бригада? А ему говорят: твою бригаду расстреляли за невыполнение нормы... Неисповедимы пути Господни...»

* * *

Поднимаемся по цементно-каменной, оббитой до невероятия холодно-неуютной лестнице обычного советского дома, населенного рабочим людом. И вот мы у Манькиной грязно-желтоватой двери. Звоним. Не вскоре встревоженный голос спросил: «Кто там?» Григорыч как-то по-казенному твердо ответил: «Богатырев». Однако дверь открылась все же после некоторого раздумья. Племянница Григорыча Любана, миловидная женщина лет сорока, конечно, узнала дядьку, но почему-то встревоженно глядела на нас, не предлагая войти, раздеться. За ней стояла девушка лет пятнадцати, плотно повязанная белым платочком, может быть, даже вырезанным из старой простыни. Из дальней торцевой комнаты выглядывала седая крепкая старуха в ночной рубашке (я понял, что это сама Манька). Григорыча, видимо, начало сердить такое необъяснимое беспокойство, и, снимая куртку, он сурово сказал: «Одевайся, Мария Григорьевна, одевайся». Любана как-то жалобно спросила: «Куда собираться?» Тут уж Григорыч мой не на шутку рассердился, мол, что вы тут с ума все посходили: «Куда, куда, в Магадан». Секунд через пять столбняк в квартире наконец-то прошел. Любана устало попросила: «Дядя Володя, я тогда пойду лягу?»

Я вначале растерялся такому приему, но потом понял, что произошло. Неожиданный ночной звонок в дверь, входят двое людей. А семья-то баптистская, а старики-то не один год на Колыме отрубали, да еще, как оказалось, они в Америку отъезжать собрались. Да тут кто бы ни вошел ночью, даже отец родной, а столбняк не сразу пройдет. Наверное, до самой смерти любой ночной звонок в дверь они будут переживать как арест!..

Квартира у них большая, но и в семье восемь человек; старики, Любана да пятеро ее детей! Все обшарпано, неухожено. Во всем неистребимо чувствуется дух барачного общежития: в белье, висящем на веревках почти в каждой комнате, в десятках пар обуви в кухне на ящике, в трех грелках разного цвета, повешенных одна на другую на стене. Даже холодильник допотопно тарыхтел. Во время нашего чаепития из-под него выполз прусачище лукового цвета и, казалось, разглядывал нас.

За столом почти не разговаривали. Но когда Мария Григорьевна стелила постель, Григорыч не удержался: «Ну что, Любана едет в Америку?»

Потрогал на столе мраморную вазу-чашку в виде лебеда, грустно положившего голову на крыло. «Если уедет, то пусть этого лебеда мне оставит». Суровая Мария Григорьевна неожиданно нежно отозвалась: «Боюсь, Володя, долго тебе этого лебеда ждать придется. Таких Любанек в Америке пруд пруди».

* * *

Спал я на старой железной кровати. Мария Григорьевна пристроилась на диване рядом с внуком, мальчиком лет десяти. Когда улегся, то услышал, как подо мной что-то знакомо зашуршало. Залез рукой под простыню, так и есть — клеенка. Встал, убрал. Мария Григорьевна спохватилась: «Совсем забыла. Здесь парнишка спит...» В детстве меня сонного уронили, и несколько лет я вскакивал по ночам, падал с кровати и спал на такой же

клеенке, почему-то пахнувшей для меня больницей. Мать водила меня по врачам, но все было бесполезно. Пока моя бабушка Василисса не вылечила меня своими травками да ежедневными молитвами.

Среди ночи Мария Григорьевна встала, ласково подняла внука, так толком и не проснувшегося: «Пысай, пысай, сыночка». И я услышал, как мать будит меня, а я спростонок кричу: «Ты русский или немец?» А она тем, еще молодым голосом отвечает: «Русский, русский, сыночка, пысай». Те ощущения десятилетнего мальчика, счастливого несмотря ни на что, проснулись во мне, и эта кровать с темно-синей материей вместо простыни стала мне до боли родной и знакомой.

Утром я никак не мог найти свои носки. Даже под кроватью все облазил. И догадался. Точно — висят они постиранные на батарее. Мария Григорьевна позаботилась. Как ни старался одеваться тихонько, она проснулась: «А что с Чернобылем теперь будет?» Такой вопрос спростонок несколько меня встревожил: «А что случилось?» Мария Григорьевна сразу успокоила: «Да нет, ничего не случилось». Я сообразил, что это важный вопрос грамотному гостю. И с превеликой охотой пошел философствовать. Мол, кто такой Ной, которого Бог спас за его праведность при всемирном потопе? Крестьянин! Там прямо сказано, что он возделывал землю. Значит, крестьянский дом — это и есть Ноев ковчег, в котором только и может спастись человечество. Ведь крестьянский дом — это маленький мир, в коем есть все для самостоятельного независимого плаванья по жизни. Кто менее всего даже сейчас развращен обществом? Крестьянин. Значит, опять он, как и его предтеча Ной, самый праведный и благочестивый перед Богом! А что взял Ной в свой ковчег? По паре нечистых птиц и по паре чистых, по паре нечистых животных и по паре чистых, и зерно. То есть все крестьянское. И что начал Ной после спасения, выйдя из ковчега? Возделывать землю! В общем, в Библии прямо сказано, что спасутся только те люди, которые возделывают землю, и что только ими и может спастись человечество. Потому-то и тянутся нынешние городские люди к земле, в деревенский дом — чувят, что спасение здесь. И коньки на крышах русских крестьянских домов не от норманнской ладьи остались, а от библейского Ноева ковчега. Норманнская ладья везла завоевателей, грабителей, убийц, а русский крестьянин прежде всего возделыватель земли.

Мария Григорьевна бесстрастно выслушала меня и также молчком ушла умываться. Только во время завтрака я понял, почему ей не было никакого дела до Ноева ковчега. Григорыч опять спросил об отъезде в Америку. Мария Григорьевна своим обычным отрывистым голосом ответила, что они уже получили статус беженцев и теперь ждут своей очереди, что все уехавшие баптисты живут в Америке прекрасно. «Зато до нас письма оттуда идут по году», — скривилась она. И сразу распалилась: «На Чернобыль раствор с вертолетов бросали, а он также защищает от радиации, как бумага от холода». Григорыч молча смотрел в стол и не поддакивал, как обычно при правоте людей. Видя, что брата никак не проймешь, Мария Григорьевна устало сказала: «Виктор Павлович каждую ночь до сих пор кричит: за что вы меня убиваете?.. Правда, он и там кричать не перестанет...» Она поняла, что сказала не то, что нужно, и замолчала.

Так вот почему ее не затронуло мое размышление о Ноевом ковчеге... И Чернобыль, и долго идущие у нас письма, и сны Виктора Павловича — все

это ей нужно для того, чтобы убедить брата, а скорее всего самую себя, что в нашей стране жить невозможно и она имеет потому полное человеческое право уехать с чистой совестью и спокойной душой. Ан нет, не получается так — душа все-таки болит и болит...

«Никуда вы не уедете, Мария Григорьевна», — убеждающе проговорил Григорьич. И вдруг она со спокойной улыбкой, как о раз навсегда решенном, вымолвила: «Уедем, Владимир Григорьич, и тебя потом туда вызовем». Он резко вскинулся: «Нет, нам там делать нечего. Мы здесь останемся... А вот лебедя вы тогда мне оставьте». Тут я наконец догадался, почему он так прицепился к этому лебедю, будто к богатству какому. Он как бы говорил Маньке, мол, красоту с собой не увозите, мне оставьте. И она прекрасно понимала брата. А в этот раз я почувствовал в его голосе еще непреклонно-упреждающее: вы уедете, а красота все-таки здесь останется, в России. И я, кажется, понял, чем православные отличаются от других христиан: католиков, протестантов, сектантов всяких. Православия нет без Родины, без России... Потому-то православный Григорьич никогда не бросит Отечество, и потому-то баптистка Манька все-таки может уехать в Америку. Каким бы замечательным человеком она ни была.

Потом Мария Григорьевна уговаривала брата: «Владимир Григорьич, может, к матери на могилу съездим?» Он даже глазами сверкнул: «Сказано, летом приеду, тогда и съездим». Теперь я уже легко понимал их скрытый разговор. За Манькиными уговорами так и слышалось примирительное: давай в последний раз вместе проведем мать, все равно ты нас вспять не повернешь. А за Григорьевой непреклонностью звучало: может, и не поверну, но и подстраиваться под вас не буду — вот мое последнее слово...

В уголке, на скамеечке, незаметно устроилась внучатая племянница Григорьича Маша. Беззаботно ела хлеб с салом. Он спросил ее: «Хочешь в Америку?» Она ответила: «Хочу, но боюсь». — «Чего боишься?» — «На самолете лететь». Мы грустно улыбнулись: милая ты наша русская девочка, что же будет с тобой в этой пустоглазой Америке, такой далекой от твоих детских страхов, от этого куска хлеба с салом?! Тоскливо нам стало до слез. А она все так же простодушно-доверчиво ела в своем уголку...

После завтрака мою в ванной руки. С оглядкой, словно боясь, чтобы кто не застал нас вдвоем, подошла Любана: «Спасибо». Я растерялся: за что спасибо? За то, что осчастливил их своим посещением, что ли? Но она тут же разъяснила: «У нас теперь все по другому. Мы уже веру свою не скрываем. Священную литературу везде продают. А еще три года назад моему сыну говорили; тебе не место в советской школе... Спасибо». И опять я растерялся от жалости, мне показалось, что Любана перестраховывается: на всякий случай, чтобы дали спокойно уехать в Америку, хвалит нынешнюю власть чужому человеку — пусть все знают, как благодарно она к ней относится, как уважает ее. Господи, не поворачивается язык осудить их!..

Григорьич молчком собирался. Я стоял на пороге. Не зная куда девать глаза, глядел на полный мешок возле меня. Мария Григорьевна заметила мой взгляд: «Развяжи, Сережа, мешок». Развязал — в нем сухари. Она объяснила: «Не могу мимо брошенного хлеба пройти. Гляжу, лежит под сосной (в поселке растут одни сосны, своей редкой верхушкой больше похожие на облезлые пальмы), подберу, людям отдам — у нас теперь многие скотину держат — а они мне молока за это нальют, бесплатно». Что она

этим хотела сказать нам? Что не может она жить в такой стране, где хлеб под сосны выбрасывают? Или что она вот такая нигде не пропадет, везде человеком останется, хоть и в самой пустоглазой Америке? Или? Не знаю. Только я сразу увидел, что на подоконнике на бумажном мешке сушится очередная партия сухарей...

* * *

Снова меряем шагами платформу. Григорыч на ходу поддевает носком ботинка какой-то бугорок. Что-то кругленькое капелюшное катится по асфальту. Он поднимает, протирает рукой. Шайбочка. Кладет в карман. Улыбаюсь его беспримечной хозяйственности: «Ну и куда ты ее используешь?» — «Куда, куда. Я пока не знаю, но раз нашел, значит, она уже зачем-то нужна мне... Иван Алешин, братан мой, говорит: в деревне все пригодится, даже атомная пушка».

Глядя из окна электрички на раскуроченную подмосковную землю, на безжизненные коробки многоэтажек, Григорыч вспомнил: «Когда-то в юности я думал, вот понастроим таких домов, и будем все счастливы... И над деревенскими подсмеивался, мол, никак вы не научитесь городских слов говорить. У нас в Каменке многие до сих пор говорят не совхоз, а савхоз, не архитекторы, а артихекторы... Насахвозили...»

— А моя бабушка Анисья, сплошь говорившая одними пословицами да поговорками, как я над ней ни подтрунивал, словно навред говорила хамхоз вместо комхоз, вместо квартиры хватера... Думаешь, народ хоть вот так все скудоумное, чужеродное припечатывает, вернее, распечатывает?! А тут народ не ошибается?

— В этом никогда.

Сразу я завязал в памяти узелок: примечать распечатанные словечки. И невольно помечтал, чтобы он все эти «консенсусы, приватизации, презентации, спонсоры, путаны, ракетеры, менеджеры» распечатал бы. А то ведь уже сегодня стоит сказать: это политика, это бизнес, и только вроде бы и остается доброму русскому человеку виновато затылок почесать, мол, действительно, куда же я со своим добром и ласкою, со своею правдою сермяжною и честностью неподкупною лезу. У вас тут бизнес! У вас тут политика!

Напротив выхода с Казанского вокзала нас встретил огромный рекламный щит: «Все виды банковских услуг». Григорыч передал мне зажженную трубку и, наказав не выбрасывать мою сигарету, мол, спички нынче дефицит, в отличие от всех видов банковских услуг, которые нам с тобой совсем ни к чему, как ни к чему крестьянину хватера вместо дома, пошел звонить по телефону. Возвратился веселый: «Все. Едем к отцу Димитрию». Я тоже приободрился: присножеланная близка как никогда...

И вот мы у батюшки. У отца Димитрия. Милая, милая фигурка округлая. И плечи округлые, и руки округлые, и освобожденный купол головы. А от висков в обе стороны вздымаются волнистые, нет, не седые, но голубоватые волосы. В каждом его движении дух дышит и в преемных глазах теплится. И дочь у него ангелоподобная. Когда она проходила возле, то даже воздух, казалось, шелестел невидимыми крылами и становился чище. Она тихонько целовала руку отца. Потом так же тихо застегивала молнию на полусапожке. И такая претихость во всех ее движениях, что даже полусапожки ее показались мне еще той прапрабабушкиной поры.

Мы стояли с Григорьичем рядом, позади отца Димитрия. Он скороговоркой читал из требника, поворачивался и, взмахивая рукавом рясы, словно крылом, крестил нас перстами. А у меня от долгого стояния на одном месте не шевелясь снова заныло бедро. Закрутило, задергало и с каждой секундой все нарастая, что даже в глазах потемнело, и я испугался, как бы не грохнуться на пол. Даже мелькнула мысль, что это вселившийся бес корчится, не хочет выходить вон. Но тут отец Димитрий попросил нас подпевать «Господи, помилуй». И мы с Григорьичем вначале разногласно, но с каждым разом согласнее, пели: «Господи, помилуй, Господи, помилуй...» А батюшка снова взмахивал рукавом рясы, словно собираясь лететь, — крестил нас. И я повторял вслед за Григорьичем, читавшим из молитвослова: «Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым. И во единого Господа Иисуса Христа...» И вдруг я почувствовал, что боль прошла и ноги мои словно вросли в пол. Мне стало легко и радостно. Отец Димитрий, будто разрезая ладонью воду, окрестил ее. Я разделся и встал в купель! Батюшка наклонился, зачерпнул пригоршню воды и неожиданно быстро, чтобы не расплескать, распрямился и, приговаривая, полил мне на макушку, на плечи. И еще раз, и еще раз! И пропел: «Крещается раб Божий Сергей, во имя Отца аминь, Сына аминь, и Святаго Духа аминь!» Я услышал нежное воркование моей матери и увидел, как она точно такими же быстрыми движениями оmyвает меня в простой оцинкованной ванне. И я почувствовал себя маленьким ребенком, которого сейчас подхватят самые родные руки и крепко-крепко прижмут к груди...

Неспешно батюшка надел мне на шею махонький алюминиевый крестик — словно ветерок коснулся груди. Дал нам в руки свечи, и мы, как невинные дети, пошли за ним вокруг купели... Потом я надевал рубаху, а за стеклом, словно в другой жизни, бежала симпатичная девушка в спортивном костюме, и мне стало нестерпимо жалко ее и всех-всех мимоидущих...

Купель выносили вместе с Божаткой (так у нас в России зовут крестного отца). Еще в квартире отец Димитрий показал нам из окна: «Воду вон под то дерево вылейте». Я направился было к другому, но Божатка, мой «путеводитель», был рядом: «Нет-нет, вот сюда». Мы неспешно выливали воду, и он радовался: «Моя тоже под этим деревом». Я представил, сколь многих окрестил наш батюшка. Значит, много освященной воды под этим деревом!.. Дерево освященное! И мы с Божаткой сроднились еще и чрез это древо... Я тихонько запел: «Глубиною мудрости человеколюбно вся строяй и полезная всем подавай!...»

ЦВЕТЫ БЛАГОУХАЮЩИЕ

После изнурительной московской беготни, когда тысячи людей мелькают мимо и нужно не здороваться с ними, а отворачиваться — иначе можно с ума сойти, — Николай наконец-то упал в вожденное бордовое кресло в своей комнате. День все же завершился удачно: у храма Николы на Берсеневке он продал по сносной цене махонькую акварель. Правда, и этот покупатель сказал: «Ладно, я беру одну картину», этим «ладно» проговариваясь, что он не красоту приобретает, а подает художнику милостыню. Но на сей раз Николай не опечалился, а сразу вспомнил недавно прочитанные слова Златоуста, что милостыня «поистине есть царица, делающая людей

подобными Богу», — и сердце вдруг возрадовалось, как будто стоял пред иконой.

Собирая на стол, жена рассказывала, как прошел ее день, а он делал вид, что весь полон внимания. Однако она изучила мужа досконально и, повернувшись, с обидой промолвила: «Ты ведь не слушаешь меня. Только, пожалуйста, не говори, что тебе приятно мое журчание. Я не хочу журчать, я тебе не ручей».

— Надюша, но я правда люблю твое журчание.

— Благодарю покорно, но мне нужно обговорить с тобой наши дела, потому ты лучше отдохни пока.

Вскоре жена позвала ужинать. Он открыл глаза и только теперь заметил — комнатные цветы преобразились. Один, похожий на огородный лук, даже зацвел белыми лилиями. «Господи, неужели они почувствовали, что осенью я вернусь в Москву?» Николай обвел комнату ласкающим взглядом и даже замер: на верху горки было пусто. Стараясь говорить безучастнее, чтобы не растревожить жену, спросил: «А семейный цветок совсем засох?»

Цветок семейного счастья кто-то подарил им на свадьбу. После они всех расспросили, но никто не признался, и тогда весело порешили: значит, он с неба свалился. И цветок в самом деле оказался необыкновенным. Первые годы Николай с Надей не могли притереться, и он, хотя ухаживали за ним более других цветов, был самым невзрачным и все норовил зачахнуть. Потом люди добрые открыли Николаю с Надей небесный немерцающий свет, окрестили их в веру православную, и жизнь пошла, как любил говорить Николай, своим чередом. И семейный цветок прямо на глазах превратился в настоящее деревце с крепким ореховым стволом, с сочными в виде лодочек листьями. В последние же годы, с возвращением капитализма, нужда так крепко взяла в тиски, что пришлось Николаю кроме живописи всерьез заняться садом-огородом, и он переселился в деревенский дом. Надя же моталась из Москвы в деревню и обратно. Поначалу еще просила соседей по коммуналке поливать цветы, потом махнула рукой: какие уж тут цветы — самим бы уцелеть. И в прошлый его приезд в Москву жена со слезами поведала, что семейный цветок вдруг сбросил все свои листья, что она его все равно поливает, но на этот раз он едва ли оклемается.

Николай понял — жена призналась, что больше не в силах тянуть свою одинокую московскую ляжку. Ему-то не надо было рассказывать, сколько она потрудилась, выстрадала в жизни. Он решительно сел на диван рядышком: «Все, роднуша, осенью переезжаю в Москву насовсем, на всю зиму. Выкопаю картошку — и все». От такой неожиданности жена заплакала. Николай утирал ее слезы и приговаривал: «Ну, вот, а ты журчать не хочешь, ты ведь мой ручей».

Решили, что дальше раздельно жить невыносимо, и будь что будет, но надо теперь жить только вместе — зиму в Москве, а лето в деревне...

Жена мгновенно воспрянула духом: «Ты знаешь, кого я сегодня в метро встретила? Наталью. Она теперь преподает в российско-американском колледже. О нашем институте слышать не хочет. Муж ее из армии уволился — на какой-то фирме заместителем по кадрам. Говорит, только теперь они вздохнули свободно. Представляешь, она набрала абитуриентов для подготовки чуть не двадцать человек и берет с каждого десять долларов за урок...» Сообразив, куда клонит жена: мол, не взять ли и мне абитуриен-

тов, Николай, не имея возможности, как раньше, сказать: нам и так денег хватает — лучше ты сиди в своей любимой Ленинке и занимайся русской литературой, вынужден был отделаться молчанием. Надя тяжело вздохнула, но тут же осветилась улыбкой: «Ладно, главное — мы снова будем вместе, а там все пойдет своим чередом». Он благодарно погладил ее по плечу.

* * *

Словно не слыша его вопроса, Надя подошла к окну, загадочно отодвинула штору, всем видом приглашая его подойти. Николай с кряхтением оторвался от любимого кресла: «Что ты еще там придумала?»

В пиале, накрытой сверху стаканом, он увидел обрезанный у самого корня ствол семейного цветка и не сразу разглядел, что прямо из его стенки каким-то чудом проклюнулся капелюшный зеленый росточек, очень похожий на огуречный, только в десять раз меньше. Росточек напомнил недавно умершего младенцем внука, вот так же цеплявшегося за жизнь в больничной палате под стеклянным колпаком. В сердце больно кольнуло, и Николай, обняв жену, твердо пообещал: «Обязательно принесу хорошей земли, и мы его посадим. Только ты его не забывай. Помнишь пустытника, который поливал, поливал сухое дерево, и оно процвело. А у нас вон какой росток! Да и двое нас. Как сказал Господь: все сбудется, где двое или трое собрались во имя Мое».

Но каждый день Николай делал по Москве такие концы со своими картинами, что вечером снова рухал в бордовое кресло, невольно вспоминая строки Твардовского:

*Как будто в шахте пластом породы,
Ни ног, ни рук.
Все эти годы, труды, походы
придавят вдруг...*

А утром было такое самочувствие, что надо бы еще часа три поспать. Надя просила его полежать хоть немножко. Он лежал, потом со вздохом поднимался: «Ну, лежи не лежи — всю усталость все равно не вылежишь».

Нет, он вспоминал про росток, но никак не мог придумать, где взять хорошую землю. Не из сквера же по соседству, в котором один отчаявшийся русский мужик, не обращая внимания на прохожих, больше похожих на иностранцев, скинул шапку и, бия себя кулаком в лоб, выкрикнул: «Господи, прости меня грешного, тут уже и землю на три метра измерзили».

Засыпая, Николай думал: «Ладно, завтра сил будет побольше, тогда что-нибудь придумаю». Но сил, видимо, так и не прибавилось...

* * *

В деревне огород снова зарос сорняками, и Николай с утра до вечера ползал между грядками, как муравей, так что шея почернела, должно быть, до самой смерти. А в тот день неожиданно раздобрился сосед — крикнул со своего огорода: «Данилыч, я сегодня в Москву еду (у него свои «Жигули»), может, Наде что передать?» Бросив прополку, Николай в момент собрал по литровой банке малины, вишни, смородины. Посылка получилась слишком дачная. Что-нибудь бы посолиднее, поважнее для жизни. Но огурцы только

зацвели. Решил попробовать накопать картошки. На счастье она оказалась с мелкое куриное яйцо. Такую еще лучше варить — быстрее. Выкапывая картофелинки, Николай вспомнил, как его любимая бабушка Василисса всегда брала кусочек благодатной земли и съедала с большим удовольствием. Больше всего он сделал портретов с нее. «Хотя нет, крестного — целых семь, да и старшую сестру пять раз писал. Никого из самых дорогих не забыл». И тут же зазвучал по-детски обиженный голос жены: «Да что вы, меня здесь нет, не ищите. Я натура скучная: то с кастрюлями, то с книжками...» «Господи, а в самом деле, почему ни одного удачного портрета с нее не получилось?» Николай попытался представить жену на холсте и вдруг увидал: сидит она у окна на стуле, обхватив руками полные, беззащитно-милые колени, и слезы медленно падают на несчастный росток. У Николая захолонуло в груди: «Как же я мог не принести земли! Теперь при всем желании нескоро в Москву выберешься. Э-эх, погибнет цветок. Вот в эту бы землю посадить его...» И вдруг радостно воскликнул: «А кто же мне мешает, Господи!»

Быстренько сбежал в дом, принес целлофановый кулек, набил его землей до самого верха. «На горшок-то должно хватить!»

После обеда сосед уехал и увез сумку Николая с ягодами, с картошкой и с землей...

Поставив на стол всегдашний ужин: стакан простокваши и ломоть белого формового хлеба, Николай встал на молитву. Как всегда, немного подвинулся вправо, будто уступая жене место рядышком: «Очи всех на Тя, Господи, уповают и Ты даеши им пищу во благовремении...» За трапезой радостно представил, как Надя, может быть, даже сию минуту, утрамбовывает своими изумительно гибкими пальцами землю в горшке вокруг росточка, и наконец-то почувствовал, что, послав землю, он снова начал жить вместе с женой, а раньше, хотя всегда помнил и любил ее, все же жил отдельно, здесь, в деревне. В Москве последнее время, честно сказать, даже посуду мыть не хотелось, не то что гвоздь в стену вбить. Конечно, Надя это чувствовала и чахла... вместе с цветком.

Уже лежа в своей железной кровати с металлическими шарами по углам, протянул было руку за «Поучениями» Иоанна Златоустого, но Малыш привычно запрыгнул на кровать, по-хозяйски утоптал место в ногах и с кряхтением улегся калачиком. Николай погладил его по голове: «Чего кряхтишь, Музгарко ты мой? Мы-то с тобой вдвоем от тоски воем, а наша хозяйка чуть последнего по нашей милости не лишилась». И вдруг подумал: «А может, росток уже зачах? Или Надя отложила посадку до завтра, а потом до послезавтра?... Она тоже крутится с утра до вечера, как заведенная. Боже, тогда он точно погибнет».

Николай поспешно встал, взял с полки акафистник, нашел любимый акафист святым благоверным князю Петру и княгине Февронии. Они так любили друг друга, что умерли в один день, и похоронили их люди в одном гробу.

Встал на колени, сосредоточился, начал читать. Взъеми ступней заломило от боли, но решил вытерпеть до конца: «...Радуйтесь, нетления благоухающие цветы...» «Цветы благоухающие, — с наслаждением повторил Николай и с радостью подумал: а наша земля ростовская вся в “цветах благоухающих”: в пятнадцати километрах от нашего огорода появился на свет

Божий родоначальник русского духа Сергей Радонежский; а рядышком с Сергиевыми Варницами, в Спасо-Яковлевском монастыре — цельбоносные мощи Российского златоуста Димитрия Ростовского; а в четырех километрах от огорода, в самом Борисоглебском монастыре, подвизался на ниве Божией преподобный Иринарх, благословивший на битву с поляками князя Дмитрия Пожарского; и монах Пересвет тоже наш, борисоглебский... На такой-то земле цветок семейный непременно заблагоухает. Вот только если Надежда посадит его сегодня же...»

Николай почти не сомкнул глаз и ранним утром по обильной росе, моментально промочив туфли, выбрался с «мерседесом» (так он называл свой велосипед) на шоссе и налег на педали. Заревое солнышко вставало за спиной, а он летел через лесные Кринки, переполненные счастливыми птичьими голосами, словно травой; через сказочную Кунидовку с узорчатыми разноцветными домиками в уютных дворах; через деревянный мостик над рекой Устье с крупными молчалиницами кувшинками, с лодками, чуть не упершимися носами в фасады домов с роскошью наличников и полотенец, с изгибом реки, всегда волнующим каким-то скрывающимся за ним чудом... И вот ахнул в душу изумрудными куполами Борисоглебский монастырь, молитвенно торжествующий надо всей этой земной красотой.

* * *

Услыхав в трубке голос мужа, Надя спросонья так обрадовалась, что сразу зажурчала, как много получила писем, что звонков телефонных была уйма. Николай понял, что она делится с ним радостью, мол, вон как мы с тобой нужны людям, но сейчас его интересовало только одно: «Надюша, посылку мою получила?»

— Да-да, спасибо, роднуша. Такое письмо хорошее...

Она еще ласково говорила про рассыпчатую золотую картошку, которую нужно есть безо всякого масла, про сладость ягод, и он не удержался: «А земля?»

— Посадила. Сразу же.

Николай даже сердцем почувствовал благорастворение воздуха и почти пропел в трубку: «Радуйтесь, крини благоуханнии небеснаго прозябения... Это я, роднуша, ночью акафист Петру и Февронии читал. Земли-то хватило?»

— Не только хватило, но я еще и в другие горшки ее подсыпала.

— Умница ты моя распрекрасная. Будут теперь наши цветы — благоуханнии. Земля-то какая, помнишь?

— Разве с тобой забудешь. Из-под самого Ростова Великого, колыбели русской святости.

— Господи, а ты говоришь, жить немоготу и зря я в деревне торчу. Да прозябнет наш семейный цветок, прозябнет. Потому что... я тебя люблю. И слава Богу.

БОРИСОГЛЕБСКОЕ ЛЕТО

А начиналось лето безрадостно. Деревня встретила печалью. Даже некоторые женщины целыми днями шатались нетрезвые. Как-то соседка зашла: «Сережа, нету больше сил с мужиками моими воевать. Сегодня бы умерла, да внуков жалко...» Я тяжело молчу — надоело в тысячный раз

повторять: мол, бери внуков и ходи в храм почаще, а там Господь все устроит и ты узнаешь, как тебе жить. Молчу, зная ее ответ: «Я — в храм, а мужики — в магазин». А они и при ней не просыхают...

В прошлые годы, устав бороться со страшной бессмыслицей безбожной жизни, я запирался в доме и не выходил по нескольку дней. А тут и деваться некуда — со мной приехал Виктор, московский товарищ. Жизнь его крепко потрепала, но Виктор все еще хорохорится — и Бог у него свой, не такой, как в храмах, и любит житейским опытом поделиться. А у самого ни кола, ни двора, ни дела, ни семьи. Ему пятьдесят, но я все же питал надежду, что он начнет молиться вместе со мной, в храм ходить и, глядишь, встанет на спасительную Христову стезю, но Виктор при молитве сразу уходил во двор покурить, хотя я прямо сказал, мол, вдвоем молиться благодатнее. На приглашение сходить в храм он откровенно морщился, зато целыми вечерами слушал радио «Свобода»... Когда я намекнул, мол, главная работа в деревне — прополка, Виктор весь напрягся и потом, как бы ненароком, похвалился, что даже в армии делал только то, что хотел... Вместо прополки зачем-то перекопал весь двор, потом целую неделю вырезал из полена красивое топорщице, а я один не справлялся с сорняками, и огород зарос до ужаса. Вечером он напивался густейшего чаю, почти чифира, и ночью бродил по двору, по дому. От хождения Виктора я спал плохо, утром молился рассеянно. Однажды, убирая его светелку, я увидел на стуле книги. Это были всякие хатха-йоги, кришны... Конечно, какая может быть молитва, когда в твоём доме читают сатанинскую литературу! А у меня хорошая православная библиотека! Так обидно стало — будто гость вместо благодарности напакостил под иконами.

Я понял тщетность своих надежд — если человек не хочет спастись, то ему и Господь не поможет, не то что я, грешный. Потом в Москве Виктор опять запил и в который раз оказался в наркологии.

Наконец приехала жена, измочаленная Москвой. У меня тоже всю душу вымотали. Так тоскливо, что разговаривать не о чем. Малыш, всегда остро переживающий наши душевные состояния, даже загрустил — забрался под лавку на кухне, положил морду на лапы и не шелохнется. Не могу видеть его таким — стал собираться на прогулку. Гляжу, Марина тоже начала отрешенно одеваться. На улице солнышко светит, ветерок травы луговые колышет. Красавицы овсяночки до того легкие, что садятся на макушку цветка как на ветку дерева. Смотрят приветливо, а мы плетемся молча. Зато Малыш счастлив.

И вот мы на нашей реке Устье. Вода в ней такая — каждый камешек на глубине двух метров видно, и раки водятся. На другом берегу комбайн сено косит. Остановился, из пышущей жаром металла кабины выпрыгнул тракторист в одних трусах, прямо с высокого берега рухнул в реку, шумно проплыл метров сто, легко вскарабкался наверх — и снова за рычаги. Каждой клеточкой мы ощутили его наслаждение. Быстро разделись и в спасительную воду...

На другой день взяли хлеба, огурцов, помидоров, простокваши и ушли на Устье до вечера. Конечно, Марина прихватила пакеты для разных трав — зимой чай заваривать. Малыш счастливо носится по лугам, Марина же то остановится медово-жаркого зверобоя набрать, то палево-сиреневого пустырника, то милой скромницы-ромашки. А розово-люстровый иван-чай,

растущий возле реки большими полянами, я срезал. Целую неделю собирали цветы, купались, обедали — под дубом или же свесив ноги с обрыва реки. Я — консерватор, люблю ходить по одним и тем же местам, но Марина не может жить без новых впечатлений. И на этот раз я смилостивился — прошел с нею по берегу Устья на полкилометра дальше обычного. И открылось нам просто диво-дивное. По правую руку — дубовая роща тянет свои ветви к воде. По левую руку — излучина, из камышей которой выплывает «серая шейка» со своим послушным выводком. На той стороне, всего в двадцати метрах, берег пологий, густо заросший травой в рост человека. В этой траве кто-то неведомый подошел к самой воде, постоял, поглядел на нас и так же невидимо ушел в травяную чащу луга. Вороны здесь такие огромные — когда садятся на дуб, он качается. Мы блаженствовали в воде, ласкающей нас вместе с роскошными малахитовыми прядями водорослей, парили с ястребами в бездонной синеве, благоухали цветами. Вечером сияющая Марина протягивала мне пакет с цветами — я с удовольствием совал руку в недра его. А ее же обдавало цветочным солнечным жаром.

Словно боясь спугнуть птицу, я помалкивал, но сердце нет-нет да екало: неужели и теперь жена начнет собираться в далекие края. Но прошла вторая неделя — Марина не заикается. Вечером горячо молится вместе со мной (обычно она не любит молиться вместе и даже в храме становится подальше от меня), потом берет вязанье и спрашивает: «Почитаешь Златоуста?» Я с наслаждением открываю любимую книгу и читаю, как Творец дал человеку больше, чем себе. Сам создал небо и землю, а нам дал способность и землю (плоть нашу) сделать небом. «Я сотворил, — говорит Он, — прекрасное тело; даю тебе власть создать нечто лучшее: соделай прекрасною душу...»

Однажды вечером я совсем расчувствовался от такого счастья: «Мариша, завтра пройдем по берегу еще дальше... метров на триста!» Спицы замерли у нее в руках: «Ты помнишь, я ведь собиралась пожить в Старово недельки две и ехать на Соловки...» Я так и обмер, дернул меня лукавый за язык.

— Так вот, я решила... Зачем мне ехать на Соловки, когда в трех километрах наш родной Борисоглебский монастырь. Можно и там трудницей побыть, и в архивах покопаться. Тогда и от роднушей моих никуда уезжать не надо.

Нашей с Малышом радости не было границ.

Марина легко вставала в шесть часов и на первом автобусе уезжала в монастырь работать в архиве — о. Иоанн задумал издать книгу об истории Борисоглебского монастыря. Вечером возвращалась бодрая, веселая и сразу: «Пошли в луга». Даже плывя рядышком по реке, она делилась своими архивными находками. Оказалось, все великие князья московские, вплоть до царя Алексея Михайловича, очень любили наш Борисоглебский монастырь, много ему жертвовали, часто бывали. Главную причину мы поняли сразу: место монастыря указано самим Преподобным Сергием Радонежским, игуменом земли Русской, небесные покровители монастыря Борис и Глеб — князья Рюриковичи. Все московские князья с ними в двойном родстве. Для них святые Борис и Глеб не только родные пращуры, но первые заступники и молитвенники пред Господом за всех Рюриковичей. Но с другой стороны, на Святой Руси не один Борисоглебский монастырь. Почему же они выделяли именно наш? Короче, Марина теперь спит и видит, как бы раскрыть эту тайну.

О. Иоанн решил возобновить в день рождения преподобного Иринарха Затворника крестный ход из Борисоглеба на родину святого в село Кондаково, который проходил обычно в последнюю неделю перед Ильиным днем (до пострига святой Иринарх носил имя Илья). Мы с нетерпением ждали этого дня, но накануне пробродили в лугах, потом занежились, перед сном еще плотно поели с устатку, и я проворочался всю ночь. В шесть часов будильник прозвонил, а у меня голова чугунная, сил никаких нету — какой тут крестный ход. Правда, вспомнились слова о. Иоанна, что только человек в храм соберется, так у него то живот, то зуб заболит — бес все силы приложит, чтобы помешать. Вспомнить-то я вспомнил, но здоровья от этого не прибавилось. Сокрушенно признался Марине, мол, плохо себя чувствую. Жена молча ушла одна, сон, конечно, пропал. Начал на часы поглядывать. Уже по опыту я знал, что наверняка сегодняшней день выйдет бестолковым, грустным. Перекрестился: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, Аминь». И словно Дух Святой вселился в меня. Успел я к самому началу молебна. Захожу в храм, вижу, Марина разговаривает с нашими друзьями Мартышиными. Сразу понял: объясняет, почему меня нет. Трогаю ее за рукав. Она смолкла и счастливо на меня рукой, мол, вы спрашивали, где Сережа, вот он.

Начался крестный ход липовой аллеею от кельи Иринарха. От часовни в крепостной стене, где он провел в затворе в железных веригах тридцать лет, — повторил подвиг древних православных святых!

Первая остановка в Павловом селе. Среди березовых рощ на пригорке — храм. Вокруг кладбище, все в цветах. Напротив церковной ограды ряд красивых бревенчатых домов. После богослужения, зная, как бедствует храм (постоянных жителей здесь не осталось, только «летние»), я в душевном порыве положил в жертвенник десять тысяч. Марина мягко напомнила, что у нас еще немало остановок впереди. Я смущенно кивнул, мол, прости, а про себя подумал: «Господь знает — раз я неожиданно положил немалую для нас сумму, значит, так надо». И оказался прав — все другие молебны проходили либо на голом месте, где раньше был храм, либо в недействующих — так что жертвовать было некуда и некому...

Проехали несколько километров по лесной дороге, остановились, пошли парами по луговой колее. Наконец, священство остановилось посреди земляничной поляны в березовом лесу. Это было Введение. Когда-то здесь был храм и держал село. Отслужили молебен. Из поучения о. Иоанна врезалось в сердце: «Все наши беды оттого, что забыли мы, где у нас были алтари». Уверен, люди поняли, сейчас мы вспомнили один алтарь, и сегодняшний крестный ход — это вспоминание забытых алтарей, преодоление нашей российской бедовой беспамятности.

Село Георгиевское на холме, а храм внизу. Оказалось, когда его ставили, он два раза сползал, и строители решили — Богу угодно, чтобы храм стоял на низком месте. Как все храмы Борисоглебские, он такой огромный, что невольно поражаешься — сколько же надо было средств, времени, сил нашим предкам, чтобы воздвигнуть такую громаду! Какая же горячая у них была вера! Нам бы хоть капельку такой!

Кое-как по жердочкам, дощечкам, мимо чудом сохранившихся фресок, пробрались к алтарю. Полвека эти стены не слышали светозарных молитвенных слов. Услыхав их, чудная ласточка сделала круг под сводами. Всего трое местных жителей молились вместе с нами, остальные человек десять недоумен-

но стояли в стороне. Только когда началась зауспокойная лития на кладбище, они поняли — каждый подошел и встал около близкой ему могилы. Глядя на их потерянные лица, на березовую рощу, выросшую на крыше забытого храма, не один я заплакал. И мы пели «Пресвятая Богородица, спаси нас...»

На каждой остановке перед молебном вдруг начинал накрапывать дождь и сразу прекращался. Потом батюшка скажет: «У каждого храма Господь посылал нам свое благословение горсточкой дождя».

В Давыдово стены храма изгажены надписями, пола и крыши почти нет. Стояли мы в несколько ярусов: кто внизу на земле, кто на балках, кто на столбах — как птицы на ветках дерева. На кладбище после литии о. Иоанн с болью обратился к местным жителям: «Если в таком состоянии храм, то о какой вере можно говорить. Покаяние — это дела. Начните храм расчищать — вот и покаяние начнется, хотя бы пол разберите до конца, землю сравняйте, пленкой двери и окна закройте, чтобы животные не оскверняли храм, чтобы ребята надписи не делали. Кто эти надписи делал — может, уже подставил лоб под пули или заболел неизлечимой болезнью — и не знает даже, за что он пострадал...»

На родине преподобного Иринарха в селе Кондаково от храма остались колокольня и большое кирпичное здание, ставшее складом. Молебен служили в промежутке между ними (здесь был алтарь). В поучении о. Иоанн рассказал землякам святого, что преподобный Иринарх был когда-то на Святой Руси одним из самых почитаемых святых, что после покушения в Ярославле на князя Дмитрия Пожарского войско его стало разбредаться, и тогда именно преподобный Иринарх послал князю письмо. Пожарский тотчас поехал к нему в Борисоглебский монастырь. Иринарх благословил его: «Немедленно выступай на Москву. Ты победишь. Господь с тобою!» Князь выступил и разгромил поляков, уже отслуживших победную католическую службу в Кремле. Думаю, мало кто из присутствующих знал об этом, а остальная Россия до сих пор не знает...

По лесной тропочке, по крутизне спускаемся в ложину, где у самого подъема на другую сторону бьет из земли святой источник Иринарха — венец нашего крестного хода. Сруб новенький. У подножия высокого деревянного креста поставили образок Спасителя, возжгли свечи и начали молебен на освящение воды. Земляков Иринарха пришло много. Они перемешались с нашими. Только две, явно московские, женщины выделялись, да и стояли в сторонке. Высокая темноволосая с каждой молитвой становилась все задумчивее, а рыжеволосая посматривала снисходительно, мол, бывают же на свете такие чудачки. Иногда она что-то шептала вдумчивой, и та поддавалась, даже обняла подругу за шею, словно на пикнике, но когда о. Иоанн произнес последние слова молитв, в лесу стало тихо-тихо, и вдруг, безо всякого ветерка, вся листва на деревьях радостно затрепетала. Я забыл про этих женщин — сердце мое затрепетало вместе с листвой божьих деревьев. Конечно, не у меня одного — все в восторге смотрели вверх.

В заключение батюшка сказал: «Раньше в этом крестном ходе участвовало больше тысячи человек. В прошлом году вместе со мной здесь было десять человек, а нынче...» Он радостно обвел глазами поляну, заполненную богомольцами. Много голосов ответило: «А нынче человек сто».

Наверное, целый час монастырская братия разливала святую воду по разнообразным посудинам. Один мужчина даже четырехведерный бидон

попросил наполнить. И те две москвички прошли с полными двухлитровыми бутылками из-под иностранной воды. Рыжеволосая посерьезнела, а темноволосая даже как-то светилась. Я понял, на будущий год наверняка встречу ее здесь на святом источнике, а то и в храме борисоглебском или московском... Лицо я ее запомнил хорошо. Дай-то Бог.

Радостно возбужденный подошел Володя Мартышин, директор знаменитой на всю Россию Ивановской школы, замечательный русский человек, истинный подвижник. Наверное, нет в Борисоглебе ни одного богоугодного общественного дела, в котором он не принял бы самого горячего участия. И в нашем крестном ходе Мартышин был правой рукой отца Иоанна, а ученики его школы дороги к храмам расчистили. Володя поделился с нами радостью: «Батюшка благословил искупаться». Купальню не успели доделать, только сруб в воду опустили, но Мартышинское вдохновение всегда захватывает — я решительно подошел к о. Иоанну. Он обрадованно перекрестил меня. Разделся я, прыгнул и едва сдержал крик — ледяная вода как кипятком ошпарила. А надо было еще вымолвить «Во имя Отца» — и окунуться с головой, «И Сына», — и второй раз, «И Святого Духа» — и в третий раз... После последнего погружения меня словно на крыльях вынесло из купальни. Марина держала наготове полотенце, а мне вдруг так весело стало. Правда, на другое утро, умывая лицо, я обнаружил под бородой большую шишку. И долго недоумевал, быть того не может — от святой воды даже младенцы никогда не простужаются. Крепко призадумался и понял: я ведь не собирался купаться, а дело это очень серьезное, надо было к нему молитвенно, духовно подготовиться заранее, а не просто за компанию, даже с таким прекрасным человеком, как Володя. Вот Иринарх, не наказывая слишком, все же вразумил меня, мол, будь посерьезнее, потрепетнее. Через несколько дней эта шишка, которую я называл иринарховым узелком, почти рассосалась, махонький желвачок остался на память.

На обратном пути в автобусе уже ехала большая семья родных людей — и про себя, и вслух переживали одно: какой чудесный день сегодня прожили. Нетленный день.

А мы еще шли пешком среди вечеряющих полей, лесов до нашего Старово-Смолино, и Марина воскликнула: «Как хорошо, что я никуда не поехала! Слава Тебе, Господи... какое прекрасное борисоглебское лето мы с тобой прожили». Правда, вспомнились наши односельчане, Виктор. Ведь и они могли прожить сегодняшний нетленный день Борисоглебского лета...

После отъезда Марины взялся я за уборку (православные суеверий не имеют). Подметаю пол и вдруг явственно чувствую духмяный запах лугов, речной воды. Гляжу, Маришина красная косынка, в которой она всегда ходила на Устье, висит на занавеске, разделяющей нашу комнату на «кабинет» и «спальню»... Подошел, погладил ее, и вдруг меня обдало родным Марининым теплом. Потом я часто останавливался возле косынки — вдыхал запах борисоглебского Маринино лета.

Закончил уборку, помолился, улегся в постель, взял с тумбочки Златоуста, открыл, а из него вместе с закладкой выпал лист бумаги. На нем словно лучики солнечные: «Я очень люблю своих роднушей и жду в Москве, чтобы дружно и весело (по-православному) прожить эту зиму до следующего счастливого борисоглебского лета. И мы будем трудиться, трудиться и трудиться с молитвой, чтобы все так и случилось. Марина».

Диана КАН

«Я РУССКАЯ! КАКОЙ ВОСТОРГ!»

Диана Елисеевна Кан — родилась в 1964 году. Член Союза писателей России, поэтесса. Автор книг «Високосная весна», «Согдиана», «Бактрийский горизонт», «Подданная русских захолустий», «Междуречье», а также многих публикаций в столичных и региональных литературно-художественных и общественно-политических изданиях России. Дважды лауреат премии журнала «Наш современник». Лауреат Всероссийской литературной премии «Традиция». Закончила МГУ им. М. В. Ломоносова и Высшие литкурсы. Живет в Новокуйбышевске Самарской области.

* * *

Неприкаянно, неприкаянно
Я свивала пути в кольцо...
И когда набрела на Каина,
Не узнала его в лицо.
Я сказала: «Богатым будете
Вы, проливший родную кровь...»
Он ответил: «Вы строго судите
Эту родственную любовь...»
Это что ж за любовь, идущая
Из библейских темных глубин —
Дочь, родную мать предающая,
На отца восстающий сын?
Мы к согласью прийти не чаяли —
Каждый правду свою искал.
Но лишь речь заходила об Авеле,
Собеседник глухо смолкал.
И в возникшей неловкой паузе
Мы тайком вздыхали с тоской:
«Почему же кинжал и маузер
Нам роднее, чем брат родной?..»
Погорюем так и — расстанемся.
Впредь не встретимся —
жизнь коротка.
А пока... А пока... Апокалипсис
На Руси моей длится века.

* * *

Когда хоронили Россию мою
Помпезно, согласно и чинно,
Поникшие в сбившемся
ратном строю
Рыдали поэты-мужчины.
Забросив свои боевые клинки,
Прощались с Россией навеки.
В плену безутешной сыновней тоски
В гробу закрывали ей веки.
Сиротской слезой орошали они
Родные ракиты-березы...
А я? Что же я?
Бог меня сохрани!
Я лишь утирала им слезы.
«Хоть сабля востра,
да мечу не сестра...» —
Уныло кривились мужчины,
Когда намекала я им, что пора
В бою поразвезть кручину.
И вновь поминальный
граненый стакан

Горючей слезой закусили.
И так порешили — лишь тот атаман,
Кто слезней скорбит по России.
А что же Россия?
Поминки поправ,
Восстав из хрустального гроба,
Она сквозь кордоны кержацких застав
Сокрылась в былинных чащобах.
Ведомая светом скорбящих свечей,
Ушла, не попомнив обиды,
На звон потайных кладенцовых мечей
От скорбной своей панихиды.
А я? Что же я?
На распутье стою
И слезы друзьям утираю...
Не лучше ль погибнуть в неравном бою,
Чем вживе погинуть в родимом краю
у гроба пустого рыдая?..
Хоть сабля востра, да мечу — не сестра,
Но верному слову — сестрица.
И коли приспела лихая пора,
Пусть вера Руси пригодится!

* * *

Негоже тебе, Русь, как бесприданнице,
Кидаться на восход и на закат.
Ты жди-пожди! Все женихи заявятся,
Благоговейно выстроившись в ряд.
Виконты, и маркизы, и посланники,
Наслушавшись про кладези твои,
Из-за границ наедут голоштанники,
Чтоб клясться с пеной на губах в любви.
Растрчивать приданое готовятся...
Но если завтра ты пошлешь их в бой,
За честь твою и славу не сподобятся
Пролить ни капли крови голубой!
Богатое Бог дал тебе приданое.
Не каждый встречный будет ко двору.
Храни же первородство Богоданное.
И ройся в женихах, как бы в сору!
Своими заграничными уловками
Тебя начнут к взаимности склонять —
Духами, золотыми блохоловками —
Тех блохоловок даром нам не нать!
На что, скажите, русской раскрасавице
На шею надевать такой позор,
Коль от рожденья бани на чурается
Маркизам заблошнившимся в укор?..
...Надменный бритт и сумрачный германец,
Спесивый лях и куртуазный галл...
Ужо мы с женихов попустим глянец
И поглядим, какой из них удал!

* * *

Ликует Анталия. Нежится Ницца...
И только у нас в безрассудстве своем
Закатное небо меж туч кровянится,
И месяц серпом проступает на нем.
Есть галльское небо в изящном плюмаже
Несущихся за горизонт облаков.
Есть гуннское — цвета мерцающей саж,и,
Под чьей паранджой скрыта поступь веков.
Античное небо, какому не внове
Пить воду с лица средиземных морей.
И — скифское — цвета запекшейся крови,
Закатное небо Отчизны моей.
То царский багрец разольет над Россией,
А то полоснет по глазам кумачом...
О твердь спотыкаясь ногами босыми,
Не тщусь подпереть его бранным плечом.
Не лщусь удивить его пением лиры
(Пред русскою бездною достойней молчать!).
...Гляжу в него взглядом обуглено сирым,
И глаз от него не могу оторвать.

* * *

Прощай, моя юность!.. Отныне,
Вдогонку слагая стихи,
Молчанью учусь у пустыни,
А пенью — у Волги-реки.
Ей сердце вручила навеки
Свое — не за стать, не за прыть! —
За то, что строптивые реки
Умеет она приручить.
За то, что чураясь гордыни,
Великая Волга-река
Ни в жисть от себя не отринет

Ни воложки, ни ручейка!
Да что ручеек? Примечай-ка:
Спесивая речка Москва —
Столичная штучка, зазнайка,
Напиться из Волги пришла.
Бочком —
 где каналцем, где шлюзом —
Охочая к Волге припасть...
Пей, милая! Ты не в обузу!
Напейся и вдосталь, и всласть.

* * *

Когда я из глубинной дали
Клянусь тебя, моя Москва,
Услышь в лирическом запале
Произнесенные слова.
Услышь! Но снова вранья стая
Обсела сорок сороков.
Услышь, оглохшая от грая,
Меня на рубеже веков.

Сорвется стайей соколиной,
По ходу выстроившись в стих,
Призыв о доблести былинной
С воспламененных уст моих.
Не стон, не вслип и не рыданье.
Не о пощаде жалкий торг.
А — из-под сердца восклицанье:
«Я русская! Какой восторг!»

«НАША СТРАНА ПОЛУЧАЕТ ДОПОЛНИТЕЛЬНУЮ ЗАЩИТУ»*

*Торжественная
церемония освящения
вновь обретенной
надвратной иконы
на Спасской башне Кремля*

* Использован материал официального сайта Президента России. 28 августа 2010 года, Москва, Кремль. Фото пресс-службы Президента России.

Дмитрий Медведев принял участие в праздничной церемонии открытия иконы на Спасской башне Кремля

Церемония торжественного открытия надвратной иконы Спаса Смоленского, прошедшая на Красной площади Московского Кремля, была проведена 28 августа 2010 года, когда все православные отмечают праздник Успения Богородицы. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл ранним утром совершил праздничный молебен в главной святыне Кремля — Успенском соборе, а затем прибыл для проведения обряда освящения вновь обретенной иконы Спаса Смоленского на Спасской башне Кремля.

В праздничной церемонии принял участие Президент Российской Федерации Д. А. Медведев. В своем вступительном слове Президент сказал: «Ваше Святейшество! Я сердечно хочу Вас поздравить с великим праздником и поблагодарить за участие в том событии, которое только что произошло — в освящении одной из икон, которая находится теперь снова над воротами Спасской башни Кремля. Это, конечно, совершенно особая ситуация, действительно чудо. Для меня большая радость в сегодняшний день принять участие в этом мероприятии, потому как это объединяющее для нашей страны дело. Действительно, это был подвиг тех людей, которые, рискуя собственной головой, сохранили для нас иконы. И то, что они чудотворно таким образом обретенны, это для нашей страны, для Москвы, для Кремля совершенно особенная ситуация.

И несмотря на то что сегодня идет дождь, погода довольно сложная, мне кажется, что этот день навсегда останется в нашей истории. Сегодня, действительно, в Моск-

*Перед началом церемонии открытия надвратной иконы
на Спасской башне Кремля. 28 августа 2010 года Москва, Кремль*

ве — долгожданный дождь, этот дождь ждала Москва, ждала наша Россия, потому что лето выдалось очень трудным.

Вся страна помогала в тушении пожаров, которые случились в Центральной части, в Приволжском регионе, помогала и собственными силами, и деньгами, в общем, всем, чем могла, как принято говорить в нашей стране, всем миром.

И Русская Православная церковь не осталась в стороне от этой беды, естественно, Церковь была с народом. Знаю, что Вы активно этим занимались и многие священники участвовали во всех этих делах, просто встречаясь с обычными людьми.

Поэтому мне хотелось бы уже от всех нас сказать большое спасибо Русской Православной церкви за эти труды и выразить восхищение тем, что делали наши обычные люди, которые приходили, отдавали свои вещи, деньги, просто собственными силами, собственным трудом принимали участие в тушении пожаров, причем люди, которые не имеют отношения, может быть, даже к этим регионам, к этим проблемам.

Вот, наверное, то, что мне хотелось бы сказать».

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл поднялся к надвратной иконе, совершил молебен и освятил вновь обретенную икону Спаса Смоленского на Спасской башне. После этого Святейший выступил с обращением к Президенту Российской Федерации и православным верующим с пастырским словом. Он сказал: «Сердечно благодарю Вас, Дмитрий Анатольевич,

за то, что стало возможным сегодня. Действительно, можно все это оценивать с точки зрения совпадения каких-то фактов в истории, а можно попытаться все-таки посмотреть на это каким-то другим масштабом зрения.

На Спасской башне появился лик Спасителя — это, конечно, символ. А то, что сегодня был дождь, давайте вспомним, что и Парад Победы под дождем был, дождь — всегда явление благодати Божьей. Мы крепко молились, чтобы были дожди, вот они сейчас и льют, и пускай идут дожди, чтобы напилалась наша иссохшая земля.

Благодарю Вас также за высокую оценку скромных усилий Русской Православной церкви. Вы сказали вот о людях, которые принимали участие. Так вот, в наши учреждения, которые занимались сбором гуманитарной помощи, организацией поддержки тех, кто тушил пожары, приходили люди, молодые люди, которые вместо того, чтобы идти на дискотеку, вдруг пришли в это место, отдавали то, что имели, садились в свои автомобили, ехали, развозили эту гуманитарную помощь. И как сказал один наш руководитель, занимавшийся сбором всего этого, мы все стали другими. Всех нас этот огонь в каком-то смысле очистил. Дай Бог, чтобы трудности, которые выпадают на долю нашего Отечества, делали нас сильнее и чтобы Россия наша обновлялась. И Вам я от всего сердца хотел бы пожелать помощи Божьей и крепости сил в том высоком служении, которое Вы несете во благо России».

После окончания православной церемонии освящения иконы Президент Российской Федерации Д. А. Медведев обратился к Святейшему Патриарху и собравшимся на Красной площади. Он сказал: «Ваше Святейшество! Дорогие друзья! Сегодня удивительный день — день обретения и восста-

*Освящение Патриархом Кириллом надвратной иконы
на Спасской башне Кремля. 28 августа 2010 года Москва, Кремль*

*Церемония открытия надвратной иконы
на Спасской башне Кремля. 28 августа 2010 года Москва, Кремль*

новления надвратной иконы Спаса Смоленского. И, наверное, здесь есть тот набор символов, о которых только что сказал Святейший Патриарх.

Мы сегодня должны вспомнить всех, кто способствовал и помогал восстановлению этих икон, в том числе и тех, кто в очень тяжелый для нашей страны час, в период безбожия, в период лихолетья укрыл их, рискуя не только своими должностями, но и жизнью, и сохранил это чудо до наших дней для тех, кто сегодня присутствует здесь и кто будет приходить в Кремль, кто будет восхищаться подвигом наших отцов и будет вдохновляться образом, который защищает Москву, защищает Кремль, защищает всех нас.

Действительно, в этом есть особый, может быть, до конца еще непонятый смысл, смысл единения народа с Церковью, смысл восстановления справедливости, смысл совместного труда на благо нашей любимой Отчизны.

Хотел бы искренне поблагодарить Святейшего Патриарха за участие в восстановлении икон, в восстановлении правды. Хотел бы поблагодарить всех наших коллег, которые способствовали отысканию этих шедевров и их восстановлению. Хотел бы поблагодарить всех, кто сегодня стоит на Красной площади Кремля в этот особый день. И хотел бы сказать, что я уверен, с момента обретения и освящения этих икон, восстановления справедливости наша страна получает дополнительную защиту, а стало быть, и все присутствующие здесь, все молящиеся и все любящие нашу страну. Хотел бы выразить свою искреннюю признательность за все, что было сделано».

Первоначально с инициативой восстановления утраченных надвратных икон Московского Кремля выступил Фонд Андрея Первозванного. Эта инициатива получила поддержку Президента России и благословение Святей-

шего Патриарха Московского и всея Руси. Именно при исследовании киота в Спасской башне и были обнаружены древние иконы, бережно спрятанные под слоем металлической сетки и штукатурки.

Спасская башня Московского Кремля, где была обнаружена икона Спаса Смоленского, расположена на восточном участке крепостных стен между Царской и Сенатской башнями. Ее строительство относится к 1491 году, и достройка шатрового верха — к 1625 году.

26–27 апреля 2010 года после проведения контрольного вскрытия штукатурного слоя и дистанционных исследований в киотах Спасской и Никольской башен Московского Кремля под слоем забетонированной металлической сетки, отстоящей от иконы на четыре-пять сантиметров, были обнаружены хорошо сохранившиеся иконописные изображения Спаса Смоленского и святого Николая Чудотворца, или, как его издревне называют на Руси, Николай Можайский «с градом».

На Спасской башне располагается икона, на которой изображен образ Иисуса Христа с припадающими к нему святыми — преподобным Сергием Радонежским и Варлаамом Хутынским. Время написания фрески точно неизвестно, но она создана не ранее середины второй половины XVII века. Именно эта икона, возможно, дала название башне, которая ранее именовалась Фроловской.

Спасские ворота и башня получили свое название в соответствии с указом царя Алексея Михайловича от 16 апреля 1658 года, данного им после перенесения чудотворной иконы Спаса Нерукотворного из Вятки в Москву. В память внесения иконы Спаса в Кремль через Фроловские ворота Алексей Михайлович повелел именовать эти ворота Спасскими, вследствие чего и сама башня получила название Спасской.

Существует и другое объяснение происхождения названия этой башни. Кремлевские башни, как это часто бывало, получали свое название от икон,

Выступление Президента РФ Д. А. Медведева и Святейшего Патриарха Кирилла на церемонии открытия надвратной иконы на Спасской башне Кремля. 28 августа 2010 года Москва, Кремль

помещенных на них или находящихся поблизости церквей. Исторически, как отмечено выше, над воротами отводной стрельницы Спасской башни со стороны Красной площади находилось изображение Спаса Смоленского (Всемилоостивого Спаса) еще с XVII века.

ИКОНЫ ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕГО СПАСА И ПЕЧОРСКОЙ БОЖИЕЙ МАТЕРИ НА СПАССКИХ ВОРОТАХ В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ

О времени первоначального написания икон Всемилоостивого Спаса и Печорской Божией Матери точных указаний не сохранилось.

В 1521 году во время осады Москвы войском Магмет-Гирея одной инокине было видение: крестный ход через Фроловские ворота со святителями московскими Петром, Алексием и Ионой и ростовским Леонтием несут икону Владимирской Божьей Матери. Преподобные Сергий и Варлаам стали умолять святителей, чтобы они просили Богородицу заступиться за людей перед Богом. Видение стало известно в народе. И действительно, вскоре Магмет-Гирей отступил от Москвы.

*Икона Спаса Смоленского
на Спасской башне Кремля (до реставрации)*

В память этого события и были написаны иконы: Спасителя с припавшими к Его ногам преподобными Сергием и Варлаамом на восточной (внешней) стене Спасских ворот и Богоматери (икона Печорской Божьей Матери) с предстоящими Ей святителями московскими Петром и Алексием на западной (внутренней) стене башни. (В настоящее время судьба этой иконы неизвестна.)

В 1673 году царь Алексей Михайлович указал «в связи с порухами» образ Спаса Нерукотворного и Преподобной Богородицы писать вновь. В 1737 году во время пожара образ Спасителя сильно опалился, но на следующий год был возобновлен.

Киот иконы Спасителя был выполнен из белого камня, имел деревянный резной оклад со специаль-

ной стеклянной рамой, которая защищала образ от пыли и сырости.

В 1812 году киоты над иконами, которые значительно пострадали от взрывов в Кремле, организованных отступающими из города наполеоновскими войсками, были повреждены и возобновлены в 1813 году. В 1851 и 1866 годах подновлялась и частично записывалась икона Спасителя и рама вокруг нее.

Последнее подновление иконы Спасителя (проведена промывка письма, чистка и реставрация ризы, были заново позолочены рама и фонарь и окрашен навес над иконою) было произведено в 1896 году к церемонии коронации императора Николая II.

К 1918 году икона Спасителя Смоленского выглядела следующим образом:

написана на стене, по штукатурке масляными красками. Спаситель изображен стоящим во весь рост, десница его с благословляющими перстами опущена вниз, а в левой руке он держит Евангелие, раскрытое на словах: «...рече Господь ко пришедшим к Нему иудеом: Аз есмь дверь: Мною, аще кто выйдет, спасется». К стопам Спасителя припадали преподобные Сергей (с левой стороны) и Варлаам (с правой). Изображение Спасителя было покрыто ризой. В верхних углах иконы изображены два летящих ангела: у ангела с правой стороны в руке крест, ангел, находящийся на левой стороне, держит копье. Выше над иконою треугольник с сиянием, в середине его надпись «Бог». Фон иконы золотой. Вокруг иконы был деревянный резной золоченый киот со стеклом.

Последнее упоминание об иконе относится к 30-м годам XX века, тогда принимается решение о закрытии и, как сейчас выяснилось, консервации, а фактически сокрытия образа под оштукатуренной сеткой. Одновременно была сокрыта и икона Святителя Николая (Николая Можайского) на Никольской башне.

Эта икона Святителя Николая датирована концом XV—началом XVI века. Во время боев в октябре 1917 года надвратный образ был сильно поврежден в районе правой руки Святителя. Реставрационные работы на вновь обретенной иконе на Никольской башне продлятся еще несколько месяцев.

На Никольской башне в Кремле многие века существовала фреска, изображающая Николая Чудотворца. Этот образ Николая Можайского от-

*Икона Святителя Николая Можайского
(до реставрации)*

носится, скорее всего, к концу XV или началу XVI века. Икона расположена над проездными воротами и обращена к Красной площади и Никольской улице Китай-города. Она может служить примером изумительного качества и крепости древних фресок. В 1812 году во время отступления французов из Москвы башня была подорвана. Весь ее верх рухнул, но, несмотря на страшное сотрясение от взрыва, фреска практически полностью уцелела и не развалилась.

В октябре — ноябре 1917 года во время штурма Кремля эта фреска была повреждена пулями и осколками, которые, к счастью, не испортили фигуры святого, изображенного на ней. Реставрация фрески, произведенная в 1918 году, обнаружила, что она была вся записана в XVII веке и вторично в XIX веке — масляными красками, которые и были удалены реставраторами.

В итоге реставрации было обнаружено, что под этой фреской есть другая, более древняя. При расчистке поздних наслоений открылась прекрасная, хорошо сохранившаяся фреска конца XV или начала XVI века, которая и была законсервирована.

При пробной фрагментарной расчистке штукатурного слоя в киотах Спасской и Никольской башен 26–27 апреля 2010 года были обнаружены древние списки икон в удовлетворительной сохранности. Слой штукатурки и монтажной сетки находился в 40 мм от поверхности фресок, между ними — воздушная прослойка. Сохранность икон оказалась очень хорошей, чему способствовала грамотная консервация, проведенная неизвестными мастерами в сталинские времена.

Это позволило достаточно быстро провести мероприятия по реставрации и консервации древнего образа Спаса Смоленского на Спасской башне, и 28 августа 2010 года вновь обретенная икона начала свою новую жизнь как одна из главных православных святынь Кремля.

Сергей Девятков
советник директора ФСО России,
доктор исторических наук, профессор

Пути ПОЗНАНИЯ

**Архиепископ
Курганский
и Шадринский
КОНСТАНТИН
(ГОРЯНОВ)**

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА БЫТИЯ БОЖИЯ ПО ВИКТОРУ НЕСМЕЛОВУ

1

Христианская антропология (наука о человеке) составляет третье звено в христианской онтологии после теологии (собственно учение о Боге) и космологии. Главной задачей святоотеческого богословия было определение основных догматов, а антропологические темы разбирались в основном попутно. Высказывания о человеке имплицитно содержатся в Библии, но чисто антропологических трудов из эпохи расцвета богословской мысли можно назвать лишь два: св. Григорий, епископ Нисский — «Об устройении человека», 379 год, и Немесий, епископ Эмесский — «О природе человека», начало V века. Их антропология находится в пограничной области, частично относясь к сфере богооткровенных истин и частично приходя в соприкосновение с философией, естествознанием и медициной.

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов) — родился в ауле Кэнессы Джамбульской обл. Казахстана. В 1974 г. окончил лечебный факультет Винницкого мед. института и работал участковым врачом, затем ст. врачом бригады интенсивной терапии. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1983 г. поступил в МДС, продолжал заниматься мед. практикой. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. Окончив МДА, получил степень кандидата богословия. В 1990 г. возведен в сан игумена, зачислен в братию Жировицкого монастыря, затем назначен ректором МинДС и возведен в сан архимандрита. В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член Синодальной богословской комиссии, редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН, АПОБ и др.). Ныне правящий архиерей Курганской епархии.

*В. И. Несмелов.
Старинная фотография*

Выдающийся русский богослов и философ Виктор Иванович Несмелов (1863–1937) является автором учения, которое по существу представляет **первый систематический** опыт философского обоснования православного учения о человеке от альфы до омеги. Его он начинает с антропологического доказательства бытия Божия, бунта против Бога в духовном мире, грехопадения человека, продолжает искуплением и спасением человека и завершает воскресением Христа и всех умерших. До Несмелова эти вопросы рассматривались фрагментарно, без системы. Он был одним из первых представителей того идеалистического движения в России, которое сводило всю проблематику философии к науке о человеке, и именно так называется его главный труд. Это побудило автора настоящей статьи в свое время провести исследовательскую работу в архивах Казанской духовной академии. В Москов-

ской духовной академии в 1990 году была защищена кандидатская диссертация на тему «Русская религиозно-философская антропология на рубеже XIX–XX веков: В. С. Соловьев и В. И. Несмелов». Автору принадлежит также первая публикация фотографии В. И. Несмелова, обнаруженная в домашнем альбоме внука — Олега Владимировича Несмелова, проживающего в Казани¹.

Бердяев верно охарактеризовал Несмелова как глубокого, но малоизвестного философа. При жизни Несмелова русской религиозно-философской мысли был присущ онтологизм. Почти все выдающиеся отечественные философы испытали сильное влияние В. С. Соловьева. Уникальный Несмелов стоял на позициях психологизма.

II

В. И. Несмелов родился 1 января 1863 года в семье священника села Курдюма Саратовской губернии². По окончании Саратовской духовной семинарии он в 1883 году поступил в Казанскую духовную академию, в которой обучался в течение четырех лет. По завершении курса обучения в 1887 году был удостоен степени кандидата богословия. Несмелову было предоставлено право при соискании степени магистра не представлять нового сочинения, а только напечатать и защитить уже имеющееся курсовое сочинение под заглавием «Догматическая **система** святого Григория Нисского».

Первые занятия философией склоняли Несмелова в сторону эмпиризма; он сначала отрицал возможность метафизики, скептически относил-

¹ Константин (Горянов), архимандрит. Жизнь и творчество Виктора Несмелова // Вестник Белорусского Экзархата. № 5, 1990, № 6, 1991.

² ЦГИА ТАССР, ф. 10, оп. 1, д. № 8130 от 25 мая 1887 г.

ся к «разумному» обоснованию религиозной веры. Позже, готовя свою магистерскую диссертацию, он углубился в проблемы философской антропологии, и в этих занятиях определилась его основная интуиция христианства, положенная в основу системы, которую он выразил в «Науке о человеке».

В 1896 году Святейший Синод утвердил В. И. Несмелова в звании экстраординарного профессора. Следует отметить, что выдающиеся умственные способности, большое трудолюбие и строгий, но нескандальный характер обеспечивали ему ровное продвижение по службе и награждения.

Необходимость уяснения природы человеческой личности заставляет Несмелова, как последовательного философа, перейти на путь гносеологических изысканий. Несмелов с самого начала разграничивает составные части понятия мировоззрения: наука, философия и религия. Наука не ставит вопрос: какой смысл в изучаемой деятельности мировых сил и к чему направляются изучаемые нами бесконечно сложные процессы во Вселенной. В пределах опытного исследования природы это совершенно неразрешимо. «Хотя мир и представляет собою для нашего познающего мышления обширную книгу, однако эта книга, в эмпирическом данном составе ее, оказывается для нас книгою без начала и без конца»³.

Чтобы эта мысль Несмелова была более понятной, я приведу пример. Ученые не знают происхождения материи в прошлом, не могут создать ex nihilo (из ничего) ни грамма вещества и научно (экспериментально) не могут доказать, что будет с материей в будущем. Поэтому естествоиспытатель не вправе ставить вопрос о **смысле** мирового существования. И тем не менее ученые ставят эти вопросы, во-первых, потому что это интересно, а во-вторых, потому что в мире существует и та полоса реальной действительности, которая создается человеческим разумом. Поэтому она представляет собой планомерно организованную систему целей и средств. Этот искусственный мир, создаваемый человеком, в свою очередь, в каждом человеке создает субъективную уверенность, что все мировое бытие тоже опирается на какое-то разумное основание, тоже построено по плану и тоже преследует какие-то разумные цели, которые, однако, экспериментальному исследованию не подлежат.

Поэтому оставленные наукой, но научно вовсе не устранимые, эти вопросы смысла бытия неизбежно создают рядом с экспериментальной наукой другую, умозрительную науку — философию. Философия изучает тот же самый мир, но с точки зрения конечных причин, опираясь на данные естественных наук. Таким образом, философия «дополняет положительную науку не какими-нибудь фактическими познаниями неведомых границ мирового бытия, а исключительно только своими рациональными соображениями относительно конечного смысла и значения мировых процессов»⁴. Стремясь выразить идею планомерного устройства мира, философия располагает научные факты по той или иной схеме. Так человеческий разум создает философские системы.

Далее Несмелов перебрасывает мост от философии к религии. Человеческий интеллект так организован, продолжает Несмелов, что по своей

³ Несмелов В. И., проф. Вера и знание с точки зрения гносеологии. — Казань, 1913. — С. 4.

⁴ Там же. — С. 7.

природе он способен рассматривать или оценивать мир не только с точки зрения времени, но и с точки зрения вечности. С этой «точки зрения он рассматривает тот же самый мир вещей и событий в религиозном созерцании его безусловной основы, и потому с этой религиозной точки зрения мир представляется уже не только механическим сцеплением преходящих вещей и событий, но и реальным осуществлением во времени вечных идей и хотений Бога»⁵. Отметим для уяснения этой мысли, что философия у Несмелова отличается от религии еще и тем, что религия есть жизнь по вере в Бога, а философия есть мысль об истинной жизни по истинной вере в Бога. А жизнь не менее важна, чем мысль.

Несмелов этим не удовлетворяется и делает попытку доказать объективность веры с позиции интуитивизма. Интуиция улавливает в мировом бытии присутствие чьей-то Всемогущей Силы, которой все содержится, и чьего-то Всевидящего Ока, от которого ничто не укрывается. Существует факт реальной идеальности собственной человеческой личности, т. е. «факт существования человека с такими реальными свойствами, которые на самом деле находятся в решительном противоречии и с природой мира, в котором живет человек, и с природой самого человека, как составной части мирового целого. Эти исключительные свойства человеческой природы заключаются в разуме и в свободной воле человека...»⁶.

Кроме того, голос совести указывает человеку в чувственном мире существующего сверхчувственный порядок «должного быть». Это воспринимается человеком как установление Высшей Воли, которая поэтому и судит человека за отступление от этого сверхчувственного порядка. Нравственность не создает религию, возражает Несмелов Канту, а только осуществляет ее. Из этих религиозных интуитивных познаний и переживаний логически в человечестве развиваются понятия о Боге как Верховном Законодателе и Судье, а далее как о Промыслителе и Спасителе человека.

Несмелов очень убедительно доказывает, что «человеческая личность реальна в бытии и идеальна по своей природе, и самим фактом своей реальной идеальности она непосредственно утверждает объективное существование Бога как истинной Личности»⁷.

Таким образом, мы видим, что Несмелов, как и раньше, все свои рассуждения переводит на экзистенциальную почву. Для него идея Бога прирождена человеку. Он исходит из факта, а не из понятия, и этот факт не может быть ни философским, ни антифилософским, а просто лишь существующим.

Отправная точка антропологических построений Несмелова — это загадочная двойственность человеческого бытия в этом мире. С одной стороны, человек — дитя природы, «простая вещь» физического мира, подвластная жестким законам биологии, физиологии. Человек даже 6 минут не может прожить без кислорода. Эти законы равнодушны к тому, что человек, существующий, как неповторимая личность, разрушается подобно всему остальному. С другой стороны, человек, обладающий разумом, свободой и

⁵ Несмелов В. И., проф. Вера и знание с точки зрения гносеологии. — Казань, 1913. — С. 9.

⁶ Там же. — С. 64.

⁷ Наука о человеке. — Казань, 1905. 3-е изд. Т. 1. — С. 256–257.

нравственностью, ясно сознает свою безусловную ценность, выходящую за пределы мира вещей. Несоответствие идеальной природы личности человека реальным условиям приковывающего его мира делает его существо двусмысленным, исполненным внутреннего конфликта.

В человеке есть безусловное, надприродное начало — разум, самосознание, свобода и нравственность; значит, безусловное начало есть и вне человека, ведь материальное зеркало не может отражать несуществующий предмет. И здесь Несмелов делает сильнейший ход, выдвигая небывалую идею религиозной антропологии: человеческая личность является даже не зеркалом по отношению к Богу, а самим изображением Бога, и «образ Божий в человеке не возникает под формою какого-нибудь явления сознания, а представляется самою человеческою личностью во всем объеме ее природного содержания, так что это содержание непосредственно открывает нам истинную природу Бога, каким Он существует в Себе Самом»⁸. Человек лишь потому существует в качестве личности, что отображает в себе Безусловную Сущность и Личность. Истина бытия Божия утверждается здесь на неизвестных ранее основаниях. Бердяев даже называл это «несмеловским» доказательством бытия Божия. Мысль Несмелова, что образ Божий отображается не в какой-либо одной составляющей человека, например в уме, а в совокупности всех проявлений личности, продолжается в православной концепции «богословия образа».

Несмелов заявляет, что образ Бога вовсе не дан человеку в готовом понятии. Поэтому познание Бога происходит в процессе самосознания человеческой личности, и наоборот, «думая о Боге, человек думает о себе самом, и религиозное сознание человека в действительности всегда и непременно является составной частью его самопознания»⁹.

Несмелов убедительно доказал, что человек — не только элемент видимого мира, но и участник инобытия, безусловного и сверхчувственного миропорядка: сознание «я» указывает на действительное существование человеческой личности в качестве метафизической сущности. В самосознании человек выходит за пределы этого мира. Человек сознает себя личностью высшего порядка, а не вещью природного порядка, и это сознание не могло возникнуть из мира вещей, из порядка низшей природы. Сознание своего богоподобия есть сознание не от мира сего. Это сознание родилось из мира иного.

Люди приходят к религии через двойственность своей природы, через заложенное в них богоподобие наряду со звероподобием или природоподобием. В учении Несмелова о реальном отображении Бога в человеке — ключ ко всей его метафизике, его истолкования идей спасения и искупления. Ведь противоречивая двойственность человеческого бытия есть не только факт жизни, но и свидетельство виновности человека.

III

Несмелов строит очень оригинальную, как он выражается, психологическую историю первого преступления в духовном мире. Первый виновник

⁸ Несмелов В. И. Наука о человеке. — Казань, 1905. 3-е изд. Т. 1. — С. 270.

⁹ Там же. — С. 280.

падения возгордился высотой своего положения и возымел желание переподчинить себе мир, чтобы в этом «новом» мире стать богом. Люцифер вместе с тем понимал, что своим бытием он обязан Богу, о чем знали и другие духи. И вот он увидел в Боге своего врага и вспылал к Нему чувством непримиримой ненависти. Под влиянием этого чувства, если только о характере падшего духа можно судить по всем дальнейшим его действиям в человеческой истории (технология революций), он, вероятно, разразился дерзкой клеветой на Бога, стараясь приписать Богу все те нравственные недостатки, которые выросли из его собственной люциферской гордыни. Иначе совершенно невозможно объяснить хотя бы даже и относительный успех его провокации.

Эта катастрофа, вероятно, совершилась таким образом. Люцифер, прикрываясь мнимой любовью к своим собратям и будто бы ратуя за их интересы, искусно забросил в них первую ложную мысль, что Бог создал духовный мир только в угоду своему эгоизму, для славословия: «Свят, свят, свят Господь Бог Саваоф». Эта мысль подрывала собою веру в безусловную святость Бога.

Вторая мысль — что духи при других условиях своего существования достигли бы божеской славы. Эта идея возбуждала чувство самолюбия и мятежные мечты о новых счастливых условиях жизни: «мы наш, мы новый мир построим, кто был никем, тот станет всем». Под этим не раз опробованным, на первый взгляд, гуманным лозунгом скрываются невиданные воинственные, гордо называющие себя революционными, якобы занимающиеся «социальным творчеством» силы, на самом деле разрушительные и абсолютно враждебные интересам любого стабильного общества. На примере истории многострадальной России видно, сколько раз ее народ пытались превратить из творца истории в марионетку, в бездуховного раба. Наше государство еще держится, кажется, лишь исконным, неиссякаемым доверием к первому лицу государства, на основе своей неизбывной памяти в прошлые свершения русского Царя, у которого всегда была цель, объединявшая русскую нацию. Но враг человеческий не теряет надежды уничтожить Православную страну, которой приходится сегодня противостоять и внутренним, и внешним вызовам. Среди них наиболее показательны примеры так называемых цветных революций, на самом деле являющихся формой евро-атлантической экспансии, порождающей химерные социальные антисистемы, а также «бархатные» диктатуры оккультного банковского капитала. Сегодня только Православие, стоящее на страже национальной, личностной самоидентификации народа, может противостоять этим нарастающим угрозам.

И наконец, третья, открыто провоцирующая идея Несмелова о том, что интересы свободно-разумного ангельского мира не только чужды, но совершенно противны Божиим намерениям, а они, духи, в сущности оказались лишь роковыми жертвами Его деспотии. Эта третья мысль в принявшем ее духе вызывала чувство протеста и вражды. «И произошла на небе война: Михаил и ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним» (Апокалипсис, 12, 7–9).

Люцифер после грехопадения и войны в духовном мире перенес свою бунтарскую деятельность в пределы земли. Здесь также находились свободно-разумные существа и благоговейные читатели Бога — это были первые люди. Дьявол подействовал на людей не путем внутреннего голоса их собственной мысли, а через говорящего змия, т. е. путем внешнего голоса физической природы. Дьявол провоцирует конфликт между людьми и Богом по вышеприведенной схеме: «Знает Бог, что в день, в который вы вкусите их (*запретные плоды*), откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3, 5). Ева нарушила заповедь, вкусив запретный плод с древа познания добра и зла, не имея враждебного чувства к Богу, чего добивался змий. Ева думала только о себе самой и обольстилась необычайно легкой возможностью достигнуть божеского ведения с помощью материального внешнего средства, запретного плода, приняв его внутрь.

Итак, преступление, по Несмелову, состояло в том, что люди захотели, чтобы их высокое положение в мире зависело не от свободного развития ими своих духовных сил, а от физического питания их известными плодами; они, в сущности, захотели того, чтобы их жизнь и судьба определялась не ими самими, а внешними материальными причинами. Люди дарованную им Богом свободу подчинили закону механической причинности. Что на первый взгляд облегчило их существование, ведь, как известно, «Царствие Божие силою берется». Да, для этого Царствия нужна сильная мировоззренческая позиция, устойчивость традиционных социальных и культурных отношений. Кажется, гораздо легче покориться злу, не требующему духовно-нравственных усилий, покориться, не задумываясь, что тем самым приближаешь конец света. Поэтому так беспрепятственно во многих странах, некогда являвшихся столпами христианской цивилизации, сегодня укореняется новый мировой порядок, в котором человек должен отказаться от Образа и Подобия Божия, от скрижалей Завета и принять звероподобие «золотого тельца». Сегодня, в современную эпоху буржуазно-либеральной реставрации, навязываемого СМИ безальтернативного процесса глобализации, уже на наших глазах появляются предпосылки жестко регламентированного международного разделения труда, унификации национальных государств, замены этнокультурного своеобразия на «общечеловеческие», антихристианские ценности торгашеско-ростовщической цивилизации, которая смертельно боится только Евангельского света Христовой истины.

Антропологическая теория Несмелова дает объяснение, кажется, и сегодняшним вариантам развития человеческой цивилизации. С грехопадением человек изменился не в существе своей природы, а только в соотношении ее элементов. Он не потерял ни ума, ни чувства, ни свободной воли и сохранил ту же самую физическую организацию. И тем не менее он все-таки действительно стал совсем другим человеком, потому что его падение осуществило в нем то роковое противоречие тела и духа, которое, как наличный закон его природы, подчинило его физическому закону греха и одновременно поставило его в ненормальное отношение и к Богу, и к миру. Первозданная иерархия в человеке, ранее открытом для благодати и изливавшем ее в мир, — перевернута. Дух должен был жить Богом, душа — духом, тело — душой. Но дух начинает паразитировать на душе. Душа становится паразитом тела — поднимаются страсти, которые губят тело (болезни «на нервной почве»). А потом и тело становится паразитом, убивает, чтобы

питаться. Люди вначале были вегетарианцами. В силу падения людей и все творение потеряло разумную цель своего бытия, «потому что тварь покорилась суе не добровольно, но по воле покорившего ее... Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится доныне» (Рим. 8, 20–21).

Так с грехопадения прародителей началось блуждание человека по дорогам истории в поисках истины и смысла жизни, в поисках спасения и искупления от греха. После грехопадения люди хотя и оказались недостойными Бога, однако хотели принадлежать одному Ему. Окончательной победы над людьми диавол не одержал — они не подняли бунт против своего Творца, подобно падшим ангелам.

В Лице Иисуса Христа в мир неправды явился праведник в собственном смысле этого слова. Никогда не следуя внушениям человеческой плоти и крови, Христос действительно раскрыл в своей человеческой жизни такую полноту нравственного совершенства, которая возможна только в жизни истинного человека от Бога. Его земная жизнь явилась совершенным воплощением мысли о жизни самого Небесного Отца. Он — Иисус Христос, впервые полностью осуществил Божию мысль о бытии. Уже одним тем, что Сын Божий жил в этом мире, Он вполне оправдал Божие дело создания мира, т. е. Христос явил оправдание Бога в Его творческой деятельности. Но это еще не оправдание людей пред Богом за их уклонение от Божия закона жизни.

Для Иисуса Христа смерть не была необходимостью: в Нем дух не служил смертному телу, а тело являлось органом нравственной жизни бессмертного духа. Поэтому Иисус Христос выпадал из общей закономерности, и поэтому Его мученическая смерть была искупительной, она уничтожила грех в мире. Личность Христа и есть тот богооткровенный ответ на загадку о человеке: Христос есть абсолютный божественный Человек, предвечно осуществленный Образ и Подобие Отца. Он добровольно принес Себя в искупительную жертву, и таким образом спас от гибели жизнь грешного мира.

Но каким образом крестная смерть Иисуса Христа может уничтожить все грехи?

Потому что Им, Словом, было создано все, что на небесах и на земле, видимое и невидимое: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог... Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть» (Ин. 1, 1,3). Т. е. Иисус Христос имеет особое отношение к миру. Потому что Он истинный Творец всего мира, Он действительно может принять на Себя грехи своего творения, и значит, своей смертью Он действительно может уничтожить их. Ведь именно Сын Божий /Слово/ являлся причиной самого существования мира. Если бы Он не создал мира, то не было бы никакой погибели за грех. Хотя Бог и не повинен за происхождение зла, Он все-таки ответственен за происхождение мира. Поскольку Он — Творец мира, то Он во всех преступлениях грешного мира благоволил обвинить Самого Себя. Он снял грехи с грешного мира и принял на Самого Себя.

Следовательно, догмат искупления неразрывно связан с догматом о творении мира. Стало быть, для осуществления Христова дела в мире необходимо и сохранить этот мир как Божие творение и в то же самое время изменить его, потому что мир извратился. Это исключительное дело Божественной Премудрости Христос действительно совершил фактом своего

воскрешения. Человеческая природа Христа никогда не перестанет быть нашей природой, и материальное Тело Его никогда не перестанет быть частью нашего материального мира. Т. е. Иисус Христос вступил в состав своего творения, и мир стал уже другим. Поэтому Искупление мира Христом есть как бы новое творение.

Догмат об искупительной смерти Иисуса Христа Несмелов понимает слишком широко. Он считает, что это единственное средство для возможного очищения грехов всего преступного мира. «Кто желает искупления своих грехов, верует в действительность Христовой жертвы за грех и обращается к спасительной помощи Христа, тот, хотя бы даже он вышел из сонмища падших ангелов и хотя бы даже он был самым сатаной, все равно — может быть очищен и спасен святою кровью Христа; потому что и дьявол также — творение Божие, потому что и он также был создан Богом не для гибели, а для жизни вечной в светлом мире Божиих святых»¹⁰. В понимании этого догмата Несмелов находится под сильным впечатлением святого Григория Нисского, который, в свою очередь, придерживался идеи Оригена об апокатастасисе всего творения.

Несмелову принадлежит чрезвычайно оригинальное объяснение Воскресения Христова и воскресения всех умерших людей. Принятие на Себя благим Творцом крестной смерти не для «юридического» оправдания, а для фактического уничтожения греха привело к тому, что воскресение явилось в качестве «антропологического закона».

Если в основном рассмотреть несмеловскую концепцию пасхального догмата, то ее можно разделить на три общих положения:

1. Реальная жизнь своим противоречием разумному сознанию порождает в человеке идею спасения.
2. Эта идея может быть реализована только воскресением.
3. Благодаря Воскресению Богочеловека воскресение вообще приобретает антропологический характер, становится всеобщим и необходимым законом.

Несмелов очень убедительно решает христианскую проблему воскресения умерших в их прежних телах. Но прежде автор постулирует, что тождество человека создается исключительно единством его личности. Пока человек живет, в нем происходит постоянный обмен веществ. Все ткани организма в процессе жизнедеятельности постоянно обновляются, и умирает человек не с тем телом, с которым родился. Например, кровь в организме обновляется примерно за 4 месяца, кости медленнее. «Может ли он жалеть о том, что материальные элементы, которые, несомненно, входили в состав его организма, вышли из этого состава, а, напротив, элементы, которые не были его телом, вошли в состав его тела?» — задает Несмелов резонный вопрос¹¹.

Ссылаясь на апостола Павла (1 Кор. 15, 35–37, 42), Несмелов говорит, что неверно думать, будто бы человеческие души в день воскресения моментально вселятся в свои прежние тела, мгновенно созданные для них всемогущею силою Бога. Правильно думать, считает Несмелов, что души, по данной им от Бога энергии, сами «мгновенно разовьют свою собственную

¹⁰ Несмелов В. И. Наука о человеке. — Казань, 1905. 3-е изд. Т. 1. — С. 337.

¹¹ Там же. — С. 406.

творческую деятельность и сами образуют себе свои будущие тела; так что воскресение, стало быть, произойдет путем мгновенного повторения того же самого творческого процесса жизни, которым образуются живые тела людей и в настоящий период их земного существования»¹².

Таковы, в самых общих чертах, богословские воззрения Несмелова. Разумеется, некоторые частности его системы не выражают всей глубины православного богословия. Оценки его «Науки о человеке» современниками отличаются до диаметральной противоположности. Мы считаем, что если не касаться весьма свободного истолкования Несмеловым некоторых Таинств и догматов, а говорить лишь о «чистой антропологии» (насколько это возможно), то Несмелов стоит на православных позициях. Заслуга его в том, что он первый в России создал православную антропологию как **систему** и попытался философски выразить то, что открывает нам христианство в человеке. Антропология для Несмелова есть ключ к тайнам Бога и человека. Об авторе можно говорить как об одном из предшественников религиозного экзистенциализма. Антропологизм Несмелова требует трансцендирования, восхождения к Богу как Абсолюту. Виктору Ивановичу Несмелову вменяется в заслугу и то, что он не уклоняется от требований научного мышления, а, напротив, старается уяснить христианское Откровение при свете его¹³.

Несмелов показал и доказал высочайшее достоинство человека. Этот человек, как капля росы, отражает в себе мир, он «микрокосм», но в то же время человек является носителем и «образа Божия», поэтому он не простое дитя природы. «Христианство освободило человека от власти космической бесконечности, — писал русский философ Н. Бердяев, — в которую он был погружен в древнем мире, от власти духов и демонов природы. Оно поставило его на ноги, укрепило его, поставило его в зависимость от Бога, а не от природы»¹⁴.

Появление православной антропологии Несмелова в условиях того времени надо понимать как защитную реакцию на материализм русской интеллигенции и на неправомерную идеологизацию естественных наук. Это неотъемлемая заслуга Несмелова. Его антропология противостояла теориям, в первую очередь дарвинизму, которые определяют человеческое сознание как результат эволюции материального мира. «Одно уже то обстоятельство, что человек мог обольстить себя желанием божественной жизни, что он мог не удовлетвориться своим действительным положением в мире и отверг это положение, — одно уже это обстоятельство само по себе доказывает, что человек — не случайное порождение земли и не прирожденный раб природы. Ведь простое животное никогда не создает относительно себя никаких иллюзий и поэтому никогда не отрицает существующей для него действительности»¹⁵.

Несмотря на то что нередко Несмелов-философ довлеет над Несмеловым-богословом, и тогда глубокие философские интуиции и прозрения оказываются в зависимости от рассудочных схем или доводов здравого смысла,

¹² Несмелов В. И. Наука о человеке. — Казань, 1905. 3-е изд. Т. 1. — С. 408.

¹³ См.: Николлин И. Философия христианства // Богословский вестник. 1903. №7/8. — С. 658.

¹⁴ Бердяев Н. А. Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники) // Вопросы философии. 1989. № 2. — С. 159.

¹⁵ Несмелов В. И. Вопрос о смысле жизни в учении Новозаветного Откровения. — Казань, 1895. — С. 3.

несмотря на то что сухой и тяжелый стиль с необыкновенно громоздкими предложениями является причиной того, что Несмелова мало читают, его антропология по-прежнему не потеряла своего актуального значения. Мы видим, как сегодня человека насильно и планомерно пытаются довести до уровня такого «простого животного», не обладающего достаточным духовным опытом для оценки и тем более отрицания «существующей действительности», которая по замыслу адовых сил должна состоять из насилия, диктата и манипулирования сознанием масс. И в этом смысле творчество Несмелова нужно рассматривать не только как наследие, но как элемент серьезной современной духовно-нравственной программы, которая должна быть разработана в укрепление основ Российской государственности, обеспечивающейся при обязательном условии усиления влияния Русской православной церкви на все стороны жизни сегодняшнего российского общества.

IV

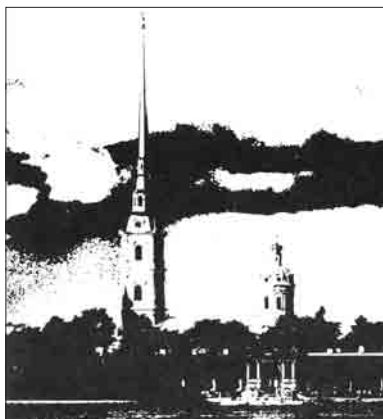
В 1917 г. произошла революция, и в начале 1919 г. занятия в Казанской духовной академии были фактически прекращены. В 1921 г. Академия была окончательно закрыта и Несмелов потерял работу. Он, заслуженный ординарный профессор, кавалер орденов Анны, Станислава, св. Владимира, подавал на конкурс в Казанский университет по кафедре психологии, но получил отказ. Трагедия Несмелова усугубилась тем, что его старший сын Валентин стал сотрудником Казанской ЧК. Он руководил отрядом при экспроприации монастыря во имя Раифских мучеников под Казанью, где была дача Несмеловых. Во время стычки был убит сбежавшими на церковный набат крестьянами 15 июня 1918 г. На следующий день были расстреляны все иноки обители и крестьяне близлежащих деревень (Евгеньев П. Обелиск в Раифе. Казань, 1969 г.).

В 1930 г. творец «Науки о человеке» был обвинен ОГПУ как один из руководителей контрреволюционного центра. Это известно как «дело» профессоров, епископов и монахинь. Дело разбиралось почти 2 года. В 1932 г. Несмелов был арестован. Ему инкриминировалось, что он во время частных бесед со студентами рекомендовал учить философию по Гегелю. Имен Маркса и Ленина в связи с проблемами философии не упоминал. Причем заявил, что Маркс, с точки зрения профессионала-философа, — просто жалкий немецкий бюргер. Особое негодование следователя вызвало утверждение профессора о том, что христианство и диктатура пролетариата несовместимы. В следственном деле приводился отрывок из дневника Несмелова: «Пламя классовой вражды, поминутно раздуваемое, вой гиен и шакалов, ищущих добычи для подвалов, ссылок, тюрем... Это беспросветная, затяжная, перманентная духовная пурга, бесовская свистопляска»¹⁶. Несмелову повезло, и после кратковременного ареста его, уже старого и больного, освободили.

Скончался он в июне 1937 г. и похоронен на Арском кладбище г. Казани. На могиле стоит крест с надписью: «Профессор философии Несмелов Виктор Иванович 1863—1937».

¹⁶ Султанбеков Б. Меч над крестом и полумесяцем: «дело» профессоров, епископов и монахинь // Газ. «Советская Татария», 14.11.90.

Петербургский ПИСАТЕЛЬ

Валентина ЕФИМОВСКАЯ

ПОРТРЕТ

*К 65-летию Александра
Леонидовича Казина*

В рубрике публикуются литературно-критические статьи, эссе, рецензии, посвященные творчеству современных петербургских литераторов. Сегодня петербургская литературная школа является одной из основных в России, однако, по ряду причин, связанных с проблемами русской культуры в целом, не достаточно известна широкому российскому читателю. Это связано и с тем, что современные СМИ навязывают миф о том, что «прервалась связь времен», что оборвалась «златая цепь искусств». Оценка творчества петербургских писателей, работающих в исконных традициях русской классической литературы и эти традиции продолжающих и обновляющих, поможет нашим читателям составить представление о целостности и непрерывности современного литературного процесса.

Чистое, непорочное, прекрасное, как невеста, стояло произведение художника... Все тут, казалось, соединилось вместе... Но властительней всего видна была сила создания, уже заключенная в душе самого художника. Последний предмет в картине был им проникнут; во всем постигнут закон и внутренняя сила... Видно было, как все извлеченное из внешнего мира художник заключил сперва себе в душу и уже оттуда, из душевного родника, устремил его одной согласной, торжественной песнью.

Н. В. Гоголь «Портрет»

Велики художественные творения, обладающие подобной «согласной, торжественной песнью». В истории искусства объединены они общими закономерностями, «силой создания», без которой невозможно сотворить «чистое, непорочное, прекрасное» произведение, так восхитившее Гоголя. Но если русский живописный образец в приведенном классическом описании безошибочно узнаваем, то где литературные примеры, которые можно было бы охарактеризовать подобными возвышенными словами и поставить рядом с этим художеством? Приходит на память сожаление о сожженном втором томе «Мертвых душ», где автор, как он сам решил — безуспешно, попытался вывести образ идеального героя. Скоро красочно, объемно вспоминаются обольстительный Демон из поэмы М. Лермонтова, возбужденный страстью игрок Герман из «Пиковой дамы» или покоряющий необузданной силой Пугачев А. Пушкина. Все они мастерски созданные, убедительные в своих низменных проявлениях, в блеске темного жизненного опыта, кажется, сродни беспощадному обитателю гоголевского «Портрета». Не один век он символизирует неистощимые «энергетики

инфернального мира», особо активизировавшегося в наше время, и, кажется, своим страшным, прожигающим взглядом высвечивает отрицательные уровни современной культуры так называемого прогрессивного общества, открытого для «инвольтации низовых энергий».

С их объявления и образного определения, как бы сразу отчеркивая от энергий высших, творческих, петербургский писатель, доктор философских наук, профессор Александр Казин начинает свою книгу «Великая Россия». Уже в предисловии к ней он обозначает метафизическую границу между разнонаправленными мирами, восточно-православным и западно-католическим, «иоанновским» и «фаустовским». Ученый, исследовавший во многих своих философских трудах законы миропорядка, уверенно проводит оси духовных координат. Говоря о внутренней «пустоте цивилизации, обладающей колоссальной финансовой, технической и информационной мощью», утверждая, что «художник-модернист не в силах творить как Бог, будь он хоть сам Сальвадор Дали»¹, писатель в своей философской системе, кажется, подтверждает объективный физический закон, свидетельствующий, что дивергенция, то есть степень изменения потока векторного поля, для закрытой системы равна нулю. Проще говоря, если в рассматриваемом объеме нет источников, основанных на духовных законах, если «Бог умер», то творческого решения-развития нет, как нет самого творчества.

Этот бездуховный уровень «черной дыры» Александр Казин устанавливает в начале книги как граничное условие, наличие которого необходимо в решении основной задачи, сравнимой со сложнейшими, поэтапно исследуемыми на протяжении столетий физическими задачами, стремящимися выявить обобщенную картину мира и место человека в нем. Параллель философского исследования здесь можно провести на том основании, что и физическая, и духовная Вселенная являются единым, гармоничным целым, существующим по своим, отнюдь не хаотичным законам, которые интуитивно или сознательно чувствует человек на примере собственной целостности, в наивысшей степени проявляющейся в Боге. Писатель создает свою философскую систему на стыке религии, истории и культуры, в которой впервые так систематически, так доказательно и обоснованно выявляет органическую связь между христианством, эстетическим мировоззрением и духовно-положительным творчеством, чем определяется творческий характер этого философского исследования. Множественные разнообразные источники он приводит в соответственное единство, что позволяет рассматривать представленную философию как живой, целостный организм, творчески ассимилировавший в себе воспринятые элементы. Работа оригинальна и в совокупности генеральных воззрений, основанных на православной традиции, и в художественных деталях. Свою научную обобщающую систему философ выводит на примере истории России, русской духовной традиции и культурной типологии православного Востока. Как поясняет писатель, «не претендуя на ведение путей Господних», он стремится осмыслить «реальные события отечественной культурно-исторической жизни как знамения замысла Божия о России»².

¹ Казин А., «Великая Россия», — СПб., 2007. — С. 7.

² Там же. — С. 11.

Заглавие книги говорит о том, что она о России, о той объективной реальности, для названия которой автор выбирает символичное определение — великая — превышающая обычную меру. Многомерная в своем материальном и духовном началах и в категории пространства-времени, иерархично структурированная, Россия, действительно, кажется, не умещается в рациональное человеческое сознание. Но она вмещается в любящее сердце писателя, признающего на страницах своей книги ей в любви, не раз повторяющего, что при любых, даже самых тяжких условиях он может жить только в России. Эта любовь есть движитель философской теории ученого, которую он создает на основе уже существующих множественных, подчас неупорядоченных знаний и собственного обширного научного и религиозного опыта. Понятно, что должно быть объединяющее методологическое основание, особые критерии, позволяющие из различных опытов создать целостную картину. Этим базисом является духовно-нравственная установка церковно-православной традиции и сама русская вера, которую вместе с национальным языком философ помещает в духовный центр цивилизации, в центр креста, с вертикалью нетварных энергий, исходящих от Абсолюта (Образа бытия), и горизонталью тварного существования. Это, как говорит писатель, «верующая любовь или любовная вера представляет собой основу русской цивилизации»³, принципиальную метафизическую схему которой невозможно представить без диагонали культуры, колеблющейся между светом и тьмою, между святостью и демонизмом.

В своей книге русскую цивилизацию философ исследует именно в поле культуры, сквозь призму художественного творчества с учетом его отечественной духовно-типологической специфики, как будто следуя словам Василия Великого, сказанным в IV в. н. э.: «Мир — это художественное воплощение Божественного замысла». Божественный замысел о России Александр Казин выявляет на примерах различных явлений культуры. Книга насыщена множеством художественных образов, эстетических систем, связанных с выдающимися русскими именами, наполнена известными литературными героями. Кажется, можно сказать, что в ней проявляется метафизический принцип фрактальности, по которому «каждая выделенная из целого физическая (метафизическая) категория (часть) в каком-то смысле подобна целому»⁴. Зримо на страницах книги единое, состоящее из частей, восстанавливает свое единство в проявлении каждой из своих составных частей. Одним из наглядных исторических примеров такого восстановления представляется упомянутая в эпиграфе картина А. Иванова «Явление Христа народу». Ее классические характеристики и законы построения, возможно, помогут рассмотреть и представленное философское исследование, которое так ясно, ярко, многоцветно, образно, полно и глубоко, что, кажется, его можно воспринимать не только как знаковую систему, но по аналогии с живописью созерцать и ощущать, рассматривать в границах света, цвета, ритма и композиции.

Композиция книги представляет отличительную особенность. При всей своей сложности, кажущейся несимметричности она обладает стилевым и масштабным единством, художественной пластикой, исторической перспекти-

³ Казин А., «Великая Россия», — СПб., 2007. — С. 149.

⁴ Владимиров Ю. С., «Возводя храм науки и веры», — М., 2003. — С. 107.

вой, духовной глубиной и, по сути, является наиболее убедительной формой выражения творческого замысла автора. Книга состоит из шести разновеликих и взаимосвязанных частей, в которых Россия, как духовная, культурная и художественная реальность, представлена в своем религиозном, философском, литературном, кинематографическом и политическом проявлениях. Изложение богато теоретическим материалом, рассмотрение которого ученый производит на научной основе, в границах строгой аналитической логики. Теоретическое рассмотрение философского смысла культуры как «человеческой проекции божественных энергий, проливаемых в мир по любви Творца», исследование соотношения конечного и бесконечного в понятии символа, наличия божественного Первообраза в образе позволяют автору выстроить устойчивую методологическую систему в решении теоретико-философских проблем. Понимая, что их невозможно решить в отрыве от исторических достижений мировой философской мысли, без сопоставления с западным либерально-эгалитарным процессом в его развитии вплоть до современного inferнального тупика, автор, исследуя нисходящие пути западной философии, создает драматическую картину возрастания человеческой самости и, как следствие, — приближающегося конца западной культуры.

Как в вышеупомянутой повести Гоголя, философ противопоставляет два художественных полюса. На одном — торжество информационно-пропагандистской псевдокультуры, подготавливающей вмещающее пространство-время антихриста. На другом — смыслоподобная картине А. Иванова одухотворенная картина Русского Царства, в котором поныне не произошел процесс секуляризации культуры, где еще существующая «русская соборная душа смогла утвердить на земле наименее подверженную греху христианскую Церковь»⁵, хотя «Святая Русь, заливаемая со всех сторон волнами мировой апостасии, ушла на онтологическую глубину, но тайно продолжает жить во Христе»⁶.

Историософию «жития во Христе» автор подробно исследует на художественных примерах трех основных периодов существования России: золотого, допетровского — когда Русь была теократическим государством и духовной практикой подтвердила свое название — Святой; серебряного, императорского — когда волны мировой апостасии заставили изменить традиционные образы русской идеи в их зримых проявлениях, но не затронули онтологических глубин; железного, советского — когда Россия ценой невероятных жертв и лишений все-таки сберегла в народной душе искру веры. Разделяя исторические периоды, автор, однако, не разделяет христианских путей. В его представлении русский путь ко Христу — один, и на этом единственном пути стоят все герои книги. Среди них митрополит Илларион, прп. Сергей Радонежский, прп. Иосиф Волоцкий; государственные деятели, такие как Петр I; русские философы Киреевский, Чаадаев, Леонтьев, Соловьев; поэты Пушкин, Тютчев, Блок, Твардовский и их поэтические герои; выдающиеся русские прозаики Достоевский, Булгаков, Солженицын и их литературные персонажи; в книге представлены кинорежиссеры Тарковский, Панфилов, Шукшин и их кинематографические образы. И многие другие. Кажется, разновелики, несопоставимы, спорны эти личности, кото-

⁵ Казин А., «Великая Россия», — СПб., 2007. — С. 120.

⁶ Там же. — С. 118.

рых писатель располагает в пространственно-временной иерархии склоненными перед Христом, образа Которого в этой философской картине нет. Просветленная красота произведения, основанного на христоцентричности, достигается изображением образа веры, что для философии, которая по определению, как говорит писатель, лишь «полагает предмет своего знания как продукт человеческого ума», является ступенью совершенствования, приближением к исихастскому опыту. Ученый исследует не отвлеченную философию религии, которая есть «осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11.1), не умопостигаемые рассуждения о «предельных основах бытия», не нравственное самосознание, но сложную картину богосознания человека, отражение полноты Божьего образа в нем. Для этого писатель использует особые художественно-выразительные средства, разрабатывает собственные творческие приемы.

В исторической книге автору безыскусно удается передать свой взгляд из настоящего в прошлое и в пределы, доступные взгляду А. Фета: «Прямо гляжу я из времени в вечность», то есть создать временную дистанцию, передать длительность времени. Это очень сложная задача, которая достигается автором философского труда не только с помощью мотива предстояния, не только традиционным образным строем, привлечением образов вечности и творческих личностей, в эту вечность вошедших. Писателю удается с помощью усложненной композиции, в которой, кажется, работают скрытые, естественные обратные связи, в которой наблюдаются неоднократные, на первый взгляд не требующиеся повторения основополагающих мыслей, создать глубокий, как будто гулкий, низкочастотный периодический ритм. Подобный звуку колокола, он исключает ощущение преходящего момента, способствует не разрыву, но сложению образов разных эпох, что позволяет видеть «весь... ход обращения человека ко Христу»⁷. Эти слова Николая Васильевича относились к картине «Явление Христа народу», которой по многим смыслам созвучна масштабная, философская книга Александра Казина.

Это произведение при всей своей теоретической, композиционной сложности, при обилии действующих лиц имеет особые, духовные узлы, «сгустки света». Так автор называет один из центральных образов предстояния, выведенный в кульминационном разделе книги — «Феноменология любви» — образ Пушкина, который создается только на основании его поэзии. На протяжении всей книги лейтмотивом проходит основная мысль православного философа, что вера — это в первую очередь любовь, а истинная любовь — обязательно вера. Не раз в своей книге ученый приводит слова Апостола Павла. Их повторение, их пульсирующий ритм, формирующий и как будто сдерживающий сложнейшую композицию книги, есть пример того уникального внутреннего колокола, набатно повторяющего: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, то знаю все тайны и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставить, а не имею любви — то я ничто. И если раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, — нет мне в том никакой пользы» (I Кор. 13, 1–3). Художественный образ этого непреходящего бесценного «имения», на мой

⁷ Гоголь Н. В., цитируется по книге: Третьяков «Образ в искусстве», 2001. — С. 93.

взгляд, лучшие страницы книги. Это определяется не только благодатными пушкинскими строками, среди которых, как замечает Александр Казин, «нет ни одной строчки без любви», но и той особой творческой радостью, озаренной неистощимой любовью автора книги к русскому поэтическому гению и к своему Отечеству во всех ипостасях его бытия, с которой эти страницы были созданы. В главах о Пушкине, кажется, происходит такое сложение многих источников любви, такое ее усиление, что дивергенция, о которой речь шла применительно к бездуховному искусству, выражает энергетическое приращение, которое само становится источником творчества. Иначе нельзя назвать то творческое переживание, которое возникает при чтении главы, посвященной православному пониманию любви на примере поэзии Пушкина. И это переживание является подтверждением одной из главных мыслей книги, что истина неосуществима одним (одиноким, «единственным») человеком и, наоборот, подлинное — любовное соединение реально только в истине. Такое соединение происходит в одном из великих литературных соборов — в любимой всем народом поэзии Пушкина.

Философ очень бережно, с соблюдением глубокой иерархии духовного строя пушкинской поэзии, с четким пониманием его созерцательной онтологии, вослед его священной любовной силы исследует творчество гениального поэта и показывает, что для него высшей значимостью обладают в конечном счете сверхличные и даже сверхчеловеческие горизонты бытия. «Пушкин, подобно Данте, ведет героев и читателя к Первообразу всех образов, о котором он, тем не менее, как наследник исихастской традиции, целомудренно молчит»⁸. На примере романа «Евгений Онегин», сказок, особенно «Сказки о царе Салтане», и стихов поэта Александр Казин показывает, «как православный поэт-провидец идет к истине вместе со своими героями и читателями через общение с ними в любви»⁹. У Пушкина любовь к человеку не подменяет веру и любовь к Богу. На примере «Сказки о царе Салтане» писатель блистательно, живописными приемами, используя в своем изложении богатую пушкинскую красочную палитру, в которой преобладает свет золотой, но допускается и черный, показывает, как счастливо происходит синергия — согласное действо божественной и человеческой воли. В философских терминах ученый как будто пересказывает эту сказку, да так ладно, что не остается сомнения в том, что Пушкин, действительно, — «совершенное эхо Бога» и самый чистый и мощный «отклик на зов Бога», прозвучавший единственно на русском языке. Но автор идет дальше, своим любящим гениального поэта сердцем он, кажется, видит, на каких онтологических уровнях происходит таинство «положения красоты в творение» в творчестве Пушкина. Но все аналогии суть главного вывода — «Россия полюбила его навеки, потому что нашла в нем полнейшее отражение своей собственной судьбы»¹⁰.

Философ на страницах книги не только исследует творчество русского гения, но и отстаивает его в заочных философских спорах с коллегами. Быть убедительным писателю удастся не только своей мудростью, но средствами стиля философского изложения. Так как русская философия во многих примерах есть исповедь на пути к истине, а исповедь, понятно, требует особого

⁸ Казин А., «Великая Россия», — СПб., 2007. — С. 265.

⁹ Там же. — С. 267.

¹⁰ Там же. — С. 288.

строю изложения, то можно предположить, что и для философии требуется особый, сокровенный язык, который, скорее всего, должен быть ближе к поэтическому, метафорически-иносказательному. Именно на такие размышления наводит высокохудожественный стиль, который наблюдается в изложении богословско-философских мыслей в книге Александра Казина. Писатель, с благоговением относящийся к предмету своего исследования — великой русской культуре, в которой литература занимает главенствующее место, может себе позволить говорить образно, как, например, о поэме М. Лермонтова: «Царь на Москве рядом с солнышком и тучками — но он не само Солнце. Он не себе служит — «не моя воля, но Твоя да будет» (Лк. 22, 42). Потому и служба русскому царю — не личная, а сверхличная, потому и нельзя грустить на пиру у русского царя. Царская служба, как и царская радость, — это соборная служба и соборная радость, «народная монархия», где народ принимает правителя не по удобству своему, а по смотрению Божию»¹¹.

Однако писатель пользуется метафорами очень сдержанно, не забывая, что они не должны отвлекать на себя внимание от главного — от мысли, которая в первую очередь должна быть хорошо сформулирована и понятна. Поэтому в достаточной, кажется, мере текст книги удовлетворяет суровому требованию Ю. Лотмана, считавшего «соединение художественной функции с магической, юридической, нравственной, философской, политической составляет неотъемлемую черту социального функционирования того или иного художественного текста. При этом здесь чаще всего налицо двухсторонняя связь: для того чтобы выполнить определенную художественную задачу, текст должен одновременно нести и нравственную, политическую, философскую, публицистическую функции, и наоборот: для того чтобы выполнить определенную, например политическую, роль, текст должен реализовывать и эстетическую функцию. Конечно, в ряде случаев реализуется только одна функция»¹². Примером ошибочности обобщающего последнего замечания Ю. Лотмана служит многофункциональность текстов в книге Александра Казина, отличающихся вдобавок стилистической вариативностью, тембральным разнообразием, в зависимости от того, к какому литературному творчеству обращается ученый.

Так, например, о творчестве А. Блока автор пишет в просветленной образности поэмы «Двенадцать»: «...В лирической поэтике Блока божественная София воплотилась в русскую революцию, а двенадцать красногвардейцев оказались апостолами, предводительствуемыми Самим Христом. Другими словами, в поэзии Блока как нельзя лучше проявляется тот самый русский соблазн: коммунистическая революция трактуется как конец мира сего, как мировое Спасение»¹³. О певце империи и христианского духовного космоса Ф. Тютчеве говорит словами величественными, в тональности тютчевской философской лирики: «Бытие вселенной в истоке своем есть духовный акт, энергично реализующий творческую идею Бога»¹⁴. Для романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» художник находит слова в системе антиномий, присущей всему произведению: «Булгаков намеренно обострил

¹¹ Казин А., «Великая Россия», — СПб., 2007. — С. 31.

¹² Лотман Ю. М., «О поэтах и поэзии». — СПб., 1996. — С. 22.

¹³ Казин А., «Великая Россия», — СПб., 2007. — С. 98.

¹⁴ Там же. — С. 318.

(радикализировал) противостояние образов «всесильного» демона и «бессильного» Иешуа в своем романе, чтобы показать всем духовное преимущество Света»¹⁵. О романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» Александр Казин пишет в социально-политической стилистике, выявляя при этом скрытое метафизическое осмысление революционной драмы: «В сущности, Юрий Живаго не с красными и не с белыми, его участие в жизни измеряется не столько социально-политическими, сколько религиозными и творческими категориями»¹⁶. В оценке творчества А. Солженицына философ сдержан и немногословен, потому что считает: «Сила А. И. Солженицына как мыслителя в том, что он мыслит в пространстве православно-русского ядра нашей цивилизации и культуры. Однако, как только он касается ее внешних обводов, он, на мой взгляд, нередко ошибается, и эта ошибка дорого стоит подчас и самому ядру»¹⁷. Заключительная небольшая статья в разделе «Литература» с символичным названием «Весна» посвящена христианскому смыслу одноименного рассказа В. Белова, написанного в советское время и содержащего жизнеутверждающую, пасхальную мысль о том, что «только в соединении с другим, в бытии-для-другого — и в конечном счете для Бога — ослабевает горе и рождается радость»¹⁸.

Мотив пасхальной радости не утихает и в разделе, посвященном художественному воплощению русской идеи средствами современного кинематографа, содержащем обстоятельные обобщающие теоретические исследования природы фильма, его языка и символики. Но наибольшей художественно-эмоциональной значимостью обладают частные примеры. Автор обращается к авторскому кинематографу Г. Панфилова, А. Тарковского и В. Шукшина. Творческие системы и фильмы, созданные этими художниками в советские времена, кажется, не имеют друг с другом ничего общего.

В них, кроме фильма «Андрей Рублев», напрямую не говорится ни о Боге, ни о православной традиции. Александр Казин очень убедительно, кропотливо, кадр за кадром рассматривая известные фильмы, показывает, что все они черпают свою художественную силу из одного источника — из логоса русского бытия, существующего под знаком вечности. Особенно поэтично антиномии русской веры через призму истории философ показывает на примере фильма-символа А. Тарковского «Андрей Рублев», который называет эстетическим православием». Много христианских мотивов в этом фильме, сурово показывающем, как искривление воли человеческой приводит к искривлению бытия, которое можно восстановить, «выпрямить» только идя по пути Христа. Философ согласен с автором фильма, что этот путь проходит по русской земле, где каждый должен понести свое испытание — «испытание Русью». И делает главный вывод: «жить в России невозможно — но жить должно только в России»¹⁹.

Эта мучительная невозможность наиболее полно показана в части «Культура и политика». Под таким условным названием Александр Казин представляет достаточно оригинальное свое сочинение, которое имеет

¹⁵ Казин А., «Великая Россия», — СПб., 2007. — С. 363.

¹⁶ Там же. — С. 368.

¹⁷ Там же. — С. 378.

¹⁸ Там же. — С. 386.

¹⁹ Там же. — С. 488.

подзаголовок «Философские беседы братьев Карамазовых» и написано в форме диалогов. Притом что писатель здесь в пояснительных отступлениях показывает себя талантливым прозаиком, умеющим говорить на высокоуровневом языке русской классической литературы периода ее Золотого века, в целом произведение (а его так можно назвать, потому что оно очевидно художественно и композиционно обособлено) оставляет ощущение игры. Может быть, философ и ставил задачу добиться такого эффекта, потому что речь идет о наших постмодернистских, апостасийных временах, временах компьютерных игр и симуляров. Автор двойников «братьев Карамазовых», заставивший их в беседах оценивать наше время, соблюдает различие извечных типологических мировоззренческих позиций героев в соответствии с замыслом Достоевского, но наше время передается, на мой взгляд, условно, схематично. Темы политических бесед, которые, вероятно, будут интересны по истечении какого-то срока, то есть в исторической перспективе как образ эпохи, сегодня кажутся вариациями телепередач и газетных публикаций, захлестывающих негативом. Через образ Алеши писатель пытается донести христианские истины, однако слишком большая социальная осведомленность этого героя, пригодная больше для ток-шоу, снижает духовную значимость этого образа. Однако все герои этого произведения в силу, как минимум, своей национальной принадлежности не исключаются философом из картины предстояния. Общее мучительное ощущение разлада нашего времени передать автору диалогов удалось во многом благодаря форме изложения. Свою работу он как будто делит между участниками игры, мнения которых по ходу беседы подправляет, корректирует возникающие трудности. Наполняя их образы своими мыслями, скрываясь за условными героями, писатель позволяет себе поэкспериментировать. Но в заключительной части книги под итоговым названием «Русская Победа» Александр Казин говорит только от своего сердца и имени собственного.

Пройдя сам и проведя читателя через иерархии социально-политических отношений с помощью образов русской и мировой культуры, писатель, кажется, доходит до самого ее «дна». Но титаническим усилием, понадобившимся для написания всей книги, в финале он вырывается к Свету и здесь сам присоединяется к извечному чину предстояния, встает рядом со многими своими героями. Неудобно, мучительно, жертвенно в русской цивилизации «это стояние» в верности Спасителю, осуществляющееся сквозь наступающий мрак. В тесном ряду тянущихся к Фаворскому Свету писатель противостоит мраку, создавая убедительный, просветленный формообразующей энергией Света художественный образ истинного лика Великой России. Он создает ее нетленный портрет, «поворачивая холст к небу». Подобно Гоголю, восхищенному творением А. Иванова, хочется воскликнуть: «Нет, нельзя человеку с помощью одного человеческого искусства произвести такую картину... благословенье небес почило на труде твоём»²⁰. Хочется верить, что этот портрет Великой России, не отказавшейся от несения креста, портрет, созданный философом в красках страдания и терпения, угоден Господу, потому что в нем «сквозит и тайно светит» Святая Русь и ее грядущая Победа.

²⁰ Гоголь Н. В., «Портрет», — М., 1959. Т. 3. — С. 125.

Александр КАЗИН

АНТИНОМИИ РУССКОГО ОПЫТА

Александр Леонидович Казин — родился в 1945 году в Смоленске. Окончил философский факультет ЛГУ. Доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения, старший научный сотрудник Российского института истории искусств. Член Союза писателей и Союза кинематографистов России. Автор многих книг и статей по философии культуры. Книга «Великая Россия. Религия. Культура. Политика» удостоена в 2008 году Всероссийской литературной премии «Александр Невский». Личная страница в Интернете — <http://lib.ru/>. Живет в Санкт-Петербурге.

В 2005 году президент России В. В. Путин публично назвал распад Советского Союза крупнейшей геополитической катастрофой XX века. Я думаю, что такой катастрофой был распад Российской империи в феврале–марте 1917 года. Советский Союз пытался — в рамках своей идеологии и крайне жесткими средствами — ее восстановить. Что касается современной России, то она оказывается (нравится это кому-либо или нет) наследницей и преемницей обеих империй.

ПРИСТРАСТНЫЙ СУД

Не так давно в одной телепередаче мне пришлось услышать формулу «нация, у которой нет ничего святого, не имеет права на существование». Поначалу этот афоризм показался блестящим, но чем дольше я его обдумывал, тем меньше он мне нравился. В конце концов я пришел к выводу, что с этой мыслью следует обращаться очень осторожно. Кто и по каким признакам будет судить народные святыни? Сама нация в целом, ее «лучшие люди», успех этой нации в том или ином деле (в истории), наконец, другие нации? Однако «лучшие люди» могут ошибаться, а другие нации, скорее всего, будут заведомо пристрастны...

Нынешняя ситуация вокруг России весьма напоминает такой пристрастный суд. Решительно расставшись с имперской идеологией и растеряв союзников, Россия сама накликала на себя подобных судей. И внутри и снаружи ей, что называется, не дают успокоиться. Особенно отличаются в этом наши «бывшие братья» из ближнего зарубежья («новая Европа»), а внутри страны — доморощенные критики собственного Отечества. То ли ряд круглых дат (70-летие договора Мо-

лотова — Риббентропа и начала Второй мировой войны) их озаботил, но они дружно навалились как на традиционные для них темы, так и на относительно новые, во всяком случае в массовом радио- и телеэфире. Россия — «тысячелетняя раба», цари-крепостники, революция как бунт некультурной черни и особенно сталинизм — вот хорошо объезженные коньки наших свободолюбивых умников. Теперь к ним прибавилось при-нижение русской Победы во Второй мировой войне и оправдание предате-лей, служивших в СС. В июле 2009 года парламентская ассамблея ОБСЕ приняла резолюцию «Воссоединение Европы», в которой фактически уравнивала фашистскую Германию и советскую Россию в качестве зачинщи-ков мировой бойни. С таким же успехом можно обвинить в развязывании Второй мировой войны Польшу Пилсудского, заключившего в 1934 году договор с Гитлером, или Англию с Францией, отдавших ему четыре года спустя Чехословакию...

Попробуем еще раз обдумать эти темы. Может, тогда станет яснее, что же действительно для России и русского народа свято, и заслуживают ли они вышеприведенных суровых приговоров?

ИСТОРИЯ КАК ОРУЖИЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

В декабре 2008 года телеканал «Россия» провел весьма убедительное — и прекрасно аргументированное — обсуждение образов и дел наиболее известных деятелей отечественной истории. Цифры последовавшего затем всенародного (50 млн человек) голосования «имени России» говорят лучше слов: из двенадцати деятелей нашей истории народ выбрал четырех царей и двух генсеков, среди которых такие «крутые», как Иван Грозный, Петр Великий и Иосиф Сталин. Помнится, в начале 90-х годов один из извест-ных московских деятелей после неожиданного для него результата выбо-ров (победа партии Жириновского) «приласкал» свою страну с телеэкрана: «Россия, ты одурела!». Может, он был прав?

Вот тут-то и выходит на поверхность своеобразие русской истории — и современности, — которого то ли не могут, то ли не хотят понять либерал-демократы и национал-демократы всех времен. Их главная ошибка — не-умение мыслить конкретно, в полноте истины, которая — особенно приме-нительно к России — как правило, не укладывается в рамки одного кате-горического суждения и нуждается, как сейчас говорят, в множественном дискурсе, то есть в системе взаимодополняющих суждений. В свое время наш выдающийся филолог и историк Г. Д. Гачев назвал это способностью пойти на подвиг противоречия, однако это не у каждого получается...

В самом деле, какую бы эпоху (или выдающегося деятеля) в истории (и современности) России мы ни рассматривали, мы тут же обнаружим внут-реннее противоречие (разнонаправленные векторы) в ее/его продуктивном действии, служащее предметом ожесточенных споров не только социологов, философов и политиков, но и «широких масс трудящихся». И спорам этим не видно конца.

Для «русских европейцев», например (и, как оказалось теперь, для убежденных этно-националистов), вся история русского Православного Царства есть нечто изначально враждебное русскому народу, да и всем

остальным цивилизованным народам вообще («рабовладельческая империя»). Для русских православных христиан — то есть для подавляющего большинства русских — отечественная история и государственность, от св. Владимира до Иоанна, от Иоанна до Петра, и от Петра до свщм. Николая, есть их собственная, народная история, русский религиозный и державный выбор. Для либералов Февральская революция — долгожданное освобождение от ига царизма, Октябрь — сатанинское наваждение, а белые генералы Гражданской войны — подлинные национальные герои. Для монархистов-патриотов Февраль — предательство великой Российской империи, а Октябрь — логическое продолжение Февраля. Последующая сталинская сверхдержава для коммунистов — предмет гордости, для либералов — концлагерь, а для многих наших современников — наследница целого ряда имперских традиций в их извращенной форме. Наконец, Вторая мировая война для патриотов — война России-СССР с оккультным нордическим рейхом, а для «внутренних» либералов (и их вдохновителей из ОБСЕ) — совместное предприятие Гитлера и Сталина против цивилизованной Европы, за которое фашистская Германия и Советский Союз — обе тоталитарные диктатуры — несут равную ответственность.

Сведем для наглядности эти противоречия в таблицу, расположив в левой ее стороне известный отрицательный тезис, а в правой — не менее известный положительный:

Русский народ	
Денационализированная и деклассированная толпа варваров	Народ-богоносец
Московская Русь	
Темное царство, дикость	Третий Рим, симфония Церкви и государства
Иоанн VI Грозный	
Жестокий тиран и опричник	Победитель Казанского и Астраханского ханства, талантливый писатель, один из самых образованных людей своего времени, первый боговенчаный Царь всея Руси
Петр Великий	
Деспот, западник, гонитель Церкви	Создатель империи, строитель Санкт-Петербурга, крупнейший реформатор России
Российская империя	
Рабовладельческая тюрьма народов	Одна из величайших империй в мировой истории, создавшая гениальную культуру
Николай Второй	
Безвольный и неудачливый человек, отрекшийся от престола своих отцов	Священномученик и исповедник, пострадавший за Святую Русь
Ленин	
Разрушитель традиционной России, богоненавистник и русофоб, вдохновитель красного террора	Собиратель России в форме СССР после либерально-революционного погрома

Сталин	
Один из самых кровавых диктаторов в истории	Победитель фашизма, создатель сверхдержавы, сохранившей русский народ от физического истребления Гитлером
Советский Союз	
Атеистический коммуно-интернационал, агрессор	Превращенная форма русской идеи и державности
Путин	
Офицер советской госбезопасности	Восстановитель единства России и Православной Церкви после либерального террора 1990-х годов
Современная Российская Федерация	
Циничный олигархат без идеологии, с отсталой технологией и без будущего	Новая идеологическая, государственная и хозяйственная ступень русской цивилизации
Русская интеллигенция	
Прослойка вестернизированных недоумков, не любящих и не понимающих собственную страну	Носитель умственного логоса Святой Руси

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ. КАК ЭТО ПОНИМАТЬ?

В свое время великий немецкий диалектик Гегель написал статью «Кто мыслит абстрактно?», которую я советую время от времени перечитывать всем скорым на расправу радикалам. Приведу небольшую выписку из нее: «Эй, старая, ты торгуешь тухлыми яйцами», — сказала покупательница торговке. «Что? — вспылила та, — мои яйца тухлые?! Сама ты тухлая! Ты мне смеешь говорить такое про мой товар! Ты? У которой отца вши заели, а мамаша якшалась с французами? <...> Короче, она не может допустить в покупательнице ни зернышка хорошего.

Она и мыслит абстрактно — подытоживает в покупательнице все, начиная со шляпок, кончая простынями, с головы до пят, вкуче с папашей и всей остальной родней, — исключительно в свете того преступления, что та нашла ее яйца тухлыми. Все оказывается окрашенным в цвет этих тухлых яиц, тогда как те офицеры, о которых говорит торговка (если они вообще имеют к этому какое-либо отношение, что весьма сомнительно), предпочли бы заметить совсем иные вещи...»¹.

Если перевести этот веселый рассказ на философский язык, то придется еще раз подтвердить, что истина конкретна. Легче всего взять одно («белое» или «черное») определение какого-либо события или лица и дать ему на этом тощем рассудочном (а точнее сказать, обывательском) основании категорическую оценку, как это и сделала упомянутая торговка. Где уж «торговочному» рассудку додуматься, что любая вещь — и уж тем более великие исторические события и люди — содержат в себе

¹ Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет: в 2 т. Т. 1. — М., 1972. — С. 394.

множество противоречивых определений, действий, последствий, знать и судить которые во всей полноте может только Сам Господь. В начале XX века выдающийся русский богослов и философ о. П. Флоренский употребил для характеристики подобной ситуации термин «антиномия», означающий по-гречески противоположность в самой сущности вещей (противостояние в законе), а Н. А. Бердяев в своей книге «Судьба России» прямо писал, что Россия может быть охарактеризована только противоречиями. «Эвклидовскому» человеческому уму (ratio) действительно трудно вместить в себя единство, а иногда даже тождество указанных определений. Впрочем, для этого не надо быть Николаем Кузанским, учившим о совпадении противоположностей в Абсолюте, или Кантом, классифицировавшим антиномии «чистого разума», — достаточно прислушаться к словам Писания о том, что первые будут последними, а последние первыми. Господь создал этот мир настолько таинственным и творчески напряженным, что он не выдерживает однозначных суждений, если только они не прямо продиктованы Высшим Разумом. Не случайно в Евангелии почти отсутствуют формально-логические (субъектно-предикатные) определения: божественный Логос изъясняется большей частью притчами. Высшая Истина содержит в себе всю полноту суждений, которая для нашего конечного и грешного ума неизбежно распадается на отдельные части. Можно до бесконечности спорить об «имени России» и о самой России, противопоставляя друг другу левые и правые стороны приведенных антиномий, — эти споры слишком напоминали бы прения остроконечников и тупоконечников в известном романе Д. Свифта, если бы они не приводили к расколу общества и в конечном счете к холодным и горячим гражданским войнам. Тем более когда в дело вступает конфессиональный или политический радикализм, видящий истину исключительно в самом себе, в своей резкой и, как правило, непримиримой абстракции². Сказанное, конечно, не означает, что остается только в изумлении созерцать указанную антиномичность человеческого бытия, ничего не выбирая и ни к чему не примыкая. Искусство познания состоит в том, чтобы по возможности верно исследовать, что и как происходило, а искусство мысли заключается в правильном выборе основной, доминирующей точки зрения на это событие или лицо. Как писал тот же Флоренский, здесь вступает в свои права своего рода «коэффициент ценности» того или иного исторического факта для субъекта-деятеля живой жизни, будь то отдельный человек, страна или целая цивилизация. На абсолютно точных и беспристрастных весах людей взвешивает только Господь Бог, а любая наука (и искусство, и философия) зависит от исходного ценностного выбора/идеала. Беспредпосылочное познание/творчество существует только в воображение позитивистов и постмодернистов.

Постараемся по мере сил разобраться в существе приведенных антиномий, не претендуя на их окончательное разрешение — повторяю, это дело не человеческого, а Божественного Разума, — а стремясь хотя бы более или менее правильно их осмыслить, не нагромождая в то же время новых непреодолимых разногласий.

² См. об этом: *Казин А. Л. Метафизика национального радикализма* // В кн.: *Казин А. Л. Великая Россия. Религия. Культура. Политика.* — СПб., 2007.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ЦАРЬ КАК РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК

Если начать с «основного звена», как выражались классики, то главная ошибка ниспровергателей России (как либералов, так и этно-националистов) — это отделение личности от Бога и государства. Личность ведь не просто самодовлеющая юридическая или телесная единица (особь), своего рода Робинзон в окружении дикарей, претендующих на его священные права. Личность в православно-русской цивилизации есть индивидуальное преломление «симфонического» (по выражению Л. П. Карсавина) образа народа. Точно так же народ не сводится к своей этнической, биологической составляющей. Исторический народ (суперэтнос) — это нация, обладающая религиозным, культурным и государственным самосознанием. По существу, именно об этом твердили все сколько-нибудь чуткие к своеобразию своего отечества мыслители XIX–XX веков, причем как традиционалисты, так и либералы. Именно К. Кавелину — теоретику русского либерализма — принадлежит глубокая формулировка (правда, со ссылкой на славянофила Ю. Самарина): «В идеале русском представляется самодержавная власть, вдохновляемая и направляемая народным мнением. Сама история заставляет нас создать новый, небывалый своеобразный политический строй, для которого не подыщешь другого названия, как *самодержавной республики*»³.

Вот в этом все дело. Русское государство — это всегда Царство, не только в форме истинной народной монархии (Третий Рим), но и в модусе петербургского абсолютизма и даже в превращенной форме советской власти («диктатура пролетариата») или нынешней псевдоморфозе «демократической» России (своего рода цезаризм). Либералы и националисты дружно молчат о том, что у них идет игра на понижение человеческого образа: личность (юридическая или биологическая) оказывается абсолютной самоцелью, своего рода *causa sui* (причиной самой себя). Вот тут-то и выходят на поверхность парадоксы русской истории — и современности. Недаром царская власть на Руси держалась так долго и прочно: православный народ предпочитал царя власти денег.

Наверное, нет в нашей истории фигуры более противоречивой, чем Иоанн IV Грозный. Слов нет — крутой государь был Иван Васильевич. Однако именно он избавил Русь от давления остатков Орды, начал освоение Сибири и сделал попытку выйти к Балтике. Что же касается его легендарной жестокости, то современники Иоанна на тронах самых передовых европейских стран значительно его перещеголяли. О Варфоломеевской ночи, устроенной по приказу французского короля Карла IX, я уже не говорю. В соседней Англии, в царствование короля Генриха VIII, объявившего себя главой английской церкви, происходило безжалостное «огораживание» крестьян, когда их сгоняли с земли, перемещая в «рабочие дома» (прообраз будущих трудовых лагерей), а несогласных просто вешали вдоль дорог сотнями...

Не менее грозный царь — Петр Великий: достаточно сказать, что в ходе петровской революции население страны уменьшилось почти на четверть. Именно Петр разрушил древнюю православную симфонию Церкви, народа

³ Кавелин К. Д. Разговор с социалистом-революционером // В кн.: Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. — М., 1989. — С. 436, 441.

и державы, отменил патриаршество и пытался построить нечто вроде европейского абсолютизма в протестантском духе. Однако где бы мы были сейчас без Петра? Можно сколько угодно осуждать его кровопийство («указы написаны будто кнутом», «утро стрелецкой казни», «варварская борьба против варварства») или считать, что Святая Русь после него кончилась, а Церковь в параличе — вся последующая судьба Отечества подтверждает его общерусскую и мировую правоту. Петровская Россия — Русь Серебряная, с ее Санкт-Петербургом, Пушкиным, Достоевским и Блоком — это вечный памятник воле и делу Петра. Конечно, часть народа заподозрила в Петре антихриста и затем ушла в «леса» и «на горы», чтобы не участвовать в его делах, но это разговор особый. Что касается «большой» истории России, магистральной линии ее вселенского служения, то нет сомнения в том, что функциональные петровские преобразования, и прежде всего заимствование западных технологий, лишь модернизировали Россию, но не убили Святую Русь. Непостижимо для ярких реформаторов («перестройщиков») и, может быть, для себя самого — Петр оставил в неприкосновенности сердцевину Святой Руси, хотя и передел столицу по-немецки. В голове самого Петра клубилось чудовищное смешение «французского с нижегородским», так что расчерченные по линейке невиданные перспективы поразительно сочетались у него чуть ли не с ордынскими приемами вестернизации подданных. Подобно неверующему священнику, совершающему Божественную Евхаристию, Петр Великий объективно подтвердил смысл русской истории как Крестоношения. В таком плане Петр Алексеевич Романов стал первым русским интеллигентом, предшественником того же Родиона Романовича Раскольникова, который ведь тоже земного рая («парадиза») захотел и для этого через кровь переступил. Конечно, до появления целого сословия людей, отличающихся «идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей» (Г. П. Федотов), в XVIII веке было еще далеко, но в этот сумбурный век как бы пресуществились основные темы русского раскола XVII столетия; в таком контексте верна мысль, что XVII век ведет к семнадцатому году.

Теперь о Николае Первом — еще одном излюбленном персонаже либерально-демократических страшилок. В декабре 1825 года, в самом начале своего царствования, он подавил государственный мятеж, грозивший России не меньшим хаосом, чем 1917-й, и заслужил вечную ненависть революционеров всех мастей. Если либералы прозвали его «жандармом Европы», то как назвать вдохновителей англо-французской агрессии против России в Крымской войне — тех самых «светочей прогресса», которые так нравятся нашим свободолюбцам? Может, это была благодарность Европы за освобождение от Наполеона? Кстати, именно при Николае Первом Пушкин перестал быть другом декабристов, стал другом царя, официальным историком Империи и написал грозные стихи «Клеветникам России». Именно в царствование Николая Первого Гоголь сложил свою поэму о Руси-тройке. И памяти Николая Павловича посвятил благодарственную статью выдающийся русский мыслитель В. С. Соловьев — кстати, сам во многом западник.

Наконец, последний законный русский Государь — Николай Второй. Вероятно, никто не вынес — и еще при жизни — столько клеветы и оскорблений, как он. Волею Промысла, Николай Александрович Романов оказался «крайним» в той цепи нисхождения (инволюции) нашей (и общеевропейской) истории, которая вела (и ведет) от христианской монархии к сетевой

власти олигархических кланов — «новому прекрасному миру». Ни Иоанн Грозный, ни Петр Великий, ни Николай Первый не смогли бы удержать рушащуюся с религиозно-онтологического «верха» к прагматически-буржуазному «низу» империю — разве что несколько задержать («подморозить») это падение. Его пресловутое отречение — акт, направленный на спасение русской крови от междоусобицы в условиях, когда большинство правящей элиты (как «правые», так и «левые») уже вошло в зону социального соблазна, подтолкнув туда же и уставший от затянувшейся войны народ. Между прочим, если бы Россия сохранила набранную в начале XX века экономическую динамику, она, как подсчитано специалистами, к 40-м годам XX века вышла бы на первое место в Европе (или даже в мире) по уровню своего хозяйственного и технологического развития. И до Москвы и Волги немцы в Первую войну не дошли — бои шли в Галиции и Польше. Но Бог судил иначе, и священномученик Николай причислен теперь к лику святых вместе со всем своим зверски убитым семейством.

Нравится нам это или нет, Россия — страна веры и верности (или их нарушения), но не идиллия «общественного договора». В отличие от Запада, где гражданин и государство суть равноправные юридические лица (государство как «ночной сторож»), русский человек не столько независимый гражданин («Смит против Соединенных Штатов»), сколько воин («мобилизованный и призванный») своего соборного церковно-государственного целого. Воин-солдат, в отличие от гражданина, дает присягу («прежде думай о Родине, а потом о себе»), поэтому эмиграция в другие, неправославные по своему устройению, страны издавна квалифицировалась на Руси как предательство, бегство с поля боя. Национальная государственность сознательно (и еще больше — подсознательно) воспринималась (и до сих пор воспринимается) народом как воплощение Удерживающего от тайны беззакония, грядущей в мир (2 Фесс. 2, 7). В классическом народном представлении московский царь или петербургский император — это сакральные религиозно-политические фигуры, стоящие рядом с патриархом (симфония властей) в деле спасения Святой Руси, а не просто «регуляторы рынка», как это оказалось в Европе после буржуазных революций XVII–XVIII веков.

ФЕВРАЛЬСКИЙ РАЗГУЛЯЙ

Русский XX век начался, как известно, с японской войны и революции 1905 года. «Кровавое воскресенье» 9 января было подготовлено революционным подпольем, которое само впоследствии с возглавлявшим провокационное шествие к Зимнему дворцу священником Гапоном и расправилось. «Свободолюбцы» и японцы действовали в одном направлении — воевали против Великой Империи. Именно тогда многолетняя либерально-революционная пропаганда — от Радищева до социал-демократов — дала свои первые плоды: забастовки, убийства жандармов, восстания на флоте, паралич хозяйственной жизни, бунты инородцев. Слава Богу, что революцию 1905 года не дал довести до конца простой русский народ, благословленный на это св. Иоанном Кронштадтским (пресловутая «черная сотня»). В то же время «прогрессивное общество» рукоплескало террористам, посылало поздравления с победой в войне японскому императору и издавало декадентские журналы в стилизованной японской обложке...

Конечно, в тогдашней России были и другие интеллектуальные силы, которые предупреждали либеральную (диссидентскую, говоря современным языком) интеллигенцию, что добром дело не кончится. В 1909 году в Петербурге вышел знаменитый сборник «Вехи», где лучшие русские умы (кстати, сами бывшие марксисты и либералы) призывали отечественных «демократов» одуматься и не доводить дело до нового взрыва. Но куда там! На них дружно накинудся объединенный фронт «борцов за народное счастье», от Милюкова до Ленина. Мудрые предостережения веховцев были искусно замолчаны или дискредитированы, все «порядочные люди» с ума сходили от ненависти к «царизму», и 2/15 марта 1917 года, надев красные банты, поздравляли друг друга с освобождением. Одновременно питерские народные массы громили полицейские участки, выпускали из тюрем уголовников, весело гуляли по улицам и всласть угощались из царских погребов. Собственно, это была первая в новом веке хорошо срежиссированная «оранжевая» революция...

Отрезвление наступило быстро, всего через восемь месяцев. К октябрю того же года Россия была доведена до полного развала. После позорного мартовского предательства (в котором участвовали видные думцы и ряд высших офицеров, нарушивших присягу, в том числе некоторые будущие вожди белой армии) и вынужденного отречения законного царя на пространстве от Польши до Тихого океана образовалась гигантская «черная дыра», государство распадалось на глазах, солдаты и матросы убивали своих офицеров, крестьяне жгли помещиков, и пр. Это и была главная русская трагедия XX столетия, в которой повинны многие тогдашние деятели, от крайне левых до крайне правых. После падения законного царя Милюков, Керенский и К^о. попытались слепить умеренную парламентскую республику из распадающейся Евразии — но их власть на глазах сужалась, как шагреновая кожа. Уже на что ненавидел большевиков Иван Бунин, доходя в «Окаянных днях» до социального расизма («белая» русофобия), однако даже он указал настоящих виновников русской трагедии 1917 года — тех самых деятелей «прогрессивного блока» в широком смысле слова, которые много лет раскачивали в разные стороны корабль Российской империи и в конце концов потопили его⁴. «Кругом трусость, измена и обман», — записал государь в дневнике в день отречения. Начали эту измену планировавшие царевбийство декабристы,

⁴ В «Окаянных днях» есть выразительный диалог антикоммуниста Бунина и одного из февралистов, поклонников либеральной Февральской революции:

«9 марта (1918 г. — А.К.)

Нынче В. В. В... понес опять то, что уже совершенно осточертело читать и слушать:

— Россию погубила косная, своекорыстная власть, не считавшаяся с народными желаниями, надеждами, чаяниями... Революция в силу этого была неизбежна...

Я ответил:

— Не народ начал революцию, а вы. Народу было совершенно наплевать на все, чего мы хотели, чем мы были недовольны. Я не о революции с вами говорю — пусть она неизбежна, прекрасна, все что угодно. Но не врите на народ — ему ваши ответственные министерства, замены Щегловитых Малянтовичами и отмены всяческих цензур были нужны как летошний снег, и он это доказал твердо и жестоко, сбросивши к черту и Временное правительство, и Учредительное собрание, и “все, за что гибли поколения лучших русских людей”, как вы выражаетесь, и ваше “до победного конца”».

Ай да Бунин! Кстати, не менее яростный антикоммунист А. И. Солженицын в принципе придерживался сходного взгляда на роковой «февральский узел», потому и закончил им свою эпопею «Красное колесо».

продолжили «шестидесятники-семидесятники», поклонявшиеся дарвиновской обезьяне, а закончили респектабельные думцы-«демократы», арестовавшие законного царя и отправившие его на заклание.

Не могу не привести в этой связи удивительно точные слова А. С. Изгоева из статьи «Социализм, культура и большевизм» (сборник «Из глубины», написанный авторами знаменитых «Вех» летом 1918 года уже по следам революции, о которой они в свое время предупреждали): «Все главные политические, социально-экономические и психологические идеи, в которых столетие воспитывалась (и продолжает воспитываться до сих пор — А. К.) русская интеллигенция, оказались ложными и гибельными для народа <...> Напрасно интеллигенция пытается спасти себя отводом, будто она не отвечает за большевиков. Нет, она отвечает за все их действия и мысли. Они лишь поставили точки над *i*, вывели все следствия из посылок. Добросовестность велит признать, что под каждым своим декретом большевики могут привести выдержки из писаний не только Маркса и Ленина, но и всех русских социалистов и сочувственников как марксистского, так и народнического толка.. Единственное возражение, которое с этой стороны делалось большевикам, по существу сводилось к уговорам действовать не так стремительно, не так быстро, не захватывать всего сразу. Это — не принципиальные возражения, а оговорки трусливого оппортунизма. Чхеидзе, Чернов, Церетели, Скобелев, Некрасов, Керенский говорили и проповедовали то, что принципиально должно было привести к господству большевизма, решившегося наконец воплотить в делах их речи»⁵.

Что можно к этому добавить, кроме того, что большинство современных историков рассматривает февраль и октябрь семнадцатого года не как две, а как *одну* революцию. Причем революция эта была не только (и даже не столько) политическая или даже социальная — это был системный религиозно-мировоззренческий и экзистенциальный переворот, разрушение последнего в Европе христианского Царства. Англичане и французы казнили своих королей лет на двести раньше, но они уже оказались к тому времени *de facto* вполне буржуазными, а значит, и нехристианскими, по сути, цивилизациями. Русская монархия в 1917 году пала не «оттого, что слишком долго опиралась на политическое бесправие дворянства и гражданское бесправие крестьянства»⁶, — это социологически правильное, но метафизически (и метаисторически) поверхностное объяснение. Либеральная «прогрессивная общественность» в России восстала прежде всего против духовной власти Удерживающего (Катехона) на одной шестой части планеты — потому падение российской Империи и было таким катастрофическим.

«СОВДЕПИЯ»: ИСЧАДИЕ АДА ИЛИ РАСПЛАТА ЗА ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПОГРОМ?

Итак, Красный Октябрь только довел до логического и политического конца те мечты и воззрения «передовой просвещенной» части общества, ко-

⁵ Изгоев А. С. Социализм, культура и большевизм // В кн.: Из глубины. Сборник статей о русской революции. — М., 1991. — С. 363.

⁶ Струве П. Б. Исторический смысл русской революции // В кн.: Из глубины. Сборник статей о русской революции. — М., 1991. — С. 466.

торые она лелеяла по меньшей мере всю вторую половину XIX и начало XX века. Попытавшись в феврале семнадцатого года воплотить их на практике, то есть разрушив традиционную и успешную для России (и для русского народа в том числе) монархическую государственность, эта интеллигентская власть оказалась полностью несостоятельной — одинаково в военном, экономическом и особенно в идейном плане. Либеральные бредни о «правовом государстве» на манер французской республики в стране, привыкшей жить по вере или воле (царь, монах, крестьянин и казак-разбойник как главные действующие лица Святой Руси), свидетельствовали прежде всего о непреодолимой пропасти между «белой» и «черной» костью в России, между ее «мозгом» (во многом, к сожалению, импортированным из германских университетов) и всем остальным органическим составом нации. «Страшно далеки они от народа» — эта характеристика декабристов со стороны г. Ульянова-Ленина бьет в самую точку. Вот характерные слова бывшего царского генерала, персонажа философского полилога С. Н. Булгакова «На пиру богов» (лето 1918 г.): «Россия есть царство или же ее вообще нет. Этому достаточно научило нас Смутное время. Этого не понимали только тупоголовые самодовольные «вожди» (интеллигенты-либералы — А. К.), которые самоуверенно расположились после февраля в министерских креслах, как у себя дома. Но пришли другие люди, менее хитроумные (большевики — А. К.), и без церемонии сказали: позвольте вам выйти вон. Ну, иных и помяли при этом — без этого перевороты не обходятся. А я вам скажу — и отлично сделали. Уж очень отвратительна одна эта мысль об «окадеченной», конституционно-демократической России. Нет, уж лучше большевики «style russe», сарынь на кичку! Да из этого еще может и толк выйти, им за один разгон Учредительного собрания, этой пошлости всероссийской, памятник поставить надо. А вот из мертвой хватки господ кадетов России живую не выбраться б!»⁷. Временное правительство во главе с «главноуговаривающим» Керенским почти сплошь состояло, как известно, из тайных и явных масонов. И не случайно, конечно, в красной армии царских офицеров и генералов воевало немногим меньше, чем в белой (включая, например, знаменитого генерала А. А. Брусилова, крупнейшего кораблестроителя А. Н. Крылова или подполковника Д. М. Карбышева, ставшего впоследствии советским генералом и показавшего себя героем в фашистском Маутхаузене)⁸.

Разумеется, «ленинско-троцкистская гвардия» — это настоящие демоны революции («красная» русофобия). Политику красного террора («диктатура пролетариата») развернули в октябре семнадцатого именно они. Начав с убийства царской семьи, священников и заложников, они потопили затем в крови кронштадтское восстание, потравили газами тамбовских крестьян и расстреляли в августе 1921 года крупнейшего русского поэта Н. С. Гумилева. Один из первых совдеповских концлагерей — знаменитый СЛОН на Соловецких островах — заработал на полную мощность уже в 1923 году.

⁷ Булгаков С. Н. На пиру богов // В кн.: Из глубины. Сборник статей о русской революции. — С. 305.

⁸ На фоне нынешних попыток героизации генерала Власова следовало бы провести сравнительное исследование двух возможных способов поведения попавших в плен высших советских офицеров — коллаборациониста Власова и патриота Карбышева. Думается, такое исследование было бы весьма поучительно.

Вместе с тем, нравится это кому-либо или нет, именно большевики собрали рухнувшую в феврале семнадцатого Россию почти в прежних имперских границах. Вопреки наследственному интеллигентскому презрению к собственному Отечеству⁹ и поддержке германского генштаба и нью-йоркских банков, на которые они опирались, Ленин и Троцкий ввели «отчавившую» Русь в жесткие дисциплинарные берега, выпиграв Гражданскую войну. Великая, Малая и Белая Россия, Средняя Азия и Кавказ к 1922 году опять стали частями единой страны. Если бы действия советской власти сводились к заговору проехавших в апреле 1917 года через линию фронта пассажиров «пломбированного вагона», в котором действительно не было ни одного русского человека, — и рассуждать было бы не о чем. Но дело идет о судьбе России, всего ее многомиллионного народа вплоть до сего дня, и тут нужен Божий Суд, который видит вещи в их полноте и который будет произнесен в конце времен. В своей книге «Истоки и смысл русского коммунизма» Н. А. Бердяев квалифицировал советскую власть как превращенную форму русской идеи, и по сути он был прав. Смысл знаменитой Декларации митрополита Сергия (Страгородского) 1927 года и заключался в констатации этого факта, по сути признанного теперь Зарубежной Церковью, воссоединившейся с Церковью Московского Патриархата. В этом плане показателен многолетний спор двух ведущих русско-советских патриотических журналов, «Москвы» и «Нашего современника», первый из которых склонялся к «белой» России, второй — к «красной», но ни один из которых не был ни либеральным, ни этно-националистическим. Подлинно русский — это православный, утверждал Ф. М. Достоевский; вне христианства этнический (либеральный, коммунистический или языческий) русский есть в известном смысле «неудавшееся существо». Византизм, европеизм, советизм в нашей истории в конечном счете — только формы (хотя и не «равночестные») русской идеи: *живи не так, как хочется, а так, как Бог велит*.

Проигрыш белых (то есть февралистов, кадетов-западников по своей идеологии) в гражданской войне — это кардинальное историческое событие, еще ждущее своего полноценного анализа. На стороне белых в разразившейся войне было несомненное мужество, преимущества образования и военного опыта, значительные материальные ресурсы (адмирал А. В. Колчак при поддержке Антанты правил целой Сибирью, а генерал А. И. Деникин подходил к Москве). И все же белые проиграли — генералы бежали от бывших вахмистров... Многие винят в поражении белых «всемогущую» руку Троцкого как фактического агента мировой банкократии, но для фило-

⁹ Ленинское отношение к России хорошо описано в воспоминаниях Г. А. Соломона (которому невозможно не верить), приводящего слова вождя: «Дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать — это только этап, через который мы проходим к мировой революции» (см.: Соломон Г. А. Среди красных вождей. — М., 1995). Собственно, об отношении г. Ульянова-Ленина к своей исторической родине лучше всего говорит вся его деятельность, целиком направленная на разгром последнего православного царства. Либералы («отцы») — это правые («розовые») западники, восходящие по своей идеологии к просветительству и масонству. Революционные интернационал-коммунисты начала XX века («дети») — это левые («красные») западники, сделавшие из атеизма и свободопоклонничества своих предтеч радикальные, но последовательные практические выводы. Нынешние «россиянские» либералы («внуки») — это снова правые (но уже «желтые») западники, воюющие за свои антихристианские цели вполне большевистскими методами. И тем и другим равно на Россию наплевать. Яблоко от яблони недалеко падает.

софии истории несомненно, что военное дело решает в последнем счете дух воина. Во многих исследованиях по гражданской войне подчеркнута основная ошибка — или вина — белых: они не подняли Царское знамя. Более того, в большинстве белых армий монархическая идея оказалась фактически под запретом и под наблюдением контрразведки. Понятно, что на фоне рыхлой либеральной говорильни («общечеловеческие ценности») большевистское обещание жизни по справедливости предстало великой идеей, за которой чуялась необходимая русскому сердцу Правда.

Для того чтобы осмыслить этот острый парадокс с разных сторон, следует отличать религиозные, мировоззренческие и практически-жизненные его проявления. Приведу в этой связи одно высказывание из сборника «Смена вех», вышедшего в Праге в 1921 году и представлявшего собой опыт «белого» оправдания «красной» революции: «Революция преодолела все преграды, уверенно и властно вошла в русскую жизнь и накрепко укоренилась в ней. Удалось ей это как раз потому, что она не послушалась либералов и всех близких к ним по программе и темпераменту, а повела большую игру и поставила перед собой большие цели. Русского крестьянина и рабочего соблазнило не то, что он сам выдаст себе патент на умеренность и аккуратность в законодательном Учредительном собрании. Его соблазнила мысль пострадать за рабочих и крестьян, за униженных и оскорбленных всего мира. Чисто по-русски — пострадать. Он ничего не понимал, когда ему говорили: воюй с немцем ради себя. Он не верил, когда его призывали всё взять себе ради его собственной выгоды. Но он поверил и взялся за оружие, когда ему сказали, что он призван убить зло в мире и насадить в нем вечную справедливость. Колоссальный рост государственного, национального, экономического и социального сознания народных масс в России за время революции — вот то неоспоримое и бесконечное ценное, что уже дала нам Великая Русская революция, построив в мучительном процессе своего творчества мощную социальную базу новой России»¹⁰.

Ныне, в начале XXI века, эти слова кажутся по меньшей мере двусмысленными. Но одно в них верно: русский народ не принял бы коммунизма, не искусился бы им, если бы в нем не было притягательной силы *стояния за правду*. Красная звезда и флаг с серпом и молотом — сплошь оккультные знаки — обращались в душе России в голгофский символ — вот где подлинное чудо русской истории, если воспользоваться формулой архимандрита Константина (Зайцева). Ленин, Сталин и Дзержинский, Луначарский и Ярославский вместе со всем их «чрезвычайным» аппаратом ничего не могли с этим поделать: в руку России вкладывали коммунистический меч, а она его — наперекор любой логике — переделывала в православный Крест. Это и почувствовали в происходящем патриотически настроенные царские офицеры.

СТАЛИН И/ИЛИ ГИТЛЕР

Итак, тайный Крест против явного насилия (красного меча) и скрытого богатства (мировой банкокрации) — вот короткая формула советской Рос-

¹⁰ Ключников Ю. В. Смена вех. Прага, 1921. — С. 40–41.

сии как метаисторической реальности. Русская интеллигенция соблазнилась первой, взяв из западных католическо-протестантско-масонских рук плоды апостасии, — и сотворила из них очистительное страдание во имя неизвестного ей Бога. Со своей стороны, русский народ в условиях навязанной ему мировой «закулисы» войны впал в состояние черни, искусился «землей и волей» — но уже в годы гражданской смуты фактически подхватил упавшее из рук петербургской монархии знамя Третьего Рима — Нового Иерусалима (опять-таки в чуждых ему искони формах марксистского хилиазма). Все это вместе взятое, наряду с социальной слабостью синодальной Церкви, подорванной еще в XVII веке расколом и затем превращенной Петром почти в департамент петербургской державы, — все это привело к тому, что Святая Русь, не удержавшись на поверхности истории, ушла в ее глубину, но и оттуда продолжала невидимо определять земные пути Отечества. Отделять (и тем более противопоставлять) Россию СССР — почти то же самое, что противопоставлять петербургскую «рабовладельческую» империю соборной монархии Московской Руси. Как мы уже отметили, цивилизационная революция начала XVIII века сократила численность русского народа почти на четверть — однако кто возьмет на себя смелость вычеркнуть Россию XVIII—XIX столетий из наших летописей? Впрочем, находятся и такие.

Так или иначе главным архитектором СССР был, конечно, Иосиф Сталин, построивший за три пятилетки фактически новую империю, взявшую в 1945 году Берлин, овладевшую ядерным оружием и первой вышедшую в космос. Да, все это было достигнуто ценой большой крови. «Лучше было всего этого не делать?» — это мы слышали от русофобов прошлого века. «Надо было действовать иначе, другими методами?» — да, конечно, но история сослагательного наклонения не имеет. Нравится нам это или нет, в России *не нашлось других исторических (и метаисторических) сил*, которые осуществили бы воссоздание страны после либерально-революционного разгрома другими, более гуманными — я уже не говорю, христианскими — средствами. Разумеется, на этом основании можно вообще изъять Россию с карты мира, что и пытаются сегодня сделать ее наиболее «продвинутые» недоброжелатели. Повторяю, дело не в оправдании жестокости, а в ясном понимании того, что своим сегодняшним существованием мы, живущие в XXI веке, обязаны тем самым «советским людям», которые в 1936 году голосовали за социалистическую конституцию, а в 1945 ценой своей жизни спасали буржуазную Европу от «окончательного решения» еврейского, польского, цыганского и других расовых вопросов. Это были одни и те же люди, один и тот же народ. Это им поставлен памятник в Трептов-парке, за которым бережно ухаживают немцы — потомки их бывших врагов. Об этом не удастся судить по формальному принципу «или — или». Начавшись как террористическая ленинско-троцкистская «Совдепия», Советский Союз (к изумлению самого Троцкого и возглавляемого им «Четвертого интернационала»), унаследовав народную энергетику тысячелетней православной традиции, принес в середине XX века плод победы над самой страшной антинациональной силой, когда-либо надвигавшейся на Русь в истории.

Говоря более конкретно, Сталину пришлось (повторяю, вопреки большевистскому фетишу мировой революции — вот где Промысл Божий!) построить нечто вроде вышеназванной «самодержавной республики» и тем самым вытянуть Россию из болота, в которую ее загнали в феврале 1917 года

взбунтовавшиеся кадеты и социалисты. При осмыслении советской истории 30–50-х годов XX столетия следует решительно отвергнуть как тупой сталинизм в стиле «культа личности», так и патологический антисталинизм в кругозоре кухонного диссидентства. Сталин не был убийцей русского народа, как не был и его спасителем, но он приложил свою тяжелую восточную руку и к тому, и к другому.

Ныне, в год 65-летия Победы, «прорабы прогресса» всех направлений объединились в деле очернения русской истории XX века. Выше мы уже упоминали резолюцию ОБСЕ, уравнивающую фашистскую Германию и советскую Россию в качестве зачинщиков Второй мировой войны. На российском радио и телевидении ту же идею развивает, например, «телеисторик» Н. Сванидзе при активной поддержке эротического писателя В. Ерофеева. Этим господам вроде бы невдомек, что, если бы не советско-германский договор о ненападении 1939 года, отодвинувший границу СССР на Запад, немцы уже через несколько недель наступления взяли бы Ленинград, бросили все силы на Москву, и тогда исход Второй мировой войны мог быть совершенно другим. Не так давно вышла в свет книга священника (! — А. К.) Георгия Митрофанова, в которой едва ли не главным героем Великой Отечественной войны провозглашается предатель Власов, а воины, победившие оккультный Третий рейх и спасшие Россию (и всех русофобов заодно) ценой собственной жизни, оказываются «носителями лжи». «Наше общество, — пишет о. Георгий, — состоит из людей, в подавляющем своем большинстве живших во лжи, служивших злу и сейчас упорно делающих вид, что вся их жизнь проходила в служении правде. Они «служили России» — называлась ли она Советским Союзом, называется ли она Российской Федерацией, — а на самом деле эти люди, не способные вот так честно и последовательно, как генерал Власов и его сподвижники, перечеркнуть свою прошлую неправую жизнь, служили не России и служат не России, а служат только себе»¹¹. В качестве венца своих оскорблений г. Митрофанов даже изобретает чудовищный, на мой взгляд, неологизм «победобесие» — это о всенародном празднике 9 Мая! Чем такой взгляд отличается от героизации бывших эсэсовцев в Прибалтике¹² и на Украине? Еще более удивительно, что подобные мысли высказывает клирик Русской православной церкви!

Как видим, подобная нигилистическая критика Родины не ограничивается ее прошлым, центральным своим острием направляясь в настоящее и будущее. Суть подобных воззрений не изменилась со времен Ф. М. Достоевского, заметившего, что «вся наша либеральная партия прошла мимо дела, не участвуя в нем и не дотрагиваясь до него; она только отрицала и хихикала». Перечисляя темные пятна отечественной истории, эти господа не могут (или не хотят) понять, что русская история и русский народ

¹¹ Митрофанов Г. Трагедия России. Запретные темы XX века. — СПб., 2009. — С. 156.

¹² Я думаю, что подобный взгляд на «наших» фашистов еще хуже, чем его аналоги в Прибалтике и других нерусских странах. Латышские и эстонские эсэсовцы по крайней мере воевали против чужих им по крови и духу русских, а власовцы убивали своих. Кстати, прибалтийские и польские жалобы на русских (советские) жестокости в некотором роде заслуженны — разве латышские стрелки или возглавлявшие кровавую ЧК (а до того всеми силами боровшиеся против Империи) поляки мало сделали для утверждения власти красных комиссаров?

(в том числе и в советский период) не сводятся к черноте и крови. Как писал блаженной памяти митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн, «при всей противоречивости народной жизни в ее безмерном разнообразии она все же насквозь пронизана христианским мировосприятием. Его характернейшие черты — жертвенность, самоотверженность, терпение — позволили нашему народу пережить страшные испытания последних восьми десятилетий, помогают и сейчас нейтрализовать, обезвредить злонамеренные эксперименты над страной. Это неоспоримый факт, очевидная реальность нашего бытия»¹³.

Развернутую оценку современным поклонникам Власова дал Святейший Патриарх Кирилл в своем выступлении в Архангельске 24 августа 2009 г. Вот отрывок из него: «Мы называем эпоху, в которой мы живем, эпохой постмодерна — такое вот слово выдумали. И наибольшим достижением этой эпохи считается свобода человека, которая ориентирована на свободный выбор. Человек сам является автономным носителем окончательных решений, что есть добро, а что — зло. Время от времени у нас вспыхивают общественные дебаты по поводу значения Великой Отечественной войны, и некоторые утверждают, что выбор тех людей, которые стали сотрудничать с немцами, которые пошли во власовскую армию, вполне правомерен: «Это был их выбор, они свободны. Человек свободен определять, с кем он. Вот и выбрали эти люди не защиту Родины, а борьбу со своей Родиной вместе с оккупантами». Наивные люди, воспитанные в традиции, говорят: «Да как же так можно! Да постыдитесь вы греха, да ведь они же предатели!» А им отвечают: «А что такое предатели? Это свободный выбор человека. Сегодня у нас разные точки зрения, сегодня у нас плюрализм мнений, и свободный, самодостаточный человек и определяет, что такое добро, а что такое зло <...> Так постепенно размываются границы между добром и злом. А почему это происходит? А потому, что человечество утрачивает понятие греха. Сегодня, отталкиваясь от идеи человеческой свободы и альтернативного поведения, поддержанного современной псевдокультурой, мы укореняемся в сознании того, что любой человеческий выбор правомерен. Понятие нравственности исчезает: я сам себе голова, я сам определяю, что нравственно, а что безнравственно».

Как видим, патриаршее осмысление этих событий — и вообще русской истории и культуры, включая советский и постсоветский периоды — решительно противостоит попыткам превратить Россию XX века в «черную дыру», отождествив ее с красным ГУЛАГом.

В том же 2009 году вышла в свет книга одного из «прорабов перестройки» и «демократов первой волны» Г. Х. Попова, числившегося в 1990-х годах даже мэром Москвы, — сочинение с характерным названием «Вызываю дух генерала Власова». Автор этого опуса (как следует из книги, тибетский маг-некрофил, общающийся с мертвецами), беседует на ее страницах с повешенным предателем, возлагая на него надежды относительно будущей демократизации России. В практике гитлеровского оккультизма («Анненэрбе» и т. п. inferнальные проекты) также имели место поиски пресловутой Шамбалы: как говорится, рыбак рыбака видит издалека. Следуя такой ло-

¹³ Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн. Битва за Россию. — СПб., 1993. — С. 33.

гике, главным спасителем русского народа от сталинизма следует признать самого Гитлера, объявившего Советскому Союзу войну на уничтожение, а наших видных демократов из МДГ — его последователями и учениками.

Еще один пример «литературной власовщины» — переполненная ненавистью к воинам России-СССР статья заслуженного либерал-диссидента А. Подрабинека, помещенная 21 сентября 2009 г. в сетевом «Ежедневном журнале». Ветераны Великой Отечественной войны оскорбляются здесь всеми возможными способами, зачисляясь одновременно в «жлобы», «тюремные вертухайи» и «палачи на расстрельных полигонах». «Это вы, советские ветераны, защищали советскую власть и потом были обласканы ею, а теперь страшитесь правды и цепляетесь за свое советское прошлое. Вам только кажется, что отдых ваш заслуженный и почетный. Вам только кажется, что вы пользуетесь всеобщим уважением. Вам внушили это давно, но ваше время кончилось. Ваша родина — не Россия. Ваша родина — Советский Союз. Вы — советские ветераны, и вашей страны, слава Богу, уже 18 лет как нет».

Вот такой подарок участникам Великой войны к шестидесятипятилетию Победы! Если это не разжигание социальной розни, то что это? Неудивительно, что патриотические молодежные движения объявили бойкот автору этого незаурядного послания. Однако нас здесь занимает не столько политика г. Подрабинека — с ней все ясно, — сколько способ мышления человека, мнящего себя, вероятно, большим интеллектуалом, однако неспособным за пеленой собственных эмоций разглядеть непреложную реальность факта: Советский Союз не исчерпывался ГУЛАГом, а все свои семьдесят лет существовал как определенная (превращенная) социокультурная форма исторической России, со всеми вытекающими отсюда достоинствами и недостатками. И правы те аналитики, которые подчеркивают, что при всей чудовищности обоих режимов — фашистского (гитлеризм) и советского (ленинизм-сталинизм — «оба хуже») существовала объективная разница между ними: первый ориентировался на биолого-мистическое господство сверхчеловеческого вида «белокурая бестия», опираясь при этом на оккультизм гностического типа и приговаривая остальных «недочеловеков» к смерти, тогда как второй стремился в идеале к всеобщей солидарности людей труда. И Рузвельт с Черчиллем и де Голлем очень хорошо отличали имперский проект Сталина от нордического мифа Гитлера, однозначно предпочитая советскую Россию. Они заключили с СССР военный союз, провели вместе с ним Нюрнбергский процесс и преобразовали вместе с ним Организацию Объединенных Наций. А своих «заслуженных коллаборационистов» приговорили к смертной казни. И столицы Европы весной 1945 года встречали русские танки цветами.

Позиция гг. Митрофанова, Попова и их единомышленников — одна из знаковых (и в этом смысле закономерных) сторон интеллигентского (диссидентского) сознания, навеки запечатленных тем же Достоевским в образе Ивана Карамазова. Этот историк-литератор и в Бога вроде бы веровал, но только мира его не принимал — а потому общался с чертом. Подобно этому господину наши либерал-диссиденты также по существу отвергают чуть ли не всю отечественную историю — зато уж идут в этом деле до конца, до оправдания войны на стороне гитлеровского фашизма: «хоть с чертом, но против Совдепии». Как тут не вспомнить роман А. Солженицына «В круге

первом», герои которого рассуждают о том, следует ли подвергнуть сталинскую Москву американской ядерной бомбардировке или нет...

Действительно, может, надо было, коль скоро там живут одни «вертухаи» и «совки»?

Итак, вторая после петровской всеобщая «догоняющая модернизация» России обернулась, как и следовало ожидать, «распятием красным флагом». Святая Русь не умерла, но ушла с поверхности жизни, как Китежград. Человек с ружьем (идея насильственного построения земного рая с помощью меча) торжествовал победу и над Крестом, и над богатством — однако торжествовал рано... Уже первые годы и даже месяцы советской власти показали, что без боя Святая Русь не сдается. Одной из первых жертв — и одновременно победительницей в христианском смысле — стала Царская семья, как бы искупившая собой весь грех петербургского периода нашей истории. Сбылись слова Лермонтова: «настанет год, России черный год, когда царей корона упадет». Сбылись и пророчества Леонтьева относительно того, что династия Романовых, скорее всего, сама уступит престол ради чаемого умиротворения Отечества. 1920–30-е годы полны примеров борьбы и гибели за веру, включая сюда и св. митрополита Петроградского Вениамина, и митрополита Киевского Владимира, и многие тысячи пострадавших за церковь Христову перед багровой звездой. Выдающийся ученый XX века Арнольд Тойнби пишет в своем многотомном труде: «До сих пор остается открытым вопрос, смогут ли современные мученики доказать своей кровью жизненность Церкви, как сделали это христианские мученики в эллинистическом мире»¹⁴. По-видимому, он неважно знал новейшую русскую историю...

И все же русский Крест не целиком ушел под воды Светлояра. Вопреки неистовым усилиям своих гонителей — и вооруженным, и политическим, и идеологическим — он как бы прорастал сквозь глыбы военного коммунизма, пробивался, казалось бы, из самой брусчатки увенчанной языческим мавзолеем Красной площади. Не большевизм, а именно Православие, по утверждению владыки Иоанна (Шаховского), опалило русский народ. Во всяком случае и исход гражданской войны, и мифология смерти за «светлое будущее», и воинствующий атеизм, больше похожий на извращенную веру, чем на цивилизованное просвещенное равнодушие, и массовый (отнюдь не только пропагандистский) порыв пятилеток, и, конечно, флаг России-СССР над столицей Германии — все это не оставляет сомнения в рождении в России после 1917 года колоссального национального мифа, сложившегося на святом месте внешне отброшенного Православия путем его тайного, но мощного сопротивления на всех «этажах» русско-советской действительности.

И праздник Победы — как и горе по невинно убиенным русским новомученикам — не отнимут у нас ни генерал Власов, ни его современные церковные и светские поклонники.

СПОР О РОССИИ — ЭТО СПОР О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

Как мы старались показать, спор между патриотами и либералами касается самого замысла Божия о России. Я вполне признаю правоту (и

¹⁴ Тойнби А. Постигание истории. — М., 1991. — С. 368.

даже непреложность) частных либеральных воззрений, однако в целом либеральная доктрина представляет собой, если перефразировать классика, энциклопедию социального легкомыслия, когда за благими пожеланиями («Россия должна стать страной, где можно свободно вести свой бизнес и не бояться милицию больше, чем бандитов» и т. п.) упускаются из виду причины упорного отсутствия вожделенного бизнес-рая в России. Ибо проблема, если говорить серьезно, состоит не в милиции и не в бандитах, а в том, что бизнес как таковой — то есть производство товаров с целью максимизации прибыли — не является нравственно безупречной деятельностью в рамках православной духовной традиции. Тем более бизнес не является у нас первичной (базисной, как сказали бы марксисты и капиталисты, трогательно единые в этом вопросе) структурой общества. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. По этому поводу можно сколько угодно иронизировать, списывая сей факт либо на «непреодоленный» коммунизм, либо на общую отсталость России от идеальных мировых лидеров (обычно прилагается список из 12 образцовых государств во главе с Канадой и США), однако урок всей истории нашей страны — ее собственный путь, если угодно — заключается в том, что богатство в России всегда на подозрении, даже если оно нажито «честным трудом для достойной жизни». Как писал Н. А. Бердяев (уже давно не будучи марксистом), социализм прав не потому, что он прав, а потому, что не правы его враги. Я не сторонник социализма советского типа — я лишь указываю на очевидное несоответствие бюргерского идеала «заслуженной сытости» и «самой комфортабельной страны мира» коллективному подсознанию русского народа. Перечитайте нашу классику — где вы найдете там хоть одного «героя-приобретателя»? Разве что Чичикова со Штольцем. Русская классическая литература и философия, от Чаадаева до Лосева и от Пушкина до Платонова — сплошь антибуржуазны. Отечественный «средний класс» всегда был — и остается до сих пор — как бы подвешенным между храмом и тюрьмой; не потому ли русские купцы давали миллионы на монастыри или на революцию? Нашим западникам кажется, что «еще немного, еще чуть-чуть», и Россия станет нормальной рыночной страной, вроде Голландии или Швеции, где все продается и покупается строго по закону. Полноте, господа, когда и где вы такую Россию видели?

Коль скоро мы не язычники, а христиане, то должны отдавать себе отчет в том, что успех истории (личной или общественной) перед лицом Христа — далеко не то же самое, что ее удача или провал с точки зрения языческой и безбожной. Если стоять на «постхристианских» позициях современного Запада, то самой счастливой и достойной всякого подражания страной являются американские Соединенные Штаты, полностью обратившие человеческую духовную жизнь в «технологию процветания». Думаю, нет нужды доказывать православному человеку, что Церковь выше культуры, а культура не сводима к технической цивилизации — к «горизонтальному», лишенному христианского призыва процветанию биороботов, подменившему собой взыскание Царства Божия — хотя бы только в мечте...

Другое дело, какое в настоящий момент мыслимое будущее России, и есть ли оно вообще. Смертный приговор Святой Руси выносился неоднократно: в XVII веке ее «отпели» старообрядцы, в XIX и XX веках Русь хоронили с Петром, очень многие зачеркнули ее после 1917-го года; всех

превзошли современные «либерал-мудрецы», усмотревшие окончательную варваризацию русской души уже в XIII веке — в эпоху татарского нашествия. Однако Русь не погибла ни с татарами, ни с Петром, ни с Лениным. Вопрос в том, что будет с ней сейчас. Происходящее ныне в России есть часть общемирового отказа от Христа — вот что самое тревожное. О царствующем, «субстанциональном» мещанстве (посредственности) как истоке и тайне новоевропейской цивилизации писали многие, от Жозефа де Местра до Ницше и Хайдеггера, от Герцена до Леонтьева и Розанова. XX век лишь довел до логического и практического совершенства подобную жизнь по законам самолюбия. Но вот истинно новое, чего не знали предшествующие эпохи и что стало перед нами в качестве повелительного выбора между выживанием и Богом, есть именно материальная — технологическая и экономическая — необходимость жить по выгоде, жить корыстно, рассудочно и аккуратно. С христианской точки зрения такая жизнь предвещает всеобщую («тихую» или «громкую») катастрофу и скорый Страшный Суд.

В самом деле, всей планете сегодня однозначно предлагается сделать себе золотого бога или умереть. Современный русский философ С. С. Хоружий, размышляя о «европейском доме», куда наши демократы зовут Россию, указывает на то, что они (демократы-западники) подменяют исторические отношения пространственными. «Вопрос о природе исторического бытия снимается для примитивно-мифологического сознания, которое, как мы заметили в нашем веке, игнорирует инаковость временного измерения... Именно это совершает крайнее западничество, желающее без долгих дум «присоединиться к передовой культуре». Гонясь за передовым, здесь только впадают в первобытную иллюзию. Взгляд западника — взгляд дикаря, для которого история — склад готовых вещей в пространстве. Прямая противоположность ему — историзм Пушкина, со сжатою силою выраженный предсмертным заветом: «Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю...»¹⁵. Как писал полвека тому назад М. Хайдеггер, в Европе (и тем более в Америке) уже нет *бытия* — там есть подручное, прирученное существование, когда субъект такого существования сидит дома перед телевизором (мир как иллюзия-выставка), пьет кофе с коньяком (идеал потребления в качестве собственности), а у него между тем вся Вселенная на посылах, как золотая рыбка... Вопреки всей самодовольной прозе подобного «царства теней» в истоке его лежит утопия — социальная и технологическая утопия гуманизма, вплоть до «американской мечты» о процветании с белозубой улыбкой, ограничивающей ее владельца от всего низшего — варварского, от всего внешнего — чужого, опасного, но и от всего высшего — богоносного, таинственного. Это утопия мира без страдания, без греха и Воскресения. В сущности, это насмешка над Творением Божиим, и самое печальное состоит в том, что этот смех уже прозвучал.

Что касается России, то на основе вышеприведенного — хотя и по необходимости краткого — анализа позволительно заключить, что Русь-Россия во всех своих исторических формах (от киевской до советской) так или иначе, с большим или меньшим успехом, исполняла роль Удерживающего в

¹⁵ Хоружий С. С. Непатриотический синтез и русская философия // Вopr. философии. 1994, № 5. — С. 87.

нисходящем движении истории. Именно такое (инволюционное) направление историко-цивилизационного процесса предсказано в Писании; в некотором смысле было бы странно, если бы было иначе. Можно предположить, что назначение Святой Руси и состоит в замедлении, «подмораживании», как сказал бы К. Н. Леонтьев, подобного сползания мирового социокультурного «человеяника» вниз, ко все более низким (вплоть до инфернальных) уровням тварной вселенной.

Как бы то ни было, в начале XXI века было предотвращено обвальное падение страны к чисто монетарным (спекулятивным) отношениям образца 1990-х годов, когда ей была уготована роль сырьевого придатка главных игроков мирового рынка. «Семибанкирщине» дали понять, что она не все может. Было бы замечательно, если бы это произошло еще на уровне права, науки и культуры. В конечном счете и власть, и интеллигенция, и народ должны придти к общей мысли, которая может показаться слишком жесткой и которая, однако, представляется нам единственно верной в свете русского опыта XVI—XX веков: *Россия может существовать и развиваться в истории либо как законная христианская монархия (империя), либо как народная диктатура («самодержавная республика»)*. Либерализм, понятый и осуществляемый как фундаментальный социальный, культурный и политический принцип, обрекает ее на системный кризис с непредсказуемыми последствиями. Последовательная либеральная жизненная практика есть плод уже остывшей или остывающей цивилизации, где предельные религиозные (смысложизненные) вопросы давно «разрешены» и отданы на откуп частному мнению, а незыблемой почвой общественного согласия «о главном» является необсуждаемая заинтересованность любых партий, классов и «меньшинств» в сытой и удобной жизни. Такого «бога» зовут ОКЕЙ, и это есть подлинно антихристианский «бог»: Великий инквизитор позавидовал бы! Религия, превращенная в элемент обывательского самодовольства, наряду с идеальной зубной пастой, гомосексуализмом и эвтаназией — что может быть отвратительнее? У нас на Руси этого добра тоже хватает, но до господства его еще далеко. У нас пока «не поступаются принципами», у нас каждая партия — это отдельное мировоззрение: именно поэтому смена правящей партии в Кремле каждые 4 года явилась бы для страны чистым безумием. Русскому человеку и русскому народу нужна мощная мобилизационная идея (и соответствующая политика, включая экономическую, технологическую и военную) — иначе он просто перестает жить и начинает вымирать, спиваться. Конечно, споры вокруг основных национальных антиномий будут длиться в России без конца (на то они и споры о смысле жизни, а не о чем-либо другом, вроде всеобщего процветания на этой грешной земле), но накал этих споров необходимо ограничить известным пределом, за которым уже неизбежно предчувствие гражданской войны.

Заключая эту статью, отмечу, что любая русофобия (особенно «красная» и «желтая» — две дороги к одному обрыву, по слову академика Р. И. Шафаревича) в христианской перспективе абсолютно несостоятельна. У русского народа много недостатков и грехов, однако у него начисто отсутствует самодовольство и самолюбование — самые безнадежные личные и национальные качества перед лицом Христа. Россия, действительно, не молится свободе и грешному человеку — она молится Богу даже тогда, когда на

уровне официальной идеологии (на уровне ratio) в Него не верит. Я думаю, это более достойная христианина позиция, чем поклоняться собственному комфорту и техническому прогрессу, прикрывая все это псевдорелигиозным фразам, борьбой «за права меньшинств» и т. п. Как неоднократно указывал патриарх Кирилл, свобода и права — человека, субкультуры или целой страны, — лишены религиозной ответственности за них, есть разрешение на грех и потому представляют собой не христианские, а именно антихристианские добродетели. Опыт XXI века доказывает, что потреблять в качестве товара можно не только новые машины или яхты, но и великие Божьи дары — посткапитализм все скушает.

И последнее замечание. Если задаться известным вопросом «Кому это выгодно?», то придется признать, что вышеописанные акции по разоблачению «русских мифов» работают прежде всего на те закулисные силы, которые стремятся пересмотреть итоги Второй мировой войны, обесценить соглашения, достигнутые державами-победительницами в Тегеране и Ялте, и тем самым лишить Россию идейной и юридической легитимации в современном мире. Некоторые из деятелей отечественного либерализма открыто призывают Россию отказаться от правопреемства по отношению к Советскому Союзу, то есть фактически зачеркнуть не только 70 лет нашей истории XX века, но всю отечественную историю¹⁶. Их стараниями мы уже оказались почти в границах XVII века. Что еще надо сделать, чтобы окончательно вытеснить эту «неправильную» страну из международного культурного и политического пространства, превратив ее в вечного изгоя? Давайте начистоту, господа. Либо вы отказываетесь от советского периода отечественной истории как исчадия ада, и тогда вам надо выкинуть из семейных сундуков дедовские и отцовские военные ордена, перестать праздновать вместе с народом День Победы 9 мая и начать отмечать (вместе с недобитыми эстонскими и украинскими эсэсовцами) дату образования власовской армии, раздувая тем самым бесконечную гражданскую войну, либо вместе с единой Русской православной церковью и подавляющим большинством народа благодарить в этот день Бога за то, что он даровал миру в 1945 году русско-советскую победу над оккультной чумой¹⁷. В последнем случае вы останетесь с Церковью и народом, в первом — отпадете от них. И тогда станет еще яснее, что у русских святого.

* * *

Завершая эту статью, подчеркнем еще раз, что кризисные процессы в экономике, политике и культуре имеют место во всем мире. Нравится это кому-либо или нет, в 2009 году произошел облом хваленной «невидимой руки

¹⁶ Одним из любимых занятий наших свобододолюбцев русофобского типа является деструкция, или, по-русски говоря, поношение великих национальных образов России — Александра Невского, Кутузова, Жукова... Для них это не более чем мифы. Разумеется, освободившееся символическое место тут же заполняется соответствующими персонажами вроде генерала Власова.

¹⁷ Подробнее о затронутых проблемах см. следующие монографии:

Казин А. Л. Последнее Царство. Русская православная цивилизация. Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго. — СПб., 1998. Текст представлен в Интернете.

Казин А. Л. Великая Россия. Религия. Культура. Политика. Изд. «Петрополис». — СПб., 2007. Текст частично представлен в Интернете.

Личная страница автора: <http://lib.ru/> — Библиотека Мошкова // современная литература.

рынка»: крупнейшие банки встали в очередь за государственными деньгами. Налицо, по сути, системный кризис мирового капитализма. Меньшинство всегда право перед большинством, индивидуальность как таковая заведомо выше интересов целого — такова сегодня лукавая политкорректность либерализма, заменяющая ему не только общенародную правду, но подчас простой здравый смысл. Проститутку в нынешней Америке нельзя назвать шлюхой (она «сексработник»), а извращенца — извращенцем (он уважаемый член общества). Профессора американских университетов подчас боятся поставить двойку представителю «латинос» или «африканос» — это может стоить им карьеры. Если индивидуализм отдельного человека заводит его в тупик эгоцентризма, то национальный эгоизм вырождается в шовинизм, то есть в своего рода псевдорелигию, где «мы» изначально лучше, умнее и успешнее, чем «они». В 70-х годах XIX века К. Н. Леонтьев писал о национальной политике как орудии либеральной революции — ныне такую политику с антирусским уклоном мы наблюдаем в Прибалтике и, частично, на западной Украине, где под охраной полиции маршируют недобитые эсэсовские легионеры. Характерно при этом, что либеральная общественность всячески поддерживает национализм малых наций, тогда как национально-государственные идеи больших народов (за исключением, разумеется, США) обычно квалифицируются как историческая и религиозная мифология, сумма «большого вранья», возврат к тоталитаризму и т. п. Либералы всех мастей на дух не выносят никакой противостоящей им духовно-культурной целостности, будь то высокоразвитая личность или мощная религиозно-национальная традиция. Любому единству либеральный постмодерн объявляет войну. Чего стоит, к примеру, ирония наших доморощенных «граждан мира» по поводу праздника Дня народного единства 4 ноября, установленного Думой в честь освобождения Москвы от поляков ополчением Минина и Пожарского в 1612 году — уж очень им мешает наша историческая память.

Конечно, сама идея автономной (самозаконной) личности, как и идея национального государства, реализованы в историческом масштабе сравнительно недавно — после буржуазных революций, поднявших на свои знамена лозунги гуманизма и цивилизованного, прежде всего экономического, национализма. В Европе это произошло в XVIII веке, в эпоху Просвещения, водрузившего в христианских храмах статую «богини разума» и порвавшего с идейной опекой католичества. За прошедшие с тех пор 250 лет индивидуализм и национализм проделали немалый путь — от революционной проповеди «самодостаточного» человека и народа до коричневых гримас национал-социализма в Италии, Германии и ряде других просвещенных стран. Европейцы периода модерна решили обойтись без Бога как индивидуально, так и коллективно, получив в результате распад личности (в марксизме и фрейдизме) и легенды «потребительского общества» в качестве национального идеала. В современном постмодерне понятия личности и нации считаются чем-то безнадежно устаревшим и даже не совсем приличным: помнится, на одном международном семинаре докладчик обиделся, когда я спросил его, кто он по национальности. Какая там еще личность, когда человеком управляют сексуально-агрессивные импульсы его бессознательно? Какая там еще нация, когда имеются интерязык (англо-американский), интертелевидение (сотни каналов), Интернет (миллионы файлов) и интер-

девочки (всех цветов кожи)? Вопрос, правда, в том, будет ли называться человеком то неизвестное пока существо, нечистое дыхание которого уже явно доносится к нам из будущего.

Как следует из вышесказанного, тревожные очаги распада личного и национального начала распределены по лицу планеты неравномерно. Дальше всех в этом направлении продвинулась Евро-Атлантика — та высоко-развитая часть света, которую именуют сегодня «золотым миллиардом» и которая не только навязывает свои правила игры другим, незападным народам и цивилизациям, но еще и отрицает право этих народов защищаться от культурного империализма макдоналдсов и голливудов, как якобы единственно разумных и законных достижений общечеловеческого прогресса. Не надо, однако, забывать, что именно не-Запад составляет 5 миллиардов из 6 живущих на планете людей. В сегодняшнем мире закончилась холодная война между советским социализмом и западным капитализмом, но все очевиднее становится противостояние между старыми и новыми центрами силы многополярной ойкумены. Наряду с Америкой и Европой такими центрами силы оказываются сегодня конфуцианский Китай, мусульманский Ближний Восток и православная Россия.

Что касается Китая, то эта древняя нация Земли (ханьцы) переживает в XXI веке свое второе рождение. Огромная по численности страна быстро растет как промышленный, финансовый и военный гигант, не говоря уже о единстве и сплоченности народа и государства. Нынешний Китай — это монолит, за прочность конструкции которого заплачено многими жизнями во время разгона танками «оранжевой» молодежной демонстрации на площади Тяньаньмынь в 1989 году. Как утверждают футурологи, к середине текущего столетия китайская коммунистическая империя достигнет фактического паритета с Соединенными Штатами по всем важнейшим показателям (если США еще до того не угодят в долговую яму). При этом, однако, нужно отметить, что конкуренция между Евро-Атлантикой и Китаем будет носить (и уже носит) скорее военно-экономический, чем духовно-культурный характер, так как КНР, вопреки собственным коммунистическим лозунгам, строит нечто вроде госкапитализма с восточной спецификой. Как выражались русские философы Серебряного века, социализм — это последняя правда буржуазности, и как раз такой «коммуно-капитализм» выращивается сегодня в Поднебесной. Не говоря уже о том, что личность в китайской культуре почти растворена в нации, а нация служит однопартийной атеистической сверхдержаве.

Несколько иначе обстоит дело на мусульманском Востоке. Цивилизация ислама — самая религиозно «горячая» на сегодня цивилизация мира — бросает вызов Западу именно в плане личного и национального начала. Мусульманские фундаменталисты не хотят идти вслед за Евро-Атлантикой к идолу свободы бездуховного человека и коммерчески понимаемой нации обывателей, бога которых зовут «окей». Вооруженные Кораном и джихадом, исламисты стремятся как бы обойти Запад по другой исторической дороге или даже, по мере возможности, вернуть человечество в до-западное (до-модернистское) состояние. О серьезности этих претензий свидетельствует простая статистика: некоторые европейские города уже на треть мусульманские. К сожалению, нередко применяемые исламскими радикалами средства насилия в принципе не способствуют проповеди Корана в мировом

масштабе. Кстати, большинство деятелей российского ислама занимают в политике и культуре четкие патриотические позиции, а Россия участвует в качестве наблюдателя в организации «Исламская конференция».

В заключение хочется пожелать читателям — и либералам, и коммунистам в том числе — не путать вчерашнее или даже завтрашнее с вечным. Концепции приходят и уходят, социально-культурное будущее шлет нам неопознанные сигналы, однако мир в каждое мгновение творится любящей рукой Бога, и пока это так, он рискован и охраняем одновременно. История, как говорится, слишком серьезное дело, чтобы целиком поручать его человеку. Претензии модерна и призраки постмодерна — не более чем острова в мировом океане, и он давно уж захлестнул бы Россию, если бы Творец не заботился о ней, обращая ее поражения в победы. Духовное ядро Руси — это социальная и культурная Классика, то есть вертикаль (иерархия) духовной, государственной и экономической власти. Более надежной идеологии для России в новом мире нет.

Итак, главное чудо России заключается в ее тысячелетнем существовании в соответствии с собственной идеей. Вопреки всему — климату, революциям, козням внешних и внутренних недоброжелателей — Русь-Россия оставалась собой, то есть была верна замыслу Божьему о себе. В таком плане русская история сопоставима разве что с историей Израиля — народа, многократно рассеиваемого по лицу земли. Бог хочет, чтобы Россия существовала — в этом все дело. С точки зрения любого ratio — политического, экономического, социокультурного — России уже давно не должно было бы быть, и, однако, она есть и будет. Конечно, наша история осуществляется как испытание: благополучием и комфортом здесь не пахнет. Но разве для сытости и удобства изгнан человек из рая? Русский — тот, кто любит Россию и свободно разделяет ее земную и небесную судьбу. Люди, не ценящие и не понимающие замысла о России, могут сколько угодно иронизировать по этому поводу — дескать, Россия «всегда в беде» и т. п. Я думаю, им стоит внимательно прочитать эту статью.

Наша ИДЕОЛОГИЯ

**Наталья
НАРОЧНИЦКАЯ**

ЯЗЫК ПРАВСТВЕННОСТИ — ОДИН ДЛЯ ВСЕХ

Наталья Алексеевна Нарочницкая — доктор исторических наук, окончила с отличием МГИМО, специалист по США, Германии и общим проблемам и тенденциям международных отношений. В 1982–1989 гг. работала в Секретариате ООН. Автор фундаментального труда «Россия и русские в мировой истории», опубликовала более 40 научных трудов. Одна из инициаторов и сопредседателей форумов и объединений русской общественности. Президент «Фонда исторической перспективы». **Живет в Москве.**

Опыт XX столетия, я имею в виду катаклизмы в его начале и конце, демонстрирует закономерность: в одном и том же обществе, в одном и том же человеке всегда сосуществуют и анархические, социально и личностно разрушительные страсти, и инстинкты, и большие силы созидательного, консервативно охранительного, духовно здорового объединяющего начала. Огромная ответственность при этом лежит и на государстве. Находясь в центре житейских забот и попечений, терзаемое соблазнами, тем не менее оно должно создавать такие условия, в которых легче выжить этому здоровому национально-консервативному началу. Тем более во время кризиса.

Нынешний кризис переживает и Западная Европа. И там огромное количество консерваторов бьют в набат и пишут о том, что кризис должен побудить нас задуматься о том, как сохранить себя в мировой истории, не утратить то, что в результате явило миру великие державы, великие нации и великую культуру. В России многие понимают, что сегодня как никогда важно, чтобы нация сохранила себя в преемственности как целое, как организм, связанный духом, верой, миросозерцанием, общими представлениями о грехе и добродетели, о добре и зле, общими историческими переживаниями. Если это исчезает, то никакая отметка в паспорте не поможет скрепить нацию. Мы станем не гражданами, а просто народонаселением, для которого родина там, где ниже налоги.

Слава Богу, мы можем радоваться, что в последние годы государство и Церковь идут навстречу друг другу. Но всем известные современные проблемы — коррупция, нежелание защищать Отечество, безнравственность, вакханалия порока, распут-

ство, алкоголизм, сексуальная распущенность, апатия социальная — все это вызвано не только естественными трудностями, но поощрением смешения понятий добра и зла, глумления под видом свободы над национальными ценностями, которое мы наблюдали еще двадцать лет назад, когда не сумели достойно перевернуть страницу истории, расстаться с заблуждениями прошлого, не поглумившись над жизнью отцов. За это тоже тершим кару.

Уместно вспомнить, что и большевистский тоталитаризм вырос когда-то из той же вакханалии разбоя, разрушения государственного устройства, что было вызвано многолетней предреволюционной пропагандой презрения к вере, к Церкви, к власти, к таким традиционным ценностям, как честный труд, законопослушность, семья, целомудрие, честь, служба Отечеству не за страх, а за совесть.

К счастью, что фиксируют социологические службы, с середины 90-х годов остается огромная инерция традиционных ценностей у выходцев из крестьянства. Опросы показали, что если в начале 90-х количество людей с добрым отношением к семейным ценностям, к родственникам, друзьям, для которых честное имя было важнее, чем символы современного успеха и богатства, из года в год уменьшалось, то уже к 2000 году 92 % поставили в опросах на первое место все-таки хорошие семейные и дружеские отношения. А в социологии такой высокий показатель квалифицируется не как мнение большинства, а как интегральная характеристика социокультурной среды. Много примеров тому процессу.

Никто не ожидал, что уже буквально через несколько лет бывшие комсомольцы пойдут поклониться Серафиму Саровскому, будут ночевать в палатках у святых мест.

В тех священных для русского сердца местах их не ждали с распродажами, и сэкономить было не на чем. А они шли, шли и шли. И весь мир изумлялся. Вот она загадочная русская душа! С одной стороны, порок, коррупция, а с другой — такое прозрение. Да, это и есть Россия!

Без тесного сотрудничества государства и Церкви в вопросах образования и воспитания невозможно сохранить преемственность национального мировоззрения и установки на абсолютную мораль.

Если государство начинает понимать это — слава Богу! Никаких законодательных, конституционных препятствий сегодня для того, чтобы преподавать православную культуру в школах там, где есть коренные православные традиции, у меня, как у бывшего депутата, не понаслышке знающего наш народ, нет. Ведь это служит только добру.

О понятии «свобода» спорили еще древние греки. Как понималась она нами в последние двадцать лет? Свобода совершать любое беззаконие и насилие: я свободен, значит, я каждому могу дать, грубо говоря, по физиономии. Нет — я свободен, и мне никто не может дать по физиономии, а значит, и я тоже не могу.

Православное христианское толкование свободы — это прежде всего понимание, для чего нужна свобода, где нравственный ее ориентир.

В Евангелии четко заложена подлинная, нравственная, положительная цель в жизни человека на земле. А если это исчезает, то свобода совести превращается в свободу от совести. На либертариистском Западе та же свобода совести исчезает. Христианин там публично не может высказываться о многих явлениях жизни современного общества, он тут же будет обвинен

в неполиткорректности, его объявят отсталым, архаичным, не понимающим все богатство свободных проявлений разных индивидуумов. Вот такое смешение греха и добродетели.

Свобода — категория глубоко христианская. Почему я так много говорю о свободе? Да потому, что набившая оскомину тема прав человека и свобод подменяет рассуждения о ее сущности и источнике. А свобода — это дух внутренний, связанный с Богом. Русские философы Л. Тихомиров и С. Левицкий полностью разбивают претензии либералов на первенство в формулировании свободы в системе общественно-государственных отношений. Сама потребность личности в свободе, политической и гражданской, что очень важно для построения гражданского общества, правового государства, о чем мы говорим все время, является производной от свободы внутренней. Источником же этой способности к самостоянию является дух. Тихомиров показывает, что именно внутренняя свобода — гарант свободного существования общества. И общество, и государство предоставляют свободу только потому, что со стороны личности есть постоянный запрос на нее. И рождается эта свобода в области духовно-религиозного существования.

Опасность атеистического отношения к свободе существует не только для духовного роста человека, но и для свободы гражданской и политической, о которой мы бесконечно говорим.

Сегодня мы видим повсюду, как, мечтая о свободном общественном строе, наиболее рьяные деятели относятся пренебрежительно к значению религии, стараются подорвать религиозные чувства и сознание, придумывают некую новую гражданскую мораль.

Сфера образования абсолютно неразрывно связана с просвещением и воспитанием, которые наряду с объемом знаний для интеллекта дают мировоззренческую систему ценностей. Человек, снабженный знаниями, но будучи без нравственных основ, как волк — опасен для общества.

В России невозможно ограничиваться рамками технократического мышления. Поэтому концепция воспитания и образования ради духовно-нравственного преобразования общества имеет у нас прямое отношение к таким конкретным задачам, как преодоление демографического спада, главной причиной которого является, по оценкам демографов, вовсе не оскудение материальной жизни, а прежде всего смена ценностных установок в результате проповеди освобожденности от нравственных ограничений и пропаганды гедонистического начала, то есть проповеди жизни как источника наслаждения. Становление гражданского общества, уважение прав человека неотделимы от культуры самоограничения.

В этой же плоскости лежит и решение проблемы обеспечения межнационального мира. Мы видим, что сегодня творится в Западной Европе. Атеистические общества не только не являются там гарантами от межнациональной розни, а, напротив, создают для этого благоприятную среду. В самых примерных демократических странах совершаются убийства со стороны как эмигрантов, так и аборигенов, славящихся своей великой европейской культурой.

Обеспечение межнационального мира неотделимо от задачи сохранения живого источника национального чувства. Потому я всегда была против того, чтобы заменить понятие «русский» на «россиянин», но я и против бездумного противопоставления их.

Российский имперский опыт имеет куда большее значение, чем несостоявшийся «плавильный котел» США. Мы сумели сохранить наследие Империи. И мы не можем позволить себе роскошь игнорировать российскую многонациональность, но и пренебрежительно относиться к русскому державотворящему этносу — основателю и стержню российской государственности. Русский человек прошел от Буга до Тихого океана, вовлек в свою орбиту сотни народов, которые продолжали молиться своим Богам, но принадлежность к целому стала источником их ценностей.

Подъем экономики, социальная реабилитация миллионов отверженных за предыдущий период и снова выброшенных на обочину в связи с кризисом, искоренение главной причины пресловутой коррупции — это тоже связано с концепцией нашего воспитания и образования. Наконец, модернизация и боеспособность армии, восстановление престижа звания солдата, защитника Отечества, обесцененного либеральной пропагандой самого понятия Отечества. Сегодня чтобы повернуть вспять тенденции социальной распущенности — пьянства, безответственного отношения к себе и к близким, для этого нужно изменить ценностные ориентиры, помочь тем, у кого они пока глубоко запрятаны, а я убеждена, что они есть практически у каждого.

Мне довелось как-то в Нью-Йорке заменять учительницу истории в 6 и 7 классе, поэтому я представляю, как это трудно — учить. На уроке я называла школьников на Вы, а они кидали бумажных голубков через мою голову. Но когда я перехватила письмо, которое девочки передали друг другу с именами понравившихся им мальчиков, но не стала читать, а порвала его на мелкие кусочки и сказала: чужие письма не читают, за это в прошлые века вызывали на дуэль, чтобы честь дамы не уронить, — они меня вдруг поняли, полюбили и перестали кидать этих голубков. Потому что язык нравственности — он один для всех.

Разумеется, методы воспитания и образования должны быть и привлекательными, и современными. Но они должны опираться на нашу исконную педагогическую традицию, которая куда больше, чем копирование неудачных, не совсем к тому же бескорыстных, методик и всяких болонских процессов, подходит нашему государству и реальному состоянию нашего общества.

Мы живем в информационном пространстве, поэтому роль СМИ колоссальна и ответственность на них должна быть возложена особая. Потому что манипуляция сознанием — есть главный инструмент политики. Деньги, которые крутятся в сфере информационного обеспечения, сравнимы разве что с теми, что идут на оборону. Тиражируемые образцы для подражания — этикие беззаботные гедонисты, не отягощенные сомнениями нравственного порядка — ложный путь просвещения, полностью, кстати, отсутствующий на Западе. Я восемь лет проработала в США и знаю не понаслышке, что американское студенчество — это наиболее обремененные долгами, кредитами, обязательствами, работой по ночам в кафе во время летних каникул, стригущие чужие лужайки члены общества. Гедонистический идеал вовсе не свойственен западному человеку, как нам пытались представить для того, чтобы мы почувствовали контраст с нашей советской бытовой скудостью, той, по которой кто-то теперь ностальгирует. Тут мы мало что можем сделать, если не потесним с экранов телевизора программы привлекательно безнравственного содержания.

Мы все помним, как создавался тип экономически успешного человека. Дилерами, менеджерами, как оказалось, очень легко стать в одночасье, а вот суметь ограничивать себя в своих поступках оказалось гораздо труднее. Нужно помнить, однако, что производительная инициатива принадлежит прежде всего труду духовному. Рушатся экономические основы жизни России, потому что разложились духовные ее основы, нравственная и религиозная дисциплина трудящейся личности — эти мысли высказаны в 1918 году Николаем Бердяевым. Но они всецело приложимы к России 90-х, с их культом удачливого и богатого, абсолютно чуждого русской культуре вообще и русской культуре хозяйствования в частности, предпринимателя. Хозяйство, по словам Сергея Булгакова, есть явление духовной жизни в той же мере, в какой и все другие стороны человеческой деятельности. У нас же происходит люмпенизация нации вследствие реформ, но и люмпен тоже не может защитить себя, так как тоже оказался вне социума. Остановить этот процесс можно только совместными усилиями Церкви и государства.

Кульм богатства без чести, проповедававшийся в 90-е годы, оказался особенно губителен для России после принудительной атеизации четырех предшествующих поколений.

Одно из следствий — это утрата образованным слоем места в социальной иерархии, снижение его статуса в общественном сознании, утрата социальной энергии интеллектуального ядра нации. Через 15—20 лет у нас будет недобор высококвалифицированных научных кадров во всех отраслях экономики. И тогда мы схватимся за голову. Образование было всегда великим ресурсом России и Советского Союза. По сравнению с нами, даже с любым троечником, в 80-е годы в Секретариате ООН иностранцы выглядели просто как неграмотные люди. Мы были корифеями для них во всех областях. Спасибо советским учителям, низко кланяюсь им всем. Благодаря им я в Совете Европы единственная могла цитировать баллады Шиллера и «Прометея» Гете наизусть, ни один немецкий депутат столько не знал.

Конечно, у нас много было в образовании того, что надо было преодолевать. Но русская педагогическая традиция достойна своего продолжения. Нельзя допустить так называемой интернационализации рынка образовательных услуг, который служит глобальному управлению без учета культуры собственной страны. Дальше произойдет просто деградация национального образования. В стране с такой протяженностью, как наша, начнет дичать провинция, удаленная и так на тысячи километров от Москвы.

Правовое государство немислимо без нравственных скреп. Горе такому государству, где от преступления удерживает лишь страх перед уголовным наказанием.

Вопросы ТВОРЧЕСТВА

Сергей КАРА-МУРЗА ЗАПАДНАЯ И РУССКАЯ ШКОЛА: В ЧЕМ СУТЬ НАШЕГО ВЫБОРА

Сергей Георгиевич Кара-Мурза — родился в 1939 в Москве. Доктор химических наук. Профессор, автор работ по истории СССР, теоретик науки, социолог, политолог и публицист. Как автор политических работ выступает сторонником советского проекта. Член Союза писателей России. Главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН. Заведующий отделом комплексных проблем развития науки Российского исследовательского института экономики, политики и права в сфере науки и техники. Область научных интересов: исследование кризисов, науковедение. Автор многих книг и статей. **Живет в Москве.**

Мир переживает волну глобализации. Эта — не первая. Прошла большая волна колонизации, с конца XIX века — вторжение западного капитала во многие формально независимые страны, после войны — создание мировой системы неокolonиальной зависимости (третьего мира). Многие страны и культуры не нашли хорошего ответа на эти волны глобализации — они или погибли, или были превращены в зону периферийного капитализма с угасанием собственной самобытной культуры.

В одних случаях национальная элита просто отказалась от сопротивления и перешла на сторону Запада, став его приказчиком в своих придушенных странах. В других случаях были попытки закрыться от западной экспансии барьерами разного рода, что задерживало развитие, тормозило модернизацию и делало страну беззащитной против экспансии Запада. Россия и Китай в начале XX века были вынуждены ответить на вторжение западного капитализма огромными катастрофическими революциями.

Но в любом случае опыт этих противостояний и столкновений дал нам один общий и важный исторический урок: для выработки гибкого и эффективного ответа необходимо достаточно полное и глубокое знание и понимание природы двух больших систем — собственной цивилизации и цивилизации, осуществляющей экспансию (то есть Запада). Надо уметь хладнокровно, без надрыва и иллюзий ответить себе: «Кто мы? Откуда мы? Куда мы идем?» — и сравнить свою культурную матрицу с той матрицей, на которой построена западная цивилизация. Только тогда станет понятно, чем мы не можем пожертвовать, осваивая институты и технологии Запада, в какой коридор нам надо стремиться толкнуть процессы развития в новом глобальном мироустройстве.

В типичной войне цивилизаций, получившей условное название «холодной» войны, СССР проиграл во многом потому, что «мы не знали общества, в котором живем». Мы не знали, в чем суть нашей цивилизации, что для нее полезно, что безвредно, а что смертельно. Поражение заставило нас задуматься, и что-то из полученного тяжелого урока мы можем успеть освоить и применить в ходе нынешнего наступления на само бытие больших незападных культур — и прежде всего России.

Один из самых главных, хотя и не очень заметных фронтов нынешнего противостояния в России — **школа**. Идет ее реформирование, но многие, в том числе учителя, не понимают, что с ней хотят сделать. Проблемы школы сводят к нехватке денег, невыплате зарплат учителям, модернизации методик и т. д. Все это важно, и все это не главное. Во время войны школа тоже была бедна, но она вырастила поколения, сделавшие СССР великой державой. Она не выбрасывала массы детей за дверь, она не растлевала учителей подачками «богатых родителей», не заставляла «продавать отметки». Так что надо поговорить не о деньгах, а о сути **изменения** нашей школы. Поговорим о **типе** школы, о типе той культуры, которую она должна передать новому поколению.

Говорят, что школа — это «генетическая матрица» культуры. Поэтому она — один из самых устойчивых, консервативных общественных институтов. Всякие реформы школы, ее уклада, ее программ должны делаться чрезвычайно осторожно. Для общества и его культуры, как и для любого организма, защита его «генетического аппарата» — одно из главных условий продолжения рода. Конечно, внешние условия изменяются, мы развиваемся, но массивные мутации, поломки «генетического аппарата» прерывают цепь времен, производят разрыв поколений, который может стать фатальным для судьбы народа.

Почему же «реформаторы», люди умные, действуют без всякого общественного диалога? Чем им не нравится наша прежняя школа? Какой тип школы мы имели и какой тип школы они пытаются устроить в России? Один министр народного образования РФ сказал, что реформа необходима потому, что российская школа сильно отстала от школ «цивилизованных стран». Как это понимать? Когда людям говорят «отсталая» школа, они это понимают просто — это школа, из которой подросток выходит необразованным и не умеющим думать. Но ведь по этим показателям советская школа была намного лучше западной. В чем же дело, зачем надо ее переделывать на манер американской?

В том-то и дело, что наша школа *слишком хорошо* учит детей. Не нужно это «рынку». А отстала она от США именно в фабрикации такого человека, какой нужен «рынку». Реформа школы необходима для того, чтобы привести российских детей в соответствие с западными стандартами «человека массы». Невозможно превратить народ в «массу», если резко не понизить уровень школьного образования.

Взглянем немного в историю. Добуржуазная школа, основанная на христианской традиции, вышедшая из монастыря и университета, ставила задачей «*воспитание личности*» — личности, обращенной к Богу (шире — к идеалам). Ее цель была — «наставить на путь», дать ученику целостное представление о мире, о Добре и зле. Эта школа была, как говорят, основана на «университетской» культуре. Эта культура опиралась на систему

дисциплин — областей «строгого» знания, в совокупности дающих представление о Вселенной (универсуме) как целом.

Новое, буржуазное общество нуждалось в школе для «фабрикации» человеческой массы, которая должна была заполнить, как обезличенная рабочая сила, фабрики и банки, лавки и конторы. Для этого и подбирался запас знаний, который заранее раскладывал людей «по полочкам». Эта школа оторвалась от университета, возникла составленная из массы отрывочных знаний так называемая мозаичная культура (в противовес университетской). Для нового, буржуазного западного общества требовался манипулируемый *человек массы*, здесь не стояло задачи воспитания целостной личности. Это — огромное отличие западной массовой школы как от добуржуазной европейской школы, так и от «отсталой» советской.

Известный американский психолог и педагог Ури Бронфенбреннер, в течение многих лет руководивший большим проектом по международному сравнению школьного образования в разных странах, пишет в своей книге «Два мира детства. Дети в США и СССР», переведенной на многие языки: «Основное различие между американскими и советскими школами состоит, на наш взгляд, в том, что в последних огромное значение придается не только обучению предметам, но и *воспитанию*; для данного термина в английском языке не существует эквивалента».

Как строилась современная западная школа? Рыночное общество («западная цивилизация») возникло в XVI–XVII веках в Европе в результате ряда последовательных революций. Были и важные революции в «технологии» создания общества, и среди них особое место занимает преобразование школы.

Буржуазное общество вовсе не нуждалось в школе, дающей человеку стройную систему знаний, которая бы его освобождала и возвышала, — ту систему знаний, которая учит человека свободно и независимо мыслить. Из школы должен был выйти «добропорядочный гражданин, работник и потребитель». Это и есть «человек массы», наполненный сведениями, нужными для выполнения контролируемых операций.

Но было бы ошибкой считать, что *все* буржуазное общество формируется в мозаичной культуре. Помимо школы как «фабрики людей массы» на Западе сохранилась небольшая по масштабам школа старого, университетского типа. Это школа для элиты. Она была основана на совершенно иных принципах, чем школа для «массы». В ней давалось фундаментальное и целостное, «университетское» образование, воспитывались сильные, уважающие себя личности, спаянные корпоративным духом. По своему укладу, программам, нагрузке эта школа разительно отличается от массовой. Школа Запада стала «двойной», школой «двух коридоров» (еще говорят «две школьные сети»). В одной сети готовится элита на базе «университетской» культуры, в другой — людская масса с «мозаичной» культурой. Такая школьная система воспроизводит *классовое* общество, его два главных класса. Это — «школа капиталистического общества». То, что в коридор элиты попадает и небольшая часть детей рабочих, не меняет дела.

Что же достигается этим разделением двух школьных сетей? Школа для элиты, как пишут западные социологи, «производит из каждого индивидуума, независимо от того места, которое он займет в социальном разделении труда (комиссар полиции или преподаватель университета, инженер

или директор и т. д.), активного выразителя буржуазной идеологии. Другая школа формирует людей, пассивно подчиняющихся господствующей идеологии... Она готовит их к определенному социальному статусу: безответственных, неэффективных, аполитичных. В то время как будущие пролетарии подвержены жесткому и массовому идеологическому воздействию, будущие буржуа овладевают, невзирая на молодость, умением использовать все инструменты господства буржуазной идеологии».

С самого возникновения «двойной» школы буржуазного общества массовая школа «второго коридора» строилась как особая культурная система. Это делалось сознательно и целенаправленно педагогами высочайшего класса, и средств на это не жалели. Как пишут историки западной школы, после Великой французской революции «республика бесплатно раздавала миллионы книг нескольким поколениям учителей и учеников. Эти книги стали скелетом новой системы обучения».

Особо отмечают французские социологи и историки образования, авторы известного труда «Школа капиталистического общества», усилия по созданию учебников для начальной школы в 1875–1885 гг. Они более чем на сто лет задали стандарты школьных учебников. Французские авторы пишут: «Эти книги были подготовлены с особой тщательностью бригадой блестящих, относительно молодых ученых, абсолютных энтузиастов капиталистического реформизма. Штат элитарных авторов подбирался в национальном масштабе, и противодействовать им не могли ни педагоги, ни разрозненные ученые, ни религиозные деятели. Отныне знание в начальную школу могло поступать только через Сорбонну и Эколь Нормаль... Ясность, сжатость и эффективность идеологического воздействия сделали эти книги образцом дидактического жанра».

Насколько глубока разница между двумя типами школы, видно из сравнения учебников одного и того же автора, написанных на одну и ту же тему — но для двух разных контингентов учеников. Когда читаешь отрывки из классического учебника Лависса по истории Франции в двух вариантах, это просто потрясает. Один вариант — содержательное и диалектическое описание, заставляющее размышлять. Другой — примитивный штамп с дешевой моралью, во многих утверждениях противоречащий первому варианту. Просто не верится, что это писал один и тот же автор.

Столь же различны и варианты программы по словесности, литературе. Школа элиты готовит молодую смену господствующего класса, дает им общий язык и огромный запас образов, метафор и риторических приемов. Социологи пишут: «Овладение определенным языковым наследием позволяет культурной элите выработать способ выражения, основанный на аллегориях, намеках, на целом арсенале риторических фигур. Господствующий класс нуждается в этом литературном багаже для усиления своего идеологического единства, для распознавания друг друга, чтобы отличаться от подчиненных классов и утверждать свое господство над ними. Быть буржуа — определяется знанием Расина и Маламе».

В школе элиты изучают те произведения великих писателей, в которых ставятся вечные проблемы человека, где бушуют страсти, психологические и социальные конфликты, трагедии и противоречия жизни. По этим шедеврам ученики пишут сочинения, которые оцениваются в зависимости от глубины мысли юноши, поэтики его восприятия, способ-

ности к диалектическому мышлению. Их сверстники в школе для массы изучают вроде бы ту же литературу и тех же писателей — но лишь те отрывки, в которых описаны сцены сельской природы и практически отсутствует человек, за исключением доброй бабушки, садовника или присевшего отдохнуть в тени путника. По этим отрывкам ученики пишут диктанты и изложения. Они оцениваются по точности передачи текста и числу ошибок.

Вот случай из моей практики. Я примерно в 1995 году должен был прочитать лекцию для преподавателей обычной школы в небольшом городке на юге Испании. Ехать было далеко, так что я на всякий случай приехал заранее, и было время посмотреть школу — лаборатории, кабинеты. Оборудована школа прекрасно. Водил меня завуч, преподаватель литературы. Под конец повел в свой кабинет и показал предмет своей гордости — лучшие ученики у него делают факультативные работы, пишут **сочинения**. Он достал пачку этих сочинений и дал мне. Все написаны на компьютере, с красивыми обложками.

Я стал читать — одно, другое. И — трудно поверить, на глаза вдруг навернулись слезы. Никогда бы я не поверил, что можно к 16–17 годам довести нормальных ребят и девушек до состояния такой инфантильности, на грани с олигофренией. Как это удалось сделать, в чем секрет? Ведь на вид — умные, энергичные молодые люди. Но как только начинают думать и излагать свои мысли сами — детский лепет, почти мычание. Нам, кто уже с 7-го класса тренировался в анализе произведений и написании текстов, этого просто не понять.

Через пару недель у меня была встреча с интеллигентами в г. Памплона. Просто разговаривали на общие темы, и о России, и о Западе. И я рассказал об этих сочинениях и о том, как они меня потрясли. Оказывается, это известно испанским интеллигентам и многими из них рассматривается как тяжелый удар по великой испанской культуре.

И буржуазные реформаторы школы на Западе, и наши сегодня в России прикрывали планы отделения «массовой школы» критикой школы университетского типа за то, что она якобы заставляет учеников осваивать много «ненужного» знания. Мол, если строить школьную программу из мозаики полезных сведений, то она лучше подготовит подростка или юношу к реальности. На деле темы для изучения в массовой школе выбираются так, что они лишь углубляют пропасть, отделяющую школу от реальной трудовой и социальной жизни. Перечень рекомендуемых для изучения проблем и ситуаций говорит о сознательном противопоставлении школы и жизненной практики: темами изучения бывает лошадь, труд ремесленника, строительство модели самолета или парусного корабля. Никакой подготовки к реальной жизни это обучение не дает, лишая в то же время фундаментальных «абстрактных» знаний, которые как раз и позволяют «осваивать» бесчисленное множество конкретных жизненных ситуаций.

В начале 90-х годов в Испании проводилась реформа школы — страна переходила к европейским стандартам. Один философ, с которым мы были знакомы заочно, по публикациям, стал крупным чиновником ЕЭС по вопросам образования, он проводил в Испании совещание по этой реформе и пригласил меня — авторитет советского образования был тогда высок, и они хотели послушать кого-нибудь из СССР.

То, что я услышал, было прекрасной иллюстрацией для книги французских социологов — массовой школе было рекомендовано перейти от дисциплинарного типа образования к *«модульному»*. Какие-то фирмы уже разработали к тому времени 18 модулей, которые переводились на европейские языки и включались в программы. Речь на совещании шла о модулях, уже переведенных на испанский язык. Мне, еще «на новенького», все это показалось театром абсурда, просто ликвидацией нормального среднего образования. Уже не было физики, химии, географии, а был, например, модуль под названием «Вода и водная проблема в Кении». В нем вскользь давались кое-какие сведения о воде — а потом просто идиотская проблема «воды в Кении». Почему испанские подростки должны обсуждать проблемы неизвестной им Кении, когда в самой Испании всегда стояла и сегодня стоит жгучая проблема с водой? Но главное, конечно, это сам отказ от дисциплинарного («университетского») строения всей картины мира.

Как же строилась наша, **российская школа**? Наша школа, которую мы помним в облике советской школы, сложилась в результате долгих исканий и споров с конца XIX века. Тогда как раз нарождалась массовая школа, и русская культура сопротивлялась воздействию «импортированного» западного капитализма. До 1917 г. школа, которая начала в пореформенной России строиться как «двойная» (гимназия и реальное училище), охватила небольшую часть детей — 3/4 населения были неграмотными, и это было в некотором смысле благом. А главное — подавляющее большинство жителей России не «атомизировались», а были связаны с разного рода общинами, так что знание и воспитание передавались через «неофициальные» каналы — через семью, соседей, церковный приход, традицию и искусство. Да и школа была под мощным воздействием всего того, что мы понимаем как русская культура. Разве можно переоценить влияние на учителей Пушкина и Льва Толстого (в том числе его специально написанных для школы книжек).

Советская власть сделала огромный, нами не вполне оцененный шаг — порвала с капиталистической школой как «фабрикой субъектов» и вернулась к школе как «воспитанию личности», но уже с наукой, а не богословием, как основой обучения. Итог был подведен на учительском съезде в 1918 г., который утвердил главный выбор — **единая общеобразовательная школа**. Оба определения исключительно важны, да мы раньше мало о них думали.

«Двойная» школа исходит из представления о двойном обществе — цивилизованном (гражданское общество или «республика собственников») и нецивилизованном («пролетарии»). Это как бы два разных племени, говорящих на разных языках и имеющих разные типы культуры. Идея единой школы заключается в том, что существует общее «тело народа», дети которого изначально равны как дети одной семьи. В единой школе они и воспитываются как *говорящие на языке одной культуры*. Нынешние реформаторы России прежде всего поставили задачу сломать этот принцип **единой** школы. Их цель — разделить единую школу на два коридора: создать небольшую школу для элиты и большую — для фабрикации рабочей массы.

Принцип **общеобразовательной** школы означал, что вся школа, включая вечерние школы и ПТУ, строилась на базе университетской, а не «мо-

заичной» культуры и всем давала общий, целостный, дисциплинарный свод знаний. Советская школа **вся** была школой для элиты — все дети в этом смысле были кандидатами в элиту. Конечно, другие стартовые условия еще довольно сильно различались, сельская школа по ресурсам была беднее столичной, но тип образования, тип культуры и иерархия ценностей у всех была университетской. Потому маленький Валентин Распутин из сибирской деревни учил «уроки французского» и стал писателем, а депортированный в казахстанскую глубинку чеченский мальчик Джохар Дудаев — генералом, командиром элитной дивизии стратегической авиации. Школа дала им то же самое ядро культуры и ту же картину Вселенной, что и ученикам лучших столичных школ.

Понятно, что от принципа до его воплощения далеко. Но важно, **куда** идти. Школа «субъектов», будь она даже прекрасно обеспечена деньгами и пособиями, будет всего лишь более эффективной фабрикой, но того же продукта. А в СССР и бедная деревенская школа претендовала быть университетом и воспитателем души. Главное, что школа стремилась быть единой. Она должна была воспроизводить народ, а не классы, как «двойная» школа.

Вот явление, которое нам казалось вещью нормальной, а на Западе даже объяснить трудно, что это такое — «помощь отстающим». У нас уже в начальной школе лучшие ученики под руководством учителя прилагали большие усилия, чтобы помочь «отстающим», особенно переросткам, догнать класс. Обычно это бывали дети из культурно менее развитых семей с низкими доходами. Учителя и школа как система не поддавались соблазну утопить их и «отсеять». И многие из них уже к концу начальной школы вполне интегрировались в класс, а потом проходили полный цикл образования, включая высшее.

ПТУ и вечерние школы не были принципиально иным «коридором». В них учились по тем же учебникам и тем же программам — разница была количественной, в объеме полученных знаний, но по своему типу, по своему строению это было то же самое знание. Советский корпус инженеров в большой мере сформирован из людей, прошедших через ПТУ и техникумы. Возьмем космонавтику и посмотрим биографии ключевых фигур. Два главных конструктора, два академика, руководители технической части программы — Королев и Глушко — в юности окончили ПТУ. Юрий Гагарин окончил ремесленное училище. И это — скорее норма, чем исключение.

Советские педагоги не просто доказали на практике, что принцип **единой** школы может быть реализован на практике. Нормальные дети, при всем различии индивидуальных способностей, вполне могут освоить общую, единую для данной культуры школьную программу весьма высокого уровня. Психологи и педагоги создали для этого мощные методические средства и принципы организации учебного процесса. Единая программа, вопреки представлениям нынешних «западников», мечтающих о «дифференцированном» школьном образовании (то есть о школе «двух коридоров») для России, нисколько не мешала ни проявлению личных особенностей, ни удовлетворению каких-то особых интересов. Главное, что она позволяла всем детям в достаточной степени освоить *культурное ядро* своего общества и влиться в народ как его органичные частицы.

Массовая школа Запада ориентирована на «фабрикацию» безвольного и безответственного, слегка инфантильного, склонного к потребительству

человека. Поэтому, как пишут социологи, в этой школе господствует «педагогика лени и вседозволенности», а в школе для элиты — педагогика напряженных умственных и духовных усилий. По мнению учителей и школьных администраторов, главная задача школы массы — занять подростков экономным и «приятным для учеников» образом. Социологи даже делают вывод: используемый в массовой школе так называемый активный метод обучения поощряет беспорядок, крик, бесконтрольное выражение учениками эмоций — прививает подросткам такой стереотип поведения, который делает совершенно невозможной их адаптацию (если бы кто-то из них попытался) к школе элитарного типа, уже приучившей их сверстников к жесткой дисциплине и концентрации внимания.

Однажды в Испании в 1990 г. меня пригласили прочитать лекцию в школе, в маленьком городе. Время до лекции оставалось, и знакомая преподавательница попросила меня просто провести урок в ее классе — рассказать старшеклассникам о советской школе. Я вошел в класс — подростки сидят, развалясь, в куртках, кто-то жует. Учительница ведет себя так, будто главная ее цель — угодить этим подросткам, сделать этот час для них приятным. Шуточки, ласковый голос. Ребята все из трудовых семей.

Я им объяснил, что в советской школе, когда учитель входит в класс, все встают по стойке «смирно», сидят за партами прямо, носят форму. Что уроки трудные и задают много. И что все это — для того, чтобы каждый подросток сделал усилие и вырос как личность. А если их здесь поощряют сидеть развалясь, перебивать учителя и хохотать, то это потому, что их незаметно подталкивают стать людьми «массы», без большой ответственности, но и без больших запросов. Посмотрите, говорю, как сидят такие же ребята из богатых семей в закрытых колледжах у иезуитов — по струнке. Посмотрите, как они все скромно одеты, как прямо ходят и сколько должны прочесть по теме, если к ним приезжает лектор¹. К моему удивлению, ребята это очень хорошо поняли и отнеслись серьезно. Изменить систему они не могут, но если понимаешь, что она с тобой хочет сделать, легче бороться.

Особенно остро чувствуют испанские молодые люди этот контраст, когда к ним приезжают их сверстники из близкой культурной среды. В университете Сарагосы в 1995 г. приехал студенческий симфонический оркестр из университета Сантьяго де Куба. Прекрасный концертный зал университета был набит битком, я тоже пошел (в молодости я работал в Сантьяго). Студенты сидят вольно, развалясь, в обнимку со своими пухлыми куртками. На стенах надписи: «Лузгать семечки запрещается» («Prohibido comer pipas») — но многие лузгают, другие хрустят чипсами. Выходит оркестр — кубинцы все худые, почти все негры. В белых рубашках. И осанка, и взгляд, и вообще манеры такие, будто на сцену вышло десятка два прирожденных аристократов, в нескольких поколениях. Испанцы притихли, они вдруг взглянули на себя со стороны, и их пробрало. Когда же и почему они так опустились, обрюзгли? Потом знакомые ребята говорили,

¹ В 1998 г. меня пригласили в один из таких колледжей в Каталонии прочитать лекцию об истории взаимоотношений сербов и албанцев — в преддверии агрессии НАТО. Мне пришлось усиленно поработать в библиотеке. На лекции было около трехсот юношей из класса предуниверситетской подготовки. Все они до лекции изучили тему по хорошему вузовскому учебнику, так что разговор можно было вести по главной сути проблемы.

что это было моментальное общее чувство — а ведь все это не от личных качеств зависит, это продукт двух разных школ. Я уж не говорю, что университет Сарагосы и мечтать не может о собственном симфоническом оркестре — притом что денег у него в сотни раз больше, чем у университета Сантьяго де Куба.

У. Бронфенбреннер в своей книге приводит выдержку из доклада группы американских психологов на Международном психологическом конгрессе 1963 г. (в США издан 4-томный труд этих психологов, проводивших международные сравнения школьных систем). Вот что сказано в докладе о советской школе: «Более всего автора данного отчета поразило «примерное поведение» советских детей. У них хорошие манеры, они внимательны и прилежны. В беседах с нами все выражали сильное желание учиться, готовность служить народу и т. п. В соответствии с такой общей ориентацией их отношения с родителями, учителями и воспитателями носят характер почтительной и нежной дружбы. Дисциплина в коллективе воспринимается безоговорочно, какой бы суровой с точки зрения западных стандартов она ни выглядела. Наблюдения и отчеты советских педагогов, а также мои посещения пионерских и комсомольских собраний позволяют сделать вывод, что случаи агрессивности, нарушения правил и антиобщественного поведения — явление крайне редкое».

Что дали России эти два принципа нашей школы — единой и общеобразовательной? Не только позволили ей совершить невиданный в истории скачок, стать мощной независимой державой, собрать из городков и сел неиссякаемые ресурсы Королевых и Гагариных. Школа помогла соединить тело народа, сформировать тип личности небывалой силы — личности, как бы реализующей общую силу. Проверкой нашей школы была война. Какое главное различие советского и немецкого солдата отметили военные историки с обеих сторон? То, что если в скоротечном бою у немцев удавалось быстро выбить офицеров, это надолго парализовало все подразделение. А у нас, если падал офицер, ближайший сержант, а то и рядовой, тут же кричал: «Я командир! Слушай мою команду!» Наша школа в каждом воспитывала убеждение, что он за все в ответе.

То знание, которое предлагала наша школа всем, — это огромная, очень дорогая роскошь. Не в том дело, что надо было иметь в каждой школе и физика, и математика, и историка. Главное, что юноша становился *личностью*, не мог «упираться глазом в свое корыто», был неудовлетворенным. А такие менее управляемы. В 70-е годы некоторые наши социологи предупреждали: надо снизить уровень образования. Хозяйство не позволяло еще обеспечить молодежь рабочими местами согласно уровню их подготовки и, значит, согласно их запросам. Давайте, советовали, сократим эти претензии, «сократив» саму личность. Наши престарелые вожди это отвергли — ради самой молодежи, но толкнув ее в ряды могильщиков советского строя. Образование, сказали они, служит для жизни в целом, а не только для работы.

Сегодня реформаторы быстро и жестоко снижают уровень образования, «принимают» молодежь. Их главное заклинание — школа должна отвечать требованиям постиндустриального общества. Что это значит? Один «реформатор» объяснил, что в таком обществе производства почти не будет, а в сфере обслуживания не нужно знать про «амфотерные гидроксиды»

и т. п. Его спрашивают: как же при таком образовании восстановить промышленность, обновить технологию? А зачем, ответил этот господин, все равно русские не будут конкурентоспособны, нечего и стараться. Зачем знать всякие синусы и косинусы, если удел подростка — протирать стекла у светофоров?

Полезно было бы всем прочитать программу партии «Яблоко» в области образования. Вот их главная цель: «Сделать Россию **открытой страной**, все более эффективно и полно интегрирующейся в мировое сообщество. Для этого каждый выпускник школы, ПТУ, техникума и вуза должен обладать высокой конкурентоспособностью на отечественном и мировом рынках труда». Кого же должна готовить школа в такой России? Поденщика, конкурирующего на мировом рынке труда? Чтобы русский юноша мог оттеснить турка в драке за место уборщика в Гамбурге или марокканца на уборке апельсинов в Испании?

Тут уж каждый должен сделать свой выбор. По мне так эта программа — гибель России. Юноши и девушки России должны не на мировой рынок тянуться, а воспитывать характер и получать знания, чтобы своим трудом поднять Россию. Они должны выходить из школы как ответственные личности, различающие добро и зло, а не как рабочее быдло для «мирового рынка».

ИМПЕРАТОРСКИЙ ПЕТЕРБУРГ

*Санкт-Петербург
на старинных
фотографиях,
рисунках
и открытках*

*Его Императорское Величество
Государь Николай II в форме лейб-гвардии*

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Степан СУЛАКШИН НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СТРАНЫ И КАЧЕСТВО НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Степан Степанович Сулакшин — родился в 1954 г. в Томске. Окончил радиофизический факультет Томского государственного университета. Доктор физико-математических наук, доктор политических наук, профессор. 1991 г. — член Верховного Совета СССР. 1993—1999 гг. — депутат Государственной Думы РФ I и II созывов. С 2006 г. — генеральный директор Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. С 2006 г. — советник президента ОАО «РЖД», советник председателя Совета Федерации РФ. Автор более 250 опубликованных работ (20 книг), 24 изобретений. **Живет в Москве.**

Науке свойственно не только объяснять, что происходит, но и находить ответы на вопросы: «Почему все происходит именно так, а не иначе?» и «Что делать, чтобы имело место только желаемое развитие событий?». Это работа посвящена глубинной связи и взаимозависимости двух важнейших факторов жизни страны: национального образования и государственной безопасности, которые мы постараемся проанализировать в рамках поиска ответов на поставленные вопросы.

Наша страна дважды в недавней истории распадалась как сущность. В 1917 и 1991 гг. она умирала, как живой организм. Можем ли мы быть уверены, что Россия не развалится в очередной раз вследствие того колоссального потока преобразований, которые сегодня проводятся под видом реформ в важнейших сферах государственной жизни? Вряд ли все могут ответить утвердительно на этот вопрос. Тогда почему эти пагубные преобразования столь настойчиво проводятся в жизнь государственным управлением? Попытаемся разобраться.

Итак, что такое безопасность страны? Определение этого понятия должно быть функциональным и системообразующим для всей пирамиды государственного управления. «Закон о безопасности РФ» определяет безопасность как *«состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз»*. Далее объясняется понятие *«жизненно важных интересов»*, которые являются *«совокупностью потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства»*. Начнем с того, что интерес не может опре-

деляться через потребность. Потребность — статична, интерес — активен, деятельностен, целеположен. Если безопасность — это «защищенность интересов», то адресат защиты — это неопределенный «интерес». А что есть тогда материальный объект защиты со своими характеристиками и состояниями? Личность, общество и государство как объекты нетождественны *интересам* личности, *интересам* общества и государства. При этом не объясняется, что такое «состояние защищенности», а тем более «состояние защищенности интересов». Более того, ни в одном из государственно-управленческих интересов нет толкования этих понятий. К основным объектам безопасности Закон относит *«личность — ее права и свободы; общество — его материальные и духовные ценности; государство — его конституционный строй, суверенитет и территориальную целостность»*. О том, что представляют собой государственные ценности, которые по логике вещей и должны быть объектом защиты, можно также прочесть в Конституции. Главный управленческий документ России относит к высшим ценностям российской государственности всего лишь одну позицию: *права и свободы человека*. К основополагающим ценностям по Конституции не относятся: жизнь, здоровье, нравственность, идейность и духовность, цивилизационная идентичность, суверенность, само существование государства. (Более того, любая идеология в России конституционно запрещена!)

В «Стратегии национальной безопасности» содержится следующее определение: *«Национальная безопасность — состояние защищенности личности, общества и государства (здесь понятие интереса уже не вводится) от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства»*. Налицо три государственных документа, понятия и определения в которых не согласованы! А если единого нормативно-правового смыслового и ценностного начала нет, то в системе безопасности страны нет и не может быть системности и эффективности.

Если исходить из основной для всего государственного управления формулы *«Моя страна должна быть и должна быть всегда»*, можно вывести следующее определение безопасности: *«Безопасность страны — это ее способность сохранять себя сегодня и всегда»*.

Из этого определения вытекает управленческая атрибутика в сфере безопасности государства:

- Объект безопасности — страна (территория, народонаселение, госуправление).
- Субъект безопасности — государство.
- Функция оборонной политики — сохранять.
- Риски и угрозы. (От чего сохранять? — От негативных воздействий.)
- Критерий цели. (Сохранять что? — Высшие ценности страны.)

Эти управленческие параметры позволяют схематически изобразить пространство безопасности страны (рис. 1).

Так как потребности управления безопасностью формируются факторами угроз и рисков, очевидно, что в государственном управлении должны существовать контрфакторы и контрсистемы по отношению к этим вызовам.

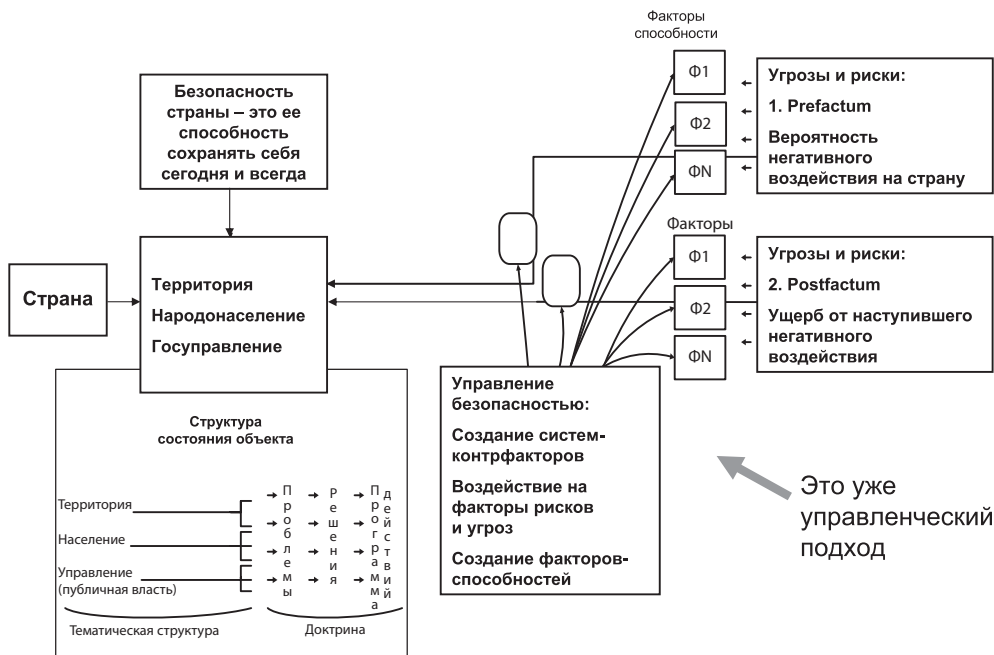

Рис. 1. Функциональное и системообразующее пространство безопасности страны

Понятно, что эти факторы и системы не могут возникнуть сами по себе, они должны быть *созданы*. Созданы людьми, которые владеют знаниями, навыками, инструментарием для подобных разработок, людьми *образованными*. Именно поэтому столь непреложна связь между системой образования и абсолютно всеми сферами государственной жизни (рис. 2).

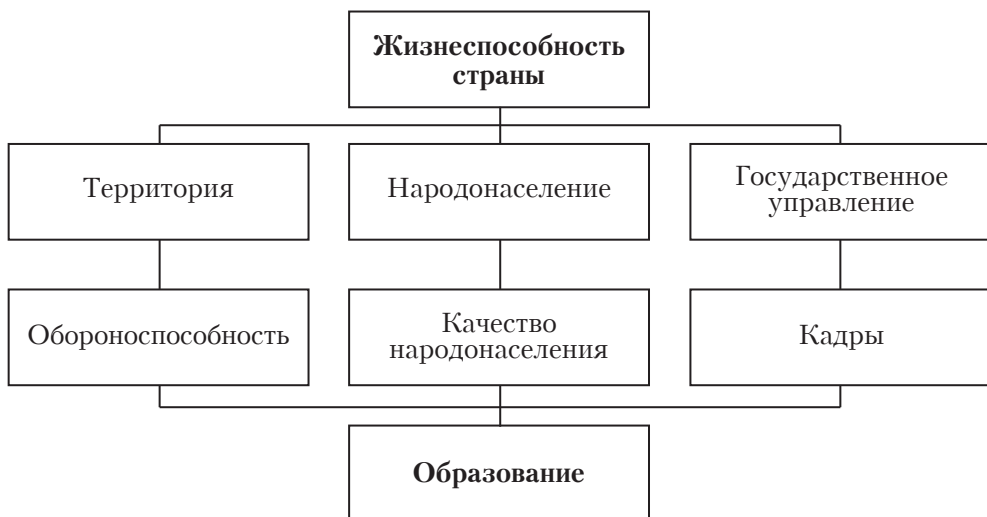

Рис. 2. О связи жизнеспособности страны и образования

Итак, жизнеспособность страны (как позиция национальной безопасности, как и все сферы нашей жизни) через народонаселение связана с образованностью, культурностью, научным потенциалом, воспитанностью, просвещенностью.

Сегодня образование в России активно реформируется. По законам логики реформам должны подвергаться те объекты и сферы, которые по каким-то параметрам плохи, неудовлетворительны, не выполняют своих функций. Сегодня активно изменяют, перекраивают то образование, которое до 1991 г. высоко ценилось во всем мире. Реформируется сфера, которая в течение долгого времени имела фундаментальную основу, которая до сих пор сохранила традиции системности и основательности.

Параллельно внедряются императивные посылы, которые в корне противоречат созидательным целям образования и воспитания. Например, постулат «свобода лучше, чем несвобода». Свобода, которая не ограничена нравственными нормами в сфере СМИ, — это лучше, чем ограничение свободы массмедиа, которое разумно введено в целом ряде стран. Свобода телевидения растлевать зрителя выше потребности общества защитить своих детей от растления. Еще в большей степени поражает государственная позиция в отношении сети Интернет. «Нельзя», «невозможно» ничего сделать с этими колоссальными потоками крамольной информации, хотя в мировой практике принимаются меры по регулированию сетевого пространства. Даже в оборонной тематике существует понятие радиоэлектронной борьбы. Соответственно, если реализуются методы разрушения страны, размывания национальной идентичности, ликвидации духовных скреп населения через медийные каналы, то государство должно обладать средствами противодействия.

Итак, если мы хотим, чтобы наша страна существовала, если мы хотим сохранить самое себя в нашей цивилизационной парадигме, в нашей идентичности, нам необходимо разработать многоуровневую систему безопасности — личностной, общественной, государственной.

На первом уровне объектом защиты является человек (рис. 3).

Сущностные признаки человеческого существа — это тело, разум и душа. Номинация этих трех составляющих влечет за собой анализ связанных с этими параметрами сфер общественной и государственной жизни:

- Здравоохранения. Медицинское обслуживание в России оставляет желать лучшего.
- Образования, просвещения, квалификации. Здесь интересно упомянуть о государственной программе «Планирование семьи». Подобные проекты реализовываются сейчас еще в ряде стран. По сути это не что иное, как план по сокращению населения в странах, не относящихся к государствам «золотого миллиарда». Успех этого проекта в России очевиден — население убывает.
- Нравственности и идейной духовности. Эти вопросы более чем актуальны сегодня, но Конституция запрещает России всякую идеологию. Это означает, что потребность общества в нравственности как институции, которая формируется в идейно-мировоззренческой, духовной сфере, не признается, не удовлетворяется государством.

На следующем уровне объектом безопасности является общество (рис. 4).

Рис. 3. Человек как сохраняемая сущность

Рис. 4. Общество как сохраняемая сущность

На этом уровне должны быть решены вопросы единства, осознания национальной и цивилизационной общности, стремления к общим ценностям и готовности консолидированно эти ценности отстаивать.

На третьем уровне концепции безопасности охраняемой сущностью является страна (рис. 5).

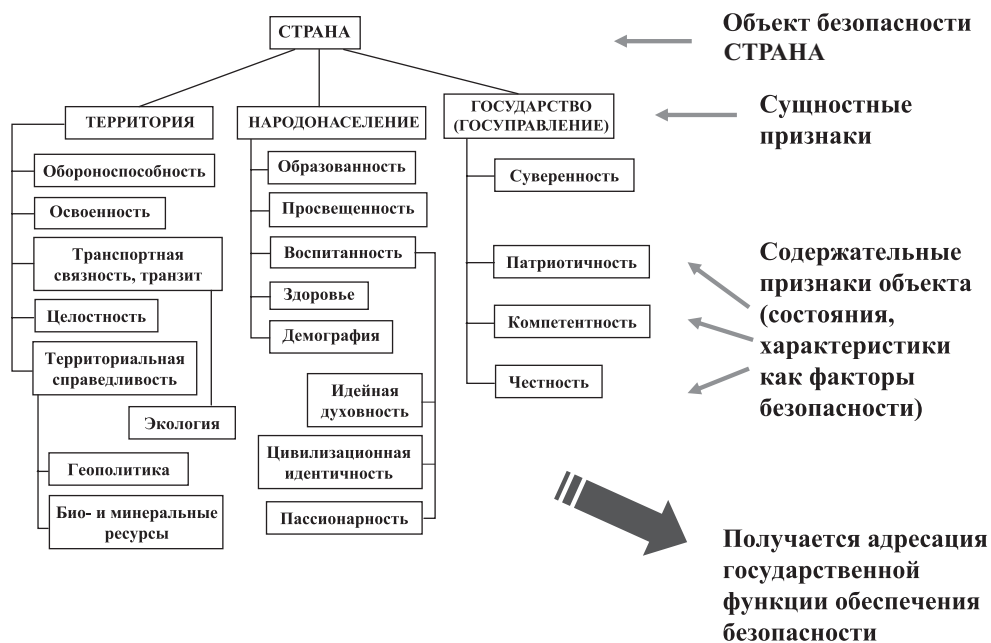

Рис. 5. Страна как сохраняемая сущность

Рис. 6. Структура угроз безопасности страны

В этой матрице возникает еще несколько важнейших категорий — суверенность, патриотичность, честность управления; освоенность, целостность, связанность территории.

Катастрофа современного состояния страны заключается в том, что все (!) факторы безопасности подвергаются системному реформированию. Этот процесс был начат давно, еще в конце 80-х. За двадцатилетний промежуток времени адекватный управленец вполне может осознать, что результаты этого масштабного эксперимента пагубны для России, и скорректировать подходы к государственному управлению. Но этого не происходит. Продолжают насаждаться реформы, несущие угрозу самому существованию страны. Посмотрим на структуру негативных воздействий на потенциалы жизнеспособности российского государства (рис. 6).

Самая главная угроза заключается в самом государственном управлении страной. Само госуправление ориентировано на ценности, чуждые стране. (Это не вкусовая оценка, это фундаментальное исследование Центра, ранжирование с помощью специальных методов сетевого интеллекта.) Ситуация с образованием — яркий тому пример. Если убрать все второстепенные детали, то системный образовательный антипроект реализуется с одной единственной целью: еще шире отворить ворота, через которые российская наука будет утекать за рубеж. Многие иностранцы приезжали в Россию, чтобы получить одно из самых качественных образований в мире. С коммерциализацией образования, с введением ЕГЭ, с попытками приобщиться к Болонской системе процент иностранных граждан, желающих учиться в России, существенно снизился. Обратный процесс, когда российские специалисты уезжают работать за границу, как мы хорошо знаем, напротив, активизировался.

Десятки и сотни показателей формируют эффективную национальную политику в отношении безопасности страны. Их много, и они крайне важны для общей цели сохранения России как сущности. Уже дважды в XX в. сохранить страну не удавалось (рис. 7).

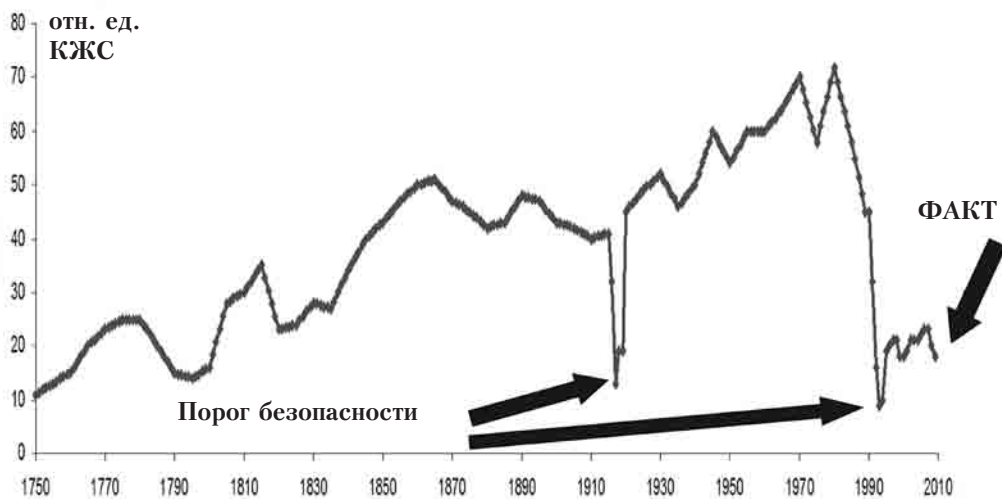

Рис. 7. КЖС (коэффициент жизнеспособности страны)

Этот график построен по результатам многофакторного, фундаментального анализа. Коэффициент жизнеспособности страны — научное ноу-хау Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, разработанное на основе сведений, полученных при помощи длинных динамических рядов, регрессионного анализа, межстрановой и исторической компарации. Дважды в истории этот показатель был равен нулю. Сейчас в результате многочисленных реформ, совершенно неоправданных с точки зрения успешного и эффективного госуправления, уровень жизнеспособности России близок к развалу страны.

Сравним динамику жизнеспособности с индексами развития человеческого потенциала, в котором заложены показатели образования, здоровья, пассионарности населения (рис. 8).

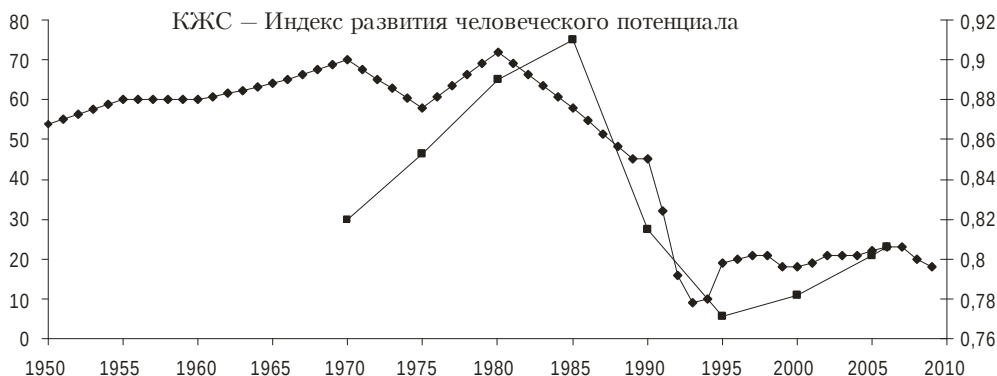

Рис. 8. Индекс развития человеческого потенциала и жизнеспособность России

Взаимосвязь очевидна.

Рассмотрим корреляцию жизнеспособности и воспитательной функции образования (рис. 9).

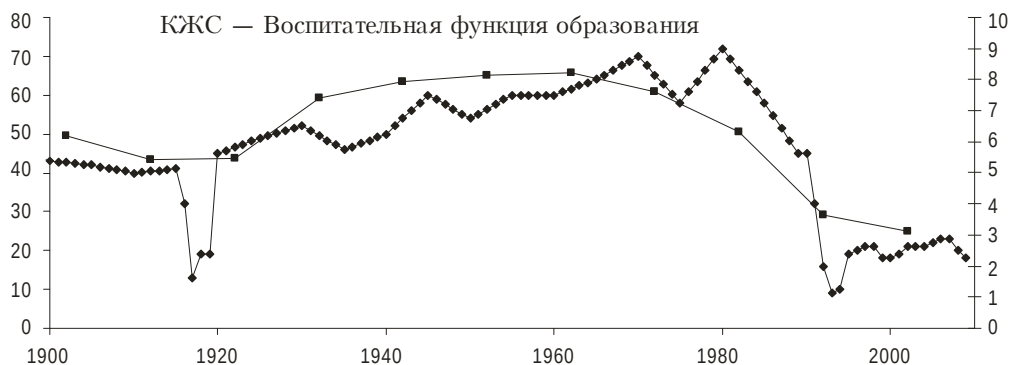

Рис. 9. Воспитательная функция образования и жизнеспособность России

Очевидно, что воспитательные нагрузки на школьных учителей и профессорско-преподавательский состав в вузах последовательно снижаются.

Это очередной удар по жизнеспособности России, так как регрессионная связь демонстрирует, что чем отчетливей выражена воспитательная функция образования, тем выше жизнеспособность страны (рис. 10).

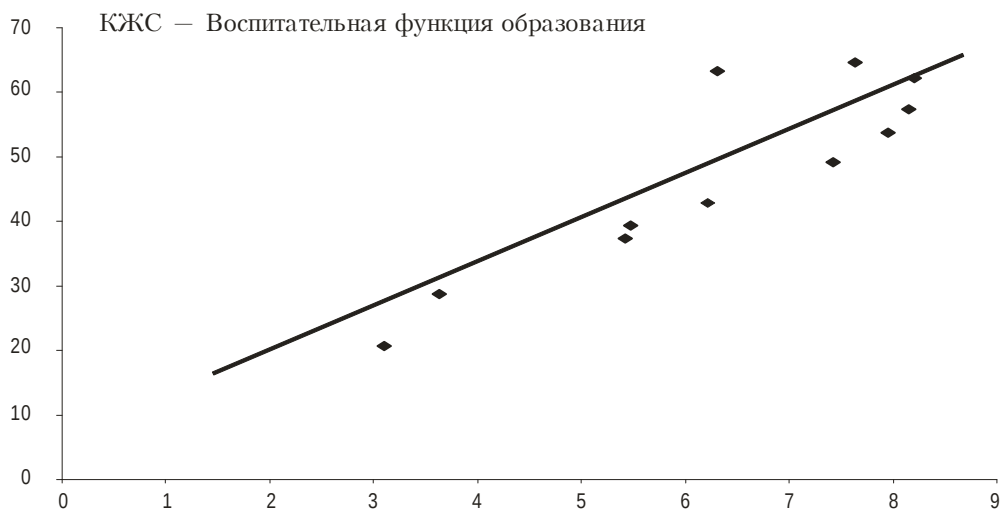

Рис. 10. Корреляция КЖС и воспитательной функции образования

Очевидна соотнесенность КЖС и качества государственной политики в сфере образования (рис. 11).

Рис. 11. Качество государственной политики в сфере образования и КЖС

Не столь очевидна, но прослеживается корреляция жизнеспособности и данных по бюджету на образование (рис. 12).

Расходы на образование, науку, здравоохранение падают.

Доля бюджета России на human resources в сравнении с показателями других стран невелика (рис. 13).

В России остро стоит проблема коммерциализации образования.

Оптимальное соотношение платных мест к бюджетным равно 20 %, реальное значение этого фактора приближается к 200 %.

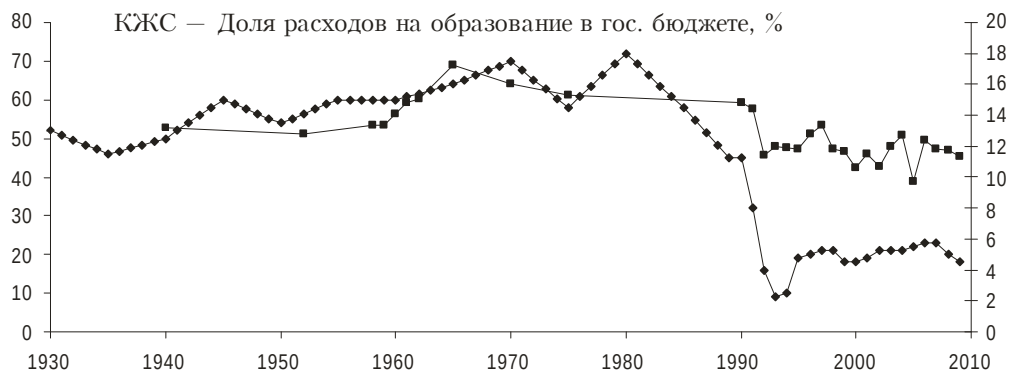

Рис. 12. Доля расходов в бюджете страны на образование и КЖС

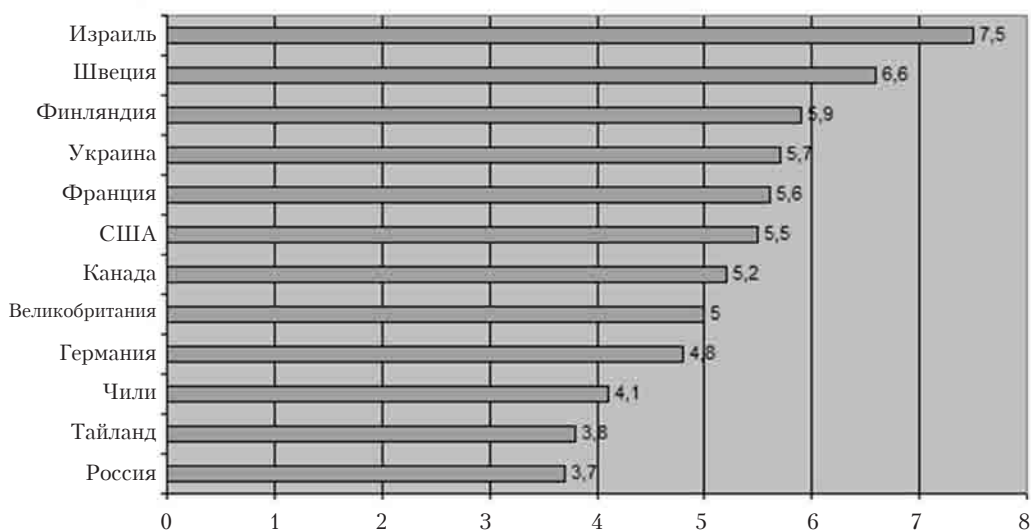

Рис. 13. Доля расходов на гуманитарные статьи в бюджете России по сравнению со странами мира

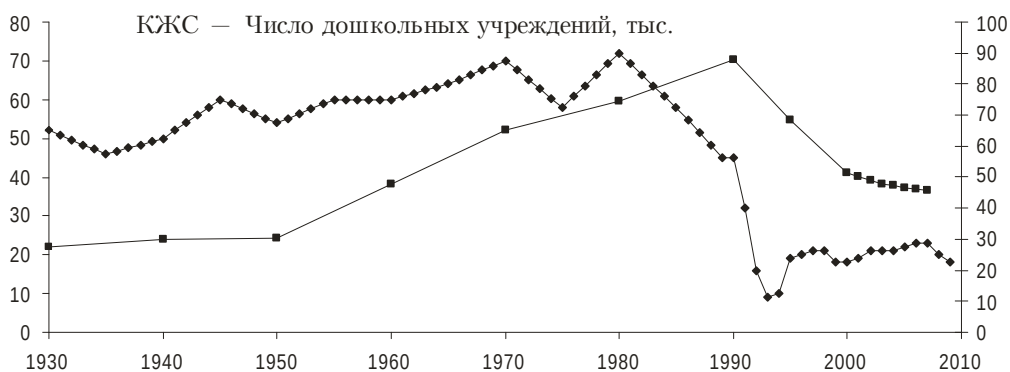

Рис. 14. КЖС и количество дошкольных учреждений

Показательна разница между оптимальной и фактической долей бюджета на образование. Показательно одновременное снижение Кжс и уменьшение количества детских садов и школ (рис. 14, 15).

Рис. 15. КЖС и количество общеобразовательных школ

Исходя из этих показателей, можно сделать вывод: то, что происходит в стране, не является случайным и не имеет ничего общего с «реформами» в истинном смысле. Бюджетная политика в гуманитарной сфере — системна и по фактически реконструируемым целям направлена на деградацию человеческого капитала. Этот антипроект под маской «необходимости реформирования» осуществляется не только в сфере образования, но и в экономике, во внешней политике, в социальной политике современной власти. По данным аналитических исследований, проведенных в Центре, сегодня не существует ни одной сферы жизнедеятельности страны, в которой национальная безопасность, национальный интерес системно не деградировали бы.

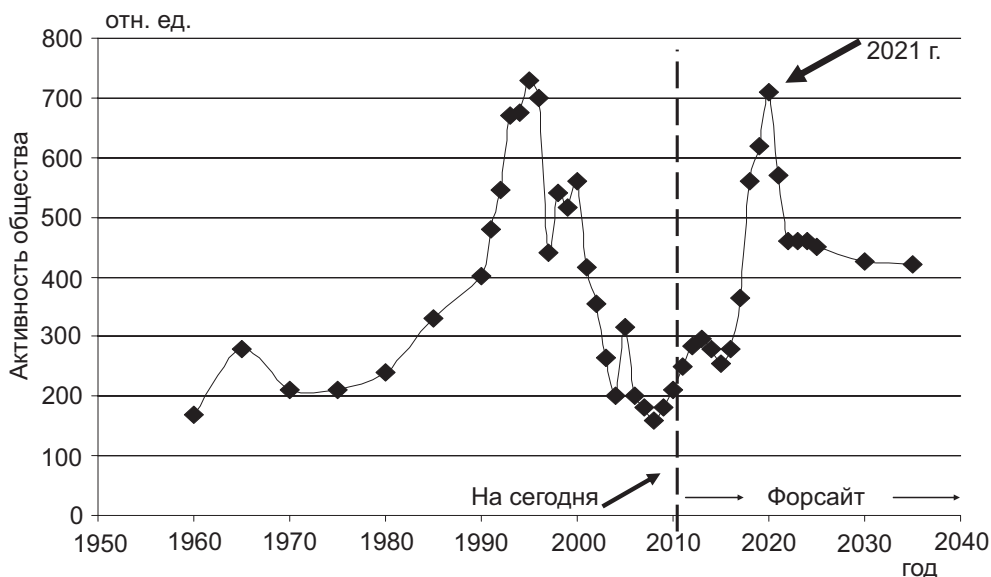

Рис. 16. Динамика активности общества

Это значит, что в России целенаправленно насаждается либеральная, монетаристская, асоциальная, экспертно-сырьевая, несuverенная модель управления. Она пагубна для России, это тупиковый путь какого бы то ни было государственного развития. Эта модель должна быть профессионально сменена, реформирована в истинном смысле этого слова. Что случится со страной, если этого не произойдет? Неизбежен масштабный кризис, революция. Анализ активности общества (рис. 16) демонстрирует, что пиковые всплески «социального возмущения» пришлось на 1991–1993 гг. — период масштабнейших потрясений для России.

Прогноз, сделанный на основе множества факторов, показывает возможность аналогичного всплеска к 2021 г. При неизменном государственном управлении социальная энергетика общества, сейчас активно «замораживаемая», вырвется на свободу. Иммунная система страны так или иначе потребует от управленцев сменить негодную управленческую модель.

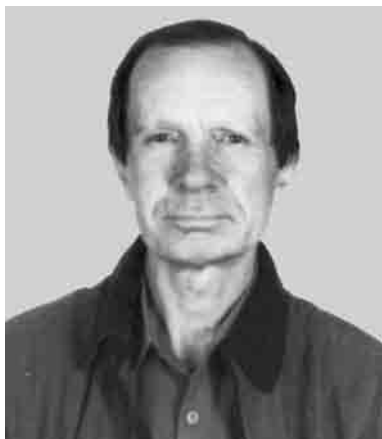
ИМПЕРАТОРСКИЙ ПЕТЕРБУРГ

*Санкт-Петербург
на старинных
фотографиях,
рисунках
и открытках*

Памятник Императору Николаю I

Валентин СЕМЁНОВ

ПРАВОСЛАВИЕ, РОССИЙСКАЯ ПОЛИМЕНТАЛЬНОСТЬ И БУДУЩЕЕ РОССИИ

Семёнов Валентин Евгеньевич — доктор психологических наук, профессор, директор НИИ комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ. Живет в Санкт-Петербурге.

Главное нематериальное достояние России — это ее тысячелетняя православная вера, духовно-нравственные ценности, созданные православными святыми, подвижниками, мыслителями, художниками и всем православным народом. Начиная со «Слова о Законе и Благодати» первого на Руси православного митрополита из русских Иллариона Киевского, в нашей стране проповедовались понимаемые прежде всего не формально, не фарисейски ценности искренней любви к Богу и человеку, милосердия и нестяжания, правды и надежды, единства веры и дела. Приведем в подтверждение только три изречения величайших русских святых: «Не в силе Бог, но в правде» (св. благоверный князь Александр Невский), «Кто истинно верует, тот непременно творит и добрые дела» (св. преподобный Серафим Саровский)¹, «Без креста Господня я давно был бы жертвою самой лютой скорби и отчаяния. Христос меня держит в жизни; Крест — покой и утешение мое» (св. праведный Иоанн Кронштадтский²).

Несомненно, что объединение разных племен, народностей, уделов в великое государство (царство, империю) — Россию — произошло долгим тернистым путем только после принятия Русью православия в 988 году. Более девяти столетий православная вера скрепляла и вдохновляла Россию и помогала ей выстоять в самых тяжелых обстоятельствах и войнах. И даже при атеистической власти в XX веке, особенно во время Великой Отечественной войны, когда власть сама обратилась за помощью к Русской православной церкви.

¹ Житие старца Серафима. — Муром, 1893. — С. 284.

² *Иоанн Кронштадтский*. Моя жизнь во Христе (Извлечения из дневника). — Новосибирск, 1991. — С. 9.

За почти три четверти века существования СССР в нем сложилась особая коллективистско-социалистическая, советская ментальность, которая постепенно преодолела космополитическую революционность троцкизма и странным образом соединила в себе архетипы русской общинности и православной нравственности с социалистическим коллективизмом и моральным кодексом строителя коммунизма. Недаром о. Сергей Булгаков, как бы предвосхищая будущее, еще в дореволюционное время разрабатывал доктрину христианского социализма³.

Таким образом, можно сказать, что «тезис» почти тысячелетнего развития православной Руси-России, столкнувшись с «антитезисом» почти вековой стремительной трансформации Советской России — СССР, в принципе может дать некий позитивный «синтез». Если анализировать этот синтез непредвзято, то для христианства гораздо органичнее коллективизм и взаимопомощь, нравственность, присущие истинному социализму («социализму с человеческим лицом»), чем безжалостная конкуренция, эгоизм и аморализм капитализма. К сожалению, перестройка пошла совершенно иным путем: вместо учета собственной российской истории и ментальности она пошла по пути, ведущему в историческое прошлое человечества — хищнический олигархический капитализм и общество вопиющего неравенства. Как известно, в настоящее время Россия занимает первое место в мире по различию между самыми богатыми 10 % и самыми бедными 10 % населения (так называемый децильный коэффициент), опережая Африку и Южную Америку⁴.

Истоки современного мирового кризиса и его диагноз почти 70 лет назад убедительно описал и объяснил великий русский и американский социолог (в сущности, христианский социолог, как теперь очевидно) П. А. Сорокин в своей книге «Кризис нашего времени» (Нью-Йорк, 1941): «Допустимо все, что выгодно», — главный нравственный принцип нашего времени... Когда общество освобождается от Бога и от Абсолюта и отрицает все связующие его моральные императивы, то единственной действенной силой остается сама физическая сила... Без всякого раскаяния, угрызения совести, сожаления, сострадания уничтожаются миллионы людей... обрекаются на все виды лишений только из-за того, что само их существование является непредсказуемым препятствием для реализации жажды власти, богатства, комфорта или какой-либо другой чувственной ценности... Без перехода к идеациональной (по сути религиозной. — В. С.) этике и праву, без новой абсолютизации и универсализации ценностей общество не сможет избежать этого тупика. Таков вердикт истории в отношении прошлых кризисов чувственной этики и права, и таким должен быть приговор в отношении настоящего кризиса»⁵. Как оказалось, этот мировой кризис перехода от одной социально-культурной эпохи к другой продолжается до сих пор. В том числе в России.

Автор хотел бы взглянуть на будущее России в контексте ее полиментальности, базовых российских менталитетов, их динамики, соответствия развития страны ее идейно-исторической и социально-психологической сущности.

³ Булгаков С. Н. Христианский социализм. — Новосибирск, 1991.

⁴ Нигматулин Р. И., Нигматулин Б. И. Кризис и модернизация России — тринадцать теорем. — М., 2010. — С. 3–4.

⁵ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992. — С. 504.

В последние пятнадцать лет в отечественных социальных науках нарастало использование термина «менталитет» в самой разнообразной трактовке. Автор определяет **менталитет** (от лат. *mentis* — ум, мышление) как исторически сложившееся групповое долговременное умонастроение, единство (сплав) сознательных и неосознанных ценностей, норм, установок в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом выражении. Понятно, что менталитет прежде всего детерминируется общей историей, географическими и экологическими условиями, традициями, языком, фольклором, мифологией, религией и т. п.

Чаще всего в российских работах менталитет трактуется как некое социально-психологическое образование, присущее этносу, нации, народу, стране. Однако думать, что у подобных больших социальных групп только единственный целостный менталитет, на наш взгляд, является крайним упрощением. В нашем понимании такие большие социальные группы, как нация, народ, население страны, отличаются **полиментальностью** (термин введен автором в 1999 году), т. е. наличием нескольких менталитетов в их сложном взаимосуществовании и взаимодействии (от совместимости и индифферентности до острой борьбы и конфликтов). Полиментальность является повседневной реальностью социального мира.

Исходя из теоретических предпосылок, основные менталитеты определяются философскими суперкатегориями-оппозициями: дух (Бог) — материя (идол) по вертикальной координате; общество (коллектив, мы) — личность (индивидуальность, эго) по горизонтальной координате (см. рис.). Конкретный анализ разнообразных культурно-исторических и социопсихологических данных позволил автору еще в 1994 году предложить типологию базовых российских менталитетов, а затем и более развернутое их обоснование и описание⁶.

Напомним эти российские менталитеты: *российско-православный* (имеет тысячелетнюю историю на Руси и в России)⁷; *коллективистско-социалистический* (сформировавшийся за три четверти века в СССР и имеющий истоки в крестьянской общине и рабочей артели, в деятельности народников и социалистов XIX — начала XX вв.); *индивидуалистско-капиталистический* (прозападный, формировавшийся в России, начиная с реформ Петра I и особенно после отмены крепостного права в 1861 г., и возрождающийся ныне, зачастую в карикатурном виде); *криминально-групповой* (мафиозный, существовал всегда, порожден пороками людей, в 90-е годы XX века в России превратился в феномен «великой криминальной революции»).

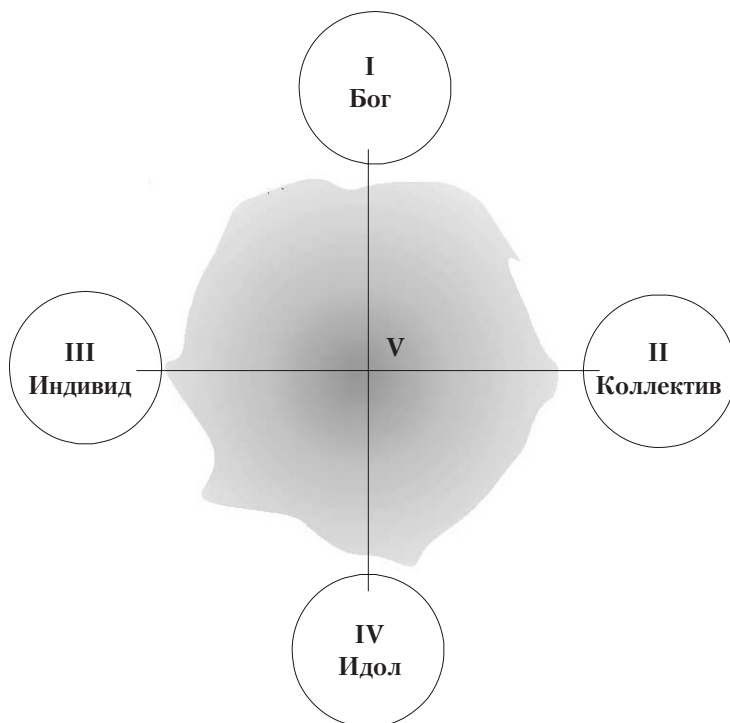
Помимо указанных четырех основных менталитетов следует еще назвать *мозаично-эkleктический псевдоменталитет* как порождение бытовых стереотипов, «массовой культуры» и СМИ, включая Интернет, конгломерат «осколков» указанных менталитетов, который бесформенно «растекается»

⁶ Семенов В. Е. Типология российских менталитетов и имманентная идеология России // Вестник СПбГУ. Сер. 6, 1997, вып. 4. С. 59–67; То же // Социальная психология в трудах отечественных психологов (Хрестоматия). — СПб., 2000. — С. 485–492.

⁷ Понятно, что не надо забывать и о других конфессиональных менталитетах, прежде всего российско-исламском, втором по распространенности среди религиозных менталитетов в России.

на пересечении вертикальной и горизонтальной координат четырех базовых менталитетов (см. рис.).

Схема базовых российских менталитетов

*I — православно-российский; II — коллективистско-социалистический;
III — индивидуалистско-капиталистический; IV — криминально-мафиозный;
V — мозаично-конформистский (осколочно-эклектический) псевдоменталитеты*

Российская полиментальность, ее основные менталитеты более или менее явно отражаются и выражаются в различных идеологических сферах, в частности в *философских и социологических* направлениях и школах, начиная с работ славянофилов, почвенников (А. Хомяков, И. Киреевский, Ф. М. Достоевский, Н. Н. Страхов, Н. Я. Данилевский и др.) и западников (П. Чаадаев, К. Кавелин, Г. Грановский и др.).

Так, российско-православная ментальность, помимо трудов отцов церкви и богословов, в XX веке выражается в философских и социологических работах С. Булгакова, И. Ильина, Н. Лосского, Л. Гумилева, А. Панарина и др.

Менталитеты как унастроения рельефно и ярко отображаются *искусством*. *Православно-российский менталитет* выражается в многовековом творчестве церковной архитектуры, иконописи, духовной музыки, живописи и литературы, активно продолжавшихся до 1917 г., а также в эмигрантском и позднее в неофициальном искусстве в СССР. С конца 80-х годов XX века наблюдается возрождение этих традиций (вплоть до создания сообществ православных писателей, живописцев, музыкантов, кинематографистов), и они ясно прослеживаются в творчестве Г. Свиридова, И. Глазунова,

В. Клыкова, Ю. Кузнецова, В. Распутина, Н. Коняева, В. Крупина и ряда других.

Коллективистско-социалистический менталитет выражали многие художники (источки можно найти еще в произведениях Н. Некрасова, в романе Н. Чернышевского «Что делать?» и др.), в том числе такие выдающиеся, как М. Горький, В. Маяковский, М. Шолохов, А. Твардовский, А. Дейнека, В. Мухина, Д. Шостакович, И. Дунаевский, С. Эйзенштейн, Г. Александров и др.). В наше время творчество в русле этой ментальности прослеживается в произведениях левого оппозиционного искусства (А. Проханов, Э. Лимонов, «красные барды» и «красный рок» и т. п.).

Индивидуалистско-капиталистический менталитет, прежде всего в его американском воплощении, в последние двадцать лет широко пропагандируется по российскому телевидению и радио, в книгах и журналах, в кинорепертуаре, в концертной и выставочной деятельности. В российском искусстве XX века этот менталитет выражали такие художники, как М. Арцыбашев, И. Северянин, З. Гиппиус, В. Набоков, И. Бродский, и др., множество современных беллетристов, деятелей шоу-бизнеса и массовой культуры.

Криминальный менталитет также имеет свое широкое представительство в массовой культуре XX века: всегда существовали так называемые блатные песни, своеобразное подпольное «изопорно» и соответствующее литературное «творчество». В последние годы снова широко зазвучал уголовно-блатной мелос. Происходит героизация и мифологизация уголовного мира и мафии в беллетристике и кинематографе, тиражируются самые пошлые и патологические «чернушно-порнушные» произведения (В. Сорокин как «вершина жанра»)⁸.

Наконец, напомним нашу художественную модель-аналогию базовых российских менталитетов в персонифицированном выражении образов братьев Карамазовых из одноименного романа Ф. М. Достоевского. Думается, что светлых верующих Алеш и жаждущих справедливости страстных Мить (этому персонажу один из американских советологов пророчил судьбу революционера) даже в современной нравственно заблудшей России все-таки больше, чем озлобленных на мир безбожных индивидуалистов Иванов и циничных преступных Смердяковых. Наши исследования среди молодежи подтверждают это, в том числе социологические исследования, выполненные под руководством автора сотрудником НИИ комплексных социальных исследований в 13 вузах Петербурга в ноябре 2007 г. (выборка 1134 чел.), а также среди студентов городов российской провинции (выборка 1205 чел.) весной 2008 г. Как и в прежних исследованиях, главными ценностями студенческой молодежи являются семья (80 % опрошенных в СПб и 85 % в провинции), здоровье (соответственно 74 и 78 %) и друзья (63 и 61 %), а ценности работы (51 и 50 %) и справедливости (44 и 54 %) оказались выше ценности денег (37 и 30 %). При этом студенты в провинции более ориентированы на идеал справедливости и менее — на ценность денег, чем петербургское студенчество (табл. 1).

⁸ Семенов В. Е. Искусство как межличностная коммуникация. — СПб. 1995. (Изд. 2-е, исправ. и доп. Самара, 2007).

Жизненные ценности российских студентов (данные в %)

Ценности	Студенты СПб 2007 г.	Студенты провинции 2008 г.
Семья	80	85
Здоровье	74	78
Друзья	63	61
Интересная работа	51	50
Справедливость	44	54
Деньги	37	30
Вера	17	22

Несмотря на то что замыкает частотную иерархию ценностей вера (17 и 22 %), как свидетельствуют все наши исследования молодежи и студентов последних лет, на прямой вопрос: «Считаете ли Вы себя верующим, религиозным человеком?» — верующими себя всегда называют более 50 % опрошенных. В данных исследованиях верующими себя считают 64 % петербургских студентов и 65 % студентов в провинции. Однако, когда приходится выбирать из семи главных жизненных ценностей, вера оказывается на последнем месте. Это говорит о поверхностности религиозного сознания молодежи, хотя идентификация с религией, прежде всего православием как безусловной культурно-исторической духовной ценностью России, несомненно существует.

Что касается *религиозной ситуации* в России в целом, то в 2006 г. две авторитетные социологические «фирмы» провели специальные опросы, определяющие религиозность населения России, — Всероссийский институт изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и Институт общественного проектирования (ИНОП, Москва). В результате установлено, что православными себя считают 63 % населения, по данным ВЦИОМ, и 62 % — по данным ИНОП. Соответственно к исламу себя относят 6 и 7 %, к другим конфессиям — 3 и 1 %. При этом еще 11 и 14 % соответственно веруют неконфессионально, 16 и 15 % считают себя неверующими (по 1 % затрудняются ответить). По репрезентативным данным, с 1991 по 2006 г. значительно возросла общая религиозность населения России, количество православных увеличилось фактически в 2 раза, а число неверующих и атеистов значительно уменьшилось.

Между тем — и это признается многими экспертами — продолжается и даже углубляется духовно-нравственный кризис в обществе. Но вместо того чтобы решать проблемы, связанные с нравственным оздоровлением, представители власти говорят только о том, что не хватает денег, что все решают финансы, и процветает прежний, упрощенно понимаемый эконоцентризм. А то, что Россия занимает одно из первых мест в мире по убийствам и самоубийствам, — вот это по-настоящему страшно. Страшна варварская, бесчеловечная цифра — более 2 миллионов аборт в год (эксперты считают, что в реальности гораздо больше). И еще то, что смертность в стране по-прежнему превышает рождаемость, и, по официальным данным, мы за 13 лет потеряли 11 миллионов человек.

С одной стороны, Президент призвал к усилению внимания к матерям и детям, выстраивается государственная политика увеличения рождаемости, а с другой — идет целенаправленное, иначе не назовешь, развращение молодежи посредством инфраструктуры порока. Но если мы хотим повышать рождаемость в стране, если хотим, чтобы наши дети — строители будущей России — выросли здоровыми морально и физически, надо вводить нравственную цензуру на телевидении и в любых разновидностях рекламы. И наши опросы показывают, что 80 % населения Петербурга выступают за введение нравственного контроля за содержанием телепередач и рекламы. И при опросе студентов 13 вузов Петербурга в 2007 году 78 % из них выступили за необходимость такого нравственного контроля (18 % были не согласны, остальные 4 % затруднились ответить). Телевизионная передача под названием «Нужна ли нравственная цензура?» (канал СТО ТВ, 15 апреля 2009 г.), где автор принимал участие, продемонстрировала, что по данным интерактивного голосования 85 % зрителей поддержали нашу позицию о необходимости нравственного контроля за телевизионными программами.

Однако пока можно констатировать, что тенденции в деятельности СМИ и в массовой культуре в основном совпадают с ценностными ориентациями и интересами индивидуалистско-капиталистического (в его самом вульгарном варианте) и криминально-мафиозного менталитетов, но противоречат ментальности наиболее духовной и нравственно здоровой части российского общества. Практически современные СМИ в России по большей части имеют антихристианский характер. Они, по сути, явно и неявно стимулируют нарушения всех десяти заповедей Божиих — от «не убий» до «не прелюбодействуй» и поощряют все семь смертных грехов — от «гордыни» до «сребролюбия».

Не случайно публицисты и аналитики в солидных изданиях продолжают писать об отчуждении народа от власти, о недоверии простых людей почти ко всем ветвям власти. Подтверждают это и исследования, проведенные под нашим руководством сотрудниками НИИКСИ в Петербурге и Ленинградской области. В сущности, положительный баланс доверия (больше доверяющих, чем не доверяющих) был только у Президента России и у духовной власти — Русской Православной церкви. В частности, по данным нашего исследования петербургских студентов, о котором шла речь, и когда было опрошено 1134 человека в ноябре 2007 г., рейтинг Президента составлял 63 %, РПЦ — 54 %. Все остальные государственные институты (Федеральное собрание, Государственная Дума, суд и др.) имели отрицательный баланс доверия. Таким образом, гарантами социально-политического доверия и стабильности в стране, по мнению опрошенных, выступают только Президент и Русская Православная церковь.

Таким образом, из всего изложенного следует, что православие как любовь к Богу (высшему нравственному закону) и людям выступает сущностной идеей России, что доказано тысячелетней историей нашей страны и, по нашему убеждению, является основой успешной стратегии развития страны в будущем. Приходится констатировать, что ныне двойная мораль и ханжество «развитого социализма» сменились аморализмом и цинизмом современного «недоразвитого капитализма». России нужен новый путь, основанный на самобытной позитивной идеологии, учитывающий специфику развития страны и основных российских менталитетов.

Не случайно в наших исследованиях петербургских студентов в 2008 г. (выборка 1310 чел.) и учащихся и работающей молодежи Петербурга в 2010 г. (выборка 722 чел.) в ответах на вопрос: «Какое общество Вы хотели бы построить в России?» — прослеживается та тенденция, что студенты (будущая элита российского общества) и молодежь в целом — придерживаются скорее просоциальных и духовных принципов, чем индивидуалистско-капиталистических, т. е. выражают соответствующие российские менталитеты, охарактеризованные нами в начале статьи.

Таблица 2

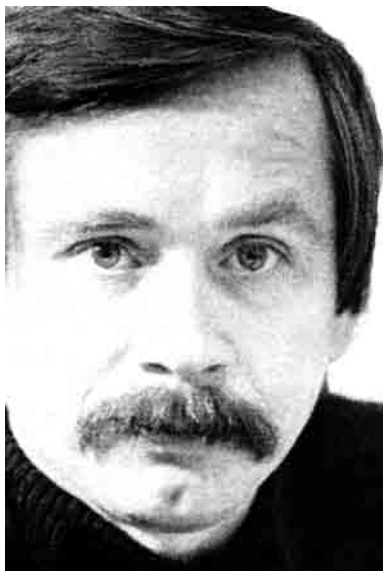
**Характеристики общества, которое хотели бы
построить в России студенты (данные в %)**

Варианты ответов	Студенты СПб 2008 г.	Молодежь СПб 2010 г.
Общество личной свободы и бизнеса	48	41
Общество социальной справедливости	47	40
Общество правды и добра	35	41
Общество честных людей труда	25	35
Общество веры и любви к ближним	25	36
Общество потребления и комфорта	20	21

Рассмотренные данные исследований приводят нас к выводу, что Россия должна развиваться в соответствии со своей исторической ментальной сущностью, т. е. стремиться стать государством социальной справедливости с приоритетными духовно-нравственными ценностями и коллективистскими нормами самоуправления и жизнедеятельности, в котором будет достигнут синтез лучшего, что было в России дореволюционной и России советской, не исключая творческих заимствований полезного опыта, например, скандинавских стран или Китая. Современный глобальный социально-экономический кризис капитализма и общества потребления, порожденных западной цивилизацией, совершенно очевидно показал, что России следует жить своим умом и идти своим путем.

ПОЭЗИЯ

Владимир МОЛЧАНОВ

«ПЕРЕД ВАМИ СКЛОНИЛАСЬ ЕВРОПА...»

Владимир Ефимович Молчанов — родился в 1947 году на Кубани. Окончил Воронежский государственный университет. Автор девяти книг стихотворений, поэм и переводов. Член СП СССР с 1990 года, член Союза журналистов с 1983 года, лауреат премии Белгородского комсомола (1983), лауреат всероссийских литературных премий «Прохоровское поле» (2003), имени А. И. Фатьянова «Соловьи, соловьи...» (2004) и др., журналов «Наш современник» (2007), «Молодая гвардия» (2008), заслуженный работник культуры Российской Федерации (1999). Председатель Белгородской писательской организации, секретарь СП России. **Живет в Белгороде.**

* * *

Что о войне я нового скажу?
Какую службу словом сослужу
Ее ли огневому рубежу,
Ее ли полевому блиндажу?

На те слова мне не даны права,
Ведь я рожден в году сорок седьмом,
Когда послевоенная Москва
Еще чернела в пепле фронтовом.

Я в люльке неподвешенной пищал —
Крюка стального не было у ней.
Вождь недостаток стали возмещал
Стране одной фамилией своей.

Шел недород блокадой на народ,
Лишенный всех запасов на войне,
И старики сидели у ворот
Изб, не отстроенных еще вполне.

И ни гвоздочка в скобяных ларьках,
Хоть на Руси углы все в «лапу» сбей.
И хлеба —

кот наплакал! — в деревнях,
И сушь сгубила золото полей.

И не моя, наверное, вина,
Что в люльке навевала забытьё
Мне не война... А какова она —
Всем детством я почувствовал ее...

ПОКЛОН ВАМ ЗЕМНОЙ, ВETERАНЫ

Давно оттремели раскаты
Боев над весенней страной.
Никак не вернутся солдаты
С минувшей войны мировой.
Вам снятся опять фронтовые
Дороги, где юными шли.
Живите подольше, родные,
Защитники нашей земли.

Когда опаленные тропы
Травой покрывались едва,
Пред вами склонилась Европа,
Салютом встречала Москва.
Года той войны роковые
Сквозь боль вы к победе вели.
Живите подольше, родные,
Спасители нашей земли.

Свои рубежи вы держали,
На смерть ради жизни вы шли.
Простите за то, что Державу
Мы вашу сберечь не смогли.
Простите за речи иные,
Что нам привезли издали.
Живите подольше, родные,
Радетели нашей земли.

О чем вы грустите часами,
Сойдясь в ветеранском кругу?
За то, что живем, перед вами
Мы все в неоплатном долгу.
Вы горечь и совесть России,
Примите поклон наш земной.
Живите подольше, родные,
Солдаты Второй мировой.

У ОБЕЛИСКА

Приношу к обелискам
Свой сердечный поклон
Скорбным памятным спискам
Ближних русских имен.
Ивановы, Петровы
Да Седых и Черных,
Как в обойме патроны,
В списке павших других.
В отклубившемся дыме
На родных большаках
Вам всегда молодыми
Оставаться в веках.

Мне, рожденному в мире,
Вы с высот огневых
Подарили четыре
Кратких жизни своих.
В чувстве долга ответном
Четко поняли мы,
Что ни весен, ни лет нам
Нет без вашей зимы,
Где метель партизанит
По лесам и холмам,
Где душа примерзает
К орудийным стволам!..

ТРЕВОГА

Дорога — не просто дорога,
Асфальт от столба до столба.
Тревога — не просто тревога,
Тревога — людская судьба.

Тревога за вольные степи,
За чистую русскую речь.
Тревога за горные цепи,
За все, чем нельзя пренебречь.

От первого в жизни порога
И до последнего дня —
Тревога! Тревога! Тревога! —
Пусть не покинет меня.

Тревога за тех, кому сирот,
Чья жизнь беспросветна во мгле.
Пока есть оружие в мире,
Тревожно за мир на земле.

* * *

М. Д. Львову

Поэты фронтового поколения,
Спасавшие страну от покорения,
Писавшие не строки мимолетные,
А огненные строчки пулеметные, —
Себя пред вашим голосом уверенным
Я чувствую солдатом необстрелянным,
А перед вашей нежностью и кротостью
Стою я с восхищением и робостью.

Поэты фронтового поколения,
Вы жили все по Божьему велению,
Вам пелось нелегко, и песня — с горестью,
И стали на земле для нас вы совестью.
Привычна вам вполне судьба походная,
Изношена давно шинель пехотная,
Но не забыты — нет! — бои, сражения:
Гремят они в стихах, как продолжение.

Поэты фронтового поколения,
Я думаю о вас не без волнения,
О том, что на земле вы все не вечные,
Но людям и себе, и долгу верные.
О, если бы в строю одном сомкнулись вы —
Плечом к плечу легко вы прикоснулись бы,
Но строй разомкнут ваш — ждет обновления,
Осталось от полка — лишь отделение.

Поэты фронтового поколения,
Мы ваше молодое пополнение,
Не нюхавшее пороху военного,
Не знавшее потери сокровенного.
Мы зла и горя мало в жизни вынесли,
Но на крови погибших все мы выросли,
И держим мы всегда на вас равнение,
Поэты фронтового поколения.

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Букет гвоздик в поклоне низком
Лег на гранит с букетом роз.
Зеленых елей обелиски,
Почетный караул берез.

Минуто оба помолчали
И руки юные сплели,

Цветы вослед им замерцали
Зарницами самой земли.

И взвился над священным прахом,
Над скорбным свитком на плите,
Как флаг когда-то над Рейхстагом,
Огонь немислимой отваги
В своей суровой чистоте!..

ПОХОРОНЫ СТАЛИНА

В телогрейке и юбке в горошек
Помню маму в тот мартовский день,
А на мне — шестилетнем — галоши
Да поношенный батин ремень.

Слышу возгласы: «Сталина нету!..»
Слезы март прожигают насквозь.
И безмолвным ручьем к сельсовету
Все село сиротливо стеклось.

Взгляд суровый с портрета и трубку
Будет время отныне хранить...
Я же дергаю маму за юбку:
— Его будут у нас хоронить?

Что ответить могла она прямо?
Если детская память не врет —
Оттого я заплакал, что мама
Мне зажала испуганно рот...

* * *

*«...На полном ходу танк старшины Найденова
ринулся на вражескую батарею, смял четыре пушки
и три миномета. Тяжелый удар потряс старшину...»*

Из письма генерала А. Егорова,
хранящегося в Прохоровском музее боевой славы.

Потерпевший под Москвой
И на Волге поражение,
В этом танковом сраженьи
Враг особенно был злой.

Тыща двести танков!.. Пыль
С кровью смешана, с угаром.
С каждым грохотом-ударом
В небеса взлетал ковыль.

Воздух бешено порол
Вой «катюш» мотивом смертным.
В боевом порядке первым
Старшина машину вел.

Ни на пядь нельзя назад.
Вдруг — удар! На силу — сила...

И танкиста ослепила
Тьма внезапная в глазах.

А за тьмой — враги, враги...
Осознать не все успевший,
Вел свой танк танкист ослепший,
С болью стиснув рычаги.

Месть священна и крута,
Хоть глазницы кровью плачут.
И казалась самой зрячей
Для врага машина та.

Мчался танк сквозь рев и свист
С грозным, яростным размахом,
Словно видел над Рейхстагом
Красный флаг слепой танкист.

* * *

Не надо слез и слов не надо лишних,
Еще не все задачи решены.
Не надо, как о мертвых, о погибших —
В священные минуты тишины...

Обочь дорог от Волги до Берлина,
Вовек не помышлявшие о зле,
Они лежат в земле своей родимой
И в не родимой горестной земле.

Мы жизнью им обязаны до гроба.
И, не теряя вечного родства,
Скорбит о них спасенная Европа,
Склонилась непреклонная Москва.

В бушлатах и шинелишках потертых
Солдаты шли в бессмертный свой запас.
...Не надо о погибших, как о мертвых, —
Они, как прежде, защищают нас.

* * *

История прощает нам ошибки,
Оправданным —
Не навязать вины.
Славяне мы.
В любви мы беззащитны,
А в ненависти
Праведно страшны.
Славяне мы.
Мы выше чьей-то злобы,
И нам рабами быть не суждено.
Французы взяли
Некогда Европу,
А обожглись-то
О Бородино.

Одна война спешила за другою —
Я их и перечислить не могу.
Фашизм хотел
Весь мир согнуть дугою,
А сам согнут был
В Курскую дугу.
Возможно,
Мы порою грубоваты:
То — нежности,
Что в нашем сердце, щит.
Славяне мы,
Оратаи,
Солдаты —
На том стоим!
И мир на том стоит!

ИМПЕРАТОРСКИЙ ПЕТЕРБУРГ

*Санкт-Петербург
на старинных
фотографиях,
рисунках
и открытках*

Петр I за работой. В. Худояров

Славянское БРАТСТВО

**Лиляна
БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ**

ЭССЕ О ЛИТЕРАТУРНОЙ БИОГРАФИИ РАДОВАНА КАРАДЖИЧА

Лиляна Булатович-Медич — родилась в 1940 г. в Томашево, Черногория. Окончила филологический факультет Белградского университета. Член СП Сербии. Член СП России. Лауреат премии «Имперская культура» и «Золотой Витязь». Известная сербская писательница и журналистка. Автор многих книг, вышедших в Сербии и за рубежом и неоднократно переизданных «Ратко Младич» (1996) — 6 изданий, «Радован» (2002) — 3 издания, «Завет матери Радована Караджича» (2003) — 2 издания, «Рапорт коменданту» (2009, 2010). Член редакционного совета журнала «Родная Ладога». Живет в Белграде, Сербия.

Должна признаться, что уже в тот момент, когда я согласилась откликнуться на пожелание моих новых друзей из редакции журнала «Родная Ладога» написать эссе о Радоване Караджиче как о литераторе, прекрасно осознавала, что это исследование особого рода. Гораздо более сложное и ответственное, нежели написание его политического портрета или эссе о его роли в истории сербского народа и в мировой истории конца XX — начала XXI веков. Хотя с учетом моего университетского образования по специальности «преподаватель литературы», моего писательского опыта, наличия у меня всех книг Радована, а также того обстоятельства, что я прочитала все, что он говорил и писал и как государственный деятель, и как литератор, эта работа не должно было вызвать у меня серьезных затруднений.

Хочу напомнить, что работы по рассмотрению его литературного наследия в последнее время в основном публикуются в связи с присуждением ему различных наград в области поэзии или в связи с оценкой его вклада в развитие славянской культуры. Правда, немало и тех, кто склонен отождествлять литературное признание Радована, как следствие его политической известности. В этой связи для уважаемых русскоязычных читателей я постаралась собрать воедино основные элементы литературной биографии Радована Караджича, имея в виду также то, что уже два десятилетия он ежедневно находится в фокусе пристального внимания преимущественно интересующейся политикой публики.

История распорядилась так, что Радован Караджич оказался лидером

сербского народа в трагические времена, во времена навязанной Боснии и Герцеговине войне в конце прошлого века. В этом смысле он находится в одном строю с генералом Ратко Младичем: Радован в качестве первого и единственного президента военного времени Республики Сербской и Верховного главнокомандующего Вооруженных сил сначала Сербской Республики Боснии и Герцеговины, позднее Республики Сербской, а Младич в качестве первого и единственного начальника Генерального штаба Армии Республики Сербской времен войны. Таково было желание сербского народа, избравшего их своими депутатами в Парламент в 1992 году, чтобы они возглавили оборону от вновь ожившего движения усташей времен Второй мировой войны и поднявшегося воинственного ислама в целях сохранения сербской национальной идентичности на территории Республики Сербской, возникшей после распада бывшей Югославии, хотя программной целью было сохранить тогдашнюю Югославию с тем, чтобы в ее рамках осталась и Босния, и Герцеговина.

Однако если генерал Ратко Младич выбрал на всю жизнь профессию воина и всегда был лучшим или одним из лучших, и можно сказать, что свое место в истории он занял закономерным путем, то остается вопросом, откуда возрос Радован Караджич, ставший политическим трибуном в самый драматический период жизни балканского региона?! До поры он был известен только в кругах сараевских интеллектуалов. Главным в его жизни были семья, друзья, поэзия, психиатрия и — только в конце политика! Но именно Радован Караджич среди всех политических деятелей, претендовавших на главенствующие роли в борьбе народа за братство, единство и свободу всех народов и народностей тогдашней Югославии, стал признанным лидером.

В качестве иллюстрации к этой ситуации приведу такую шутку: когда в конце прошлого века, еще до начала войны в Боснии и Герцеговине, в бывшей Югославии заходила речь о Караджиче, все подразумевали Вука Караджича, создателя сербской азбуки, кирилличной письменности сербского языка. Со временем все так переменялось, что появился такой анекдот: учительница задает вопрос ученику, что он знает о Вуке Караджиче, а он в ответ говорит, что она ошиблась, потому что Вук — это Вук Драшкович (новый сербский политик), а Караджича зовут Радован! После выдвижения против Караджича и Младича постыдного обвинения так называемого Гаагского трибунала (основанного еще в 1993 г.) в геноциде в отношении не-сербского населения Боснии и Герцеговины, последовало изгнание и запрет обоим заниматься своим делом. Однако, генерал Младич до сих пор ведет свою тайную войну, скрываясь более 10 лет. Радован до того, как его арестовали и выдали в Гаагу, писал стихи и роман и так «лечил души» народа.

Сегодня Караджич опять известен как Радован, он почти ежедневно в зале суда в Гааге бесстрашно рассказывает правду о борьбе и страданиях, выпавших на долю сербского народа Боснии и Герцеговины с начала 90-х годов прошлого века вплоть до сегодняшних дней! Если ему позволят остаться в живых (хотя известно, что в судах Гааги уже вынесены все приговоры по пунктам, на которых строится обвинение, — виновен), то подлинные факты, представленные неутомимым Радованом, помогут опровергнуть все сфабрикованные материалы, и сербский народ сможет защититься от клеветы и чудовищных обвинений! Конечно же, если политику не уготована

*Радован Караджич и Лиляна
Булатович. Май 1996 г.*

судьба Слободана Милошевича, как и многих других сербских патриотов, которые различными путями насильственно погибли в тюрьме в Шевенингене.

Кажется невероятным, что в таких трагических обстоятельствах Радован Караджич по сей день остается поэтом мирового масштаба, не только политическим, но и литературным сербским лидером. Литературный дар, абсолютная грамотность проявились у него в раннем детстве, которое проходило в родной Черногории. Но судьба определила ему будущее на нескольких поприщах.

Родился будущий поэт 19 июня 1945 г. в Петнице, небольшом селе в горах на севере Черногории. Караджичи с давних пор были известны как умные, героически храбрые, трудолюбивые люди. Мама Йованка рассказывала мне, что о рождении Радована было объявлено так, будто «ангелы им принесли радость». Как первому сыну в семье ему дали имя Радован — «на радость семьи», уже в неполные

девять месяцев он встал на ноги и шагнул в жизнь. Из наших частых доверительных разговоров с матерью Йованкой я узнала, что она жила в нищенских условиях, когда ее муж Вуко находился в тюрьме как четник (а сама она родом из известной партизанской семьи). Радовану было пять лет и три месяца, когда отец вернулся из тюрьмы. С детства он был необыкновенным ребенком, «послушным в отношениях со старшими, но из любопытства безустанно засыпавшим их вопросами, силой духа вынуждавшим относиться к себе, как к равному». После выхода отца из тюрьмы семья Караджичей пополнилась еще тремя сыновьями и дочкой.

Радован был лучшим учеником своего возраста в Никшиче. Конечно, он не помышлял стать трибуном сербского народа, когда поразил всех своим решением отправиться в 1960 г. в Сараево, где окончил медицинское училище, а затем в 1971 г. медицинский институт. Наряду с учебой он писал и публиковал стихи, занимался журналистикой, сотрудничал с редакциями сараевских газет, редактировал студенческую газету «Полуночник». Во время студенческой революции в Югославии 1968 г. был одним из ее зачинщиков.

Супруга Радована врач Лиляна Зелен-Караджич рассказывала мне: «Он очень рано остановил свой выбор на психиатрии, поскольку это по-

границная дисциплина имеет отношение ко всему человеческому существу. Психиатрия имеет достаточно точек соприкосновения с искусством, философией, оставаясь в то же время медицинской наукой. В психиатрии он преимущественно занимался депрессиями и неврозами. Осуществлял исследования в области скрытой депрессии. Совместно мы работали над психоаналитическим толкованием народных песен.

Дольше всего он работал в государственной больнице на Кошево в Сараево, затем в клинике «Доктор Неджо Зец», позднее в Унисовой клинике. Был членом Института коллективного анализа, связанного с одноименным Институтом в Лондоне, также являлся кооптированным членом Лондонского общества группового анализа.

В 1974—1975 академическом году Радован находился в США в качестве стипендиата фонда АЙРЕКС. Стипендия ему была выделена для знакомства с американской поэзией в Колумбийском университете», — вспоминала супруга политика.

Сам Радован так описывает встречу с Лиляной и их совместный путь, который также впоследствии приобрел историческое значение:

«На первом курсе познакомился со своей супругой. Родом она из одной из самых образцовых сербских семей Сараево, которая во время второй мировой войны сильно пострадала от усташей. Ее отец экономист, мать — профессор литературы. Мы с Лиляной вместе изучали медицину, и оба специализировались по психиатрии. Нас привлекал феномен души человека. В Сараевском университете было тогда четыре тысячи студентов, а из 30 клиник 3 возглавлялись хорватами, остальные — мусульманами. Через полтора года мы повенчались. Мы занимались индивидуальной и групповой терапией. Были сторонниками теории Юнга. Одинаково думали, что пациенты это люди, находящиеся в поиске души. Я лечил неврозы, психозы, депрессии, она была сексопатолог. Психиатрия — это синтез общественных, социальных, индивидуальных, философских, этических проблем. Встречи с пациентами вызывали огромный интерес и ощущение, что мы помогаем человечеству стать лучше».

Радован благополучно влился в жизнь Сараево, имел всесторонний успех, широкий круг знакомых, но близких друзей было мало. В интеллектуальной элите он считался известным талантливым поэтам: «В нашей литературной дружине он был, так сказать, редким зверем: мы все были на гуманитарных факультетах, а он на медицинском, где в основном обучались дети из так называемых лучших домов. Папины и мамины детишки... Радован среди нас первый женился, первый завел детей. Мы были «ветераны 1968 г.», а он имел точку опоры: адрес, семью, обязанности, которые делали его более серьезным, чем мы, без таковых обязательств. В его первых поэтических работах было нечто неперекипевшее, бунтарское, затуманенное, несчастное, поскольку он на уроках литературы и теории литературы не готовился стать будущим преподавателем литературы, а, наоборот, на анатомии кромсал трупы.

Радован стал любимцем своего литературного поколения, узнаваемым по рассудительности, терпеливой жертвенности, готовности помочь как «отличный врач и блестящий психиатр», по своей «учтивости», бывшей следствием религиозного чувства, которое он вынес из своего дома. Радован был настолько благовоспитан, что иногда кому-то могло показаться, что он человек без

темперамента, а позднее выяснилось, что он «несгибаемый!» (Из выступления поэта и профессора Райко Петрова Нога, близкого друга Караджича, которое я привела в своей книге «РАДОВАН», Белград, 2002 г.)

Караджич мужал в атмосфере любви духовной, душевной, родовой и творческой. Но особый след в его непримиримой, болящей душе оставило то, что с первых лет своей жизни, начавшейся в Черногории, он остро ощущал критическое отношение и ближайшего окружения, и властей в связи со своим происхождением из «четнической» семьи. Тюрьма, или арестантская, как говорят в народе, реяли над его судьбой. Прежде всего, отец несколько лет находился в тюрьме. И поэтому с первых лет жизни Радован воспитывался мудрыми наставлениями своей матери. Потом и сам на 11 месяцев оказался в заключении, став жертвой сфабрикованной аферы, связанной с кредитно-денежной манипуляцией. Вышел на свободу, когда обвинение было снято, но публичных извинений за нанесенный моральный урон не удостоился. Современники Радована о тех годах говорят, что в Сараево царила мрачная, тяжелая атмосфера. Пострадать мог любой уже на том основании, что кто-либо покажет на него пальцем или в чем-то обвинит открыто. Эту аферу, из-за которой пострадал Радован, говорят, подготовила Служба госбезопасности БиГ, сотрудники которой, как считают, хотели уговорить будущего политика стать шпионом, после того как он год пробыл в Америке. Но испытание тюрьмой не только не ослабило, а, напротив, сделало молодого человека еще более твердым, упорным, энергичным, самоуверенным. И все это отразилось в его поэзии!

В то время в БиГ сербские интеллектуалы, противясь однообразию политического мышления и стремясь вернуться к своей национальной традиции, к своим историческим корням, обратились к известной идее «Младе Босне», рассматривая Гаврилу Принципа в качестве драматического героя косовской мысли, близкой тому поколению югославских националистов, в революционной практике которых присутствовали известные анархистские порывы. Они чаяли «прогресс в прошлое», искали мосты, ведущие к их предкам, которые перешли Албанию, пережили свою Голгофу и дождались воскресения Сербии! (Можно сказать, что таким настроением родственно, например, стихотворение Радована «Гаврило Принцип».)

Из «босанского котла», из «балканского варианта коммунизма» начинают группами выезжать сербские, частично хорватские и даже мусульманские интеллектуалы. Трудно было оправдать политику тогдашних властей, которые, арестовав на полном основании мусульманских фундаменталистов, уже тогда являвшихся передовым отрядом тех, кто выступал за религиозную войну в БиГ, тут же для равновесия находили жертв среди сербских и хорватских интеллектуалов, применяя и против них также репрессивные меры. В то же время начинаются и массовые переселения народов из Боснии. Сербь, конечно же, спешили в Белград. Предпринял это и Караджич (1983 г.), но по семейным обстоятельствам должен был вернуться в Сараево, где становилось все труднее быть сербом и православным. История той попытки отразилась в одном из лучших стихотворений поэта «Калимегдан».

Распад СФРЮ имел трагические последствия и, возможно, самые тяжелые в БиГ. Наивно предполагалось, что «братство и единство» сохраняют БиГ. Особенно неподготовленными к развитию событий оказались сербы. На Балканах, в кругах международных наблюдателей и «богов войны», все

югославское клеймилось как последствие великосербской тирании и даже агрессии!

В такой атмосфере в БиГ создаются политические национально ориентированные партии: Хорватский демократический союз и Партия демократического действия. Сербь считали, что в первую очередь, необходимо организовать Сербское культурное общество «Просвета» (просвещение) для объединения на основе своей культуры, традиции, истории, чтобы оказать отпор надвигающейся военной опасности. Отставание этой партийной консолидации сербского народа могло стать для него фатальным.

Об этом лучше всего говорил сам Караджич:

«Многие требования с мест о создании партии мы сначала отвергали, говоря людям, что сербское культурное общество «Просвета» удовлетворит все их запросы, которые тогда еще сводились к объединению сербов в БиГ на базе культуры и информации. В частности, мы тогда ощутили у сербов определенное беспокойство и недоверие в связи с развитием политических событий и потребность в какой-то форме самоорганизации. Тогда мы заявили: вот вам «Просвета» и ее отделения в каждом селе, будете крепить единство в сфере культуры, поскольку мы все еще считали, что не будет необходимости в создании политической партии. Мы полагали, что в таких обществах сербы, наконец, смогут свободно собираться, т. к. последние 45 лет существовал определенный страх в Югославии от подобного рода собраний. Однако, как выяснилось, этого было недостаточно. Поэтому следовало приступить к созданию Сербской демократической партии.

С другой стороны, Сербская Православная Церковь еще не имела за собой сильных интернациональных тылов, позволяющих духовенству выступать открыто в поддержку сербского народа. Сербская Православная Церковь была самой неравноправной структурой в Югославии. Не буду пересчитывать число построенных православных церквей в сравнении с числом построенных мечетей и католических храмов, хотя мы не были против их строительства, но новые сербские церкви не только не строились, но и не разрешался ремонт существующих и разрушенных в ходе войны. Хуже того, некоторые из церквей были разрушены уже после войны. Мы обратились к сербскому народу с несколькими простыми и воодушевляющими фразами: «Сербь! Хотя вы и страдали, хотя жили под притеснением, но вы существуете! Имеете право на существование! Ваше существование никого не должно оскорблять, и никто не имеет права раздражаться из-за того, что вы существуете. Вы готовы и с другими жить в мире. Вы будете относиться к людям точно так, как другие относятся к вам». (Из интервью Р. Караджича в сараевском журнале «Неделя», 20 сентября 1990 г.)

В таких обстоятельствах на великий православный праздник Петровдан 12 июля 1990 г. наконец, в БиГ была сформирована Сербская демократическая партия, которую еще до этого в Хорватии основал также врач, специалист по психиатрии, человек, имеющий большое влияние среди сербов, доктор Йован Рашкович. Прежние профессиональные политики испугались и уклонились от этой ответственной деятельности, доверив ее поэту и психиатру, сербу и православному человеку Радовану Караджичу. Лично Добрица Чосич, один из самых влиятельных сербских писателей и революционеров, решающим образом поддержал Радована, который с сомнением принял на себя историческую роль вождя сербского народа, надеясь, что

это всего лишь вынужденное временное служение... А продлилось оно все время войны и вплоть до наших дней.

МОЯ ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С РАДОВАНОМ

С Радованом Караджичем я познакомилась в Сараево на второй день референдума о независимости БиГ 2 марта 1992 г., объявленного Алией Изетбеговичем, действовавшего по указке своих менторов. Война только что не началась уже в самом Сараево. Случаи резни сербов уже произошли в Герцеговине, с севера силы усташей уже прорывались через Саву и грозили новыми зверствами... В те дни я часто бывала среди военнослужащих остававшихся подразделений Югославской народной армии, вышедших из Словении и Хорватии. Они понесли большие потери в результате действий вооруженных сил новых сепаратистских государств. Военные, все еще веря в то, что остаток Югославии сохранится в объединении братских народов, мне рассказывали о страшных преступлениях, совершаемых местным населением против армии.

В те дни я видела, как возникают баррикады, и как страх и насилие искажают привычный облик Сараево... В здании парламента БиГ мы лишь для вида ожидали результаты так называемого референдума. Алия Изетбегович еще в 14 часов, задолго до окончания времени голосования, объявил о совершенно определенном решении «народа» (читайте: мусульманского, позднее названного бошняки), согласно которому БиГ как самостоятельное государство отделяется от бывшей Югославии. (Турция первая признала ее как независимое государство!) Через несколько минут после того заявления я узнаю, что рядом, в отеле «Холидей Ин», Радован Караджич в качестве председателя Сербской демократической партии обратится к общественности. Толпа журналистов, операторов, каких-то вооруженных людей спешно перемещаются по отелю, где ожидается Радован. Когда он начал говорить, помню его удивление и обеспокоенность, и нескрываемую злость, когда он стал объяснять, что же все-таки происходит в БиГ.

После нашего знакомства он поблагодарил меня за то, что я раньше всех храбро описывала и публиковала правду о страданиях сербов в БиГ (что и сегодня считается храбростью в Сербии!). Затем уступил мне место рядом с собой. Я все время внимательно на него смотрела и слушала. То, что он осознавал опасность надвигающихся несчастий и значение взятой на себя ответственности, выдавала нервозность его руки. Тем более трудно было говорить о позиции и будущем СДП, которую возглавлял уже второй год.

В тот вечер из-за возникновения угрозы вооруженных столкновений я была вынуждена покинуть Сараево. В Белграде собрала обеспокоенных друзей, и мы вместе читали «Условия для переговоров» Кризисного штаба СДП и сербского народа, которые представил общественности Радован Караджич.

«Вчера, 1 марта 1992 г., были обстреляны не только сербские люди, но и сербские святыни. Тем самым недвусмысленно показано, как может выглядеть судьба сербского народа в суверенной, независимой и международно признанной БиГ. Вплоть до вчерашнего дня сербы верили в традиционные ценности совместной жизни в Боснии и Герцеговине. Благодаря этой вере, мы считали, что нужно согласиться на проведение Конференции о БиГ, более того, мы были ее инициаторами и активными сторонниками.

К сожалению, вчера наши ожидания оказались обмануты», — так Радован пытался призвать к разуму подстрекателей войны в Боснии и Герцеговине. Напрасно он выдвигал условия и требования, справедливые и добронамеренные. Это была еще одна попытка, в ряду многих, остановить пропагандистскую шумиху, ведущую к гражданской и религиозной войне. Все конференции, переговоры, выступления, все декларации различных европейских центров — все было напрасно. Из Сараево, где до этого численно преобладало сербское население, сербы были изгнаны в горный населенный пункт, дачный поселок Пале. До конца войны в Пале размещалась власть сербского народа.

Все переговоры и разбирательства перед лицом общества или международных представителей, между Алией и Радованом проваливались под гул все более громких рыданий невинно пострадавших людей. Тех, кто не успел сбежать из Сараево или понадеялся на лучшее, хватали в их домах, подвергали жесточайшим истязаниям, зверски убивали... С окраин Сараево несчастные, запуганные сербы смотрели на свои улицы, школы, места прогулок и вспоминали прежние сараевские красоты и мирное житье.

С болью невосполнимой утраты в интервью журналу «Светигора» в марте 1995 г. Радован Караджич так описал предвоенное Сараево:

«Воскресение скорчившейся души»

«В Сараево и его окрестностях, которые сплошь сербские, я живу уже 34 года, и за это время имел возможность разглядеть душу отдельного человека, коллектива и самого народа. Эта душа расправляется и получает радость только в одиночестве или находясь в сельской местности. Сербский народ в основной массе был изгнан в села. В городах было такое давление, что только смелые и отважные могли показать свою душу и свою духовную принадлежность, тогда как остальные сербы должны были скрывать за сдержанными внешними проявлениями глубокие внутренние переживания. Это действительно было одним из тяжелейших видов насилия прошедшего периода. Хотя должен сказать, что так называемые боснийские сербы относительно религиозной жизни и обрядов и тогда были намного смелее и отважнее, чем сербы из многих других краев...

Так называемые боснийские сербы (а они уже были бывшие боснийские, поскольку мы все боснийское отвергли, потому что наши вчерашние соседи и тогдашние братья на все боснийское поставили печать ислама) были стойкими, но в глубине души. Лишь единицы отреклись от сербских традиций и согласились представлять свой народ во властных и других общественных структурах, чтобы сделать карьеру, помогая умирять народ, который они сами же представляют.

Это дими-судьба, а ее носители являются представителями религиозных и национальных меньшинств в исламских системах. Дими — это человек, которого в исламских странах отбирают и делают равным себе по уровню благосостояния, а он за это обязан держать представителей своего народа и веры в покорности и подчиненности. Институт дими как явление в Боснии и Герцеговине пустил уже сильные корни, весь остальной народ смотрел на тех своих ложных представителей с внутренним презрением и, конечно же, страдал из-за того, что не может жить всей полнотой своей национальной и религиозной жизни.

...Выходит, понятие “скорчившаяся душа” не значит, что ее не было, а значит, что она очень страдала. Она скрывалась, как ранние христиане, которые прятались, мучились но не сдавались... Несербские народы использовали коммунизм, чтобы держать сербов в покорности, в то время как на втором плане осуществлялась реализация национальных и религиозных программ как римско-католической церкви, так и ислама.

Вспоминаю, как на исламские праздники устраивались крупные городские манифестации: силы правопорядка и сила народа сливались там. Вспоминаю, что не было зазорно идти всем вместе на всенощную во время католического Рождества. А сербы не могли проводить свои праздники, это воспринималось как нечто удивительное, как предательство и нападение на братство и единство. Наши города по сути формировались во время того или иного оккупанта, Турции или Австро-Венгрии, так что сербы в городах уже и по наследству были мучениками...»

Мать Радована: “Спокойно сплю и жду”

Чтобы понять характер Радована, чтобы я после книги «Генерал Младич» смогла написать книгу «Радован», не имея возможности встретиться с ним так как он уже был в изоляции, я стала разыскивать его мать Йованку. Впервые мы встретились в октябре 2001 г. в больнице города Никшич. Острая боль опять, кто знает, в который уже раз приковала ее к постели... Это был один из ее инфарктов.

Казалось, что мы встречаемся после долгого пути друг к другу и пережитых больших несчастий. Как будто мы представляем одно поколение... Каким-то образом соучастники... Я принесла ей сигареты, что строжайше было запрещено, но по просьбе ее внучки я пошла на это нарушение, надеясь, что Йованка от них откажется. Но она так обрадовалась этим сигаретам, будто уже очень давно к ним не притрагивалась. Весело посмотрела на меня и по-детски быстро смахнула их в прикроватную больничную металлическую тумбочку, уже переполненную сигаретами. Естественно, сразу же одну закурила. Взяв меня за обе руки своей свободной рукой, выпуская дым из глубины легких, посмотрела мне пронзительно в глаза и медленно твердым голосом стала наставлять:

«Думаю, вам сказали, что я не люблю журналистов. Из них мало кто умеет описать правду или то, о чем ему рассказывают. Мы, Караджичи, имеем очень негативный опыт общения с журналистами. Ко мне их приезжало много и отовсюду. Из Дании, Франции... Французам я вообще не хотела давать интервью. Откуда мне знать, что они там после напишут. Уже были случаи, когда газеты публикуют материал какого-то журналиста, которого я никогда не видела. Затем его переписывают другие издания. А содержание - выдумка. О чем, я уж и не помню. Вообще неприятное лучше забывать, если это возможно. Но мне почему-то кажется, что тебе я могу верить».

Таким искренним образом мы тогда познакомились. Связали нас неподвластные бедам и векам святые материнские чувства. Казалось, что своими мудрыми наставлениями она олицетворяет образ матери всех сербов и героев:

«А знаешь ли ты, почему все так произошло?! Потому что я всегда такою была. Не согнула меня, не покорила никакая неволя, хотя били меня всю мою жизнь. Я никому не была кумиром, но и не нажила ни одного вра-

га, а тем, которые греховно поступали по отношению ко мне и моей семье, впоследствии было стыдно. Всю свою жизнь я полагаюсь на Бога и справедливость... И всегда меня сопровождала надежда. Сопровождало и утешало меня согласие в доме. Я возлагала надежды на своих детей, а дети мои довольствовались малым и были благодарны за все то, что у нас было.

Где-то пятнадцать лет назад у меня в душе будто что-то созрело, я ощутила какую-то глубокую мудрую силу, дающую способность более смиренно рассуждать о жизни. С тех пор жизнь моя стала смиреннее и легче. И дети все мои были довольны. В этом моем новом ощущении, как и в жизни вообще, Радован всегда был мне опорой во всем. В нем я ощущала надежность, в нем всегда видела что-то возвышенное, поистине человеческое. С детства он был непоколебимым и в то же время очень любезным. Именно поэтому я спокойно сплю и жду...»

Так она и уснула: спокойно, тихо, в полном сознании происходящего. Во время последней встречи, опять же в больнице, совсем ослабшая говорит мне при расставании: «Будем считать, что ты пришла попрощаться, так как я решила уйти... Не могу его больше ждать... Силы мои кончаются!»

Последний раз простилась с ней у ее гроба и ощутила горькую тоску по нашему привычному, уже никогда не повторяющемуся разговору... Она умерла на 83-м году 5 мая 2005 года. Похоронена в Черногории. Тысячи людей сопровождали ее до места упокоения и сожалели, что нет среди них ее Радована. А многие верили, что он все-таки был там, хотя многочисленные силы полиции внимательно осматривали всех присутствовавших...

Когда позднее Радована схватили, а точнее сказать, взяли в заложники, я подумала, хорошо, что она не дожила до этого! Она, которая ежедневно наказывала ему, чтобы он живым не сдавался, боюсь, умерла бы в тот же день, как увидела бы его в темнице. Взяли его 21 июля 2008 года, а 30-го перед отправкой в Гаагу его провожал один из его ближайших друзей. Была глубокая ночь, опять ночь, и Радован попросил, чтобы его друг прочитал свое стихотворение «Тайная Вечера», которое посвящено ему:

*Ангелам подрезали крылья,
Архангела опутали проволокой.
Но свечи еще не погасли,
И с первой буквы не дошло до последней...*

После сообщения об аресте Караджича на улицах Белграда несколько дней продолжались сдержанные протесты народа. Многие верили, что Радован сможет в Гааге уличить фальшивую историю во лжи, что православный поэт и врач поможет действующему президенту стать выше требований нового мирового порядка.

Друзья, навещавшие его в заключении, говорили мне о Радоване, что он для них представляется «огромным чудом». В его убеждениях за все эти годы ничего не изменилось, что бы с ним ни происходило. Напротив, он еще лучше осознал все, что сделано доброго и плохого. Осознал и те достижения, которых добился сербский народ, и теперь беспокоился, чтобы не потерялось все то, что достигнуто в муках борьбы за справедливость, правду и будущую судьбу сербского народа, что достигнуто в тяжелой борьбе во всех сферах, включая и кровавые жертвы. Друзья рассказывали, что в

нем лучилась энергия, которой он воздействовал на них как на пациентов и возвращал им уверенность.

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОЙ БИОГРАФИИ РАДОВАНА

Поэзия Радована Караджича по объему невелика: до 1990 года в Сараево вышло четыре его сборника стихов. Но, тем не менее, он обладал большим литературным авторитетом, особенно среди молодых писателей. Принимал активное участие в работе Союза писателей, запомнились его впечатляющие выступления, которые всегда отличала его доброжелательность и милосердие. Он и современной техники не боялся. Тогда вошли в обиход видео- и аудиозаписи, начали вводиться спутниковые программы. Он первый среди писателей приобрел компьютер и приобщил к техническим новинкам остальных, — вспоминает Мирослав Тохоль, ныне известный издатель в Белграде.

В 1968 году вышел первый сборник стихов Радована «ЛУДО КОПЛЕ» («Бешеное копьё»), за который он сразу же получил почетную поэтическую премию имени Йована Дучича. Хотя были и литературные критики, которые по поводу этого сборника говорили, что он только «предвещает настоящий талант». Некоторые критики считали, что этот сборник «без сомнения определяет Радована как поэта неоромантического стиля», что это поэзия надежды и упорства, иногда грусти и печали. Бесспорно, она выражает состояние душевного восторга поэта, влюбленного в жизнь, принимающего все ее проявления — в том числе боль, страдания и смерть. Но наряду с мрачными тонами видно поэтическое стремление к радости, к преодолению трагического восприятие мира».

Затем последовал сборник «Испокон века» (1971 г.), стихи для детей «Чудо есть — чуда нет» (1982, 1994 и 2002 гг.), «Черная сказка» (1990 г.). Литературная критика встретила их похвалами в ожидании, что каждый следующий сборник будет еще сильнее.

Вот, что говорит Райко Петров Ного, лучший знаток поэзии Радована: «Когда вспоминаю те наши литературные дни и поэзию Караджича — а я ее собрал, скомпоновал и опубликовал в 1992 г. в Сербском литературном союзе под заголовком «Славянский гость», — так вот в те первые дни нельзя было даже себе представить, что это будет тот самый искусный, таинственный и тонкий автор «Испокон века» и тем более автор «Черной сказки». В своем творчестве он отдавал дань французским символистам, мистическим поэтам и поэтам советского или российского Октября. Конечно же, с ярко выраженным патриотизмом, который, разумеется, впитан им с молоком матери. И если бы не последующие события, Радован, совершенно очевидно, был видным сербским поэтом и весьма-весьма значимой в литературе личностью...»

Вторая книга стихов Караджича «ИСПОКОН ВЕКА» (вышла в 1971 г.) вызвала восхищение литературной критики. Было очевидно, что среди молодых сараевских поэтов, которые в 60-е годы громко заявили о себе, Радован Караджич занял особое место. Хотя в медицинских лабораториях выдающийся поэт изучал анатомию человека, он более всего стремился к познанию человеческой души. Стесненные материальные условия его существования только обогащали поэтическое творчество новыми красками, способствовали поиску новых, более емких и выразительных форм.

Если в юношеской первой книге Караджича «БЕШЕНОЕ КОПЬЕ» основная мысль заключается в словах — «Не смей поверить, что Бог все держит в сборе, / чтобы все не расплзлось. / Поверь, что это ты / и есть тут что-то, что в твоей воле» — свидетельствовали о риторической, исконной, транспарентной самоуверенности в собственной силе и силе слова, то в книге «ИСПОКОН ВЕКА» прежде сложная, приглушенная поэтическая «вселенная слова» озаряется светом благородных картин, с *испокон веков* через которые всходит древность так же, как если бы из-под нового, только что отпечатанного текста робко пробивалась непрочитанная старинная рукопись.

Лучшие стихи в сборнике «ИСПОКОН ВЕКА» обладают художественной емкостью, даже скупостью выражения, кажется, что они — “и *испокон века*, и *переписанный пергамент*”. Эти стихи сложных смыслов, словно запертые на семь замков, и сейчас пленяют читателей тайной, зашифрованной поэтическим языком .

Радован в стихах записывал свои предчувствия и завещания за много лет до того, как сербы совершили мученический путь на свою Голгофу. Он публиковал свои апокалипсические видения, предчувствуя и свою роль в будущей истории. Нежный и взлохмаченный, недостижимый, с широким лирическим размахом, поэт семейных любовных песен он, казалось, не соответствовал образу исторической личности. Когда я попросила его супругу выбрать для книги «РАДОВАН» единственное стихотворение, она без размышлений назвала «Случай трава».

А вот сборник детских стихов «ЧУДО ЕСТЬ — ЧУДА НЕТ», по моему мнению, значительно отличается от прежних. Это умно-остроумные, неожиданные тематически, стихи в вопросах и ответах, предназначенные озорным, интеллигентным умникам-непоседам, каким, по словам матери Йованки, был и сам Радован. Если обо всей поэзии и литературном наследии Радована можно сказать, что оно еще должным образом не осмыслено, то этот сборник в своем особом литературном жанре требует значительной читательской грамотности и эрудиции. В сборнике есть стихи пророческие, когда автор прозревает будущее и свое, и своей родины в грядущих событиях. Одно из таких стихотворений, конечно же, «ВОЕННЫЕ БОТИНКИ»... Этот сборник получил награду имени Бранко Чопича «Дороги детства» и до сего дня отпечатан тремя тиражами 1982, 1994 и 2002 годов.

Выйдя без приговора и оправдания из тюрьмы после одиннадцати месяцев заключения, Радован несколько лет спустя создал свою «ЧЕРНУЮ СКАЗКУ» (Сараево, 1990 г.). Доктор Никола Колевич так теоретически охарактеризовал это творческое событие: «Радован Караджич сильно возмужал как поэт, а его поэзия все более перерастала в своеобразную борьбу и единство сказки и реальности, личного трепета и общего бытия и, в частности, его врожденного «эстетического восприятия» и давления антисказочных форм жизни... Так случилось, что камерная, домашняя лирика вышла в белый свет и ответила на черные вызовы смутного времени и при этом не изменила себе».

«ЧЕРНАЯ СКАЗКА» выстроена из трех циклов стихов, среди которых есть и любовная лирика, «Ex ponto», «Черная сказка» и «Словарь страха». В мрачной тюремной неизбежности, в страданиях физических, поэт находил ответы на многие свои вопросы средствами языка в национальной

и культурной памяти. «Ех ponto» — это цикл стихов об изгнании, среди которых исключительное значение имеют стихи «Ад» и «Вечное рабство»! «Возвращенцы» пришли на край света, чтобы восстановить старый очаг, а в доме:

*Ни единой искорки,
Кроме тех, что в аду,
Под небом, сердитым на сербов,
Дом ломает головы
И ищет пророческое сознание!..*

В незабываемых стихах о родине поэт любит каждый образ родного края, они наполнены болью и воспоминаниями о доме, родителях, об отце, о его Петнице, так он назвал и одно из лучших стихотворений. В тюрьме Радован пытался представить, как бы держались в подобных обстоятельствах предки его славной фамилии. Поэт вспомнил, что Петница — это не только его родное, но и мифологическое герцеговинское село, и что его отец Вук — тезка самого известного из славных дробняков, выходцев из герцеговинской Петницы, Вуки Стефановича Караджича, и что через его стихи, как через «тростник страха», начал «раздувать рассвет чести». В своих стихах он погружался вглубь тысячелетней истории в поисках спасительной соломки, в поисках надежды разбежавшиеся слова собрать каким-то образом в «главные слова». «Его поэзия встряхнулась, строфа стала приподнято-радостной, а скрытая глубинная энергия слова расшатала мелкий искусственный лирический образ», — отмечает Жарко Ружич в своем послесловии к сборнику «От Бешеного копья до Черной сказки», вышедшем в 2001 г.

Никола Колевич по другому поводу об этой книге среди прочего говорит: «Усиленные историческим и архетипическим эхом прозвенели новые стихи Караджича о родине, о Дурмиторе как о завещанной с испокон веков горной вершине и, особенно о Гавриле Принципе как носителе и реализаторе вековой памяти. В соответствии со свойственной ему поэтикой лирической выдуманной сказки автор и Гаврилу представляет как добродушного, но решительного духа, который стреляет *в бессмыслицы на груди царя*. Лирически обозначенное, но эпически укорененное в истории такое прозрение Караджича представляет и саму историю как некую *черную сказку*».

Почти за каждый сборник поэзии Радован получает какую-нибудь значительную награду, правда, часто сопровождаемую сопротивлением околотитуратурных кругов, но когда его захватила политика и унесла в военных вихрях, поэтическое вдохновение Радована будто утихло. Как знак поддержки и уважения его друзья издатели продолжали публиковать сборники стихов Караджича, которые обладают непреходящей ценностью: «Славянский гость», 1992 г.; «Испокон века и другие стихотворения» — избранная поэзия, опубликованная в Цетине в 1995 г.; «От Бешеного копья до Черной сказки», Нови Сад, январь 2002 г.; «Под левую грудь века», Ниш, октябрь 2005 г.

Стихи Радована переведены на русский, французский, английский, итальянский языки. В 1995 г. итальянский литературный журнал «Ла валиса» напечатал письмо Радована Караджича, в котором итальянской общественности он сообщает о геноциде сербов, при этом было опубликовано несколь-

ко его стихов. «Сербско-русский / русско-сербский журнал «Наше слово» в 1997 и 1998 гг. перевел на русский язык и напечатал его стихотворения «Двойник», «Ад» и «Надежда».

Общий список литературы о Караджиче содержит почти десять тысяч страниц. Но его первые книги сегодня являются настоящей редкостью в библиотеках бывшей Югославии, невероятно, но их нет в библиотеках Сербии, Боснии и Герцеговины, Черногории...

ПРОЗА РАДОВАНА

У Радована опубликованы два прозаических произведения — шуточная пьеса «СИТОВАЦИЯ» в 2002 г., и единственный роман «ЧУДЕСНАЯ ХРОНИКА НОЧИ», который он послал из неизвестного места в 2004 г. издателю Мирославу Тохолу, бывшему министру информации в Правительстве Республики Сербской.

«Чудесная хроника ночи» является автобиографическим романом, философским, исповедальным, в котором поэт-политик в увлекательном, метафорическом изложении исследует все трудные темы своей жизни, весь свой трагический опыт. «...Все романы в какой-то степени являются мемуарами, а мемуарные романы — это воспоминания, мечты, скитания, фантазии». Осознавая, что “надо молчать”, поскольку собственные слова могут привести к гибели, Радован описывает мрак своего заточения, свои страхи и пути их преодоления, он не сдерживает себя, чтобы «молчать письменно и устно», хотя и считает, что «все невысказанное укрепляет изнутри»!

Учитывая условия, при которых роман инкогнито появился перед читателями, можно сказать, что он, действительно, остался «непрочитанным» и неисследованным, неразъясненным, покрытым завесой тайны. Некоторые друзья и враги даже усомнились в подлинности авторства. Однако, когда Радована арестовали, в его компьютере была найдена электронная связь с Тохолем, что явилось определенным доказательством того, что Тохоль мог таким образом получить рукопись Радована, как он и утверждал на презентациях этой книги. Но, тем не менее, власти Сербии позволили опубликовать произведение “военного преступника” огромным тиражом и разрешили продавать.

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ РАДОВАНА

Для того чтобы слова Радована о правде звучали и в его отсутствии, постарался и наш Международный комитет правды о Радоване Караджиче. С 2003 по 2006 гг. мы опубликовали шеститомное издание его «ИЗБРАННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ», в основном благодаря стараниям председателя этого комитета, академика, профессора Юридического факультета доктора Кости Чавошки, известного борца за справедливость и правду о сербском народе. В первых двух книгах опубликованы политические документы, военные распоряжения, выданные с 13 июня 1992 г. до конца войны в 1995 г., являющиеся самым надежным свидетельством деятельности властей и президента Республики Сербской.

Военные письма Караджича, опубликованные во втором и третьем томах, обладают художественной формой, образной подачей мысли. Они имеют исключительное значение, поскольку относятся к самым важным событиям периода войны, а получали их и отвечали самые видные политики того времени, деятели искусств, военные, представители международных гуманитарных организаций. Акты милосердия и различные обращения, собранные в четвертом томе, являются мощным доказательством против самых болезненных и самых чудовищных обвинений в адрес Радована, Армии РС и всего сербского народа. По моему мнению, самые увлекательные — это интервью и выступления Радована Караджича, напечатанные в пятом и шестом томах. Напомню, что ценнее всего то, что в сборе документов и их комментировании Радован лично сотрудничал с членами Комитета и редакторами вплоть до октября 2001 г.

СЛУЧАЙ С НАГРАДОЙ РАДОВАНА

За сборник стихов «СЛАВЯНСКИЙ ГОСТЬ» Радован Караджич в 1993 г. получил весьма значительную на территории Югославии Литературную награду им. Ристо Ратковича, которая ежегодно вручается поэтам на литературных встречах в Белом Поле, городке на севере Черногории. Во время присуждения награды черногорский поэт Ранко Йовович сказал следующее:

«Караджич — поэт христианского одиночества, поэт раздумий, покаяния и прощения. Караджич стоит пред распятием даже тогда, когда его душа наполнена радостью жизни. Он ведет свой рассказ, пишет свою и в то же время нашу поэму. Он заглядывает в ад. Его поэзия — это сопротивление, начиная еще с того юношеского «БЕШЕНОГО КОПЬЯ». Его поэзия — это жажда утешения, нравственных перемен... Его поэзия — это молитва и жертвоприношение... Так судьба захотела. Бог избрал Радована Караджича, как и многих наших пастырей, таких как Петр Цетинский, Владыка Рад, Милянова Црнянский, король Никола и множество других, для того чтобы перейти реку живого огня, и чтобы они были не только мудрыми пастырями, но и государственными и военными деятелями, знаменосцами своей родины.

Можно сказать, что родное место нашего народа — Голгофа. И родное место сербской поэзии — Голгофа. И Ловчен — Голгофа, и Фрушка гора, и Сербская Босния испокон веку — Голгофа...»

Тем не менее, эта награда вызвала характерные «внелитературные» события и отклики. В самой прозападной тогда белградской газете «Политика» 5 сентября 1993 г. прозвучали несправедливые слова, как, например:

«...Масштаб поэзии тех, кто в какой-то момент своей жизни фигурируют и известны публике преимущественно как политики, следовало бы измерять исключительно судом критики и реакцией читающей публики. Поскольку нет шансов увеличить значение произведения, по крайней мере, когда речь идет о суде времени, сколько бы оно в данный момент ни было украшено эпитетами, основа которых вообще определяется другими, нелитературными мотивами... Награду им. Ристо Ратковича за поэтический сборник «Славянский гость» получил Радован Караджич, хорошо сейчас всем известный как лидер Боснийских сербов и президент Республики Сербской. Хотя для

Караджича это и не первый «выход» в мир поэзии, реакция и отклики были разные, в том числе и такие, чья мотивация имеет не литературную, а исключительно политическую природу».

В откликах на присуждение этой награды было слишком много «едкого привкуса политики», и я была свидетелем затруднений хозяев данной редакции в следующем году, когда им было запрещено упоминать имя этого лауреата на традиционной фотовыставке и называть его поэтом.

ПРЕМИЯ ИМ. МИХАИЛА ШОЛОХОВА — КАРАДЖИЧУ

Еще большее возмущение и потрясение недругов вызвало известие от 16 июня 1994 г., что Радовану Караджичу в торжественной обстановке в Москве вручена литературная премия им. Михаила Шолохова.

В мотивировке жюри Международного Союза писателей России и Содружества Независимых Государств, а на самом деле бывшего Союза писателей СССР, Караджичу выражалось признание за исключительный вклад в развитие славянской культуры.

Председатель жюри Юрий Бондарев сказал: «Сегодня действительно знаменательный день. Мы вручаем награду, которая носит имя Михаила Шолохова, самого выдающегося писателя двадцатого века, великому человеку, близкому по духу и крови, господину президенту Республики Сербской Радовану Караджичу».

В тот же день даже лондонский Таймс открыл настоящую пальбу из сотен орудий ненависти в своем редакционном комментарии: «Как выяснилось, Радован Караджич наряду с остальными своими достижениями является еще и поэтом. Этот лидер боснийских сербов на Западе более известен как двуличный переговорщик и бессовестный военачальник, которого обвиняют в военных преступлениях».

Эта награда, возможно, имеет и политический подтекст, как это обычно и бывает. Русские националисты, вероятно, оказывают честь человеку, которого считают славянским героем, одновременно подтверждая факт, что его взлохмаченная с проседью прическа больше подходит поэту, чем суровому военному корреспонденту. Подтверждает, однако, и известное желание тиранов иметь уважение интеллектуалов и симпатию со стороны народа.

Поэзия — это антитеза тирании... Поэтому не удивляет, что массовые преступники со временем пытались смягчить свой образ изящными искусствами» и т.п...

Подобным образом взволновалась и редакция берлинского «Тагесцайтунга».

Но, к сожалению, именно черногорский ПЕН пошел в еще более жесткое наступление. В письме протеста был объявлен приговор, согласно которому Радован Караджич является «одним из главнейших виновников страшной трагедии Боснии и Герцеговины и балканского кошмара вообще». «Мы уверены, что таким решением вы оказываете себе медвежью услугу», — говорится в этом письме русским писателям и указывается на их огромные возможности быть влиятельными носителями духа свободы, гуманизма и возрождения, но только в том случае, если они будут опираться на действительных великанов русской литературы от Пушкина до Солженицина, а также на современные тенденции в цивилизации. Российских

писателей предупреждают, что этой наградой Караджичу они «вызывают новые разочарования».

Несколько дней спустя белградская газета «Борба» сообщает, что «писатели Швейцарии призывают своих российских коллег отменить решение о присуждении премии им. Михаила Шолохова Радовану Караджичу за его поэтический сборник «Славянский гость» и за «исключительный вклад в славянскую культуру». В письме к мировой общественности и всем российским деятелям культуры, напечатанном в газете «Сегодня», подчеркивается, что от них ожидают, что они оградят себя от этого исключительно политического акта». Письмо формально направлено Союзу писателей России, где 15 июня награда была вручена лидеру боснийских сербов в атмосфере одобрения его политической деятельности и высокой оценки поэтического творчества.

«Мы остаемся при своем решении, поскольку считаем Радована Караджича достойным врученной ему награды. Его качества политика и поэта вообще не ставятся под вопрос, а возможность пересмотра нашего решения полностью исключается», — заявил Сергей Лыкошин, секретарь Союза писателей России.

Московский Фонд всехвального апостола Андрея Первозванного по предложению Международного фонда славянской письменности и культуры награждал в 1995 г. Орденом Андрея Первозванного Радована Караджича как «несгибаемого борца и выдающегося поэта» за его «жизненный путь, посвященный высокому служению своей родине и народу, укреплению братства славянских и православных народов».

Союз писателей России и Большое жюри вновь подтвердили свое уважение к творчеству Радована Караджича, его верности и непоколебимому служению единству славянских народов, присудив ему в 2008 г. награду «Имперская культура» в номинации «Славянское братство». (В том году в этой номинации награда была присуждена и генералу Ратко Младичу!)

Свое скромное эссе я хотела бы завершить следующим выводом: и Радовану Караджичу, и Ратко Младичу исключительное признание ежедневно выражает сам народ, еще при жизни возводя их в легенду, посвятив им многочисленные эпические песни в народном стиле! Этот классический эпический десятистопный стих, который наряду с гуслями сейчас осваивается и в других музыкальных и вокальных формах, имеет более сильное воздействие по сравнению с теми средствами, которыми СМИ промывают мозги молодым поколениям! В десятистопном стихе четко узнается и подтверждается, кто есть кто, и что есть что. Поэтому неудивительно, что многие годы неизменно первые места по популярности среди молодежи и в народе занимают Ратко Младич и Радован Караджич. И судя по всему, со временем их влияние будет только возрастать.

Перевод с сербского В. И. Полянина

Записки ДИПЛОМАТА

Башир МАЛЬСАГОВ

СУД НАД САДДАМОМ

Башир Алиевич Мальсагов — родился в 1944 г. в селе Валерик Ачхой-Мартановского района Чечено-Ингушской АССР. В 1968 г. окончил МГИМО МИД СССР. Кандидат философских наук. Эксперт в области идеологии и политики арабских стран. В 70-е — начале 80-х гг. работал в системе ЦК ВЛКСМ и Совета по делам религий при Совете министров СССР. С 1982 по 1989 гг. — представитель Союза советских обществ дружбы с зарубежными странами в Ливии. С 1988 г. — на дипломатической службе. Работал в советских и российских посольствах в Сирии, Египте, Ираке. Имеет дипломатический ранг советника 1 класса. Член совета Ассоциации российских дипломатов. **Живет в Москве.**

29 июня 2004 года американцы заявили, что на следующий день они передадут Временному правительству Ирака — для организации суда над ними — С. Хусейна и 11 его ближайших сподвижников, в т. ч. Таху Ясина Рамадана — второго человека прежнего режима, вице-президента Ирака, заместителя председателя Совета Революционного Командования, Тарека Азиза — вице-премьера, Султана Хашема Ахмеда — министра обороны, Али Хасана аль-Маджида (химический Али), начальника Республиканской гвардии, личного секретаря С. Хусейна и др.

Американцы с момента оккупации проводили массированные акции по их обнаружению и аресту; широкое распространение получили колоды игральных карт с именами и фотографиями более 55 объявленных в розыск как наиболее опасных преступников видных членов иракского руководства. Эти колоды карт продавались в американских маркетах в «зеленой зоне», приобретались как сувениры. К сожалению, помимо тех компрадоров, которые прибыли в Ирак в хвосте американских войск, нашлось немало предателей, которые ранее находились в личном окружении С. Хусейна и предложили свои услуги оккупантам. Одним из наиболее усердных рекрутов был в этом плане А. Челябин. В серии интервью газете «Аль-Хаят», опубликованных в ней частями в период с 21 по 28 марта 2009 года, он раскрыл свою роль в поиске и обнаружении С. Хусейна, двух его сыновей и других видных фигур прежнего режима. Он бесстрастно поведал о том, как в поисках Хусейна колесил вместе с американцами по различным провинциям, и вот якобы заместитель командира американской дивизии сообщил ему, что к одному из его сержантов в Мосуле обратился местный житель

и информировал, что в его доме укрываются сыновья Саддама — Кусэй и Удэй. 22 июля 2003 года в завязавшейся перестрелке, которая продолжалась более четырех часов, они были убиты, а тот, кто их выдал, получил 25 млн долларов и был переправлен на жительство в США.

Саддам Хусейн

Саддама, можно предположить, что он вряд ли согласился бы общаться с ними. Ведь сам А. Челяби признал, что он назвал их предателями и отказался общаться с ними.

10 декабря 2003 года указом главы ВКВ П. Бремера был создан Специальный иракский трибунал для суда над С. Хусейном во главе с Салемом Челяби, племянником А. Челяби. Членов трибунала отбирали американцы с подачи членов ВУСа, причем особым рвением отличался А. Челяби, который решил обеспечить такой состав, который безоговорочно выполнял бы данные ему инструкции.

1 июля 2004 года в районе международного аэропорта Багдада в «зеленой зоне» начался суд над С. Хусейном и группой его соратников. Позже почему-то официальной датой суда над ним было объявлено 10 октября 2005 года. Место суда держалось в секрете, так же как и весь процесс, который был окружен плотной завесой секретности. С. Хусейна ввели в кандалах, на руках и ногах, затем цепи сняли. Но эта варварская попытка унижить его обернулась против организаторов этого фарса. В зал допустили только доверенных журналистов. Лицо судьи не показывали. Телерепортаж велся из-за его спины. Не показывали даже присутствующих в зале суда. Журналистов заранее предупредили, что трансляция должна быть без звука. Но затем, видимо, когда пошли протесты по всему миру, звук все же появился и прозвучали голоса С. Хусейна и допрашивавшего его судьи.

С. Хусейн держался очень достойно. Законность данного суда он не признал, заявил, что он — законно избранный президент Ирака, отказался отвечать на вопросы судьи. Ему предъявлялись обвинения в совершении преступлений против иракского и других народов, но он решительно отказался подписать какие-либо свидетельства и бумаги. Основные пункты

предъявленных ему обвинений заключались в следующем: преступления против человечности, виновность в массовых репрессиях, применение химического оружия в Халабдже против курдов в 1988 году, убийство Мустафы Барзани в 1983 году, подавление шиитского восстания на юге Ирака в 1991 году, развязывание войны с Ираном, нападение на Кувейт в 1990 году, сопротивление войскам коалиции и др.

С. Хусейн выглядел уставшим, бледным, похудевшим, но не сломленным. На каждый вопрос судьи он требовал обращаться с ним как с законным президентом Ирака, который отдавал свои приказы как Верховный главнокомандующий Вооруженными силами и действовал во имя высших интересов своей страны. Когда судья бросил ему, что он преступник, то он ответил, что преступник не он, а президент Буш, который разрушил Ирак, а теперь устроил это судилище во имя своих предвыборных целей.

Процесс был организован с явным нарушением всех международно-правовых норм, процессуальных и сущностных, с самого начала превратился в фарс. Адвокатов не пустили в зал суда, иракцам просто отказали, а иностранцам заявили, что не могут гарантировать их безопасность. Свидетели были в масках или отвечали на вопросы из-за занавески, причем голос их меняли с помощью соответствующей аппаратуры, чтобы их не узнали.

К этому времени в Аммане собралась большая группа адвокатов, иорданских, арабских, французских, английских и др., которые заявили протест и потребовали обеспечить их присутствие на процессе. Во всем мире юристы, политики и общественные деятели заявляли, что такой процесс должен быть объявлен международным, с соблюдением всех норм. Генсек профсоюза иракских адвокатов Дия ас-Саади разъяснил, что в соответствии с иракским законом С. Хусейн имеет право поручить защиту любому адвокату, иракскому, арабскому или иностранному. Он сослался при этом на иракские законы об адвокатуре № 173 от 1965 года и № 34 от 1979 года, которые с согласия профсоюза адвокатов разрешают привлекать адвокатов из любых стран. Он привлек внимание к тому, что закон об уголовном суде, разработанный ВУС, также разрешает это.

Профсоюз адвокатов Иордании принял решение созвать конференцию Комитета в защиту С. Хусейна из числа адвокатов-добровольцев. Набралось 1700 адвокатов из различных стран. Группа адвокатов направилась в Ливию, чтобы скоординировать свои усилия с созданным там комитетом в защиту С. Хусейна, в котором участвовала и дочь М. Каддафи — адвокат Аиша Каддафи.

Как уже отмечалось выше, Временное правительство двумя днями раньше объявило об аннулировании указа П. Бремера об отмене смертной казни. Своим указом оно восстановило смертную казнь, видимо, это было сделано как раз к суду над С. Хусейном. К тому же накануне Дж. Буш заявил о том, что С. Хусейн является не военнопленным, а преступником, создав своим таким грубым вмешательством основу для организации судилища над президентом чужой страны. Временное правительство по своему статусу, прописанному в Законе об управлении иракским государством на переходный период (ЗГУ), не имело права отменять прежние законы и принимать новые. Это должны были сделать избранные органы законодательной власти, а не временный исполнительный орган.

Оккупационные власти и их местные ставленники старались создать видимость поддержки в стране суда над С. Хусейном. Были организованы митинги из числа шиитов и курдов, требовавших преданию казни бывшего диктатора. Однако большинство иракского народа осудило само это судилище. Многие к тому времени прозрели, столкнувшись с «прелестями» оккупации и последовавшей вакханалией беззакония и кровопролития. Страна замерла в напряженном тревожном ожидании. Беспардонность США, нагло нарушивших суверенитет Ирака и осуществивших открытую агрессию, причем совершенно незаконно, без соответствующих решений ООН, свержение режима и суд над законно избранным президентом на территории своей собственной страны вызвали особое неприятие в стане суннитов.

С. Хусейн и его соратники отказались признать предъявленные им обвинения и потребовали адвокатов. Но на судью Заркара Амина (курд из Сулеймании) оказывали постоянное давление члены новоявленного правительства, обвиняя его в мягкости по отношению к С. Хусейну. Особенно в этом плане старались представители компрадорских шиитских партий и организаций. В знак протеста против давления на себя он подал в отставку. Кроме того, он не скрывал своей озабоченности за судьбу свою и своей семьи, о чем он поведал британскому агентству Рейтер.

Новый судья, отобранный американцами и Временным правительством (шиитами и курдами) из той же колоды, Рауф Абдурахман, родом из местности Халабджа, в применении против жителей которого химического оружия обвиняли прежний режим и лично С. Хусейна, с самого начала не скрывал своей ненависти и нетерпимости к бывшему лидеру Ирака, грубо обрывал тех свидетелей и адвокатов, чьи высказывания или вопросы ему не нравились. Так, например, ливанка-адвокат Бишри Аль-Халиль неоднократно удалялась им из зала суда, т. к. горячо отстаивала своих подзащитных, в частности Т. Я. Рамадана. Обращаясь к ней во время одного из заседаний, судья язвительно вопрошал: «Ты адвокат или глава шайки?» и ее же обвинил в невоспитанности. С. Хусейн сделал замечание судье за подобное обращение с женщиной, а тот приказал ему замолчать. «Ты обвиняемый, и тебя это не касается»¹. На что Саддам ответил ему: «Я лидер иракского народа, президент Республики Ирак, Верховный главнокомандующий Вооруженными силами и остаюсь таковым, а ты представитель оккупационной власти». Обвинив Саддама в том, что он превращает суд в политическую трибуну для своих заявлений, судья Р. Абдурахман принял решение объявить все последующие заседания закрытыми.

Я следил за ходом процесса все время своего пребывания в Ираке, а также уже после отъезда, находясь в командировке в Египте, поскольку авторитетные общеарабские газеты «Аш-Шарк Аль-Аусат», «Аль-Хаят» и др. подробно освещали его ход.

На данном процессе не было Тарека Азиза. Во-первых, он уже был тяжело болен раком. Во-вторых, американцы надеялись на то, что им удастся вытянуть из него нужные показания и использовать их против С. Хусейна. Он нужен был им в качестве одного из важнейших свидетелей. Но он в своих показаниях ни до, ни после казни С. Хусейна не сказал о нем ни одного худого слова, отрицал приписываемые ему преступления

¹ «Аль-Хаят», 23.05.2006 г.

и деяния. Он называл С. Хусейна героем и заявлял, что для него была большая честь работать вместе с этим лидером. По делу Анфаль, которое было одним из основных пунктов обвинения в адрес С. Хусейна, Т. Азиз, отрицая причастность бывшего президента к истреблению 5 тысяч курдских жителей химическим оружием, помимо других доводов, сослался и на американскую прессу, где утверждалось, что именно Иран несет главную ответственность за применение там химического оружия против курдов. Вопрос этот не прояснен до конца. В публикациях западных СМИ, которые, в свою очередь, ссылались на данные из курдских источников, утверждалось, что в ходе боевых действий в восставших курдских районах по указанию С. Хусейна в 1982–83 годах против мирного населения применялось химическое оружие, только в г. Халабдже в результате применения химических бомб погибли 5 тыс. человек, а всего в ходе операции Анфаль было уничтожено до 180 тыс. курдов, пострадали сотни населенных пунктов. В связи с этими обвинениями в адрес режима С. Хусейна Т. Азиз заявил, что в период с апреля по август 1991 года делегация иракского правительства во главе с Иззатом Дури — заместителем председателя Совета Революционного Командования — неоднократно встречалась с делегацией Курдистанского фронта во главе с Дж. Талабани. На этих встречах обсуждались в основном вопросы предоставления курдским партиям мест в правительстве и других органах власти. «От них мы не слышали ни слова, ни от Дж. Талабани, ни от М. Барзани, — сказал он, — ни по поводу применения химического оружия, ни о каких-то массовых захоронениях курдов, ни о насиловании их женщин и т. д. Речь шла о компенсации тем курдским семьям, которые пострадали в ирано-иракской войне». Что касается другого обвинения, по поводу казни 148 жителей деревни Дуджейла в 1982 году, то, защищая С. Хусейна, его неродного брата Ибрагима Тикрити и Т. Я. Рамадана, Т. Азиз заявил, что в 1978–1979 годах там регулярно устраивались взрывы, убийства функционеров партии и государства, были совершены покушения на С. Хусейна. Все другие свидетели также придерживались таких же показаний. В частности, бывший губернатор провинции Салахеддин М. Саадун, назначенным позже министром внутренних дел Ирака, сказал, что на него оказывали нажим американцы, требуя признать вину С. Хусейна. «В Дуджейле было не что иное, как покушение на главу государства, сказал он. — Всем семьям была выплачена удовлетворившая их компенсация».

Но такие показания не нужны были организаторам судилища. Ведь события в Дуджейле были вменены в вину С. Хусейну в качестве одного из главных пунктов обвинения и вынесенного ему смертного приговора. Тем временем десятки и сотни тысяч демонстрантов в Ираке и других арабских странах участвовали в протестных акциях против процесса над С. Хусейном и его соратниками.

5 ноября 2006 года на заседании, которое продолжалось всего 45 минут, судья Р. Абдурахман объявил в присутствии генерального прокурора Ирака Д. Мусави (шиита) решение суда — приговорить С. Хусейна к казни через повешение. Он заявил, что приговор должен быть приведен в исполнение в течение 30 дней. Никакого помилования или смягчения приговора быть не может, безапелляционно утверждал он и подчеркивал, что на это не имеют право ни президент, ни другие. После утверждения этого приговора так на-

зываемым Кассационным судом, больше, мол, ничего не требуется для его приведения в исполнение.

Накануне произошел весьма симптоматичный казус. Руководитель международной группы адвокатов по защите С. Хусейна, бывший министр юстиции США Р. Кларк выразил свое мнение, сказав, что это не суд, а насмешка над правосудием и носит явно политический характер. Судья Р. Абдурахман грубо ответил ему сначала по-арабски: «Это ты насмешка, убирайся из зала», затем повторил по-английски: «Вон, это ты прибыл из США, чтобы насмехаться над иракским народом».

Другие соратники С. Хусейна, участь которых решалась на этом процессе, были приговорены к различным срокам, от пожизненного заключения и до 10–20 лет, и лишь один оправдан.

Касаясь реакции С. Хусейна на решение суда, Х. Дулейми, возглавлявший группу иракских и арабских адвокатов С. Хусейна, сказал, что С. Хусейн и другие ожидали такого решения, знали, что все делается по заранее запланированному сценарию, по политическому заказу американских хозяев и их шиитских и курдских ставленников. Он назвал приговор скорым и жестоким, не имеющим под собой ни моральной, ни правовой основы. «За четверть часа до судебного заседания мы сидели с С. Хусейном, — сказал он, — и он обратился к иракскому народу, призвал его проявлять национальную и религиозную терпимость, не допустить раздоров и смуты, изгнать оккупантов, иранских огнепоклонников и сионистов с непорочной земли Ирака». Другой адвокат, тунисец, заявил, что с самого начала суд был нацелен именно на это решение, ни С. Хусейну, ни другим, ни их адвокатам не была предоставлена реальная возможность защиты. Адвокаты, исходя из того, что обжалование в Кассационном суде — это фикция, что это ничего не изменит, т. к. суд, по их словам, не состоятелен, решили апеллировать к арабским народам напрямую. Были организованы многотысячные демонстрации протеста в ряде стран, участники которых резко осуждали приговор этого незаконного суда и заявляли, что С. Хусейн является законным президентом и символом национальной стойкости и сопротивления оккупантам.

А какова же была реакция официальных лиц, членов нынешнего руководства Ирака? Дж. Талабани — президент Ирака, находившийся в это время с визитом в Париже, сказал, что надо уважать «независимость» суда, а премьер-министр Нури Малики заявил, что суд над С. Хусейном — это суд над мрачным периодом в истории Ирака. В телеобращении к народу он расценил его как победу жертв резни в Дуджейле и призвал иракцев принять решение суда без актов насилия. Совершенно иным было мнение патриотов. К примеру, депутат-суннит в парламенте, председатель Фронта национального диалога С. Матлак заявил, что это последний гвоздь в гроб национального примирения и политического процесса в Ираке, и предположил, что это (судилище) вызовет новую волну кровопролития, настоящую кровавую бойню между суннитами и шиитами, после того как всему миру стала очевидной политическая направленность суда над С. Хусейном, приведет к обострению межконфессионального раскола в стране.

С. Хусейн в течение всего процесса вел себя мужественно, решительно и с большим достоинством. Даже в этих условиях он демонстрировал присущую ему сильную волю и стальной характер. Не случайно его на-

зывали и друзья, и враги «арабский Сталин». Он отказался встать, когда зачитывался приговор, старался перекрыть судью, которому приходилось возвышать голос, чтобы дочитать судебное решение. Его судьи, очевидно, предполагали, что его воля будет сломлена, и просчитались. После объявления приговора он воскликнул: «Да здравствует Ирак, да здравствует иракский народ».

Рано утром 30 декабря 2006 года С. Хусейн был повешен. Это был первый день священного мусульманского праздника «Иид-аль-Адха» (Праздник жертвоприношения). Его отвезли в штаб-квартиру военной разведки Ирака, расположенную в шиитском районе Багдада. В сопровождении 6 охранников в масках его ввели и посадили на стул. Присутствовало ограниченное количество лиц, в т. ч. Верховный прокурор по уголовным делам М. Аль-Фар'ун, советник по национальной безопасности Ирака М. Рубей'а, судьи, несколько шиитских духовных лиц, врач и видеооператор. С. Хусейн стал кричать в камеру «Аллоху Акбар», «Да здравствует Ирак!», «Да здравствует Палестина!». М. Рубей'а сказал, что Саддам спокойно поднялся на эшафот, выглядел сильным и мужественным. Затем он передал Коран, который был у него в руках, и начал произносить шахаду «Нет бога кроме Аллаха, и пророк его Мухаммед». Но ему не дали договорить, быстро накиннули петлю на шею и выдернули стул из-под него. Американские представители находились в это время в соседней комнате.

Эта жестокая расправа вызвала бурю гнева в Ираке, во всем арабском и мусульманском мире. Конечно, здесь не было полного единодушия, тем более на официальном уровне, не все руководители арабского мира выступили с однозначными оценками этого жестокого акта. В Саудовской Аравии выразили удивление и порицание в связи с выбором времени приведения в исполнение приговора в священный для всех мусульман месяц, не считавшийся с их чувствами. Резким диссонансом этого всеобщего осуждения прозвучали заявления шиитских и курдских политиков, находящихся у власти в Ираке: премьер-министра Н. Аль-Малики (шиит), президента Дж. Талабани (курд) и др. Укрывшийся в «зеленой зоне» в штаб-квартире американских оккупационных войск премьер поздравил иракский народ в связи с казнью С. Хусейна: «Правосудие от имени народа Ирака совершилось, — сказал он. — Преступник С. Хусейн казнен и никогда уже не сможет вновь вернуть нашу страну к временам диктатуры». В таком же духе высказывались и другие члены нынешнего руководства Ирака из числа шиитов и курдов. Свое удовлетворение казнью выразили официальные лица Ирана, Кувейта и Израиля.

Президент США Дж. Буш приветствовал казнь Саддама как проявление правосудия и воли иракского народа, отметив, что это важный этап на пути Ирака к демократии. Но, видимо, поняв всю кощунственность такого заявления и его последствий, позже он попытался смягчить свои формулировки и даже отметил, что эта казнь произвела на него впечатление «убийства из мести» и что поспешные действия иракских властей нанесли ущерб их имиджу. Министр иностранных дел Великобритании М. Беккет также посчитала, что «Саддам понес справедливую кару за свои преступления». Но руководители стран — членов Евросоюза не разделили такую оценку, в частности Финляндии, Франции, Германии, Италии и др. Они высказались против смертной казни в принципе. Ватикан, который еще до казни высту-

пал против смертного приговора С. Хусейну, заявил, что «казнь С. Хусейна — это трагическая новость, существует опасность того, что она усугубит климат ненависти и посеет новое насилие».

Принципиальная позиция России по этому поводу была изложена в заявлении официального представителя МИД России, в котором выражалось сожаление в связи с казнью С. Хусейна, несмотря на призывы международного сообщества. Было подчеркнуто, что «поспешная жестокая экзекуция еще больше углубит раскол в иракском обществе. Вместо столь нужного ему национального примирения и согласия народ Ирака рискует получить очередной виток братоубийственного конфликта, новые многочисленные жертвы». Дальнейший ход событий подтвердил правильность этого заявления.

Даже после казни С. Хусейн внушал страх своим палачам. После длительных дискуссий и согласований между представителями иракского правительства и администрации США было принято решение передать тело шейхам его племени Абу Насир. Американским вертолетом оно было доставлено в Тикрит, а оттуда в родное село С. Хусейна Ауджа, где он и был похоронен рядом со своими двумя ранее убитыми сыновьями. Причем было категорически запрещено устраивать по этому поводу траурные митинги, шествия или какие-либо другие проявления массовой скорби. Единственное, что разрешили шейхам племени Абу Насир, — это устроить скромную церемонию соболезнования. Тысячи иракцев собирались посетить его могилу, однако сделать им этого не позволили. Так трагически завершилась судьба этой одной из наиболее ярких личностей в современной истории.

Что касается других двоих членов группы соратников С. Хусейна, которым был вынесен смертный приговор, то приведение его в исполнение, с учетом реакции мусульман в мире, было отложено до завершения священного праздника.

ИМПЕРАТОРСКИЙ ПЕТЕРБУРГ

*Санкт-Петербург
на старинных
фотографиях,
рисунках
и открытках*

Парад в Аничковом дворце. М. Зичи

ПРОЗА

Сергей КОТЬКАЛО

ВОЙНА И ГОЛУБИ

Из книги
«Крик журавля»

Каждый человек несет в своей судьбе замысел о нем Господа. Личность свободна в степени приближения или отдаления от этого объективного замысла, который особенно явно чувствуют души творческие. Высокое звание русского писателя свидетельствует о том, что облеченный им человек наиболее пристально пытается рассмотреть Божию волю по отношению и к собственной жизни, и к неисповедимым путям России, за которую добровольно отвечает перед Вечностью, как и за весь Мир в целом. Это рассмотрение происходит в сокровенном поле творчества, требующем не только посевов, но и защиты их от врага. Незрим тяжелейший труд возвращивания новой творческой реальности, и ее необходимо защищать от врагов души человеческой. Обычно радостно, негромко явление нового произведения, новой русской книги. Но для жизнеобеспечения творчества, для явления его как совокупной реальности, необходимы громкие, внятные, консонансные аккорды, которые могут прозвучать, когда временной отрезок жизненного пути художника и соответствующие ему творческие свершения сопоставляются и осмысливаются в единстве и целостности. Для этого, наверное, и существуют юбилеи. Юбилей — это не просто праздник, это праздничная служба, это открытая исповедь и принятие новых обетов.

Можно сказать, в таких духовных границах прошел недавний юбилей известного русского прозаика, издателя Сергея Котыкало. Сегодня русский писатель не может себе позволить только уединенный труд в тиши, только общение со своими героями. От него требуется, впрочем, как и во все времена на Руси, деятельное проявление своей

жизненной позиции, открытое сотрудничество с русской литературой, существующей во многих формах: в виде журналов, издательств, общественных объединений. Перечислив все векторы деятельности Сергея Котьяло, становится ясна высокая степень его интеграции в современный литературный процесс, не прерывающийся благодаря примерам подобного подвижничества. Сергей Иванович является: сопредседателем Союза писателей России; главным редактором издательства «ИХТИОС»; председателем редакционного совета книжных серий «Памятники церковной письменности», «Национальная безопасность», «Славянский мир»; главным редактором журнала «Новая книга России» и православного обозрения «Русское воскресение»; сопредседателем правления Центра Федора Ушакова; членом бюро Президиума Всемирного Русского Народного Собора. Это не номинальные должности, на всех поприщах писатель трудится как на единственном, о чем свидетельствуют значимые, реальные достижения, выражающиеся в цифрах тиражей и в количестве проведенных мероприятий. Но главное — конечно, проза.

Сергей Иванович Котьяло родился 4 августа 1960 года в г. Смела на Украине. Выпускник Литературного института им. А. М. Горького.

Автор книг «Лепет обманутого восторга», «Дурман», «Боже, зри мое смирение», «Поле длиною в жизнь» и др. Печатался в журналах «Роман-журнал. XXI век», «Славянин», «Новый мир», «Молодая гвардия», «Сельская молодежь» и во многих других периодических изданиях. Лауреат премии Союза писателей России «Новое время» им. А. С. Суворина.

Так говорит о творчестве этого талантливого русского писателя Михаил Лобанов:

«К Сергею Котьяло нельзя отнести пушкинские слова: «Мы ленивы и нелюбопытны». Он и труженик пера, и весьма любопытен, пытлив относительно всего того, что относится к духовной философии, к истории, к прошлому и настоящему нашей страны, народа. Можно даже сказать, что основой его рассказов (при всех их тематических различиях) стало серьезное осмысление автором исторического пути нашего народа в XX веке. Знание исторических фактов, культурно-литературных явлений не стало для Сергея Котьяло мертвым капиталом, а перерабатывается им в живые образы, в жизненные раздумья».

Уже по названиям его книг и отдельных произведений можно с уверенностью сказать, что, во-первых, это духовно-философская проза, во-вторых, что она поэтична. Писатель работает в сложной, новаторской, насыщенной образности, делающей его творчество запоминающимся, а художественный почерк узнаваемым. У Сергея Котьяло не встретишь заштампованных определений, заимствованных характеристик. Можно сказать, что он использует язык русской классики с лингвистическими особенностями современности. Поток неожиданных, непривычных метафор заставляет читателя, привыкшего к быстрому чтению, останавливаться, пристальнее взглядываться в авторские образы, чтобы легче было следовать непростым путем сюжета. «Кто бывал в Иерусалиме, тот знает, как плачет заката лазурь в желтых и красных цветах, подобно разорванному пополам рисунку несмышленного ребенка: на нем разлиты, как заплаканный ломтик лука, молодой месяц и тени в виде

кровавых луковых перьев». Произведение как будто вовлекает в свое пространство заинтересовавшегося читателя, приглашает к духовному сотворчеству, к постижению сказанного, требующего определенного и православного, и сердечного опыта. Писатель, размещая в одном художественном пространстве недавние исторические события и эпизоды Библейских времен или бархатные камни Нила и берега Волги-матушки, как будто хочет, чтобы у читателя «разболелась память», не только личная, но и всемирно-историческая.

Проза Сергея Котьяло располагается словно на каркасе христианских смыслов и символов. Кажется, памятуя об исихастской традиции, не допуская прямого, громкого выражения божественных смыслов, автор ищет и находит трепетные, прикровенные сравнения, использует образные параллели, как, например, щемящее соединение неба, птиц и войны. У писателя вообще в рассказах много неба и крыльев, — и птичьих, и ангельских, и крыльев человеческих душ.

«...Голубь — птица христианская, — рассказывал, куря табак, сыну Иссе Ваня, — ей только скажи: «Христос Воскресе!» — и она уже в ногах твоих трется. Вот, смотри, — зачерпнул рукою в темноте по ноге и тотчас протянул на растопыренной ладони к лицу юного воина сизаря, твердо и гордо стоявшего во фрунт, — а только что не было никого».

В рассказах Сергея Котьяло много разнохарактерных героев, запоминающиеся образы которых создаются не художественными портретами, но особенностями речи, мыслями, переживаниями, поступками, даже иногда молчанием. Неторопливая размеренность повествования, некоторая аллегоричность, недосказанность, условность, притчевость позволяют ставить прозу Сергея Котьяло и в ряд русской литературной традиции, и, без сомнения, называть новой прозой России в том смысле, что нельзя разделить единый путь русской литературы, которая непрерывно создается героическим, жертвенным трудом русских писателей с «надеждой до слез» на победу Истины в христианском ее понимании.

Редакция журнала «Родная Ладога» поздравляет Сергея Котьяло с 50-летием.

**Уважаемый Сергей Иванович,
желаем Вам новых творческих свершений, крепости духовной
и телесной, необходимой в настоящих и грядущих битвах
за Землю Русскую, за веру Православную.**

Редакция журнала «Родная Ладога»

1

«Душа болит...», — так писал Ваня, когда первая «тамагавка» разорвала грудь дома, где он прожил с Катей последние несколько дней. Огонь проглотил все, но ничто не саднило, кроме образа Спасителя в Красном углу, привезенного с родины. Им благословил их отец-духовник, отбывавших в неведомый Багдад.

«Ты, Ваня, осознано отправляешься в пекло, — говорил батюшка. — Никому давно не секрет, что «имя им легион» и они уже не остановятся

ни перед чем. Такова природа Сатаны. Прежде, на Пасху, они бомбили братьев сербов. После, в Страстную неделю, они резали палестинцев едва не у самого Гроба Господня. Нынче они же бомбят без объявления южные районы Ирака только за то, чтобы завтра зажечь всю территорию. Я не могу сказать, что радуюсь твоей прямолинейности, но и не могу не признаться в радости за твою простоту любви к ближнему, с какою возвращаешься на древние Вавилонские земли, где некогда давно строился Ноев ковчег и откуда поплыл Божественным курсом в наши дни... Кто-то, верно, посмеется над тобою, кто-то посочувствует твоей простоте, однако никто из нас не будет рядом в самые безрадостные дни века нынешнего с тем крохотным малышом-арабом, нуждающимся в братском локте христианина... Возможно, им окажешься ты, что стоит дорогого... Господь благословит тебя, Ваня, — и на том батюшка заплакал, перекрестил Ваню и скоренько, слегка подшаркивая валенками, побежал обратно в храм», — не грустно, не весело, а обыденно рассказывала семейную историю, сидя под забором на лавке, мать Маргарита поселянину из города, держа в руках сизаря.

— Голубок-то, — начал было спрашивать поселянин...

— А, этот, — спохватилась мать Маргарита, — нет, ничего, не примерзнет... — и так как-то особенно нежно пожалась о крылья птицы корявыми заскорузлыми руками. Не он один... Вчерась английский королевский перелетел на нашу сторону, дурашливый такой, надо думать, тожество жить хочет... Не верит антихристам... — посопела сколько-то, встала молча, выпустив по ветру птицу на волю, захватила ведра с водой и пошла в избу.

В доме, в горнице, перед образами горела синяя лампадка. Шумел на печке чайник. Не то что кипел, а только шумел от избыточности скопившегося пара внутри. По долу гуляли сизарь и голубка. Жирные и нерасторопные, они клевали, скорее по привычке, доливку и самотканые застилки. Удивительным для поселянина было то, что птицы не гадили, как случается видеть в природе, абы где, а только на ведро, стоявшее под дверцей печки с углем. Пили тоже не из ведра, а из тарелки, куда налила им матушка Маргарита.

Словом, домашняя, точнее даже комнатная получалась птица. При виде входящей в горницу хозяйки, они построились и вытянулись, как на параде, и что-то такое на своем голубином языке прокричали. Матушка же на приветствие никак не отчестилась. Поставила ведра, сняла серебряно-синюю дошку, зажгла свет, посыпала по столу муку, достала из макитры пресное тесто, перекрестилась сама и стол перекрестила со словами: «Господи, Владыко живота, благослови...», — и проворно заработала кулаком и пальцами хлебный ком.

— Война войной, а жаворонков лепи, Маргаритка, — весело сказала сама собою матушка, — у Бога все живы, и Сорок Севастийских мучеников ждут твоего участия.

Меж тем под Ум-Касрой шли ожесточенные бои. Поганные варвары лили с красного неба на белую землю огненные реки, на жилые дома и живых людей. Араб Исса, дежурный подстанции порта, владелец маленького участка земли, отец семерых детей, муж беременной Александры, имевший долг перед престарелыми родителями, увидев на дороге Ваню, сиротливо державшего пару голубей в руках, когда повсюду громыхали пушки противника, когда город пылал от бомбовых ударов врага, остановил «Москвич-400» и сказал радостно:

- Здравствуй, Ваня, — по-русски.
- Здравствуй Исса, — сказал Ваня тоже по-русски.
- Садись быстрее, — позвал Исса, — дома обед стынет...

Ваня никогда не видел Исса, но по легкому голосу и по кресту на руке узнал в нем брата Константина, обещавшего написать из Магабы.

Ехали по пустыне без слов, лишь зорко следили по сторонам, где свистали ракеты, бомбы, снаряды и грохотали танковые колонны. «Москвичок» ревел как буря, однако делал свое машинное дело, вез пару пернатых и двух мужиков на обед, по слову Иссы.

Скоро показались мазанка-кибитка и несколько дерев, одно из которых высилось над крышей. Для средней полосы России такой хуторок мог бы показаться диковинным, но и здесь это не частый сюжет. Обыкновенно так селятся бедуины и совсем редко христиане. Слишком дорогая и трудоемкая здесь земля.

Дома их встретили Александра и две кареокие девочки с косичками и красными бантами, в белых шелковых платьях, в резиновых сандалиях, ровненькие меж собою, худенькие и резвые. Одна держала халат Александра, другая — за веревочку черненького ягненка.

- Здравствуйте, Ваня, — сказала Александра.

Девочки только кокетливо улыбнулись и поклонялись.

- Здравствуйте, — сказал Ваня. — Мир вашему дому.

— Спасибо, — снова по-русски говорил Исса, печалуясь в усы, — это сегодня нам надо... Ты, Ваня, проходи, — указуя рукою на пуф, — садись ближе к столу... — и далее обращаясь к девочкам по-арабски, велел принести зерна для птиц, а Александре принести гостю воды и кофе...

Ване нравилась теснота слов и жизни арабов. В обыденной, мирной жизни она кажется нарочитой и скучной, особенно для русских, чьи просторы и климатическая разность не имеют границ. Здесь же все предельно ясно, не множественно и постоянно тысячами лет, невзирая на ядерные грибы и искусственность технологий для уничтожения наций. Англичане, в отличие от американцев, многожды уже в том убеждались после выродившихся израильтян, но, увы, тупая атеистичность побуждала их вновь и вновь кидаться на нефтяные поля, полагая, что только тем жив человек.

Исса и Ваня полулежа пили кофе. Девочки то бегали в дом, то возвращались обратно, вынося зерно птицам, воду мужикам и голубям, кокетничая, кружась кружевами окончаний на платьях. Александра слушала их гомон и незлобно нарочито морщилась шалостям детей. Ваня, с позволения Иссы, курил табак.

— Я сам не курю, — говорил тихо Исса, — но люблю смотреть на дым, когда курят русские. У вас это жизненно получается, без форсу, — так будет по-русски?

— Да, — согласился Ваня, — без форсу. Красиво, не от каждого русского услышишь.

Девочки кончиками косичек пытались гладить голубей. Те, в свою очередь, щетинились и спешно взлетали, делали малый круг, и садились на место...

— Последняя моя почтовая пара, — сказал Ваня, взяв в руки сизаря, так же обыкновенно, как говорил ему на дороге в пустыне: «Здравствуй Ваня», — Исса — Одни полетели, а остальные легли под бомбы в Багдаде, — и замолчал.

— Сегодня Сорок мучеников Севастийских, — робко сказала Александра на арамейском, — Господь да услышит наши молитвы...

«...Слышит Господь их молитвы, — пакуя сизаря и голубку в дальнюю дорогу, говорила матушка Маргарита, — лукавый сыплет на них реки огненные, а Илия-пророк, ладненький наш утешитель, ветерком, как водой, и задует. Вы только летите, родимые, бестревожно, не печалуйтесь за Ваню. Господь слышит наши молитвы и правит сообразно...»

— Сорок жаворонков желтых сейчас выставила мама моя на столе, радуется, — сказал Ваня, — любят наши радоваться в дни торжества Православия.

«...Донесите Ване крошечку нашей радости. Он поймет, — говорила матушка Маргарита голубям, — мои хорошие. Ну, летите», — подкинула птиц над собой и лихо, по-уличному, свистнула, заложив два пальца в рот, вдосыл.

— Мне пора, — поднялся Ваня, — я отправлю, с вашего позволения записку...

Весеннее равноденствие не помешало в тот день закрутиться ураганному ветру. Загулял песок по пустыне волнами морскими. Загудела земля.

— Бомбят док, — сказал Исса, — чужого не жалко.

— Ты поедешь? — спросила жена.

— Поеду, — ответил Исса и посмотрел глаза в глаза Ване.

— Поедем, — сказал Ваня с готовностью, — под лежащий камень и вода не течет.

— А как же голуби вас найдут? — спросили смеющиеся девочки, когда он освистал пару и птицы быстро потерялись в туманной пыли бурана.

— Лишь бы живу, — засмеялся Ваня.

— Пожил бы у нас, отдохнул, — от себя сказал Исса.

— Там война, — красивым лицом обожгла Александра.

— А здесь дети, и мы, мужики, должны прикрывать их собою. Ибо сказано, что никто не смеет обижать дитя... Поедем, Исса...

«...Ночью в городе шли ожесточенные бои. Варвары на своем пути сжигали все дотла. Звериный оскал крушил жилые кварталы и школы. На пепелищах «воины свободы» устроили сатанинские пляски, упиваясь пуншем и пивом, обкалываясь наркотой. Трижды взрывали госпитали и родильные дома, насиловали женщин и детей, избивали, забивали до смерти стариков и инвалидов, грабили «освобожденные» дома и травили газом животных...

Весь день молился святителю Григорию Паламе и отцу Николаю. Сама Святая Троица ни на миг не оставляла меня, я жил в ней весь, как никогда.

Душа болит. Бог с нами...» — писал Ваня отцу-духовнику с передовой Южного фронта, где рука об руку, спина к спине стояли в неравном бою мусульмане и христиане против варваров цивилизованного мира, зная наверняка, что ни один волос не упадет с их головы без воли Божией, бывший сейчас к ним ближе, чем когда либо до начала войны.

— Он ни разу не написал о Кате, — заметила матушка Маргарита, — за нее надоть как-то молиться...

— Ей Ангели поют на небеси... — прикровенно и просто сказал отец-духовник, — и многомиллионному иракскому воинству, выдвинутому Господом на передовой рубеж. Ты, Маргаритка, пару встречай, — озорно свистнул батюшка, — новую оду Иерусалимскому Софронию правит Ваня.

Сизарь только, — подслеповато вглядываясь в темень неба, говорил матушке, — на правое крыло слабнет: погрей его до утра.

— Англичанин вернулся, — смеялся поселянин.

— ...Голубь — птица христианская, — рассказывал, куря табак, сыну Иссы Ваня, — ей только скажи: «Христос Воскресе!», — и она уже в ногах твоих трется. Вот, смотри, — зачерпнул рукою в темноте по ноге и тотчас протянул на растопыренной ладони к лицу юного воина сизаря, твердо и гордо стоявшего во фрунт, — а только что не было никого.

— Ваня, — позвал Исса, — начальство предлагает тебе...

— У нас один начальник: Отец и Сын и Дух Святой... — и спрятал сизаря за пазуху.

...Ночь завершалась. Русская голубица села на плечо спавшему стоя Ване. Ему снились Родина, церковь, благословляющий с амвона отец-духовник и выпускавшая очередную белую, благовествующую пару с высокого порога, что повис над ревушим Днестром, изнутри глубины вод рвавшего и толкавшего вперед Черного моря льды зимы, матушка Маргарита...

Зверье бомбило.

Голубь и голубка пролетели Басру, Багдад, Тегеран, Корсунь, Чигирин, Черкассы... и, сбывая скорость полета, стали опускаться над стрехой дома Маргариты, где мокрая и соленая матушка слезно молилась на коленях пред образом Спасителя: «Господи, Владыко живота, не за Ваню одного, а за всея Ирак прошу, молитвами Пресвятыя Богородицы, батюшки Николая и всех святых...»

Солнце выплыло из Черного леса.

Заялся восход.

Близится Христово Воскресение.

2

...Весна на болоте. Грачи прилетели. Журавли закурлыкали. Лины пошли ломать старые камыши. Пробно завели хоровод лягушки: то ли на тепло, то ли на дождь. Марыся поправила переметы в изгороди, что отделяла двор от огорода и, не поднимая глаз на Абиссинию, которая наверху, повернула стопы в сторону речки, где по берегу щипали зеленые побеги гуси и куры, а утки легковерно ныряли за пескарями и тотчас выплывали наружу. Все это Марыся знала и потому, не глядя на природу, глазами обоймала сразу весь оком, но мыслями жила своими.

— Минет пост, — думала вслух Марыся, — и к Пасхе испеку куличи, а пока, на Сороки, заведу жаворонков, желтеньких крохотулечек... Смешные, — повела сама на себя плечами дошки, — желтые, совсем дети. Много напеку... Сколько денег будет, столько накуплю муки и напеку, и буду раздавать в городе всем без разбору: пусть едят и радуются.. Ну, сколько той жизни, чтобы радоваться... Вот и мама любила радоваться. Станет руками на забор в сумерках и из последних сил запоет: «Богородица, Дево, радуйся...» — и заплачет. Поёт, плачет и радуется... Ей говорят: «Ты что ж, Верка, плачешь?» А она смеется и плачет, и говорит в ответ: «Я радуюсь, девки, — старухам-соседкам, — детки-то вона как летят над стрехами, куражатся: и сизари, и ластовоньки, и стрижи... И жаворонков замесила. Завтра буду всем раздавать. Тебе, Мария, собенные испеку, куме — неза-

будке...» — И все ее слушали и верили, и радовались, и подпевали... Вот, мамочка, и тебя я помянула, ты же слышишь меня, — я знаю, — говорила с собой Марыся, — и не сомневайся в моей памяти, потому как люблю тебя и всегда с тобой. И жаворонков испеку непременно... Вот прямо сейчас и пойду за мукой... Ну, нет, мамочка, нет... Прости, так вырвалось-взрустнулось... Конечно же, помню твое: «По воду сходи...» По муку пойду. Раньше, когда еще молодые были, ты бы брала по сорок одной копейке, а нынче... Нет-нет, мамочка, обязательно белой и нележалой возьму на всю деньгу... — и так решительно Марысе захотелось жаворонков, что она скоренько нырнула в хату и тотчас же бежала через выгон на Большак в лавку.

— Марыська, — возроптал вздрогнувший за сеялкой Гриша, — шальная, куда прешь, просо ж сеем, — бубня, запоздало удерживал лошадь.

— В лавку, — весело крикнула обратно ему и побежала через реку вброд далее.

— Тьфу, — огрызнулся Гриша, — шальная. Спятила, что ли... В лавку... А если б кобыла, — и осекся, и повел поводья, как было.

Марыся шла рядом верб, что натыкала вдоль тропы покойная Надька Харчиха, и слушала некрасивого с виду, чумазого и почти никому не известного завирушку. Песнь его непосредственная держала большое преимущество перед пернатыми знаменитостями. Когда всё молчит, он может быть очень приятным под соловьями и юлами. Завирушка стоит в поднебесном хоре в одном ряду с орешком и серой славкой, представляя как бы свистовой перебор: очень красивый и громкий. Он, конечно, оперением, как и все деревенские, прост, не нарядный, напоминает воробья. Вот и сейчас повел задиристо головку, шею повертел и грудку надул — а всё серенькие, темно-зольного цвета. Спинка меж тем рыжевато-бурая с черно-бурыми продольными полосками, крылья темно-бурые с рыжеватыми окрайками перьев вспушились и тотчас сгладились. Нижняя сторона грязно-белесая, темнее на боках у крыльев, с темными пестринками. Клюв темно-бурый, а ноги светло-бурые. Словом, так себе, простец, но песней больно хорош.

Марыся минула больничный двор и пошла напрямки через заводской сад, увлеченная зеленухой-стукотней, рассыпавшей дробь, похожую на соловьиную, а это едва ли не невидаль среди этой породы. Они, верно, отличаются своими копиями: сработает то за горихвостку, то зябликом или юром, а то и сивого дрозда даст, а подчас и по цельному куплету песен певчего дрозда и зяблика...

Зеленуха появляется в раннюю весну, мартом. Обыкновенно вместе с зябликом и реполовом. Хитровата, прижимистая в силах, далеко на юг не отлетает. Живет по краю леса или в роще, как и в нашем парке... Зеленуха держится поверху деревьев — весьма осторожна, робкая птица, — и непрерывно покрикивает звонким позывом, вроде: тек-тек-тек... — или оглашает парк, как и сейчас, громкой, характерной песней.

Сегодня-то, в пору любви, подобно юле вспархивает над деревьями вверх и, вона гляди, с песнями плавает, купается в лучах солнца и опять садится. И Марыся аж руки растопырила к небу, такое особенно хорошее ее пение понеслось, а рано утром и вчера на вечеру зеленуха ходила по низу у них по двору, кормилась старыми семенами сухих трав и всякими мелкими насекомыми; грустно теребила прошлогодние иссохшие черные ягоды можжевельника, как воспоминание о сладком прошлом и мечтание о будущей осени.

Тут, в саду, Марыся увидела на обратной дороге, как зеленуха отмеряла гнездо на облупленной старой груше, невысоко, аршина три от земли, у ствола на развилке толстого сука. Материал пользовала обычный: тонкие сухие стебельки и корешки травы с прибавлением мха и лишая; снаружи стенки гнезда грубее, внутри из более мягкого материала, а самое сиденье, чашечкой, мягко выстилается шерстью животных, растительным пухом, перышками и конским волосом...

— Зеленуха, — посмеивалась Марыся, конечно же, очень красивая птица.

— А какова пара, — миловалась вслух на прелестного желто-зеленого цвета, что майские листья акации, с ярко-желтыми зеркальцами на серых крыльях и на хвосте самца. — Клюв сверху светло-серый, снизу тельного цвета, ноги светло-бурые. — А она, только гляньте, — говорила на дерево, — неприступная, строгая, значительно серее, в общем зелено-серая, в яркой окраске платья... Это она-то и сядет на будущее гнездышко четыре-пять яичек, чуть зеленовато-белого или голубовато-белого фона, с разными грязно-фиолетовыми с ржавчинными пестринками, скученными на тупом конце, высидит под опекой друга, что всегда рядом распевает ей свою песенку. После молодые полухвостиками поныряют в молодых травах во середине теплого мая, держась кучкою поблизости гнезда, ревностно охраняемые родителями и вскармливаемые насекомыми, а затем преимущественно семенами...

* * *

...Так час за часом завершался день. Солнце слабело напряжением и медленно продвигалось к закату. Марыся долепила последнюю жаровенку жаворонков, поставила в печь, а сама села у края стола под форткою помазать хлебных птиц сладким раствором масла. Жизнь за окном становилась тишей и прохладней.

На Марысю, сидя на ветке вишни, прощально, не таясь, печаловался не складный, больше снегиря щур, слегка разинув верхнюю челюсть клюва с сильным погибом и спущенную небольшим крючком. Малиново-красные перья, хотя и ярче на голове и груди, уже не горели в солнце совсем, как и весь низ, а также крылья и хвост темно-серого цвета.

Близкий родственник снегиря, сильно и светло, волнисто свистал, напоминая юлины песни. Длинно ли коротко, вроде позыва, на последнем слогое накриком против начального свиста собственной песни, обыкновенно исполняющимся почти слитно один с другим. Выходила весьма красная свистовая симфония, с разноцветьем тонов, подобно юле. Если перевести на человеческие слова, то высвистывалась: влю-влю-влю-влю-влю-вливли... или фили-фили-фили-фли-фли-фли... — прозрачными звуками с понижением в конце, затем: фифи, фи! фи!.. — Позывы щура: ирли!.. — громко, или: фю-ю!.. — как свисток машиниста. Кроме того, в песню вставлялась копировка пеночки — по всему выходило, что щур решил улетать на север, прощался и плакал.

Марыся слушала песнь птицы, смотрела глаза в глаза, и слезы с ее лица скатывались на румяненные глазурированные спинки жаворонков. Она даже не знала, а знакомы ли были оне прежде со щуром, но расставания ей не желалось, до того верно пел он общему настроению ранней весны.

Где-то вдали, за левадами, за Большаком, за старыми аллеями лип свистнул поезд на Абиссинию, и далее стучали колеса, садилось за лес солнце,

а напротив него, медленно шаркая по небу, плыла павою лиловая луна над дымками хат. Под забором гомонили гуси, и им вторили утки, подталкивая индюков с прохода ворот...

Марыся долго, поклон за поклоном творила перед Красными образами правило по памяти. Затем, держа свечу, прочитала три кафизмы, ей показалось, что мало, и она пропела в ночи акафисты Спасителю, Богородице, святителю Николаю. Ножки болели. Но духом окрепла и спать не хотелось, отчего села на покути под форткою, чтобы полистать листовочку. Прошла круг пятидесятницы, спела «Отче наш...» и «Богородице, Дево, радуйся...», затем еще и еще, и еще, как на край фортки не сел, а прямо-таки стал сильными, неоперенными ногами, едва не оборвав створку, томленный почтовый, тяжело вздыхая «Фу-фу-фуурь!», — белый, как лунь, останкинский Лариосик, впитавший в себя лучшие черты чаечек и драгунов, зорко посмотрел на Марысю своими огромными быстрыми глазами, подсвеченными луною, но затем вдруг жалостливо повертел клювом, указуя, что удивительно для покояности ночи, на грязно-красное неуклюже поставленное правое крыло...

— Лариосик, — вскрикнула, протягивая к птице обомлевшая Марыся руки, — что с тобою...

— Уу-ур, — иными словами, по-человечьи: «Тише», — ответил почтовый и сдался на руки хозяйке, как бы сразу приветствуясь: С Сороками...

В холодных руках Марыси пылавший жаром Лариосик напугал ее. Беспокойство и тревога объяли ее. Перья птицы были изрядно вырваны по всему телу. Спекшиеся комки крови свисали по крылам, а кончики коготков сукровились. Лариосик никак не реагировал на растерянность хозяйки, а только клювом указывал на привязанное к ноге письмо.

— Лариосик, миленький, — запричитала Марыся, — откуда ты и что с тобою сталося?

— Уу-ур, — так же иными словами, по-человечьи: «Тише», — повторил и даже весело: С Сороками, с Сороками...

Марыся в темноте, при синем свете лампадки, отвязав письмо, перво-наперво обмыла птицу и стала с руки кормить еще теплыми жаворонками, приговаривая: «И тебя, Лариосик, и тебя с Сороками...»

— Ур-ру-ур, — так же иными словами, но уже по-человечьи: «Ты читай, читай...», — говорил и уважительно: Он те тоже с Сороками ...

И она читала шепотом:

«Мир тебе, родная Марыся, и Богу нашему слава! — губочки ее задрожали, глазоньки захлопали, а Лариосик, напротив, ожил в подоле, зашевелился и как-то удивительно бодренько задрал клюв радостный горе. — Знаю, что утром понесешь раздавать жаворонков в город, — Марыся аж откинулась спиной на холодную глину стены в изумлении, но читала дальше. — Верно, вижу, хорошие вышли жаворонки, как у нашей мамы. Только ты понапрасну их в старании сладким маслом помазала... — и тут она вовсе заплакала-запричитала: «Господи, да что ж это такое?» — однако собралась и после читала внимательно. — Но ты не отчаивайся, потому как сказано, что не то, что в рот, а что изо рта. Я прямо вижу с высоты Востока, как наша мамочка-крохотулечка рано-рано спешно напяливает дошку, оттого что утра у нас на Иордане еще мокрые и стылые, кутается шалью, часто-часто многажды крестится и губками беспрерывно строчит: «Господи, помилуй мя грешную...», — а мы, с печи, дремотные, пялимся и не понимаем, в чем

же она, такая тихая и кроткая, грешная, а ее уже и нет, и мы себе безмятежно спим, а она после всего идет себе по левадам, пешочком, минуя Абиссинию, по болотам прет соломенную кошелку и поет: «Царице моя Всеблагая, Надеждо моя, Богородице!...» — а затем вернется, кошелка пустая, и она радостная-радостная, прямо сияет. Мы и то, и это, мол, она радостно: «Ничего, деточки, ничего, вот я сейчас еще Марусе и Наденьке жаворончков отнесу, нехай и оне порадуются...» — а уполномоченные уже в хате, а она знай свое: «Митрич, ты посиди, я счас, только жаворонков девкам снесу... Попей кваску и жаворонков покушай, а я счас...», — и он сидит сколько-то и правда квас пьет и жаворонков наяривает, а потом и скажет: «Ну, детки, пойду я. Спасибо Верке за булочки», — и пойдет. Мама вернется радостная, в подоле кулички от Надежды и колобочки от Марии...

Красивая наша мамочка, и ты, Марыся, тоже красивая и добрая.

Лариосик тебя напугал. Не отчаивайся. Это правда, крепко ляхи его пощипали. За ними теперь большой гон по всему миру пошел, совсем люди потерялись в безбожии, голубей на кордонах в отстрел пустили... Били Лариосика веревкой и стреляли влет, но нашего почтаря их католическим неприличием не возьмешь: он наш, иорданский! Сильно над ним не убивайся — он мне здесь нужен, — понесешь раздавать жаворонков и его отпускать: он надежный, за нашу любовь живет ко Господу, чистый Севастиец стал. С ними отправь и мне жаворончка, пошли в утешение, а себе сними с левой ножки почтаря колечко второе — это тебе благословение святой великомученицы Екатерины от святой обители Синайской.

Обо мне: Бог знает, что делает. Хочет, чтобы мы все спаслись. Все святы спасались терпением.

Праведного Иова знаешь?

С тем кланяюсь низенько и прошу святых молитв, грешный раб Божий Ваня.

Пой, Марыся, пой!»

Марыся даже засмеялась на последнем предложении. Лариосик тоже гоголем запел:

— Ур-ур-ур-ру-ру-ру, — так же иными словами, но уже по-человечьи: «Царице моя Всеблагая, Надеждо моя, Богородице!...».

— Царице моя Всеблагая, Надеждо моя, Богородице!.. — вторила ему Марыся, встав с места, и стала аккуратно складывать в мамину соломенную кошелку жаворонков...

* * *

...В дубраве Марыся услышала редкое, непривычное для Абиссинии неожиданно радостное, пронзительно сильное и чистое, из ударных и коротких свистовых слов пение дубровника. Он прилетел сюда совершенно не по правилам, потому как по ночам еще оставались заморозки и луга еще не поросли для него ни травой, ни конским щавелем... Да и кусты тальника, на которых обыкновенно восседает на вершинке и поет дубровник, лишь прояснились своим будущим подобием. Вот и сейчас, вместо новых трав он оседлал камышанку.

Так Марыся и разглядела в ранних лучах восходившего солнца его коричневое оперение. Горло, грудь и низ до ног желтого цвета, хвост почти белый, но на груди еще вверху коричневый крест.

— Как же не радоваться милости Божией и не петь «Алилую», — размышляла Марыся, входя в храм, — когда даже зяблик ее поет, только через запятую и часто.

В радости Марыся пропела всю литургию и праздничный молебен. Раздала жаворонков городским прихожанам, приговаривая:

— С праздником, дорогие, вот жавороночек к вам прилетел, — стоя на паперти, отчего многие прихожане полагали, что это батюшка поставил блажененькую отдариваться по случаю ослабления на день строгого Великого поста, и потому старались еще торжественней благодарить Бога.

— Вот и вам, крохотулечки, досталось, — протянула откуда-то выбежавшим ребятишкам остатние, но какой-то никем не слышанный зов обратил взгляд Марыси на небо, где раз за разом прокружил над храмом отбывавший к Ване Лариосик. — Лети, родной, лети. Неси Ванечке наших жавороночков: он ждет, — прижала к сердцу кошелку, побрела в ворота и запела:

— Царице моя Всеблагая, Надеждо моя, Богородице!..

Лариосик возвратился, низенько над головою Марыси прошел и тоже пропел свое:

— Ур-фур-уу-уу-ур-фур, — так же иными словами, но уже по-человечьи: «Пой, Марыся, пой!»

3

...В каменно-железной расщелине, по ту сторону красно-бурого Синая, в сажени от пещеры Лота Ваня молча кормил почтового. Он давно жил молча. Так уж вышло, что, оставшись после войны, унесенный ветром войны из Эдема Месопотамии на западный берег Иордана, он поселился вблизи Сафи, где Лот с дочерьми нашел приют в пещере после того, как Богом был разрушен Содом. Мало встречался и жил с людьми, сторонился людных мест, но, по ведомой лишь Господу причине, не вернулся на Родину. Здесь Ваня жил вдали от потока и потому в дни дождей он не знал предела своей радости. В грязных течениях и водопадах по отвесным стенам гор он слушал сводный хор пустынного течения Евфрата и Тигра, подслеповато вглядывался сквозь непроглядность серо-желтого тумана Мертвого моря в источенный девятью ветрами соляной столп, в который превратилась Лотова жена, нарушившая повеление Господа не оглядываться при бегстве из Содома. Пещеру давно облюбовали палестинские христиане, окружили монастырскими постройками, византийским храмом с мозаичным полом...

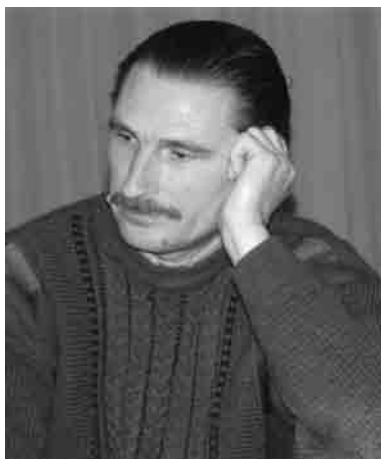
Затем картинка сменялась слиянием музыки Южного Буга и тяжелого, ревучего, как поток Моисея над Акабой и Петрой. Вблизи Акабы, в пещерах каменоломни, в церкви святого Иоанна времен императора Константина жил его давешний знакомец о. Феофил, а в Петре, в громаде монастыря Дейр жил странник Григорий из Бар, каждодневно молившийся за весь мир на гробе Аарона, сродника Моисея, куда подолгу смотрел Ваня, листая листовку...

Так и теперь, за тем же занятием села ему на плечи почтовая пара.

Ваня не дрогнул.

— Примчали, милые, — сказал им, трижды облобызался с почтарами по христианскому правилу, — радости мои.

ПОЭЗИЯ

Сергей ОВЧАРЕНКО

«...ВРЕМЯ РАН ТАКИХ НЕ ЛЕЧИТ»

Сергей Георгиевич Овчаренко — родился в 1953 г. в Евпатории. Окончил Севастопольский приборостроительный институт. Инженер-судомеханик. Поэт. Член Национального Союза писателей Украины (с 2003). Член Союза писателей России (с 2009). Лауреат премии им. С. Э. Дувана (2004), премии АР Крым (2008), всероссийской премии им. Николая Гумилева (2009) и др. Председатель Евпаторийского клуба любителей поэзии, один из учредителей Евпаторийского культурно-просветительского общества имени Анны Ахматовой. Автор 7 поэтических книг. Живет в Евпатории, Украина.

* * *

Ты знаешь, мама, я не воевал,
Меня ты родила под мирным небом,
Я под Москвой в снегах не замерзал
И на дуге под Курском тоже не был.

Мне не пришлось решаться на таран,
Брать «языка»

и бить прямой наводкой,
Наматывать дороги разных стран
На гусеницы грозной самоходки.

И все же от начала до конца,
Храня запас свой неприкосновенным,
Я прошагал за памятью отца
Его маршрутом тех часов военных.

Лесами шел и брел среди степей,
И гнал врага с земли что было силы,
И хоронил, и хоронил друзей —
От Киева до Вены их могилы.

Боль тех потерь вдруг остро испытал,
Хотя давно Победы реют стяги,
И за друзей отца довоевал,
И даже расписался на Рейхстаге.

ЖУРАВЛИНОЕ СЧАСТЬЕ ВОЙНЫ

Сквозь дымы и пожарища адские
Все летят по просторам страны
Треугольные письма солдатские —
Журавлиное счастье войны.

Где ж вы были?

Заждались вас матери
В веренице бессонных ночей,
Уж давно накрахмалены скатерти
Для приема желанных гостей.

Дед в залатанных
стареньких валенках
День-деньской, опершись на ключок,
В ожиданье сидит на завалинке,
Глядя вдаль: не идет ли внучок?

Ах вы, белые письма-журавлики!
Вы в каких затерялись краях?
Неужели Ванюшки да Павлики
Все легли на кровавых полях?

Принесите хоть малую весточку,
В ней — три слова:

«Я, мама, живой!»

Нет известий, и сына невестушка
Овдовела, не ставши женой.

И хранится в углу за иконою,
Над лампадкой —

нет места светлей —

Вместе с мужниною похоронкою
Фотография двух сыновей.

Охрани же сынов, Богородица!
Дай им силу родимой земли,
Сделай так,

чтоб, как с давности водится,
Возвратились домой журавли.

МНЕ НЕ ЗАБЫТЬ

Убитого мной первого врага
Мне не забыть. Стелился дым по лугу,
Горели подожженные стога...
Мы шли неумолимо друг на друга.

Хрипел «В атаку!» взводный командир...
С тех пор уже прошло почти полвека,
Но помню, как притих вокруг нас мир,
Ведь я убить был должен *ЧЕЛОВЕКА*.

Наверное, его любила мать
И за него молилась каждый вечер,
Но он хотел меня завоевать,
Тот рыжий немец, шедший мне навстречу.

Я помню, как кривил ухмылкой рот
Противник мой, он явно не был трусом,
Как лезвие штыка ему в живот
Вошло с каким-то непонятым хрустом.

Как он по-бабьи тоненько кричал,
Захлебываясь выступившей пеной,
А я, пацан, не выдержав, блевал,
Чужою кровью пачкая колени.

Потом был Курск и Вислы берега,
Мы становились опытней и старше,
Но ясно помню первого врага,
И как его убить мне было страшно.

* * *

В дождь и снег, без жалобы и стона
Приунывшим без вестей дворам
Разносили в сумках почтальоны
Горе и надежду пополам.

Мерили ногами километры,
Жизней груз тащили на ремне,
Верили, что не до геометрий
В этой затянувшейся войне.

Формула ж простая, случай частный,
Выведена раньше всех побед:
Треугольник — это символ счастья,
А прямоугольник — символ бед.

Почтальону — ругань и улыбка,
Самогон да из крапивы щи...
— Нет письма?

А может быть, ошибка?
В сумке хорошенько поищи!

Радовались письмам треугольным,
Плакали от строчек дорогих

И твердили родичам довольно:
— Слава Богу, жив! Хоть без ноги!

Текст подслеповатый из конвертов
Сразу бил наотмашь да под дых:
«Муж ваш... Сын ваш... Брат...
Геройской смертью...
Больше не увидите вы их...»

Почтальонша шла
по льдинкам тонким,
Думая о собственной судьбе...
Год назад такие похоронки
Дважды принесла сама себе.

КУКУШКА

Целый день идем мы без привала,
Топь кругом да ржавая вода...
Тут кукушка вслед закуковала,
Начала отсчитывать года.

За полста намеряла плутовка,
Дальше, сбившись, бросил я считать,
Только полегчала вдруг винтовка,
Стало как-то веселей шагать.

Милая лесная ворожея,
Как же ты уважила меня!

Значит, не сидит еще в траншее
Смертушка костлявая моя?

Значит, не отлили еще пулю
Для моей кудрявой головы?
До конца, выходит, довоюю
Этой нескончаемой войны!

Тишину еще разок нарушь-ка!
Предстоят тяжелые бои...
Нагадай, прошу тебя, кукушка,
Долгих лет товарищам моим!

* * *

Мы звереем, идя в штыковую,
Кровь, вскипая, стучится в виски...
Не сдаются враги ни в какую?
Будем бить их и рвать на куски.

Наконец-то пришел день расплаты,
Не спастись им, идем мы «на вы»
За страну, за сожженные хаты,
За телами забытые рвы.

Рядом с нами — убитая юность
И распятая в муках любовь,
За друзей, что вчера не вернулись,
В душах наших застывшая боль.

Вот нас сколько встает из траншей
До победного драться конца.

Холодок ощущаю на шее
От скользнувшего мимо свинца.

Человечность отложим до срока,
Только ярость на острых штыках...
Ну а книжки любимого Блока
Пусть побудут пока в вещмешках.

Лишь в часы небольших передышек
Из солдат и сержантов лихих
Превращаемся снова в мальчишек
И читаем друг другу стихи.

И ночами о доме тоскуем,
Но, тоску спрятав в детские сны,
Мы звереем, идя в штыковую,
По суровым законам войны.

ГУ-ГА

Полк безрезультатно третий день
Штурмовал, редея на морозе,
Высоту 12—47,
На пути торчащую занозой.

Захлебнувшись, залегла в траве
Вновь многострадальная пехота,
Но к десятке туз есть в рукаве:
Ждущая в тылу штрафная рота.

Финки в голенищах кирзачей,
С мертвеца, возможно, снятый ватник...
Шулеров, жиганов, скокачей
Поведет в бой бывший медвежатник.

Некому и незачем считать,
Сколь у них на всех на зону ходок.
Здесь они пришли отвоевать
Для себя и Родины свободу.

Муторно, и лупит страх под дых,
Артобстрел врага — пока цветочки...
ППШ — один на семерых,
И надежда только на заточки.

Вот фугас, шрапнель, еще фугас...
Триста двадцать метров — дело плево!
Все, пошли, и громкий крик «Гу-га!»
Полетел вперед звериным ревом.

Пулемет без усталости строчил,
Выбил фрицев полк и начал гнать их,
Но легли на склонах скокачи
И вожак их — бывший медвежатник.

Ту высотку снегом занесла
Вьюга, разыгравшаяся ночью,
Ну а речка унесла тела
Всех освободившихся досрочно.

* * *

Жгут воспоминания мне грудь,
Даже время ран таких не лечит...
Миру тот субботний летний вечер
Как бы я хотел сейчас вернуть.

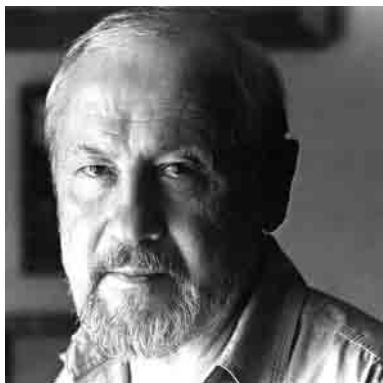
Чтоб остались с женами мужья
И, любя, детей растили статных,
Чтоб не уходили безвозвратно
Ратною дорогой сыновья,

Чтобы жили те, кто на войне
В землю лег, пока Отчизна крепла,
Те, кто превратился в кучки пепла
Во всепожирающем огне,

Чтоб пятном коричневая тень
Не вставала пред родным порогом,
А июньский день двадцать второго
Начался как *ПРОСТО* летний день.

Родная РѢЧЬ

Юрий ЛОЩИЦ

«А СЛОВЕНЬСКИЙ ЯЗЫК И РУСЬСКИЙ ОДНО ЕСТЬ»

Юрий Михайлович Лошиц — родился в 1938 в селе Вале-гоцулово (ныне Долинское) Одесской обл. в семье кадрового военного. В 1962 году окончил филологический факультет МГУ. На протяжении многих лет работал корреспондентом, литсотрудником, редактором в различных литературных журналах и издательствах. Секретарь правления СП России, лауреат многих литературных премий. **Живет в Москве.**

Старославянская, а с нею и древнерусская письменность рождением своим обязаны Священному Писанию.

Казалось бы, это азбучная истина, доступная сегодня пониманию каждого ученика воскресной школы. Но дело ведь не только в буквенном устройстве, предпринятом двумя византийцами-славянофилами в середине IX века по Рождестве Христовом. Дело не только в азбучном каноне, то есть в некоторых художественных и технических усилиях для передачи звуков и смыслов на пергаменте, а позже и на бумаге. Что неизмеримо важнее, славянская, а значит, и древнерусская словесность именно тогда же посредством буквы ясно обозначили себя и в духе. «Житие святого Кирилла Философа» содержит драгоценное на эту тему свидетельство. Мы привыкли к облику евангельских книг в канонической последовательности: Матфей, Марк, Лука, Иоанн. Но первоочередная нужда была тогда в Евангелии богослужебном, годовой цикл которого открывается не Матфеем, а Иоанном, потому что заглавное чтение годового литургического цикла — то, которое возглашается в ночь Пасхальной заутрени. Вот почему агиограф и сообщает: самыми первыми строками славянского перевода стали начальные стихи из первой главы Евангелия от Иоанна: «Искони бе Слово, и Слово бе от Бога, и Бог бе Слово, се бо искони у Бога».

Разве не удивительно, что славянская звучащая речь к этому часу своего воплощения на письме пришла вполне подготовленной $\Theta\epsilon\acute{o}\varsigma$ — Бог. $\Lambda\acute{o}\gamma\omicron\varsigma$ — Слово. $\text{E}\nu\ \alpha\rho\chi\eta$ — В начале. Или как предпочел перевести Кирилл: искони. И конечно, на своем достойном месте оказался тут и наш величайший из всех глаголов труженик — глагол

бытия: быть, в начале было, искони бе... А далее: ζοη — жизнь, φος — свет, σκοτια — тьма, άνθρωπος — человек, ὄνομα — имя, κόσμος — мир, ἀλήθεια — истина, δόξα — слава, νόμος — закон, χάρις — благодать, она же доброта, она же любовь.

Как видим, на все самое сущностное о смысле бытия Божьего и человеческого славянская речь дала переводчику свои незамедлительные достоверные ответы. Значит, у этого мира, еще почти повсеместно языческого, уже был в распоряжении свой священный лексикон, свои встречные предложения, свои непогрешимые аналоги. Солунские братья, выросшие в славянской среде, заранее знали о высоком качестве предстоящего им диалога. И все равно восхищение встречной богومудростью славянской речи, любование ее громадными способностями для самовыражения животворят каждую страницу их переводческих трудов.

Стоит вспомнить суждения на этот счет нашего выдающегося лексикографа академика Олега Трубачева из его книги 90-х годов прошлого века «В поисках единства». Ученый обратил внимание на то, что просветителям славянства при переводе с греческого богослужебных книг, к счастью, пришлось иметь дело с уже готовой в недрах славянского мира, его дохристианских языческих культов богословской лексикой. «Позволителен вывод, — замечает Трубачев, — о ядерном, базовом и наиболее частотном употреблении терминов, взятых христианством у старого, дохристианского культа: *святой, вера, бог, рай, дух, душа, грех, закон* и некоторых других. Отныне то, что веками и даже тысячелетиями служило старой вере (а, например, слово *бог* оформилось как религиозное, вероятно, под иранским влиянием еще в скифскую эпоху, то есть по меньшей мере за тысячу с лишним лет до Крещения Руси), стало служить новой вере во Христа, в искупление и загробное блаженство».

Это был великий экзамен для славянского мира, и он начался со строгой проверки на точность, адекватность в осмыслении самых сокровенных богословских, христологических принципов греческого Священного Писания.

Не по ошибке и не по недоразумению первый литературный язык славянства рассматривается здесь одновременно и как начало собственно древнерусской письменной традиции. Таково наше старое, можно считать, изначальное духовное самоопределение, четко прозвучавшее еще в «Повести временных лет»: «...Словеньску языку учитель есть Павел, от него же языка и мы есмо русь, тем же и нам руси учитель есть Павел, понеже учил есть язык словенск... А словеньский язык и русский одно есть».

О том, что такое самоопределение оставалось неколебимым на протяжении веков, свидетельствует и Русский Хронограф 1494 года: «Еще послан бысть Константин в Мораву Михаилом Царем, Моравскому князю просившу философа, и тамо шед, научи Мораву и Ляхи, и Чехи, и прочая языки, и веру православную утверди в них, и книги написав им Рускым гласом и добре научив...»

Более того, автор Хронографа твердо отстаивает русское происхождение славянской грамоты и когда обращается к более раннему событию, описанному в Житии Кирилла. Речь идет о посещении братьями Корсун византийского Херсонеса в 961 году: «...А грамота рускаа явилася, Богом дана, в Корсуну русину, от неяже научися философ Константин, и отуду сложив и написав книги русским языком...»

Это тот самый житийный эпизод о «русских письменах», достоверность которого неоднократно подтверждали в своих выводах известные слависты XIX и XX веков, не только отечественные, но и зарубежные. Но этот же эпизод в XX веке послужил и камнем преткновения для многих исследователей. Начало положили Роман Якобсон и французский славист Анри Вайан. Смысл их аргументации таков: никаких Евангелия и Псалтыри, писанных русскими письменами, братья в Херсонесе увидеть не могли, налицо явная небрежность переписчика жития, который-де вместо «сурские», то есть «сирийские», прочитал в оригинале и воспроизвел в своей копии «русские». «Сирийская» версия Якобсона–Вайяна долго не продержалась. Как и всякий гиперкритический вирус, она породила ряд иных толкований, не менее поверхностных. К счастью, страсти давно поулеглись, исследователи возвращаются к проверенным веками концепциям, о чем свидетельствует и мнение игумена о. Иоанна Экономцева о «русском диалекте» изученных братьями в Крыму Евангелия и Псалтыри (см. его статью «Византизм, Славяне и Россия»).

Вообще на сегодняшний день уже наметился явный отказ от представлений о едином славянском дописьменном языке эпохи Кирилла и Мефодия. И не только потому, что в Болгарии именуют его «старо-болгарским» и настаивают на том, что старо-болгарский простирается от Ядрана (т. е. Адриатического моря) до Тихого океана. И не только потому, что в соседней Македонии этот же самый язык именуют «старо-македонским» и также настаивают на его распространенности от Ядрана до Тихого океана. В чешской, хорватской, словацкой и словенской ученой среде преобладает мнение о «паннонском», то есть центрально-европейском происхождении старославянского языка. За этими неутихающими пробами национализировать кирилло-мефодиевское наследие, как бы наивно они иногда ни выглядели, на самом деле стоит картина исторической мозаичности славянских наречий и диалектов IX века. И хотя у нас нет достоверных письменных источников, подтверждающих такую мозаичность по отношению к Кирилло-Мефодиевской эпохе, нехватка документированных подтверждений не без успеха компенсируется с помощью исторических аналогий.

Чтобы представить себе эту многодиалектность современного им славянства и всю громадность и рискованность задачи, за которую братья через время примутся, создавая литературный наддиалект, можно прибегнуть к следующей исторической аналогии (по времени она, пожалуй, наиболее близка к IX веку).

Для этого надо вспомнить... Данте. И перечитать его трактат «О народном красноречии», написанный в первом десятилетии уже XIV столетия. Аналогия с Данте хороша тем, что, несмотря на, казалось бы, очень большую историческую паузу, великий итальянец описывает, в сущности, такую же картину диалектной пестроты народного языка (в данном случае итальянского), с какой встретились солунские братья, по мере погружения в языковую стихию славянского мира. А кроме того, Данте, как известно, — один из трех создателей итальянского литературного языка, *volgare*. То есть перед нами писатель с таким же законодательным авторитетом, каким за полтысячи лет до него обладали Кирилл и Мефодий.

Естественно, что, говоря о причинах языковых чересполосиц на карте современной ему Европы, Данте вперяет свой взор на Восток: «Итак,

в упорстве сердца своего возомнил нераскаянный человек, по наущению великана Немврода, превзойти не только природу, но и самого зиждителя — Бога — и начал воздвигать на земле Сеннаар, названную впоследствии Вавилон, то есть смешение, башню, в надежде достигнуть неба и, вознамерившись, невежда, не сравняться, но превзойти своего Творца...»

Еще современник солунских братьев, византийский историк Георгий Амартол, описывая всемирные последствия вавилонской катастрофы, назвал три большие языковые группы, расселившиеся по континентам, — наследников Сима, Хама и Иафета. К иафетическим народам византиец, а вслед за ним и авторы первой древнерусской летописи — «Повести временных лет» отнесли языки народов, расселившихся в Европе.

Данте с незаурядным для своего времени лингвистическим тактом выделяет на европейской карте греческую, романскую (итальянцы, французы, испанцы) и северную (наспех зачисляя в нее и славян) языковые зоны иафетических народов. Но уж конечно, с великолепным знанием дела описывает языковую мозаику собственно итальянских наречий и говоров. Это свое лингвистическое описание он предваряет очень живописным географическим:

«Итак, начнем с того, что Италия разделяется на две части — правую и левую. А на вопрос, где проходит черта раздела, мы кратко ответим, что по хребту Апеннина, с которого, точно с глиняного конька кровли, льется вода по противоположным желобам, струясь по длинным водостокам... с правой стороны идет сток в Тирренское море, а с левой спускается в Адриатическое... И на той, и на другой стороне, и в областях, к ним прилегающих, языки людские отличны; так, язык сицилийский отличается от апулийского, апулийский от римского, римский от сполетского, а этот от тосканского, тосканский от генуэзского, генуэзский от сардинского, равно как калабрийский от анконского, этот от романьольского, романьольский от ломбардского, ломбардский от тревизского и венецианского, а этот от аквилейского, и тот от истрийского. Мы думаем, никто из итальянцев не будет с нами в этом несогласен. Таким образом, одна только Италия разнится, очевидно, по меньшей мере четырнадцатью наречиями. Кроме того, и внутри всех этих наречий есть различия, как, например, в Тоскане между съенским и аретинским, в Ломбардии между феррарским и пьяченским; да в одном и том же городе мы обнаруживаем некоторое различие... Поэтому если бы мы захотели подсчитать основные, второстепенные и третьестепенные различия между наречиями Италии, то и в этом крошечном закоулке мира пришлось бы дойти не то что до тысячи, но и до еще большего множества различий».

Поразительная картина! Ее мог создать только автор, наделенный совершенным лингвистическим слухом. Но что Италия, что XIV век! Даже в сегодняшней России, разутюженной вдоль и поперек теле-радио-газетным масскультом, можно еще обнаружить не менее впечатляющую картину обилия чудом уцелевших народных говоров, за которыми стоит великолепное диалектное упрямство их носителей. Приедем в Белоруссию и увидим то же самое: рядом с литературным, законодательно вечаемым из центра белорусским, рядом с обильно звучащим русским (по чьим-то понятиям, явная русификация!) спокойно живут многочисленные диалекты.

Неужели же из этой современной сложности и пестроты можно заключить, что в эпоху Кирилла и Мефодия на громадных пространствах славян-

ского мира существовал единый, простой, как перст, славянский язык, и для него лишь оставалось изобрести азбуку, чтобы тут же засесть за переводы книг? И неужели создатели единого общеславянского литературного языка ограничивали свою задачу лишь тем, чтобы затвориться в пределах одного какого-то диалекта (старо-болгарского, старо-македонского или старо-моравского)?

К тому же этнографическая карта их осведомленности в славянском мире к нашим дням заметно пополняется. Надо ведь иметь в виду и многолетнюю подготовку братьев к переводам, пришедшуюся на их пребывание в монастырской республике Малого Олимпа, где рядом с ними подвизались не только греческие, но и многочисленные славянские монахи из самых разных краев тогдашней Славии. Заслуживает внимания недавно опубликованный средневековый реестр славянских городов и населенных мест Европы, который, по мнению автора книги «Древняя Русь на международных путях» Александра Назаренко, относится именно к деятельности моравской переводческой миссии. В русинском Закарпатье существует устойчивое предание о том, что древнейшие монастыри этого края, такие как Уголька, навещались или самими братьями, или их первыми учениками. Да и знакомство со славянами Восточной Европы, как мы знаем, вовсе не ограничивалось пребыванием братьев в Тавриде и Хазарии.

Литературный язык славянского средневековья, записанный ими, безусловно, относится к наддиалектам. Это язык собирательного, обобщающего типа, каким, в сущности, и положено быть любому литературному языку.

Замечательной особенностью этого литературного языка можно считать то, что он почти одновременно был записан не только в переводах богослужебных книг, но и в корпусе самых первых славянских житийных памятников. Это, прежде всего, Пространные и Проложные жития Кирилла, Мефодия, а затем и их учеников. Уникален и трактат-апология Черноризца Храбра о том, как на его веку создавалась новая письменность Европы.

К чести болгар, эти житийные памятники открывают любую хрестоматию, учебники по истории болгарской литературы. Такое же ревнивое отношение к первоисточкам своей письменной традиции найдем у сербов, у тех же македонцев.

Но полистаем русские вузовские учебники, наши исторические хрестоматии. Как и в советские времена достойных учебников Гудзия и Кускова, эти пособия открываются памятниками XI–XII веков: «Повестью временных лет», фрагментами из «Слова о Законе и Благодати» митрополита Иллариона. Слов нет, достойнейшие, выдающиеся литературно-исторические и богословские монолиты! Ими сочла бы за честь гордиться любая литература Европы. Но разве жития святых Солунских братьев, написанные еще в IX веке, — не такое же достояние древнерусской культуры, как жития Бориса и Глеба, Феодосия Печерского? Как же мы до сих пор расточительны! В том числе и по отношению к нашему прямому наследию. Достаточно напомнить, что древнейший список Жития Мефодия, включенный в знаменитый Успенский сборник конца XII — начала XIII века, сберегается на Красной площади, в заветном сейфе Государственного Исторического музея. Более того, все до единого сохранившиеся в мире древние списки житий Кирилла и Мефодия пребывают на почетных местах именно в русских книгохранилищах, нигде более. Но вот в современных хрестоматиях

древнерусской литературы этих житий нет как нет. В учебниках гуманитарных вузов, духовных академий и семинарий их тоже нет. Буду рад, если мою неосведомленность поправят.

В наши дни все как-то побаиваются слова «передатировка». Не потому ли, что за ним витает тень пресловутого академика-передатировщика всей не только русской, но и мировой истории.

Но ведь я-то предлагаю не сокращать историю, а увеличивать объем нашей духовной и культурной памяти, причем увеличивать только в пределах достоверного и самоочевидного. В пределах того, что принадлежит судьбе восточно-славянского мира, Древней Руси, а значит, и нам по праву.

Когда-то видный славянофил первого поколения Степан Шевырев написал в своей «Истории русской Словесности»: «Живое слово Кирилла и Мефодия через многие столетия действует опять в тех народах, у которых оно зачалось и так долго оставалось безжизненно. Но нигде оно так постоянно не действовало, как у нас в Отечестве. История Славяно-церковного языка неразрывно связана с историей языка Русского» (СПб, 1887, с. 90).

Из двадцатого века Шевыреву вторит крупнейший знаток кирилло-мефодиевского наследия Петр Лавров: «Мы, русские, особенно прочно обогатились элементами церковно-славянского языка, потому что, приняв его как книжный язык, неразрывно сплотили его с родным в своем литературном языке, и нет другого славянского языка, в котором бы в настоящее время оставалось столько элементов старославянских, как в нашем».

Послушаем и современного греческого автора Антония-Эмилия Тахиаоса: «Великое дело просвещения славянских народов началось с города, в котором родились святые Кирилл и Мефодий и где была написана настоящая книга. Дело их осуществилось в России, можно сказать, в наиболее законченном и совершенном виде».

Это ли не прямые переклички с автором «Повести временных лет»: «А словенский язык и руський одно есть».

Николай РАЧКОВ

КОЛОКОЛА МИХАИЛА ЧВАНОВА

Николай Борисович Рачков — родился в 1941 году в селе Кирилловка Арзамасского района Горьковской области. Окончил историко-филологический факультет Горьковского пединститута. Автор многих поэтических книг. Секретарь Правления Союза писателей России, лауреат «Большой литературной премии России», Всероссийской премии имени А. Твардовского, премии «Ладога» им. А. Прокофьева. Живет в городе Тосно Ленинградской области.

«Сплошные гоминоиды, с похмелья, с конопли трясет... Вы все уже давно дисквалифицировались, вместо женщины у вас теперь бутылка. Скоро бабы от вас рожать перестанут. Одна надежда на «снежных мужиков». Полстраны проехала — и порядочного мужика нет, замуж вот выйти не за кого. Алкаш на алкаше, алиментщик на алиментщике, психованные все какие-то, полубабы, мужик с мужиком уже жить начали...»

Это рассуждает Ленка, героиня из рассказа Михаила Чванова «Осень в дубовых лесах». Почти тридцать лет назад написан рассказ, а как будто о сегодняшнем дне. Ничего не изменилось, еще хуже стало. Автор бьет в самое больное, в самое главное — исчезает в народе бывшая внутренняя сила, растворяется сам народ, распыляется, и нет этому злу никакого укора. За сердце хватаешься: до какого же осквернения доведена жизнь, как низко пал человек, что же дальше с нами, с русской нацией, станется? Страшнее всего то, что автор ничего не выдумывает, он просто изображает слепок жизни, той жизни, в которую опускается народ — наследник великой славы, воинской и трудовой, переживший столько бедствий и горя, что от другого на его месте и следов бы не осталось.

Я перечитал обе книги рассказов и повестей Михаила Чванова «Мы — русские?..» и «Вверх по реке времени» (к обеим написал блестящие предисловия прозаик А. Сегень) и был, признаюсь, потрясен до глубины души пронзительным талантом этого смелого и честного художника слова. Что ни рассказ — то открытие. Почти ни у кого из современных, даже самых ярких, писателей я не встречал таких героев, которых, не смотря на их некую чужаковатость и простоту, ты не просто принимаешь сердцем, ты начинаешь их любить,

переживать за них, сочувствовать им во всех обстоятельствах, потому что все они по натуре добрые, светлые душой, самые что ни на есть человеческие, выхваченные из глубины народной, из самой жизни.

Вот «вещий Игорь» из одноименного рассказа. Мальчишка, выросший в семье, где отец — «волк волком, сколько живем — ни разу не улыбнулся, одно слышишь: мать-перемать, зимой снегу не выпросишь... А этот — душа нараспашку, глаза навстречу тебе радостно растопырены, любому человеку рад, а уж если кто новый появится на улице — так тут же идет знакомиться, и опекать будет, как больного или маленького. Другие ребятишки как ребятишки, играют себе, а он так и дежурит у ворот, как бы помочь кому да как бы успокоить кого...» То он с коровой о чем-то говорит, ломоть хлеба ей даст. То бежит мужиков по улице собирать на помощь приехавшим замерзшим в пути людям, то дров соседке наколет. Безотказный. И вот ведь — совершенно русская судьба. Подрос, стал выпивать. «А как выпьет, так из него отец, Николай, так и полезет». С отцом однажды из-за матери схватился, в тюрьму попал. Так с тех пор и пошла судьба наперекосяк. Из-за этой водки уже не раз «отслужил», как он сам признается. Трезвый — всем готов помочь, себя не жалеет. Двух ребятишек спас, когда те тонули на пруду, провалились в присыпанную снегом полынью. «Все орут, а толку. Ну что, едрена мать, тут все ясно: там — враги, тут — наши, надо лезть...» И как погибает? Опять-таки по доброте душевной. Большегрузная машина на красный свет поехала, напугала ребятишек, грязью окатила. Он прыгнул на подножку, стал урезонивать водителя, а тот его — монтировкой...

Вроде бы, чего его жалеть, пьяница. Да и ненормальный какой-то, шалопутный. А вот жалеешь, как родного, потому что душа у него светится, плакать о таком человеке хочется...

Или вот «Общественный смотритель Журавлев». Опять-таки насколько вроде бы необычная судьба: в молодости был красавцем, гордец гордецом, в консерватории о нем поговаривали как о восходящей звезде, стихи писал, которые печатали серьезные журналы, критики хвалили. Ухаживал за балериной. И вот прошли годы. Встречает его знакомый по студенческим временам, который тоже был влюблен в эту балерину, на улице, работает Журавлев техническим инспектором. Не стал ни композитором, ни поэтом. Принципиально. Ездит по дальним районам, проверяет технику, чтобы не было аварий, борется за здоровье людей. Конкретное дело. Это лучше, чем быть посредственным поэтом или композитором, считает он. Пять лет назад та самая балерина, за которой он ухаживал и которая «отшила» его, попала в автомобильную катастрофу. Муж погиб, а она жива осталась, но повредила позвоночник. И вот он теперь содержит ее, ухаживает за ней, воспитывает ее маленьких детей.

Чтобы понять характер Журавлева, всю его необычайную трагически-оптимистическую натуру, надо читать рассказ. Где ты еще встретишь такого человека, как не в самом народе, где увидишь такой нестигаемый феномен человеческого счастья? Прочитаешь — и в груди защежит: Господи, какой человек!.. Одновременно и больно, и радостно за него. И на жизнь начинаешь смотреть другими, более просветленными глазами.

Рассказ об учителе черчения вообще поражает воображение. Что это, вымысел, фантастика или некое прозрение автора, который наделяет своего героя, простого учителя, тем не менее человека не от мира сего, каким

его видят соседи и коллеги, гениальным складом ума. Он утверждает, что «создал теорию единого поля и выразил ее в единой формуле. Эта теория объединяет в одно и объясняет все открытые по сей день законы физики и математики, все законы пространства и времени». И эту теорию никто не может принять и понять, но и отмахнуться невозможно — уж очень логически все выверено. И страшно, если она найдет применение на практике. Герой рассказа утверждает, что алхимики, о которых мы сегодня вспоминаем с усмешкой, знали о расщеплении атомного ядра давно. Как, впрочем, многие ученые древности еще до Демокрита. Но, в отличие от нынешних ученых-атомщиков, они знали, к чему это открытие может привести. И все эти знания спрятали глубоко, засекретили, зашифровали. Вроде бы, скорее похоже на фантастику то, до чего додумался учитель черчения — опять-таки простой человек, самоучка, современный алхимик, не академик. Автор здесь подчеркивает неисчерпаемые силы, спрятанные в народе, природный талант, которым он обладает и который не раз спасал его в самые критические времена. И написано так убедительно, что читаешь и веришь: есть такой человек, есть такая теория...

И вот что удивительно.

Недавно по телевидению я услышал рассуждение одного известного ученого, который заявил, что если бы сегодня были расшифрованы все тайны древности, земля бы уже погибла. Человек не готов воспользоваться знаниями, которые могут дать необузданную власть над природой. Последствия были бы ужасающими. И я тут же вспомнил «учителя черчения».

В этом рассказе Михаил Чванов заостряет вопрос о нравственности современного ученого, который, делая открытие, не должен забывать, к чему это открытие может привести. Ибо соотношение добра и зла в данном случае вырастает до глобального масштаба, и может стать — до глобальной катастрофы. Глубоко копнул автор, далеко заглянул.

И почти все герои в книге вот такие: обязательно деятельные, добрые, совестливые, зачастую гонимые, но непременно со свечой в душе, с любовью к миру, к людям, к природе. Это и Дима из рассказа «Бранденбургские ворота», который умеет один класть печи из черной глины в приполярной тайге, и эти печи греют людей, и вся надежда там на него. А кто он? «Беглый не беглый, бич не бич — не поймешь кто, документов нет, но зла никому не делает...» Никто не нашел в тех местах глины, а он нашел, и жжет из нее кирпич, и печи кладет. И глина черная, и печи из нее черные, и хорошо греют. А как попал на Север? Служил сверхсрочно в ГДР, был его пост у Бранденбургских ворот, влюбился в немку, две девочки-близняшки родились, Эльза и Маша. Но кому-то это не понравилось, и оказался Дима в лагерях в приполярной тайге. Судьба сломана, беду в себе носит, но зла ни на кого не держит. Живет, пьет, конечно, но сколько пользы от его пребывания в этом мире!

Когда читаешь эти рассказы, не отпускает ощущение, какую боль, какие трепетные, почти родственные, чувства к своим героям испытывает автор, какими чистыми акварельными красками рисует он их портреты, с какой необъяснимой художественной силой изображает их судьбу, изображает жизнь.

В рассказах настолько узнаваемо время действия, что даже не надо смотреть, в какие годы это написано. А посмотришь — и поразишься. При-

меты тех лет восстанавливают самое главное, что было в жизни народа, страны. Это присуще только большому художнику слова — изобразить в малом важный момент, который стал историческим для общества. Взяли ли рассказ «На тихой реке», где повествуется, как равнодушные спасатели везут в лодке еще живого мальчика, которого вытащил на поверхность воды случайный купальщик. Мальчика можно было спасти, но «спасатели» не торопятся, им все равно. И вот картина: загорелые до черноты они пьют прохладное пиво в своей дежурке за ширмой, а на раскаленном песке мать над мертвым сыном — невозможно читать эти вопиющие строки. Написано в 1985 году. К власти только что пришел Горбачев. И страна, как этот полумертвый мальчик, брошена в лодку тщеславному безразличному правителю. Что было дальше, мы знаем. Этот момент отмечает в предисловии и прозаик А. Сегень, чутко уловивший настроение и замысел рассказа.

Или жуткая повесть «У перевала» с подзаголовком «Прекрасен отдых в осенних горах» — это ведь поставлен точный диагноз больному, обреченному на гибель обществу, государству, в котором люди потеряли всякое чувство ответственности, стали инфантильными и равнодушными друг к другу, нравственные устои, понятия стали пустым звуком для большинства, думающего только о себе, о своей выгоде, забывая, что плывут в одной лодке, в данном случае в одной связке, как это случилось с туристической группой, и трагедия неминуема. И тогда, как правило, погибают лучшие. Чванов, написавший повесть еще в 1980 году, по сути предсказал, что всех ждет в недалеком будущем. Он угадал главное, угадал причину назревающей катастрофы в стране. И она — прежде всего в духовной составляющей общества. Ну так и нечего пенять на кого-то и на то, в каком сегодня мире живем.

Или маленький, всего на две странички, рассказ «Жилая деревня». Автор изображает разорение русской земли, ее опустошение. Там, где недавно еще кипела жизнь, где колосились поля, теперь бурьян — на десятки верст окрест. В одной деревне пусто, в другой — один старик, к которому наезжают по осени родные, чтобы накопать картошки. Что может спасти нас, неужто совсем пропали? Все-таки Чванов оставляет надежду: в этой глуши, куда и воры-то не заглянут, в пустом доме есть икона, а раз есть икона, туда еще «хоть раз на месяц в году» приезжает Матрена Ярыгина. Раевкой называлась деревня. «Рая, конечно, не было, но жили. И перед страной заслуги были: и трудовые, и боевые, никак полсотни мужиков на войне полегло, и Герой Советского Союза свой был. Даже два, второй, правда, уже не на войне получил, летчик-испытатель...» Прочитаешь такое — и вспомнишь, что почти везде сегодня так, в какую сторону ни поедешь. И автор заканчивает рассказ болевой строкой: «Больше я этой дорогой не ездил. Не могу».

И мы уже в большинстве не ездим, потому что некуда и не к кому. Былшем поросла русская деревня. И невольное осознание вины, и горечь на сердце, и закономерный вопрос: что же дальше?

Читая книгу, я досадовал на себя: ну почему я так поздно открыл этого талантливейшего прозаика, ведь он начал печататься еще в 70-е годы, причем один из его первых рассказов «Билет в детство» — шедевр современной литературы, который не заметить было просто нельзя. А ведь еще Василь Быков писал ему тогда: «Дорогой Михаил! Ваш рассказ «Билет в детство»

просто прекрасен. Замечательный рассказ! Я не вижу в нем недостатков, читать его было сплошным наслаждением. Пиром души. Очень точно, очень емко, очень трогательно! И все так верно... Рассказ этот свидетельство того, что Вы можете... Не верьте там разным... Больше слушайте себя самого, талант Вам подскажет». Почему-то критика старательно обходила молчанием творчество писателя, который и по духу, и по художественной силе, и по судьбе стоит в одном ряду с самыми прославленными именами русской словесности.

Неужели слава путешественника, прошедшего малохоженными тропами Урала, Камчатки, Чукотки, Якутии, поднимавшегося к кратерам величайших вулканов Евразии: Ключевского, Безымянного, обоих Толбачиков, руководство Всесоюзной экспедицией по поискам пропавшего в августе 1937 года при перелете через Северный полюс самолета С. А. Леваневского, слава председателя созданного им Аксаковского фонда, организатора ежегодного Международного Аксаковского праздника в Башкирии, вице-президента Международного фонда славянской письменности и культуры затмили яркое писательское дарование Михаила Чванова как в писательской среде, так и среди читателей?!

Вряд ли это.

Пожалуй, дело в публицистике, в воззрениях Михаила Чванова на историю славянства, во многом расходившуюся с теми же коллегами-патриотами, по русскому национальному вопросу. Он мучительно размышляет: кто мы такие? Откуда мы — русские: народ, нация, какое предназначение наше на Земле? Или стать спасителями человечества, или, не оправдав надежд Бога, стать всего лишь живительным навозом для других народов? Почему славяне в свое время разбежались в истории? И до сих пор разбегаемся — русские, украинцы, белорусы, балканские славяне. Неужели славянское единство — это только иллюзия, губительный для России миф, созданный славянофилами во главе с Иваном Аксаковым, сыном дивного писателя Сергея Аксакова? Или все же — спасительный, в том числе для всего человечества, союз?

Чванов горестно размышляет об этом и в автобиографической повести «Крест мой?..», и в статьях о семействе Аксаковых, и в философских раздумьях, которые, как правило, многослойны. В них история глубоко сплавлена с этнографией, и это настолько интересно и неожиданно, что начинаешь сам мыслить, чувствовать, переживать вместе с автором, который вызывает тебя словно бы на спор, порой и сам сомневаясь в своей неумолимой логике, но заряжает собеседника достоверными убедительными, а часто и малоизвестными широкому читателю, фактами. И ты уже на его стороне.

«Меня, как русского, — рассуждает он, — коробят истеричные статьи, доказывающие, что мы, русские, — великая нация. Ну, во-первых, это свойство малых или неполноценных народов — постоянно вопить о своем величии, ничего не делая для него, а во-вторых: кем нам выдана эта индульгенция на величие? И если выдана — то что, до скончания века?» Он подчеркивает, что каждое поколение должно заслужить это величие. Делом заслужить. Величие — не в величине территории и населения, а в силе духа народа. Русский — это не по крови, это по духу. Больше ста народов Всевышний соединил в одной Отчизне. Ее, как мать, не выбирают. Это — воля Всевышнего. За всю четырехсотлетнюю историю Российского государства

православные и мусульмане всегда стояли бок о бок в защите Отчизны. У нас одна Родина. Не будем забывать, что цвет русского дворянства составляли выходцы из Золотой Орды — Карамзины, Державины, Аксаковы, Апраксины, Татищевы, Измайловы, Аракчеевы, Бунины, Тургеневы, Арсеньевы, Годуновы, Дашковы, Мусины-Пушкины, Танеевы, Сабуровы, Суворовы... Знатные роды! Это они, получив в свое время уделы в Московской Руси, стали опорой самодержавия, стали православными русскими, их потомки в большей части впоследствии вернулись опять в Поволжье, на Урал. Так мудро строилась Русь. В этом смысл истинного евразийства, которое поднимает на щит Михаил Чванов. Не случайно он приводит высказывание Ф. Достоевского: «Русский — это православный».

И не случайно на одном из Аксаковских праздников, потом еще и на Всемирном Русском соборе Верховный муфтий России заявил во всеуслышание о спасении Святой Руси. Многие русские стесняются говорить об этом, а вот муфтий не постеснялся. «Святое все, что исходит от Бога,— сказал он... — Привыкли, что «Святая Русь» только для православных. Но мы, мусульмане, по своей истории знаем, что наши предки, которые живут сейчас по всей России, приняли Ислам добровольно, у нас, как у православных, тоже была свобода выбора. А когда вера выбирается добровольно, это и есть святое. Поэтому естественно, нормально и нужно мусульманину называть свою Отчизну, которая у нас с православными общая, Святой Русью».

Вот ведь как просто и мудро.

Вообще, чтобы понять глубже мировоззрение Чванова, надо читать Чванова.

На мой взгляд, так масштабно, так пронзительно и трагически о том, что случилось с Россией и Югославией в девяностые годы, еще никто в нашей литературе не написал. В развернутом рассказе «Русские женщины», в небольших по объему повестях «Свидание в Праге», «Времена года» и «Белый Ангел» по сути одни герои и одна тема — судьба русских людей, русских офицеров, обманутых, оказавшихся ненужными на Родине и воюющих в Сербии, горестная судьба русских женщин, чьи достойные мужья воюют и погибают на чужой земле, судьба югославов в братоубийственной войне.

Разве не рвет сердце судьба русского генерала, который в Приднестровье не выполнил приказ об упреждающем огне и, спасая население, открыл огонь на поражение по молдавско-румынским частям? Теперь его разыскивает Интерпол, на Родине ему нет защиты, нет дела, он вынужден сражаться в Сербии. Больше нет для него места на земле. «И здесь мы скорее приживалки у чужой беды, чем помощники», — с болью, с горечью признается он. Сколько там русских могил — и что? Чванов, по сути, окончательно здесь приходит к мысли о несостоятельности славянофильства, которому он так много отдал души, сил и времени. Балканские славяне — сербы, болгары, чехи, поляки, хорваты — все друг против друга, все словно обезумели в своем противостоянии, не понимая, какая глобальная катастрофа уже гудит над головой, над какой пропастью они стоят.

И разве не об этом же судьба русского полковника Алексея Нелюбина из повести «Свидание в Праге»? Он сражался в Афганистане, в Нагорном Карабахе, его жене прислали сообщение о смерти мужа, она вынуждена была бежать с дочкой из Душанбе, где убили его родителей, чтобы за-

владеть домом, в Германию, вышла в конце концов замуж за спасшего ее немца, теперь у нее своя семья. А он оказался жив, он опять в горячих точках, и его разыскивает Интерпол. И вот он находит ее адрес, звонит ей и тайно назначает свидание своей жене, словно любовнице, в Праге. И они встречаются, чтобы разойтись навсегда. Она — в Берлин, к семье, он — в Сербию, где, прикрывая беженцев, раненым попадает в руки албанцев, и его распинают на дверях разрушенной церкви...

Это надо читать всем, чтобы понять всю трагедию русского честного офицера девяностых. Это написано с такой потрясающей художественной силой, что рыдать хочется от любви и боли, от гордости за настоящего человека, каких все меньше и меньше на земле. Так написать мог только тот, кто не однажды побывал в балканском котле, своими глазами видел то, что происходило в Югославии.

Савва Ямщиков писал: «Для меня подлинным открытием, заставившим восхититься и преклонить колени перед истинным подвижником и здравым мыслителем, стало знакомство с писателем Михаилом Андреевичем Чвановым. Том чвановской прозы и публицистики «Мы — русские?...» я в прямом смысле впитал в себя. Каждая строчка, каждое событие, каждая мысль автора были поразительно созвучны моему нынешнему настрою, а порою я забывал, что читаю написанное другим человеком, и становился незримым соавтором талантливого творца.

Глубоко философское осмысление югославской трагедии знающего историю и судьбу растерзанного края не с чужих слов Михаила Чванова. Когда мы с Аркадием Мамонтовым работали над фильмом о поруганных святынях Косова, я все время обращался к страницам чвановской книги, находя исчерпывающие ответы на самые сложные вопросы в отношениях России и Сербии.

Литературные произведения, вышедшие из-под пера Чванова, органично вписываются в богатейшую сокровищницу современного русского писательского творчества и выдерживают сравнение с классическими работами Распутина, Астафьева, Абрамова и Носова».

Добавлю: какое сердце останется равнодушным, читая эти произведения, какое не дрогнет от любви к таланту необычайной силы?!

Рассказ «Французские письма» — это такая поэма о любви, о которой давно позабыли современные читатели. Столько трепетного чувства, столько страдания и радости, столько нежной души в этом повествовании, что поневоле забываешь, в какое время живешь на земле. И повесть «Последний день года Собаки» не оставит читателя равнодушным, как и другие рассказы, очерки этого прекрасного писателя, живущего в Башкирии, где он, потомок русских крестьян, переселенных в Приуралье и на Урал в одно время с крестьянами С. Аксакова, и родился.

«Для меня, — пишет он, — понятие русский — не понятие крови, а отношение к Отечеству, к Богу. И для меня многие башкиры, татары, якуты, оставаясь башкирами, татарами, якутами, более русские, чем многие русские по паспорту».

Честно сказано и справедливо. Его усилиями в селе Надеждино, на стыке Европы и Азии, на юге Башкирии, в Дмитриевском православном храме, и на колокольне Свято-Никольского храма на севере Башкирии зазвонили колокола. Вот она, русская душа патриота-подвижника!

«Во второй раз, вернувшись с Балкан, из раздираемой братоубийственной войной Югославии, я поехал на родину, к добрым своим башкирам и татарам, и на всякий случай попросил место, где хотел бы лечь, если умру не вдали от Родины, где хотел бы лечь, чтобы оттуда мне хорошо были видны и башкирское село Каратавлы, и татарский Малояз, и родная моя Михайловка».

Повести, рассказы и очерки Михаила Чванова — это колокола веры, любви и надежды русского сердца. Как хочется, чтобы они были услышаны!

Использованная литература:

М. Чванов. «Мы — русские?..», Москва, изд-во «Голос-Пресс», 2005 г.

М. Чванов. «Вверх по реке времени», Москва, изд-во «Вече», 2009 г.

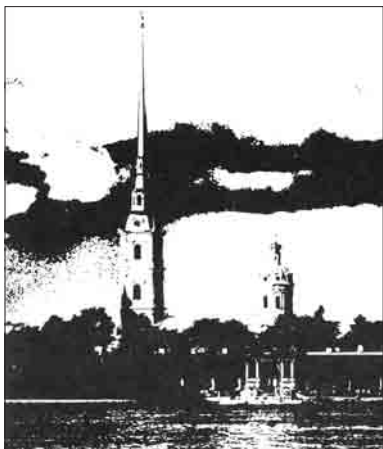

*К 300-летию
основания
Александрo-Невской
ЛАВРЫ*

*Лавра на старинных рисунках,
фотографиях и гравюрах*

Петербургский ПИСАТЕЛЬ

Алексей БАКУЛИН

«ЧЕРЕЗ ПЛОЩАДЬ К НИКОЛЬСКОМУ ХРАМУ»

О новой книге
стихов И. А. Сергеевой
«Пресветлый Рай»

...В сущности говоря, каждое стихотворение, написанное поэтом за свою жизнь, — это лишь намек, знак, указание на большую, главную Книгу, которая пишется в сердце, пишется из дня в день, из минуты в минуту, наяву и во сне. Эту книгу нам с вами не прочесть, она предназначена для Иного Читателя, для Того, Кто со строгостью редактора и любовью знатока будет вычитывать ее, когда земной путь автора оборвется. В этой главной книге тоже есть рифмы, есть мелодии — у каждого свои, есть созвучия, образы, есть мысль — у каждого разная... Нет, нам подобный текст не прочесть, мы и азбуку-то такую плохо знаем, но некое представление получить об этой Книге можно...

Есть какая-то предельная открытость в новом сборнике Ирэны Сергеевой «Пресветлый Рай»: не откровенничанье — спаси Боже! — и не наивная детская искренность, а что-то более глубокое, мудрое, бесстрашное, когда лирический герой скромно уступает место самому автору и читатель разговаривает не с маской (пусть даже очень искусной), а с поэтом. Кажется — еще чуть-чуть, и начнешь читать по Книге души, но... Все-таки душа человеческая так просто в руки не дастся.

Книга цельная — как литая, хотя и состоит, собственно, из двух частей: подборки новых стихотворений и большой поэмы, давшей название сборнику. Цельность эта не в единстве тем — темы-то очень разные; не в единстве внешнем, формаль-

ном — ибо мелодика сборника богата, а отнюдь не однообразна; и даже не в единстве настроения — ибо книга не долдонит на одной ноте, на одной-единственной эмоции. Цельность — в личности автора. Автор столь явно и ярко присутствует в каждом стихотворении, что эти разные, не похожие друг на друга стихи кажутся единым, нераздельным произведением.

Поэзию Ирэны Сергеевой никак не назовешь созерцательной — тут нет самодовлеющих пейзажей, и автор никогда не бывает отстранен от материала; но, говоря о первой части книги «Пресветлый Рай», я хотел бы сперва вспомнить именно пейзаж, картинку, беглую, изящную зарисовку: *«Заснежена площадь прихрамовая. / Никола Угодник глядит / на тех, кто скользя, кто прихрамывая / к Никольскому храму спешит...»* Есть в этой картинке (которую, в принципе, можно отнести и к XIX, и хоть к XVI веку) что-то до такой степени современное, что намного перекрывает по актуальности любой репортаж на злобу дня. Видимо, потому, что в ней — главное, что есть в нашем времени: Россия, пусть пока еще скользя и прихрамывая, но уже привычно, уже спокойно и мирно спешит к храму. И можно сказать, что на фоне этой картинки происходит все, о чем пишется в книге.

Все стихотворения сборника разделены на три цикла: «Благодать», «Истины лекарство» и «Весна зимы». С некоторой долей условности (с большой долей!) можно определить темы этих циклов так: первый — стихи о воцерковлении, о постепенном освоении того духовного жизненного пространства, что зовется Церковью Православной; второй — стихи, рожденные в минуты раздумий о судьбе Родины, о нашей истории, о народе; и третий — стихи о душе в ее земных, повседневных скитаниях.

Первый цикл — это: *«Закуплю грибы да крупы. / Вновь пора придти посту. / Наварю грибного супа, / слышно будет за версту... Рождеством морозец пышет. / Снег и ветер входят в раж... / Пропою — никто не слышит — / «Верую» и «Отче наш».*

Второй цикл: *«Город. — Отели... Бордели... Летний... Нева... Эрмитаж... / Мы ли врага одолели, если теперь он не наш? / Мыли, скребли, разбирали... И возносили мольбы... / Нет Ленинграда развалин — только руины судьбы».*

И третий: *«Звезды августа густо-густо / все усеяли небеса. / Ковш Медведицы полнит чувство: / здесь алмазная их роса. / Вот упала одна звезда. / Я на смерть свою загадала. / Где-то слышатся поезда, / но далёко мне до вокзала».*

Нелепо устраивать в душе, как в буфете, полочки: вот сюда положим веру, сюда гражданские чувства, а сюда — личное, сердечное... Но стихи разделить по темам — для удобства читателей — можно. В конце концов, читатель сам перемешает их, полочки снимет и в процессе чтения всю структуру книги перестроит в своей душе заново. Зачем, к примеру, знать, в какой цикл были определены такие

строчки: *«Если друг умирает, озноб пробирает. /Если мать хоронишь, двух слов не проронишь. /Если сам умираешь — на Бога взираешь»*, — они самодостаточны, они сами по себе как книга; забудешь, в какой книге ты их вычитал, но сами стихи, раз прочитав, не забудешь уже никогда.

Впрочем, находя в новом сборнике Ирэны Сергеевой прекрасные стихи, опытный читатель не удивляется, ибо автор давно приучил его к этому; другое дело — поэма: вот настоящее удивление.

Кажется, я такого не читал никогда: поэма-исследование, поэма-архив, поэма-документ. Обильно встречающиеся на ее страницах фамилии, географические названия, исторические факты — все они подтверждаются строгими архивными бумагами, документами, свидетельствами современников... Да само название поэмы — «Пресветлый Рай» — это вовсе не то, о чем вы подумали, а историческое наименование вполне реальной точки на карте Тверской области: *«Но Кисляковская есть пустошь, а в скобочках — (Пресветлый Рай)!..»* — как и сказано в поэме...

Итак, с головой уйдя в архивные изыскания, автор добросовестно знакомит читателя с ходом и результатами этих своих работ... Для любителя поэзии звучит как будто не слишком заманчиво, правда? — что ему до архивной пыли?

«Но до этих открытий /дела нет никому, /до людей и событий, /чуждых веку сему...»

Но ведь Ирэна Сергеева не диссертацию готовит: она ищет свое, родное, единокровное, она идет по следу своего рода, она с любовью и волнением сердечным вытаскивает из архивного мрака на свет Божий имена своих давних предков... Такое сродни разглядыванию старого семейного альбома или — еще лучше — изучению топографической карты вашей малой родины, когда все эти условные значки, сокращения, схемы понемногу одухотворяются живыми воспоминаниями, сохраненными памятью образами. И тут — работа для поэта, ибо чужой фотоальбом и карта чужих земель человеку постороннему ничего не скажут, а нужен проводник, толкователь, нужен местный уроженец, который своим рассказом оживил бы незнакомые картины. Нужен поэт.

Ибо только поэт сможет провести мост от тверского Пресветлого Рая (Кисляковской пустоши) — к тому Пресветлому Раю, который завещан каждому из нас. Создание такого моста (а без него — все ни к чему) это и есть труд поэтический: труд сердца, труд умной души, труд зоркого глаза и благодарной памяти. В новой поэме Ирэны Сергеевой есть почти богословское, во всяком случае душевно выверенное, выстраданное определение земного рая, который не есть изобилие житейских благ, *«а это — если ходят ноги /по верно выбранной дороге /и видишь небо над собой. /И есть где спать и что поест, /есть силы Господу молиться /и утром правило прочесть, /своей рукой перекреститься... /Когда жале-*

ешь всех людей, /когда врагов своих прощаешь, /чужих грехов не замечаешь и чужд соблазна злых идей... /И можешь предков поминать, /их имена читать в архивах, /о судьбах грустных и счастливых, /о службе трудной их узнать /по Николаевской дороге... /Когда ты думаешь о Боге...»

Вот это очень характерно: такие раздумья, такие озарения, как это, только тогда и приходят в сердце, когда ты дышишь родным воздухом, когда заглядываешь в родные глаза — пусть только на портретах... И поэма «Пресветлый Рай» — она полна таких раздумий, они растворены в ткани поэмы... Как говорят святые отцы, существо человеческое трехсоставно и делится на тело, душу и дух. Видимо, эту свою трехсоставность человек неизбежно переносит и на свои творения; вот и в поэме Ирэны Сергеевой: тело, плоть — это история, фактография, архивные материалы; душа — это раздумья о путях своего рода, Родины, о собственных непростых дорогах; и, наконец, дух — это ясно ощутимый прорыв от земного — выше, к горним, от России исторической к России небесной, вечной.

Вот поэт выступает как ученый-историограф:

«...Был надворный советник, /старший лекарь полка /Иванов. А наследник /мною не найден пока. /Отыскала вначале /только дочки венчанье...»

«В Лыкошине расскажут вам: /здесь Крупская жила на даче... /И Рерих тоже тут мелькал /с своей прекрасною Еленой... /А старожилы говорят: /когда бывал церковный праздник, /до паперти тянулся ряд — /от станции колясок разных...»

«Так собрала по крупницам многое, /день ото дня. /Хочется дальше трудиться, /годы подводят меня...»

Но этот уровень, предельный для ученого-краеоведа, слишком тесен для человека, говорящего о Родине и родных. Неизбежно приходят раздумья, потребность выразить свою любовь, погоревать о грехе, где-то допущенном отцами, покаяться за них (а по большому счету — и вместе с ними!):

«Капустины, за что вы распылились? /Не веровали или не молились?»

«Не ведали, быть может, что творили? /Но дорого за это заплатили...» — и созвучное: *«И не ведали, что творили? /Но не все еще заплатили...»*

«Сегодня — снова, как вначале... /Но кто — Иуда? Кто — Пилат?...»

Покаяние — да, размышления — да, и глубокое сопереживание предкам, и боль за сегодняшнюю Родину... Человеку душевному выше не подняться. Но духовный, верующий человек — он и может, и обязан подниматься выше, чтобы с горней высоты взглянуть на все: и на историю, и на современность... И понять, увидеть своими глазами, как наши земные дела сплетаются в узор, задуманный вечным Художником.

*«Дед и прадед — вышеволоцкие... /Да, мещане! В смирение —
честь. /Но блаженны, я знаю, кротции, /яко землю наследят
здесь... /Мать-земля моя, всех наследников /ты вобрала в себя,
взяла, /воспитала ты исповедников, /новомучеников дала. /Я
люблю тебя, моя Родина, /каждый день за тебя молюсь, /ты —
тверская и новгородская, /ты — как прежде, святая Русь!»*

«Тверская славная земля, /ты — Божия, а я — твоя».

Эти последние строки завершают поэму, завершают всю книгу и — замыкают круг: от себя, своих трудов, своей души автор обращается к своей истории, к истории рода и родного края; от этого земного Пресветлого Рая он восходит к Раю небесному, к Богу — и с этих высот снова к себе, в свое сердце.

Кажется, это и есть тот путь, что заповедан нам поколениями духовных делателей, молитвенников и пустынников: через осознание собственной души подняться до любви к ближнему, любя ближнего, подняться до любви к Богу — и со светом Божественной любви вновь вернуться к себе, чтобы осветить им свое существо.

ИМПЕРАТОРСКИЙ ПЕТЕРБУРГ

*Санкт-Петербург
на старинных
фотографиях,
рисунках
и открытках*

Великая Княгиня Елизавета Феодоровна

Точка ЗРЕНИЯ

Кавад РАШ

ПРАВДИВЫЙ И СВОБОДНЫЙ

Кавад Багирович Раш — родился в 1936 году в Армении, в курдском селе Акко. С 1943 года обучался в русской школе в Кахетии. Окончил ЛГУ, факультет журналистики. Работал в Новосибирске журналистом. В Академгородке создал фехтовальную школу с целью органично соединить дух Царско-сельского Пушкинского лицея с лучшими традициями кадетских корпусов, где проработал 10 лет. Историк, публицист, секретарь Правления СП России, капитан 1 ранга запаса. **Живет в Москве.**

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Не будь тебя, кажется, и дыхания уже не было бы... Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!

И. С. Тургенев. Июнь 1882

Сегодня редкий представитель из медиабизнеса не обронит с ироничной усмешкой замечание о «великом и могучем». Но слов «русский язык» и, особенно, «правдивый и свободный» вы от работников «эфира» не услышите, они не выговариваются из-за уще́рного внутреннего спазма от ненависти к словам «правдивый и свободный». Но еще никому на свете не удалось обмануть в слове. Для человека, склонного ко лжи, это серьезный повод ненавидеть словесность. Рано или поздно правда обнажается. Потому-то «в начале было Слово, и Слово было у Бога», и слово есть высший дар человеку от Творца. Он, этот дар, непостижим, правдив и таинственен.

В школе, в далекой провинции, мы заучивали великие слова автора «Первой любви», «Вешних вод» и «Дворянского гнезда» наизусть и веровали в них, как в ниспосланную свыше молитву, и вера эта с каждым годом подтверждалась и крепла. То было время, когда среди снесенных, разоренных и оскверненных церковей люди крестились на памятник Пушкину в Москве, чтобы утолить свою потребность в духовном. Слова Тургенева потрясали до глубины души в густой и тяжелой атмосфере партийных догм, лозунгов и слежки. И вдруг «правдивый и свободный»...

Много позже удалось постигнуть, что язык и народ неразделимы.

И «великий, могучий, правдивый и свободный» язык мог создать только народ, наделенный теми же качествами. Стало ясно, что русский язык спасал нацию в любое лихолетье как некая таинственная, непостижимая духовная субстанция, запечатлевшая в себе тысячелетие трудов и переживаний народа и всех его сословий и групп, субстанция глубокая, как океан, и спасительная, как воздух.

Но пришло время, когда мы, как образно сказал Святейший Патриарх Алексий II, перепутали европейские краны и вместо чистой воды присосались к западной канализации. Так началась «перестройка», точнее, осквернение всех основ жизни под видом свободы, что в первую очередь болезненно сказалось на языке, который есть мерило и личности, и общества, и государства. Да, русский язык сам стал первым объектом изощренной и подлой вражьей атаки.

Главным врагом русского языка, и не его одного, стал медиабизнес. Именно ему хозяева рынка поручили незаметно подсунуть ротозеям-зрителям вместо чистой воды кран канализации. Самое трагичное в том, что зрители лакают нечистоты и нахваливают. «Медиабизнес» — этот исчерпывающий и убийственный термин принадлежит властям. Они имели основание на такой неологизм, ведь телевизионщики сами в 2001 году на своем съезде торжественно объявили о вхождении в рынок со всеми последствиями и признали телевидение также родом бизнеса, именно бизнеса, а не дела, не предпринимательства, даже не промысла или ремесла.

Медиабизнес глуп, как и всякий бизнес, поклоняющийся корысти и прибыли, поэтому ни у одного из недругов русского языка не хватает ума и таланта продолжить вслух тургеневскую характеристику родного слова. Вы никогда не услышите слов «правдивый и свободный», ибо они убийственны и разоблачительны для клеветника. «Великий и могучий» он с кривой усмешкой еще может выдать, но не более. И потому прикрывается иронией и сопутствующей ей двусмысленностью.

Ирония — явление всегда разрушительное и отчуждающее человека от сути события, о котором повествует. Если правда от Бога, то ирония всегда от Его противоположности, от лукавого. Можете ли вы представить себе ироничного Христа? А вот для Иуды ирония органична, как и для Мефистофеля. Ирония всегда с подглядкой, всегда двусмысленна и всегда смотрит снизу вверх, она, в отличие от сарказма, не предполагает силы и равенства сторон. Ирония действует исподтишка и с кривой улыбкой — она классический настрой рабской натуры. Можете ли вы хотя бы на миг представить ироничного царя? Вот потому-то псевдодемократ органически не способен выговорить «правдивый и свободный».

Ирония за последние двадцать лет стала едва ли не господствующим свойством телебизнеса, особенно эстрады — оружия разложения и пропаганды неверности. Иные недалекие персонажи из телебизнеса, чтобы угодить начальству, то и дело с экрана бахвалятся самоиронией как признаком интеллигентности, в надежде заразить этой холуйской эмоцией миллионы простаков. Ирония — эмоция шулерская и вожденная «юмористами». После девяностых годов, казалось, эта зараза пошла на убыль, но и сегодня она жива, и даже в новостях дикторы глуповато усмеваются, острят и хихикают, превращая новости из жизни великой державы в род пошлого не то капустника, не то балагана. И никто их не одергивает, ведь медиабизнес,

кажется, вне контроля и критики. К сожалению, разлагающей рабской иронией пронизаны новостные передачи многих телеканалов.

Сатанинскую природу иронии хорошо понимал Пушкин. К Вольтеру, тогдашнему властителю дум российских полуобразованных помещиков и офицеров вроде «декабристов», поэт относился с беспощадной дворянской отстраненностью. Важнее всех писаний энциклопедиста Пушкин считал то обстоятельство, что «Вольтер был палками бит». Собеседник королей был оскорблен вельможей Роганом. Когда же энциклопедист явился к тому домой требовать удовлетворения поединком, вельможа просто велел слугам отогнать начитанного простолюдина Вольтера палками. Что те охотно и исполнили. Пушкин о трудах Вольтера писал, что тот свой «разрушительный гений» принес «в жертву демона смеха и иронии». Понимал ли Вольтер, что дворянин Роган проявил свое сословное право с помощью палок на спине философа-насмешника?

Ирония не только не способна к созиданию, она смертельно враждебна ему, так же как добру. Коварство иронии испытал на своем творчестве великий режиссер-новатор Уолт Дисней, когда пытался экранизировать «Алису в стране чудес» Льюиса Кэрролла. Про «Алису» можно сказать, что ее мало кто читает, но многие стремятся цитировать, чтобы подчеркнуть свою интеллигентность. Уолт Дисней бился над экранизацией «Алисы в стране чудес» более дюжины лет и, как честный художник, вынужден был признать свое поражение. «Алиса» не далась даже такому таланту, как Дисней, а все потому, что эта хитрая сказка пронизана тайной и злой иронией. Главным объектом иронии Кэрролл сделал королеву. Наличие этого растворенного яда в тексте не позволило художнику создать атмосферу благородного идеализма, необходимую детям и зрителям. И сегодня весь эстрадный «юмор» и все «юморины» и КВНы несут в себе разрушительную стихию иронии и злой насмешки.

Государство, дух и язык призваны развиваться в единстве, чтобы защититься от всякой напасти. Русские правители очень хорошо чувствовали эту взаимосвязь и потому так упорно преследовали кривляющихся скоморохов, как явление антихристианское и враждебное Церкви, устоям самой жизни. В грамоте, посланной в Сибирь архиепископу Тобольскому царем Алексеем Михайловичем, читаем: «...скоморохов с домрами и с гуслиями и с волянками и со всякими игры, и ворожей, мужиков и баб... в дом к себе не призывали... и никаких бесовских див не творили и всяких бесовских игр не слушали... А где объявятся домры, и сурны, и гудки, и гусли, и хари, и всякие гудебные бесовские сосуды и ты б те бесовские велел вынимать и, изломав те бесовские игры, велел жечь». Особо уважаемые современными «хохмачами» скоморохи были далеко не безобидной братией. Кроме обычного плутовства, краж, разврата и других пороков, им сопутствующих, они нередко выполняли роль разведчиков.

И сегодня не перевелись эти небезобидные весельчаки, и ныне «...собираютца скоморохи и смехотворцы со многими бесчинными игроками... и веселятца бесовским веселием с плясанием и песньми нечистыми, аже сквернят человека и в последнюю поревают погибель...», и каждый день уничтожают русскую культуру, язык, народную нравственность и само государство. И все это на фоне миллионов сирот, воровства и пьянства, на фоне наркомании, разводов, аборт, безвестных могил, ждущих молитв,

богослужений и очистительного, возрождающего покаяния и сыновней любви.

Надругательство над русским языком может подготовить нам не одну Цусиму. Адмирал Невельской, окончательно утвердив русскую власть на Сахалине, назвал свои записки «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России». Адмирал не расчленил свою родину ни в сердце, ни в языке. Для него все Зауралье до тихоокеанских берегов это Святая Русь, освоенная дружиной Ермака, когда до Тихого океана «солнце евангельское землю сибирскую осия». Основатели Владивостока воспринимали Приморье как органическую часть Сибири. Флотилия, которая здесь базировалась, так и называлась до 1922 года вместе с «Сибирским гвардейским экипажем» — «Сибирская флотилия». Провокаторам-расчленителям был невыносим русский государственный монолит между тремя океанами, еще до 1917 года они в расчете на слабые головушки атеистов стали внедрять понятие «Дальний Восток», отсекая мысленно от русской земли дальний берег. Последние 30 лет незаметно к понятию «Дальний Восток» стали пристегивать Колымский край и Камчатку, что было немислимо еще недавно. Они ставили перед собой страшную стратегическую разрушительную задачу сделать из Русского Востока «Дальний Восток».

Как кость в горле у них был остров Русский. Расчленителей мучает не стратегическое положение острова, а его победное имя, как память о выпускниках великого Морского кадетского корпуса. Понятие «дальневосточник» смертельный враг единства России как на языковом уровне, так и, что особенно опасно, на уровне бессознательно-глубинном. И наоборот, понятия «Русский Восток», «Сибирская флотилия», «остров Русский», «Залив Петра Великого» говорят об органичном и духовном единстве Сибири и России, Сибири как части Святой Руси.

В 1985 году в городе Каргат Новосибирской области был освящен храм в честь Всех святых в земле Сибирской просиявшим. До 1917 года лучшие умы России считали Сибирь сердцем России. Таковой она и осталась. К середине XX века число жителей Сибири должно было достигнуть 300-400 миллионов человек. Эта задача не только не снята, но стала проблемой существования самой России. Потому Сибирь есть проблема всех проблем для нашего Совета безопасности, который, по верному замечанию Е. М. Примакова, должен бы по политическому авторитету стать органом исторического прорыва. На острие этого векового штурма должен быть поставлен русский язык во всех его измерениях.

В заключение по поводу Тихоокеанского берега Отечества можно напомнить, что «Дальний Восток» мог быть и Манчжурией, и Кореей, и еще чем угодно, но не материковой частью России. Что касается Сибири и ее столицы «святой град Тоболескъ», как называлась чтимая икона XVII века, то Сибири нет нигде в иных пределах, нигде на свете, кроме России. Та часть святой Руси, где просияли святые в земле сибирской от реки Урал и до Усури и Амура, была ограждена с юга семью казачьими войсками во главе с августейшим атаманом наследником цесаревичем Алексеем Николаевичем. Граница Руси издревле считалась Поясом Богородицы. Казаки же с первого часа своего служения — витязи Пояса Богородицы. Россия — Сад Пречистой, огражденный казачьими заставами. Только в ущербном безбожно-бездарном сознании мог возникнуть термин «Дальний Восток». Моряки

первыми должны вернуть название «Сибирская флотилия», а казаки оживить понятие «Русский Восток». Говорят, государство начинается с границы. В нашем случае государство начинается с казачества.

Язык объединяет людей, но он же, язык, способен стать страшным инструментом вражды и расчленения общества. Лучше всего это видно на примере внедряемого последние двадцать лет слова «чиновник» с отрицательным значением, как когда-то засаживали в атеистическую подкорку слово «царизм». При советской власти с отменой чинов и табели о рангах из обихода совершенно исчезло слово «чиновник». Никто его не употреблял. И медиабизнес, попав в руки «демократов», начал внедрять слово «чиновник» со всеми отрицательными оценками. В стране народилась как бы многомиллионная армия новых «врагов народа». До 1917 года чиновники делились на классы. Теперь, не восстановив ни границ, ни социального положения государственных служащих, всех воров, мошенников, карьеристов вперемежку с честными работниками стали огульно унижать замаранным словом «чиновник», вновь создавая тоталитарное сознание погромщиков. То, что раньше обозначалось словами «буржуй», «эксплуататор», «кровопийца», «миродед», теперь называют словом «чиновник». Эту практику нельзя не признать общественно опасной и угрожающей существованию государства. Самое прискорбное, что эту наживку для слабоумных заглатывают почти поголовно власти предрежащие, то есть те, против кого и направлено слово «чиновник» с отрицательным зарядом. Впрочем, власти предрежащие бегут впереди всех не только в этом случае. Руководители всех рангов первыми внедряют бессмысленные и злокачественные слова-паразиты вроде «имидж», «саммит», «бизнес».

Медиабизнес не может сам себя шельмовать. Если в его лексике «чиновник» есть воплощение всего нечистого и чужого, то слово «бизнесмен» очень редко или почти никогда не подается с отрицательным значением. Не должны руководители государства применительно к российскому предпринимательству употреблять слово «бизнес», вброшенное в употребление «новорусскими» мошенниками. Слово «имидж» внедряется намеренно, чтобы разрушить и убрать из употребления ключевое слово русской культуры — «образ», а словом «саммит» заменяются понятия «собор, встреча».

Сегодняшние многие русские употребляют слово «Стамбул». Для них это слово должно быть предельно запретным. Немцы до сих пор называют Константинополь на свой манер «Царьград». Мы с обезьяньей впечатлительностью пишем, что Белая армия эвакуировалась в Стамбул в 1920 году. Между тем этот город до 1923 года даже сами турки еще официально именовали Константинополь. Для православного священнослужителя город на Босфоре со святой Софией до скончания века носит только одно имя — Константинополь. Иначе скоро мы с безродной восприимчивостью, не ровен час, Никео-Царьградский символ веры будем именовать никеостамбульским.

Раньше на Руси понятия «княжество» и «земля» были синонимами. Были в нашем отечестве и княжества, и губернии, и уезды, и волости. За каждым названием волнующая история. Теперь отечество наше разделено на «субъекты». Чтобы еще более усилить отчуждение людей от своей родины, теперь Москва наша не «Белокаменная» и не «Златоглавая», не «дорогая моя столица», а на скороговорке новых дикторов чаще «мегапо-

лис». У такого безродного мегаполиса не мог не появиться любимый уродец всех международных мошенников — небоскреб. Это сооружение, призванное своей фаллической доминантой раздавить Кремль, получило самое холуйски-угодливое и оскорбительное название за 850 лет истории города, а именно «Москва-сити».

Диву даешься, как же могла жить сверхдержава — СССР, ни разу за семьдесят лет не употребив слов — «чиновник», «мегаполис» и «субъект Федерации», хотя Российская Федерация (РСФСР) здравствовала и даже насчитывала в два раза меньше пресловутых чиновников. Мы уже не говорим о таких агрессивных паразитах с бубонным потенциалом, как искусственно внедренные слова «имидж», «бренд», «банер», «саммит», «бизнес» и прочая нечисть. Вся скверна внедрялась под грохот и гогот эстрадного бешенства, пока шоу-вошь не проела Россию. Как говорят на Востоке: «вор любит шумный базар».

Насильственно внедряемые через медиабизнес чужеродные слова размножаются как трупные пятна на теле культуры. Они разъедают общество, расчлениают страну, разъединяют поколения, убивают язык и обессиливают армию и нацию. Иные политологи-балаболы, эти политические импотенты, вживляют через TV «пиблу» такие «чипы», как «политический класс», «элита», «правлящий класс», чтобы, прикрывшись этими абстракциями, манипулировать подопытными зрителями и осуществлять контроль за историческим сознанием несчастного русскоязычного электората, одуревшего от алкоголя, эстрады, наркотиков и т. п.

В этой связи непонятно, как может электорат сберечь государство между тремя океанами, подпираемое более чем миллиардным динамичным Китаем и миллиардом проснувшихся мусульман, если нет властных органов, отвечающих за крепость семьи, за чистоту и силу языка, нет ведомств, обуздывающих медиабизнес, собственных структур, контролирующих все типы дорог, и, наконец, органов, созидающих крепкую государственную границу. Как это ни парадоксально для примитивных умов, в век глобализма наступает эпоха непреодолимых границ. Жизнь подлинная возможна только огражденная силой и границей. Проявление эпохи границ видно из гигантской стены, которой отделяет себя от палестинцев Израиль, или тысячекилометровой стены, которой ограждает себя США от нашествия с юга. Будущее за теми странами, которые первыми осознают роль границ. Русский народ, выделив на рубежи казачество, первым после античного Рима показал миру спасительную роль границы.

Медиабизнес стал орудием разрушения языка и тысячелетних устоев при полном молчании общества. Такое молчание в Смутное время святые подвижники называли безумным молчанием. Наш великий композитор Свиридов как-то назвал битлов исчадиями ада. По сравнению с нашей эстрадой битлы — пай-мальчики из хороших семей.

Когда Шаляпин в начале 30-х годов услышал песни Лидии Руслановой, он в восторге сказал: «Она поет по-нашему». Петь «по-нашему» — это то же, что думать и говорить «по-нашему». Русланова пела и в церковном хоре, потом — по госпиталям «германской» войны, а затем — на всех фронтах Отечественной войны. В 1948 году ее арестовали по делу маршала Жукова. После истязаний в застенке она сказала следователю: «За таким, как Жуков, пешком пойду в Сибирь».

Это был голос самого народа. Из тюрьмы Лидия Русланова вышла в 1953 году. Ее путь во многом схож с судьбой Клавдии Шульженко. Они обе пели «по-нашему», по-русски. Потом была Зыкина. До нее Иван Козловский, проведший отрочество в монастыре. А теперь Дмитрий Хворостовский, сибирский богатырь, чьи редкие выступления омывают, пропитывают русскую землю, смывая на время все эстрадное бесовство. Но тех, кто поет и говорит не по-нашему, по сравнению с ними легионы, и народ отдан властями медиабизнесу на растерзание.

Борьба с русским языком как главным оплотом культуры и государства идет по всем направлениям днем и ночью, ежеминутно и без передышки. Духовная брань в истории не знает перемирий. «Слово гнило да не исходит из уст ваших» (ЕФ. 4,29), — учит Писание. Именно поэтому в язык внедряются чуждые бессмысленные слова-термины, которые и словами-то не назовешь, вместе с матерщиной и сквернословием убивают душу языка и народа своей палаческой и злой природой. Не странно ли, что всегда находятся телезащитники сквернословия, как якобы проявления народности.

Реклама есть абсолютное проявление насилия и лжи. Но помимо этого, каждая минута рекламы пронизана разрушением христианских ценностных устоев от наглого «ведь мы этого достойны» до призывов наслаждаться по любимой формуле сатаны «один раз живем». Реклама объявила тотальную войну таким качествам духовного здоровья, как скромность, бережливость, смирение.

Идет война на истребление языка Пушкина. Чуткий Василий Розанов заметил: «Чтобы опровергнуть Пушкина — нужно много ума. Может быть, никакого не хватит. Как же бы изловчиться, — какой прием, чтобы опровергнуть это благородство?.. Как же сделать? Встретить его тупым рылом. Захрюкать. Царя слова нельзя победить словом, но хрюканьем можно».

Пытаются не только осквернить язык Пушкина, но и сам синеокий поэт, павший на поле боя у Черной речки за честь русской семьи, не дает покоя ущербным. Недавно по телевизору объявили слово в слово: «родина Пушкина Эритрея, там ему и памятник поставлен». (ТВ-3, 21 декабря 2008 г.). Мы-то думали, что его родина Москва. Всех тянет неодолимо пофамильярничать с Пушкиным, начиная с цветаевского «Мой Пушкин». Фамильярность, понижающую нашу жизнь, можно назвать главным злом, даже сверхзлом. Не случайно мы единственное в истории человечества общество, где люди обращаются друг к другу по половому признаку — «мужчина», «женщина» — и все молчат: от властей, депутатов до писателей, учителей и всех прочих. А ведь если вдуматься, это страшное бедствие, растлевающее жизнь.

Из этой же злой природы ироничное о русском языке: мол, «великий и могучий». Иной может заметить, дескать, стоит ли огород городить, если и твякнул какой-то телемоська по поводу величия русского языка. Нет, и еще тысячу раз нет. Все так называемые неологизмы, как и замаскированные атаки на язык, далеко не безвредны, и, повторяю, все они еще и антиправославны.

Другое явное и агрессивное проявление хрюканья — это сквернословие и матерщина. Великий Петр, человек глубоко религиозный, лучше всех в своем царстве понимал, что мат всегда есть оскорбление собственной матери и самой Божией Матери, чьим уделом является Россия. Потому великий

преобразователь бестрепетной державной рукой внес в воинский устав статью, из которой следовало: «Кто будет Матерь Божию хулить и поносить... телесным наказанием наказан, или живота лишен быть, по силе хуления». Император-адмирал сознавал, в отличие от позднейших руководителей России, что нация и армия, которая сквернословит и матерится, лишается благодати и победы.

Когда апостол русистики Владимир Даль создавал свой «Толковый словарь живого великорусского языка», этот язык действительно был живым и цветущим. Кстати, во времена Даля только три славянских языка располагали литературными языками: русский, польский и чешский. Ни у сербов, ни у хорватов, ни у белорусов или даже болгар это обстоятельство не рождает агрессивного комплекса неполноценности. Беснуются только подзуживаемые западэнцами некоторые чиновники Украины, теряя чувство меры. Сам Даль подписывал литературные работы псевдонимом «Казак Луганский». Ему и в страшном сне не могло привидеться, что кондовый русский город Луганск на землях Всевеликого войска Донского не будет в составе России. Сам Даль к малорусскому языку и его говорам, как и первый наш славист академик И. Срезневский, относился с любовью и живейшим интересом. Оба они знали, что малороссы, как и белорусы, вместе с братьями великороссами веками в творческом единстве творили русский литературный язык, который является их общим и высшим достоянием, как и Православие. Лучше всех это сознавал великий русский писатель Гоголь, родом из малороссов. Словотворчество трех народов-братьев шло из века в век задолго до «Слова о Законе и Благодати» митрополита Киевского и всея Руси Иллариона (XI в).

После 1917 года воинствующие безбожники внедряли казенно-уголовные революционные новообразования, попутно расчленяя Россию, а главный безбожник Емельян Ярославский до самой войны стоял на мавзолее рядом с самим Сталиным, и всех пережил при любых репрессиях. Но было еще сильно в народе тысячелетнее Православие, а кое-кто из носителей царской образованности чудом остался «на свободе» и ютился по коммуналкам. Так что время оказалось лютное, но еще полное исповедничества, катакомбного сопротивления и даже трагического величия.

Но самая смертная угроза над русским языком за две тысячи лет нависла именно в последние двадцать лет. С тех пор как в каждую семью вошло телевидение, и черный квадрат экрана заменил в каждой семье угол с образами, «великий, могучий, правдивый и свободный русский язык» под террористическим натиском «новаторов» стал сжиматься, перерождаться и дичать. Вся страна от края до края заговорила телештампами, усеченным, упрощенным жаргоном. Впервые в истории при этом не оказалось народных слоев, которые творили бы язык в своей среде. Никто, ни на одном уровне не противостоит умерщвлению языка. Учебники языка, литературы, истории, один другого пошлее, наполнили шестьдесят тысяч школ России. Медиабизнес, пресмыкающийся перед рынком, стал смертельным врагом всего живого и прежде всего языка Пушкина, Жуковского, Тургенева, Чехова. Идею лагерного однообразия, уравниловки и упрощения — а всякое упрощение есть вырождение, по К. Леонтьеву — теперь унаследовал телебизнес.

Как обычно, исчерпывающую характеристику этому явлению дал выдающийся русский мыслитель Иван Ильин, и слова его имеют прямое отноше-

ние и к тем, кто намеренно разрушает и оскверняет русский язык, и к тем, слабым головушкам, не помнящим родства, кто бездумно поганит родной язык упрощением и холуйскими заимствованиями.

«Мысль — погасить это многообразие явлений, упразднить это богатство исторического сада Божия, свести все к мертвому единообразному штампу, к «униформе», к равенству песка, к безразличию после уже просиявшего в мире духовного различия — могла бы зародиться только в больной душе, от злобной, завистливой судороги, или же в мертвом слепом рассудке. Такая плоская и пошлая, противокультурная и всеразрушительная идея была бы сущим проявлением безбожия. Почерпнуть ее из христианства, из Евангелия, в Православии — было бы совершенно невозможно!» (И. А. Ильин «Основы христианской культуры»).

ИМПЕРАТОРСКИЙ ПЕТЕРБУРГ

*Санкт-Петербург
на старинных
фотографиях,
рисунках
и открытках*

*Открытие памятника Императору Александру III.
1909 г. Старинное фото*

ПОЭЗИЯ

Василий ПОПОВ

«ОГОНЕК МЕЛЬКАЕТ ВПЕРЕДИ...»

Василий Николаевич Попов — родился в 1983 году в городе Ангарске Иркутской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор двух сборников стихов «Голос тишины» (2008), «Берсерк» (2010). Лауреат всероссийской поэтической премии «Соколики русской земли». Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

* * *

Догорает в печке уголек,
Завтра снова печку затоплю.
Я один, но я не одинок,
Я люблю, весь этот мир люблю.

Засыпай, а я посторожу,
В темноту на небо погляжу,
Ничего я больше не спрошу,
Веточкой золу поворошу.

* * *

Страшно мне, милая,
страшно, родная,
Что-то таится в душе — не пойму.
Снег надо мною кружится не тая,
А ведь октябрь еще на кону.

Может, природа обманчива нынче,
Может быть,
сбилась с развилки дорог.
Вот посмотри, потерялся и ищет,
Ищет хозяйку пугливый щенок.

Я улыбаюсь, и кажется странным,
То, что любовь — это дым от огня.
То, что разбойник
с ошейником драным,
Очень замерз и похож на меня.

* * *

Черный лес, заснеженное поле,
Вдалеке саней веселый бег.
За любовь к родимому доколе
Будет биться русский человек?

Я иду, распахивая ворот,
Тяжело дышать и хорошо.
Позади остался темный город,
Впереди стеною снег пошел.

Где земля, где небо — я не знаю,
Замело, куда же мне идти?
Ничего не видно, замерзаю,
Огонек мелькает впереди.

Слава Богу, люди, слава Богу —
Я кричу — я здесь, я здесь один!
Потеряв и шапку, и дорогу,
Подбегаю — ягоды рябин.

* * *

Снова на сердце тревожно,
Снова беру я тетрадь.
Господи, сколько же можно
Кровью Твоею писать?

Больно за то, что я знаю,
Если строка побежит —

Грешники, значит, вонзают
В белое тело ножи.

Господи, мир обезумел,
Тонет в своей суете.
Нет, не воскрес, Ты — не умер,
Ты еще там, на кресте.

* * *

Страшный год. Затмение в России,
Словно свечи в храме погасили.
Черным лезвием разрезали страну —
Собирайтесь, люди, на войну.

Собирайте все свои пожитки,
Все награбленное до последней нитки.

Долго, долго будет длиться бой,
И за мной придут, и за тобой.

И разрушим города навеки,
И пускай погибнут человеки!..
Стойте, люди! Стойте! Надо жить.
Патриарх ушел за нас служить.

* * *

Память моя не дает мне покоя,
Что мне дано, от кого и зачем?
Слов не ищу, но на душу такое
Льется простое, понятное всем.

Если все то, что пишу, — это правда,
Правда прошедших, погибших времен,
То ничего мне от жизни не надо,
Значит, и я до конца не рожден.

* * *

Когда-то я — еще не зная,
Что буду сочинять стихи —
На крыше нашего сарая
Сушил на солнце лопухи.

И думал, что листочки эти
Я закурю, как курит дед.
И накрутил я из газеты,
Как мне казалось, сигарет...

Прошли года, прошло и детство,
Теперь я в комнате один.

Я не курю, но хочет сердце
Почуять этот горький дым.

Стихов не надо, нет, не надо,
От них кружится голова.
Но все равно летят куда-то,
Как дым, летят мои слова.

...И вот он, мальчик соловьиный,
На сеновале спички жжет,
И с длинным прутиком малины
Из-за угла отец идет.

Россия, Русь! Храни себя, храни!

Н. Рубцов

Александр ОСЫКОВ

«ПОД ТВОИМ, РОССИЯ, НЕБОМ...»

Александр Иванович Осыков — родился в 1959 году в Белгороде. Окончил Белгородский технологический институт и аспирантуру в Москве, кандидат технических наук. Работал в проектных институтах, преподавал в вузах Белгорода. В настоящее время руководит ассоциацией проектировщиков Белгородской области. Автор трех поэтических сборников. Стихи и рассказы печатались в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Роман-журнал XXI век» и др. Лауреат Международного поэтического конкурса «Звезда полей — 2010» им. Н. М. Рубцова. Член Союза писателей России. **Живет в Белгороде.**

Русской чуткою душой
Зов земли и неба слышу.
Теплой Отчею рукой
Ты хранишь меня, Всевышний.

Чернозем родных полей
Материнским кормит хлебом,
И не счесть дорог-путей
Под твоим, Россия, небом.

Сколь по ней ни колеси —
Всю объять не хватит срока,
И в бескрайности Руси —
Русских крайностей истоки.

Рабский хмель, шальная блажь,
Жажда жгучая свободы,
И мучитель вечный наш —
Совесь — тайный дух народа.

И живет в сердцах у нас
Та любовь к земле родимой,
Что спасала всякий раз
Русь в нелегкую годину...

Воскресай, Святая Русь,
Наполняй мне душу силой,
Верой в то, что сам спасусь,
Если будет жить Россия.

Оттого и в смертный час —
Зов земли и неба слыша —
Повторю в последний раз:
Русь! Храни тебя Всевышний!

* * *

По аллеям осеннего парка
Ходит странный бродяга шальной,
И ему, бедолаге, не жарко
На ветру, в одежонке сырой.

Может, прежние дни вспоминает,
Незабытой любимой глаза.
По щеке его тихо стекает
Одинокой дождинкой слеза.

И мечтает согреться немного
У костра чьей-то доброй души,
Потому что не телом продрог он,
А от стужи сердечной дрожит.

Говорит мне: — А жизнь-то насмарку,
Порыжелым пожухла листом...
По аллеям осеннего парка
Мы с ним рядом куда-то бредем.

* * *

Почему-то все рвутся в столицы,
Говорят, жизнь в столицах сытней.
Ну, а мне мир российских провинций
И понятней, и с детства родней.

Здесь на стук открывают вам двери,
На добро отвечают добром.

Здесь в порядочность все еще верят,
В то, что жить можно честным трудом.

Оттого здесь приветливей лица.
Правда, время течет не спеша...
Но чем дальше живем от столиц мы,
Тем спокойней и чище душа.

* * *

Русь начинается с деревни,
В крестьянстве суть ее и стать.
Привыкли хлеб у нас издревле
Всему главою величать.

Так русское рождалось слово,
Творился русский здесь язык.

Но не одной заботой главной —
Страну кормить — крестьянин жил:
И дух народа православный
Из века в век в душе хранил,

А сколько гениев, героев
Взрастило русское село!
Зачем же разрушать устон
У нас в привычку уж вошло?..

И свято чтил уклад исконный,
Молитвы неустанный труд...
Превыше власти и закона
Был Божий страх и Божий суд.

И если выйти на просторы,
Где травами шумят поля,
Почудится — твердит с укором
Отчизна-мать сыра земля:

Красой земною очарован,
О сокровенном пел мужик —

— Как корень, что питает древо
И каждый стебель и побег,
Храните русскую деревню —
И Русь не кончится вовек!

* * *

Над русской славой кружит воронье...
Ю. Кузнецов

Вьется вновь воронье над Россией,
Белый свет застит черным крылом...
Собирай же последние силы,
Русь Святая, на битву со злом.

Распрями же могучие плечи,
Православный, великий народ.

Чтоб залетная, хищная нечисть
Не затмила навек небосвод,

Сроки близятся, русские люди,
Вспомним, братья, о долге земном:
Русь погибнет — и света не будет,
Отстоим Русь — мир Божий спасем!

* * *

Народу свыше дан язык,
Как тайный дар, как Божья мета,
И лишь иссякнет сей родник —
Народ бесследно канет в Лету.

Живым завещано хранить
Во имя общего спасенья
Язык — нетленных мыслей нить,
Связующую поколенья.

Ведь человеческая речь —
Народа плоть, его основа,
И чтоб Россию нам сберечь,
Беречь родное надо слово.

Чтоб до конца вселенских дней
Их разговор в веках бы длился —
За упокой души твоей
По-русски кто-нибудь молился...

* * *

Шепот ночи еле слышен,
Звезды светят не спеша.
В даль зовущую все выше
Вдруг уносится душа.

И в дыхании Вселенной
Чуя Божью благодать,
Буду о неизреченном
Я без усталости молчать.

* * *

Я — земной. Я однажды умру.
И душа, отделившись от тела,
Полетит в небеса неумело,
Замерзая на встречном ветру.

И Отца голос, тих и далек,
С согревающей душу тревогой
О птенце, позабывшем дорогу,
Мне шепнет: — Ты вернулся, сынок.

* * *

Звезда уставшая погасла,
И мир на миг осиротел.
Сквозь равнодушное пространство
Луч одинокий полетел.
Он нес к неведомым пределам
Звезды сгоревшей жар и боль...

Так жизни свет, покинув тело,
Его тепло берет с собой.

2/15 июля 1951 года

**Протоиерей
Борис
НИКОЛАЕВСКИЙ**

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ*

Протоиерей Борис Николаевский (1884–1954) последние годы своей жизни служил в Свято-Троицком храме в Лесном. В этот период отец Борис записал свои духовные размышления, касающиеся вопросов, волнующих его прихожан. Эти размышления составили содержание «Духовных бесед».

«Духовные беседы» подготовлены к публикации С. Н. Корытиным и Н. Б. Егоровой и печатаются по благословлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

*Продолжение. Начало в № 1, 2, 3, 4 за 2008 г., № 1, 2, 3, 4 за 2009 г. и № 1, 2, 3 за 2010 г.

Мне всегда приходит мысль, что я не доживу до следующей беседы, и эта мысль упорно побуждает меня сказать что-то такое, что осталось бы в ваших сердцах и после моей смерти, и вместе что-то такое, что было бы очень важным и необходимым для жизни вашей, стало бы указанием надолго в следующих годах вашей жизни.

И вот я вам хочу передать то, что Господу было угодно, чтобы я прочитал из книг святых подвижников в эти дни.

Начнем же, благословясь.

В прошлый раз я вам приводил слова архиепископа Иннокентия о том, откуда появился грех на земле. Вот эти слова его¹.

Грех везде и всегда от диавола. И вот обратите внимание на эти слова мои. Как же действует диавол на людей?

Как видите, здесь диавол действует непосредственно сам, внушая человеку грешные мысли, богохульные и богопротивные.

Причем запомните, братья: человек и не мыслит о том, что это чужие, посторонние мысли. Он, наоборот, убежден, что он сам это придумал, сам решил так, а не кто-то другой ему нашептывает.

Основная забота врага и состоит в том, чтобы остаться незамеченным, чтобы человек не узнал его: даже внушает человеку отрицать существование врага. Несчастливая жертва врага не верит, не желает слушать, издевается над речами о каких-то бесах и диаволах. Это все выдумки попов, говорит он, — это бабьи сказки. А враг-то с каким удовольствием слушает эти речи, мохнатые лапы свои потирает и знай

трубит в уши жертвы своей: так, так, дорогой мой, так и есть, как ты говоришь...

Это для неверов он — отрицатель всего святого. Для христиан, которые и крест носят, и молятся Господу и причащаются Святых Христовых Таин, положение иное.

Я уже говорил вам, что внимательный христианин всегда заметит, как враг задумает к нему подступить. В это время испытывается какое-то смущение: душа бедная наша видит врага, чувствует приближение его, сердце в страхе сжимается, мечется и тоскует. Что-то как-то неловко, неприятно, тяжело. Как-то гнетет всего человека.

Так сильно чувствуют привыкшие ко вниманию, к наблюдению за собою. А вообще же у всех христиан приближение врага ощущается по странному какому-то смущению, как-то неловко, неприятно бывает. Человек обычно отнесет эту неловкость и смущение к какому-нибудь недавно перед тем пережитому неприятному случаю, постарается освободиться, успокоиться, а врагу это только и надо. Он и действует: или мысли вкладывает, сначала вроде как и благочестивые, то есть ни хорошие, ни худые, вроде думы о том, что сегодня на обед купить, как и где сапоги починять и т. п., а если человек беседует с ним, слушает его речи, то дальше уже пойдут мысли немножко вредные, потом похуже, а потом и вовсе богопротивные.

А если здесь туго поддается, то он начнет действовать на чувства. Помните, как сказано в акафисте Господу Иисусу Христу: диавол действует на нас «страстями плотскими, блудным наваждением и злым унынием».

Епископ Феофан то же говорит, когда пишет, что враг вообще действует на чувства человека, возбуждая или раздражение, или блудное желание.

И очень часто достигает своего... Враг напоминает человеку то удовольствие, которое он испытывал прежде от того или иного греха, — это то, что св. апостол Павел называет «временная греха сладость» (Евр. 11, 25). Напомнит — и начнет развивать еще больше и в картинах рисовать прежний случай греха и т. д., и в огромном большинстве случаев враг достигает цели своей.

А если христианин бодрствует над собою по слову Господа: бодрствуйте, и еще говорю, бодрствуйте, попросту говоря, наблюдает за собой, размышляет, рассматривает свои мысли и чувствования и, сознавая свое полное бессилие, непрестанно молится Господу о помощи против ухищрений невидимого врага, — тогда врагу тут не удастся сорвать ничего, с позором бежит он. И, бессильный, свирепеет. В непомерной злобе своей он тогда напускает на человека того покорных рабов своих, или сознательных, или несознательных.

Скажите: не оговорился ли я, когда сказал: рабов диавола сознательных. Нет, не оговорился; такие рабы сатаны, которые сознательно служат диаволу, во все века были и будут.

За примерами ходить далеко не надо. Когда я был еще молодым студентом, однажды, не зная того, попал на собрание каких-то странных людей, которые пели гимн сатане, сочиненный известным в то время писателем Федором Сологубом. Гимн так и начинался: «Отец диавол!», а дальше шли кощунственные богохульные слова. Мы — молодые студенты — бежали опрометью от такой мерзости.

Это сознательные рабы сатаны. А несознательных — бесчисленное множество, да можно сказать, что такие и мы все, когда слушаем внушение врага и поступаем так, как он внушает: злимся и ругаемся, оскорбляем людей и т. п., делаем все, что не Божье.

А разве из здесь стоящих нет таких, которые служат диаволу и сами не понимают этого?! Желаете примеров? И это можно, да сколько угодно.

Ко мне обращается часто одна старушка. Она человек образованный, прекрасно воспитанная, глубокая и серьезная христианка, она пенсионерка, не работает, живет в квартире из нескольких комнат, которые также заняты. И вот соседки по квартире возненавидели эту бабушку. Стоит, говорит она, показаться на кухне, как тотчас начинаются насмешки, издевательства — с хохотом, с ужимками. Я, говорит, прошу об одном: «Оставьте меня в покое», — но ничего не действует, заплачу и уйду в свою комнату. И спрашивает: «Как мне, батюшка, быть?.. Что мне говорить? Что делать? Я никак не хочу оскорбить Господа».

И разве мало таких случаев у нас?..

Пусть не так резко они проявляются, но подобного много, много в нашей жизни. В самом деле, что же делать?.. Как вести себя?

Вот это второй вопрос из материала сегодняшней беседы. Я вам подробно об этом поведаю... Будет целая программа жизни — по вопросу о любви к ближнему.

В самом деле, как вести себя в подобных случаях?.. Сердиться? Ругаться? Кричать в ответ?..

А будет ли толк от этого? Можно ли их успокоить? Конечно, нет. Злом можно только разжечь зло. Как говорят, масла в огонь подлить, — это во-первых, а во-вторых — достойно ли это звания христианина?.. Господу Иисусу Христу любезен мир среди нас, а не ссоры и крики...

Старушка та говорит;

— Я пробовала их убеждать, уговаривать. Говорила — это не христианское дело, ведь вы в церковь ходите, ведь вы исповедуетесь и т. п. И в ответ такие кощунственные речи слышала, что скорее-скорее убегала и слышала «на дорожку»: «Эй ты, проповедница!.. Нам проповеди читать собираешься! Мы уже много их слышали!..» и прочее. Она, эта старушка, умоляла: «Оставьте меня в покое!..».

Да разве оставит нас в покое диавол?.. Никогда, никогда покою не даст... И не ждите этого... он нас искренне ненавидит. А этих людей просить о покое совершенно бесполезно, потому что враг владеет в эту минуту их сердцем и не может позволить появиться в сердце жалости к кому бы то ни было. Вся радость его — когда мы страдаем, когда нам больно, когда мы плачем от боли, а он смотрит и радуется.

Ведь он хочет досадить Господу, Ему насолить, Богу нашему. Дело в том, что люди и созданы, чтобы заполнить место пустое, которое образовалось в Ангельском мире, когда побежденный сатана был свергнут с неба в преисподнюю со своими клеветами. И сатана нас еще и не родившихся ненавидит и всегда рад нагадить нам — и все из зависти к нам... И он не позволит своим слугам жалеть нас, он так одурманит их голову и сердце, что там в то время и места нет ничему доброму. Бесполезно тогда и говорить с ними.

Как же быть-то, родные мои?.. Разберемся подробнее. Все нам это пригодится.

Прежде всего надо пожалеть этих людей: ведь они воистину не понимают, чью волю творят. Ведь если бы ясно поняли это, сами бы бежали от того ужаса, который пережили бы... Да... Пожалеть надо их...

И это точно по учению Господа: Любите враги ваша. Молитесь за оскорбляющих вас и гонящих вас. Благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас (Мф. 5, 44, 45). Здесь целая программа жизни изображена.

Я и говорю: не пытайтесь убеждать не подготовленных к тому. Господь Иисус Христос говорит: Не давайте святыни псам, не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами.

Для этого надо их подготовить. А как? Как это сделать? Молитесь за оскорбляющих вас, — сказал Господь. Потому я и говорил той старушке:

— Идете на кухню или куда бы то ни было, где можете их встретить, — вы по дороге из своей комнаты усиленно твердите в сердце своем: «Господи! Помогите мне промолчать. Господи! Прости их, вразуми их и т. п. Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!»

И если не стерпите, сейчас же уйдите молча. Слезы на глаза навернутся от незаслуженной обиды — это очень хорошо. Ангел Хранитель их ведь тоже не спит, и сейчас же кольнет совесть: «В самом деле, за что я бабушку обижаю?.. Ладно ли это?..» По молитве вашей к Господу сердце обидчицы уже приоткрылось, и Ангелу Господню хоть маленькая щелочка осталась, чтобы заронить доброе семечко...

«Смотри, — говорит ей Ангел Хранитель, — она плачет, а ты разве не заплачешь, если тебя так обижать начнут?» Ведь Господь сказал: Какою мерою мерите, такую и вам будут мерить. Чего не хотите, чтобы вам сделали люди, и вы не делайте им (Мф. 7, 2).

Упадет на сердце человека, проникнет туда слово Всемогущего Господа и... не может остаться без следа, без результата. Ведь это слово Всемогущего Бога, и оно имеет страшную, непобедимую силу.

Не стерпит диавол, тотчас и отступится, приступит Ангел Хранитель. И сердце вашей обидчицы уже подготовлено будет, и ваши уговоры, убеждения на следующий раз упадут на добрую почву.

Теперь не пропустите момента, скажите, что можете, желая ей душевного спасения. Только чтобы не было у вас желания отомстить ей. А если еще ваша обидчица заболит, в беду попадет, то вы, как будто ничего и не было, навестите ее, да еще поможете ей — тут уже не устоит самое жестокое сердце. И это опять не мое слово, а Господа Иисуса Христа: Благотворите ненавидящим вас, и будете сынами Отца Вашего Небесного, ибо Он повелевает Солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных (Мф. 5, 44—45).

И выходит — вы будете христианка истинная. И вместо горести от обиды в сердце вашем получите тихую радость, нежное прикосновение Руки Господней, а с Ней и дивное утешение. Тогда и меня вспомните, скажите: «Прости, Господи, нашего батюшку, помилуй его — ведь это он напомнил мне волю Твою, Господи!»

А Господа благодарите за утешение, за тихую радость, и, поступая впредь подобно вышесказанному, сохраните эту радость Господню надолго. Чуть не сказал: навсегда. А лучше этого и желать нечего. И себе вечная радость, и бывшим обидчикам — Царство Небесное!

Вот целая программа жизни в наших условиях. Здесь все по Евангелию. Здесь приложение Евангелия к нашей жизни.

Я сказал вам, как враг к нам подступает — как учат Божьи святые, подвижники и учителя Церкви. И указал, как Евангелие учит относиться к обидящим и ненавидящим нас.

Первый вопрос еще кратко повторю (для крепости): Во-первых, враг действует помыслами злыми, от них отбиваться — только Именем Господним, молитвой Иисусовой. Именем Моим бесы прогонятся, — сказал Господь (Мф. 16, 17).

Во-вторых, враг действует прямо на сердце человека, здесь оружие единственное — молитва Иисусова.

В-третьих, враг науськивает людей — своих покорных слуг, — как было здесь выше указано.

Вот и все. Конец и Богу слава!

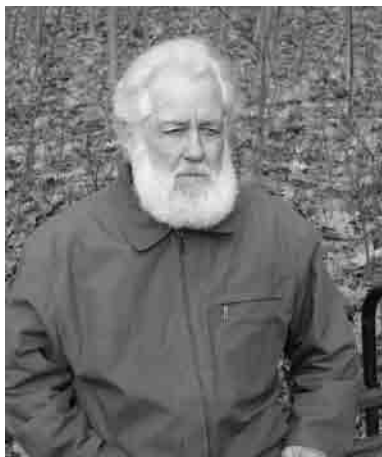
ИМПЕРАТОРСКИЙ ПЕТЕРБУРГ

*Санкт-Петербург
на старинных
фотографиях,
рисунках
и открытках*

Император Николай I. Старинный рисунок

Борис СПОРОВ

ГОРЬКАЯ ОСИНА

Рассказ

Борис Федорович Споров — родился в 1934 году в Актюбинске. Работал на заводе, на строительстве Горьковской ГЭС слесарем, электросварщиком, сборщиком и монтажником. Заочно получил среднее и высшее образование. Автор многих книг прозы. Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Маргелов — человек пришлый. Его нельзя было не приметить. Лет ему за сорок, и выглядел он на свои года. Крепкого сложения, но исхудавший, без улыбки, замкнутый и ясноглазый. Пышные русые волосы с залысинами на лбу, потерявшая кепка серого цвета; на плечах свитер и изрядно поношенный полушерстяной костюм, тоже серый; на ногах грубые, похоже, солдатские ботинки с подковками на каблуках. В руке клеенчатая хозяйственная сумка... В таком виде он и появился в поселке, в таком и предстал перед хозяйкой лачужной хижины. Женщина еще не старая, но окончательно изболевшаяся, открыла входную дверь, Маргелов что-то ей сказал, и они прошли внутрь жилища. О чем говорили, как договаривались, никто не знал и не знает, но договорились: она пропишет его в своей хибарке с условием, что жить он здесь не будет, потому что не влезет вдвоем и потолок низкий, а он для начала отблагодарит ее на зиму дровами. Больших сложностей с пропиской не было, хотя и в отделении не обошлось без торгов.

Начальником коммунальной службы при поселковом совете был старый подполковник в отставке, чекист с «обмороженными» глазами, Алексей Александрович Лажин. Человек опытный, посетителей он просвечивал насквозь, брал по возможности даже мелкие взятки, а по совместительству был секретарем партийной организации и руководил советом ветеранов. Алексей Александрович тотчас понял, зачем пришел залетный. На приветствие он вздохнул сокрушенно, пошлепал мясистыми губами и сказал:

— Мне нужен плотник, по текущему ремонту, и конюх — по совместительству, что-то привезти, отвезти, ну и напоить, накормить...

Маргелов кивнул в ответ, а Лажин легонько постучал тыльной стороной ладони по столешнице, что значило — выкладывай ксиву. Едва глянув в паспорт, он присвистнул через пробел зубов.

— И реабилитанс сюда... Э, да ты богатый, десятник!.. Смотри, и здесь можно схлопотать... Я тут и кадрами распоряжаюсь. Садись, пиши заявление, сейчас и оформлю. Только договоримся, не пить и служить не меньше трех лет — это как прямой договор на срок, иначе не приживешься.

Маргелов хотел спросить, а нет ли какой-нибудь крыши, но промолчал, счел преждевременным, лишь кивнул в знак согласия. Вот так за неделю пребывания Маргелов обрел прописку и работу с нищенским окладом.

Заявок на плотника накопилась пухлая пачка. С утра Маргелов просматривал с десяток заявок, запрягал лошадь, укладывал на телегу необходимый материал, сюда же ставил тяжелую ношатку с инструментом и гвоздями, вешал замок на ворота сарая со стойлом для лошади — туда же на ночь он вкатывал и телегу — и отправлялся по адресам с оговоркой:

— Пошли, Рыжуха, за сухарями...

Довоенные поссоветовские дома из брусьев, когда-то двухквартирные, а теперь без малого все четырехквартирные, давно требовали капитального ремонта, но Маргелову приходилось ладить крылечки, двери, цоколи утепленных веранд, менять на крыше гнилые листы шифера. Или что-нибудь с сараем, с калиткой и даже с туалетом на участке. Случались и сложные работы, когда, скажем, стропилами выворачивало верхние брусья стен.

Так с утра он и начинал от дома к дому по порядку заявок. Работал Маргелов споро, делал прочно — и этого не могла не заметить даже старуха. Пока Рыжуха подергивала подвешенное на забор сено, Маргелов за полчаса-час управлялся с заявкой, собирал обрезки материала в телегу и кричал:

— Хозяйка, все готово — иди распишись!

Собирал в ношатку инструмент и уходил с участка. Не приученные к такому обслуживанию бабы и рты раскрывали, а опомнившись, непременно окликали:

— Эй, мил человек, как хоть тебя зовут?.. Иван Родионович? Вон как. Иди, Иван, я для тебя четвертинку купила, и закусишь.

— Я не пью, — отвечал Маргелов, чем буквально и ошарашивал бабу.

— Так иди хоть поешь. Чего кобенишься?

Иногда, помедлив, он возвращался и, как правило, плотно поев, отправлялся по следующему адресу. Если бывал сыт, клал что-нибудь из еды в хозяйственную сумку — на вечер или на утро.

И уже после первых двух недель по поселку пошла гулять молва о плотнике, трезвеннике Иване, который уж очень хорош в работе и обходительный. Слухи эти в первую очередь доходили до Лажина, на что он посмеивался, приборматывая себе под нос:

— Нахлебался баланды, щец мясных захотелось...

* * *

Минул месяц, минули два: заявки несли, но это уже были единицы — в связи с первыми заморозками.

Председателем поселкового совета был Воронов Василий Васильевич. Тоже отставник, но этот летун — летал он на первых реактивных истребителях, поднялся только до майора — и теперь имел букет неизлечимых недугов, увядающую жену без детей и добротный собственный особняк в два этажа. Воронов бледен, ходил как будто осторожно, но характером был крут и капризен.

Дома у него без забот: жена — и поссоветовские рабочие при нужде. Но спал он плохо, просыпался рано и нередко, даже не позавтракав, затемно шел в поссовет — там он в одиночестве перебирал бумаги, принимал решения, уничтожал сомнительные документы — и ему при этом бывало легко.

Заложив руки в карманы утепленного плаща, шел он и рассеянно думал о том, как быстро в последние годы летит время: давно ли был День Победы; принимали после летнего ремонта школу, а потом поздравляли тех, которые первый раз в первый класс, а уже, смотри, ледок похрустывает под ногами, скоро ноябрьские праздники, а там и Новый год — еще на год ближе к концу... При этом вздрагивали плечи — боялся Воронов смерти, а вот когда летал — не боялся. Потому, наверно, на земле пребывал он в унынии.

Уже рассвело. Поблескивали стеклышки льдинок под ногами. Шел Воронов, не поднимая глаз, тихо и сокрушенно вздыхал. А когда глянул вперед, то уже приближался к поссовету с флагом на коньке. Хозяйским глазом он тотчас заметил, что на конюшенном сарае нет замка.

«Что такое?» — хмурясь, подумал «хозяин» и решительно прошел вглубь двора, огибая одноэтажный домик поссовета. Секунду помедлив, он взялся за дверную скобу, но дверь была закрыта изнутри, медленно отошло одно из звеньев ворот. В стойле всхрапнула Рыжуха, а на телеге из-под какой-то хламы поднял голову плотник Маргелов.

— Ты что, пьяный?

Маргелов откинул на сторону хламиду и сел.

— Нет, я не пью, — спокойно ответил он. Листья сухой травы живописно свисали с его головы. Даже в полутьме сарая можно было понять, что человек не с похмелья.

— Так в чем дело? Почему здесь?

— Нет крыши...

— Разошелся?

— Я не был женат.

— Где же твои вещи?

— Вот и вещи, — с горькой усмешкой Маргелов кивнул на хозяйственную сумку на стене сарая.

— Но здесь же холодно...

Тем временем одетый и обутый Маргелов скакнул с телеги, снял фанерку с ведра с водой, ткнулся рукой — ледок.

— Действительно, холодает, — проворчал, разрушил пленку льда и ополоснул лицо. Утерся тряпицей из сумки, быстро причесал волосы, повернулся, чтобы спросить у председателя, что за срочное дело привело его, но председателя уже не было. Помедлив, Маргелов подхватил ведро, из которого только что умылся, и прошел напоить Рыжуху.

А неделю спустя, как будто обшаривая взглядом карманы Маргелова, Лажин сказал:

— На вот, — подал два ключа на колечке и голубоватый ордер на жилье, с печатью и подписью. — Мы ведь добрые мужики — работай, живи.

Казалось, с безразличием прочел Маргелов ордер на жилье площадью в 12,5 квадратных метров по улице Гоголя, 12. Но лишь момент потребовался для осознания:

— Господи, спасибо!.. Не знаю, чем и отблагодарить вас. Ведь это крыша...

— Крытая... Да чем ты можешь отблагодарить!.. Ну купишь армянского с пятью звездочками — и ладно. — И пренебрежительно отстранился, занялся своими делами управдом.

Мгновенный взрыв, непредвиденный и страстный. Рыжуха дремала в оглоблях. Маргелов тихо вскрикнул, сорвал со стены свою хозяйственную сумку, вспрыгнул на грядку телеги и, наверно, впервые хлестнул кобылу кнутом. Но рабочая коняга лишь вздрогнула и смиренно пошла на дорогу, и только по дороге загремела колесами.

Он знал и эту улицу, и этот дом, но его так взвинчивало нетерпение, что он вскоре спрыгнул с телеги и побежал рядом с вожжами в руке. Так они и прибежали к калитке, рядом с которой была прибита табличка «Гоголя, 12». Накинув вожжи на штaketник и видя, что соседей по половине дома нет — замок, Маргелов побежал через участок. На крылечке на секунду замер, прикрыл глаза и перекрестился.

Здесь месяца два как умерла одинокая старушка. И все, что было у нее в комнатухе, так и осталось на месте. Вход с крыльца на кухню — 4,5 квадратных метра, а за легкой переборкой комната — 8 квадратных метров с одним широким окном. На кухне стол с посудой — в столе хозяйничали мыши. Здесь же печная топка. За переборкой опять же простой стол под клеенкой, кровать высокая, с пружинным матрасом, старый комод да четыре стула. Но еще не восприняв всего этого, Маргелов увидел невысоко в правом углу картонную иконку Казанской Божией Матери — и только теперь вспомнил, что сегодня праздник Иконы Казанской Божией Матери. И упал Маргелов на колени: он и крестился, и плакал, и повторял задыхаясь:

— Господи, прости... Матерь Божия, слава Тебе! Господи...

И еще долго плечи его вздрагивали.

Из комнаты Маргелов вынес все в сарай, где еще оставались и дровишки. Что-то купил в магазине, но в основном прихватил у Лажина, и уже с утра принялся за ремонт, в три дня и закончил с покраской рам и пола. Переночевал в сарае, а утром ножом вспорол подкладку пиджака, извлек хорошо упакованные деньги, которые заработал в шахте и берег на черный или на светлый день. Сумма была приличная — и уже к обеду на Рыжухе Маргелов привез из районного центра в шести километрах односпальный раскладной диванчик, письменный стол, кресло и два стула, коробку кухонной посуды, двухконфорную настольную газовую плиту с двумя баллонами, что-то еще и под ноги недорогой ковер. Все это расставил и тогда уже основательно переселился в свое (!) жилье.

Итак, крыша над головой есть.

На следующий день, в субботу, он уехал в Москву и к вечеру привез большой чемодан белья, костюм, куртку осеннюю, утепленное осеннее пальто и обувь на зиму и весну. И это не все. Неделю между делом Маргелов пилил и строгал доски, и к следующей субботе поставил два книжных стел-

лажа, слева по всей звукопроницаемой стене жилой комнаты. А потом исчез. Два дня его не было — приехал на грузотакси с тяжелыми упакованными коробками. Любопытные соседushки так и обозревали со всех сторон: и чего это Иван привез? Но так и не смогли догадаться, что в коробках — книги. Привез он и две иконы: Казанскую Божию Матерь, Господа Вседержителя и лампадку. Расставил книги к полуночи, сел к письменному столу, зажег настольную лампу. Пошелестел оставшимися деньгами, прошелся по комнате.

— Ну, что тебе еще надо? — подумал вслух и тотчас спохватился: — Холодильник!.. Его и здесь можно купить — завтра и привезу...

И привез.

И не только: на работу он ходил аккуратно, но в то же время изо дня в день привозил цемент, песок, от лесника бревна, со стройдвора горбыль и шифер от Лажина. А в конце недели ему привезли целый ЗИЛ: доски, бруссы, рамы с коробками, дверь с коробкой: на соседнем поселке на территории завода помешала контора, ее и разбирали на дрова. Лажин и подсказал. Маргелов дал мужикам сто пятьдесят рублей — привезли и сгрузили.

Так и начал Маргелов строить засыпную пристройку вместо тамбурочка при входе. Должно было получиться десять квадратных метров кухонной площади и небольшая верандочка.

И он строил, отдавая этому все время, строил при электрическом освещении, в любую погоду, строил прочно, на совесть, впервые для себя. И построил. За сорок ненастных дней довел до ума. Прихожая-кухня-столовая получилась отменная.

С соседями Маргелов не общался. И никто не знал, откуда он взялся, пришлый Иван. В свободные воскресные дни от темна до темна дома его обычно не было. Замечали, что рано утром он уезжал на электричке в Москву, но зачем — не догадывались.

Вдоволь помотался по России Маргелов, но нигде как в Подмосковье не встречал столь беспутных и наглых мужиков: в каждом доме если есть мужик, то алкаш, к тому же нередко безработный и нахрапистый. С утра улица сползала к калитке соседнего дома похмеляться, и если Маргелов в это время шел на работу, они, особенно первую осень, провожали его глухим ворчливым матом. Это потому, что пришлый не давал им в долг, сам не пил и не приглашал в свой холостяцкий угол на бормотуху. И только битый, но работающий сосед-алкаш, к калитке которого тянулись обычно жучки, тридцатипятилетний Миша, все-таки просачивался в переднюю Маргелова. Однажды он даже взялся за скобу закрытой двери, чтобы пройти в спальный отсек, но Маргелов предупредил его за кисть руки.

— А туда не надо...

Миша почувствовал волю в руке, а в голосе — мужика в законе.

— Ты что там, химичишь валюту?..

— Химищу...

— Закон-тайга, все усек. — И сел, выставив на стол бутылку водки. — Давай ради праздничка... Иван, а что, в натуре праздник — работать нельзя, а пить можно... А ты когда откинулся?

Маргелов усмехнулся:

— Ну, кнут цветной, по почерку видно — через решку аукался, коня просил...

Довольный Миша ощерился беззубым ртом:

— Ваня, а нас издалека видать. Я две ходки, и ты верняк — две.

— Одну за три, — проворчал Маргелов, заваривая чай.

— Ясненько, без допроса! — восторженно оживился Миша. — Стало быть, десятник... Вот и давай, за тех, кто на кандее! — и расплылся в улыбке.

— Ты что, комольи? Я же сказал — не пью... Пей, закусить — на столе. А я чаек буду. — Маргелов еще поворожил вокруг заварки, налил себе в чашку и присел к столу.

— Ну, обижаешь. А мне глоточек, я вместе с водкой буду.

И после этого молча сидели и пили каждый свое — и закусывали...

Когда же к Мишиной калитке сходились алкаши, курили и плевали под ноги, хмурые от хмеля и дури, Миша, посмеиваясь, не раз повторял:

— Нет, к Ивану за тройками — кыш, сквозняк. А мужик он путевый: за троих отволот и чай пьет — в масть...

Алкаши слушали и молча кивали головами — поняли, свой.

* * *

А время шло. И уже за первую зиму поселковые бабы освоили, что Иван — мужик одинокий, не пьет, не курит, а по ночам «химичит»: в окне у него огонек почти до утра — зачем это ему зря свет жечь... Так за глаза и называли «химиком». Пытали соседку по квартире — чего он там? Та и руки на стороны разводила:

— Не слышать, никак двойную стену сделал. Тюкает там на печатной машинке...

Среди лета следующего года он взял преждевременно отпуск и в тот же день уехал в Москву, преобразившийся, с иголочки одетый. Соседка, вышедшая на крыльцо, прищурилась с улыбкой и пропела:

— Иван, ядрена копоть, да ты жених! А я и не замечала.

Улыбнулся и Маргелов:

— Жаль, что ты не невеста — было бы у нас полдома...

С того времени вне работы его уже не видели в рабочей форме. И начали разведенные и вдовы оглядываться на Маргелова. Он замечал это — и раздражался. А вскоре явились и в гости: недавняя вдова участкового милиционера, как танк в броне, с подругой:

— Можно ли, Иван?

— Здравствуй, Иван.

А он дверь в спальный кабинет закрыл, повернулся и молча кивнул в знак приветствия.

— Иван, нужда в тебе есть. У Лиды вся мебель рассохлась, качается, скрипит. Зашел бы посмотреть: можно ли починить или уж новую покупать. Я ей говорю, и расхатывать некому, а расхатала; дочь невеста, и у самой мужика нет.

И кивал, соглашаясь, Маргелов.

— Вон как у тебя все ладно, привык холостяком.

— А что, Иван, баб-то на каждом шагу неужоженных, правда?

И усмехался Маргелов.

— Ты хоть бы чаем, что ли, угостил, если ничего другого не пьешь! — и похохатывали обе, только груди вздрагивали. Маргелов поставил на стол

чашки и сахар, разлил всю заварку из заварного чайника, долил кипятком. Взял свою чашку и стоя начал пить.

— Как кофий черный...

— Ты что, Иван, отравить решил?

— Нет, это вы решили... Что сам пью, тем и угощаю.

Сваха достала из сумочки плитку шоколада, развернула и поломала ее. А невеста, решив испытать, хорошо глотнула черного варева: в горле у нее так и заклохтало. Зажав ладонью рот, она выбежала в двери на участок, где и начала отплеивать горечь. Сваха прищурилась мудро, поджала губы.

— Иван, ты что как пенек — молчишь и молчишь?! И ушами хлопаешь? Баба-то какая: с квартирой и дочь на выданье, сама буфетом в гостинице московской, торгует. Баба что надо!

Маргелов тоже поджал губы и аккуратно поставил чашку на стол.

— А о чем говорить? Да и с ней что делать? Вместо Рыжухи прягать...

— Ну ты даешь, парень, холостыми стреляешь. Или невестаниха?

— Угу...

Вошла невеста. Сваха поднялась, сгребла в сумочку шоколад и повелительно сказала:

— Айда, подруженька, у него невестаниха.

И вышли одна за другой — и дверью хлопнули.

А уже вскоре поползли слухи — исходили они от секретаря поссовета, статной и даже умной женщины, которой вскоре тоже предстояло овдоветь.

— А Иван-то, надо же, в его-то годы, поссоветовский конюх, в институте учится. Сама секретарша и говорила...

— Вот и молодец, все лучше, чем водку жрать...

Подобные диалоги можно было услышать в разных концах поселка. Однако новость мало кого интересовала, уже вскоре о ней и вовсе забыли.

Заметили соседи и то, что в гости к Ивану начал похаживать местный учитель математики. Иногда они играли в шахматы, о чем-то говорили, смеялись, что совсем уж не укладывалось в характер Ивана. Однако и к этому привыкли, тем более что Михаил Абрамович попадался на глаза очень редко.

Неожиданно похоронили председателя Воронова, и только тогда многие сделали открытие: а Василий-то Васильевич человек хороший — был... После похорон Лажин вошел в старческий запой, да и не выходил из него слишком долго — похоже, рядом ощущал он и свою смерть.

Маргелов совсем немного не доработал трех лет. После летней сессии в институте, когда были сданы экзамены за последний курс, неделю спустя он вошел в кабинет к своему начальнику. Лажин сидел за столом унылый и тяжелый, руки его как клешни застыли на столешнице.

— Ну что? — спросил он. — Может, набулькать?

— Нет, Алексей Александрович, я по делу...

— По мокрому? — и неестественно-кривая усмешка исказила его лицо. — Ну и что?

— Заявление написал, уволиться решил.

— И куда?

— В нашу школу... учителем.
— Учителем, мучителем... Не знаю, что ты здесь кувыркаешься, давно бы и уволился.
— За слово надо отвечать.
— Смешной ты — три года пахал... Давай заявление. Хочешь напишу, что работал секретарем поссовета.
— Не надо. Напишите — конюхом, в связи с переходом на работу в школу.
— А что, напишу — конюхом!
И написал.

II

Восьмилетняя поселковая школа находилась на параллельной улице в десяти минутах ходьбы. Ничего не скажешь — удобно. Приняли доброжелательно преподавателем по труду — столярное и слесарное дело. Одна беда: Маргелова смущали дети, развязные и дерзкие, болезненные и крикливые — и все вытянутые, как картофельные стебли в темноте. И в то же время с первых дней он заметил, что мальчишки относятся к нему настороженно, боятся его и не позволяют себе обычных вольностей. Не раз случайно приходилось выслушивать и подобные суждения:

— Эх и злая у него морда. Только и жди — врежет в ухо.
— Конюх. А теперь нас учит...
— Матуха говорит: хороший человек — не пьющий, и руки золотые.
И Маргелов смущался.

Смущался он и в учительской. Чувствовал себя чужаком среди женщин, хотя внешне держался достойно. И молчал по-прежнему: спросят — ответит. Но однажды, войдя в учительскую, Маргелов понял, что прервал разговор о нем: замолчали женщины, уткнулись в свои тетради с планами, и только Михаил Абрамович, маленький и большеротый, улыбался. Директор школы Ирина Васильевна, средних лет, мужского склада, спросила:

— Иван Родионович, я сегодня несчетно раз мимо ваших мастерских проходила: постукивают, работают, ни крика, ни шума, ни беготни — как вы управляетесь с ними? У нас обычно на уроках труда творилось столпотворение.

Маргелов пожал плечами:

— Я и не управляюсь с ними. Я молчу — и они молчат, спрашиваю — отвечают, показываю, как делать, — делают...

— А Иван Родионович на стенку кнут повесил, Рыжуху которым погонял, — вот и послушные, — шутливо подсказал Михаил Абрамович.

Засмеялись. Усмехнулся и Маргелов. Он поставил на место журнал, выбрал для следующего урока другой и, не сказав еще ни слова, ушел в мастерскую, чтобы подготовить материал и инструмент до прихода ребят...

Принимали Маргелова в трудовики с условием: пока он работает, будут подыскивать нового трудовика, а после зимних каникул преподавательница русского языка и литературы уходит в декретный отпуск, и тогда на ее место передвинут Маргелова, а пока в свободное время он может побывать у нее на уроках, чтобы приглядеться и перенять опыт.

Так все и сложилось, однако в итоге подстерегала курьезная неожиданность: ученики взбунтовались — с одной стороны, отвергали нового трудовика, вплоть до того, что убегали с уроков — все; с другой стороны — посыпались жалобы на нового литератора: требует незнамо что, задает незнамо что — и поливает всех двойками. Завуч с директором засуетились: побывали у Маргелова на уроках, все поняли и решили провести беседу.

— Иван Родионович, — начала завуч, — у вас и планы соответственные, по программе, и знаний, слава Богу, у вас достаточно, но меня, например, удивляет, почему вы не объясняете, не толкуете тексты, не расставляете акцентов, работаете на уроках вне учебника?

— И если учесть к тому же количество двоек в журналах! — директор и руки на стороны развела, — то это уже совсем проруха. Необъясненные тексты дети, естественно, не могут самостоятельно понять, чтобы ответить на уроке хотя бы удовлетворительно.

— И по русскому языку: я посмотрела изложения и диктанты — всюду завышенные требования. Отсюда и двойки...

— Наверно, я еще не доучился и опыта мало, — прикрыв глаза, согласился Маргелов. — Двоек, действительно, многовато, но их будет становиться все меньше и меньше... Я так думаю: учебник литературы — для учеников, они самостоятельно обязаны прочесть тексты, разобрать их, ответить на вопросы, а уж на уроке при опросе мы и обсудим тему. А я, как учитель, обязан расширить этот материал, рассказать о том, чего в учебнике нет. Так мне видится рациональный урок в школе.

— М-да, — начала было директор, но тотчас и усмехнулась: — Иван Родионович, да это же не для наших детей!...

Пропустил мимо ушей, продолжил свое:

— По языку я все объясняю в классе, но контрольные работы и задания выбираю наиболее трудные. Это поможет им в дальнейшем сознательнее справляться с изложениями и сочинениями. Мне кажется, не беда, если пока они будут получать низкие оценки. Это ведь все условно.

— Условно-то условно, но первая же проверка из районо — и выговор навешают всем.

— Об этом я как-то не подумал, — с удивлением согласился Маргелов. — А еще что?

— Еще? — это уже директор. — Чтобы ни одного второгодника у вас не было...

Итак, поговорили обо всем понемногу, а когда Маргелов вышел их кабинета, наконец-то директор закурила и начальственно сказала:

— Он или чужак, или в будущем замечательный педагог.

— Скорее первое.

И обе невесело засмеялись.

* * *

Время шло. Ученики с учителем находили общие интересы. Дирекция успокоилась, тем более дело-то временное. Весело погогатывал лишь Михаил Абрамович:

— Не трусьте, Иван Родионович, и не вздумайте оставить меня одного в окружении женщин — я уже давно устал от них!..

И усмехался в ответ Маргелов, и спешил, спешил под «свою» крышу. Улица привыкла, что вечен свет в окне «химика» — рассуждали: книги читает, тетради проверяет; шутка ли — то плотник на Рыжухе, а то учитель в школе.

Зарплата немногим больше, чем у конюха, но Маргелов не унывал и даже внешне преображался: на лице все глубже залегала умственная сосредоточенность.

Накануне весенних каникул случились три события, заметно взволновавшие не только Маргелова, но и школу.

Неожиданно из районо прислали проверочные работы по основным предметам. В таких случаях на уроках присутствуют «надзиратели» от районо и администрации школы. Что в конвертах — нельзя было предугадать, охватывало волнение. Но когда в восьмых классах вскрыли конверты, губы Маргелова изогнулись в усмешке. Подобные задания он давал на час для тренировки. А тут два часа!.. В итоге из двух классов — одна тройка! Даже инспектор районо смутилась:

— Мне что-то непонятно, как так может быть — не поверят!

Директор улыбнулась:

— Это уж вы пытайте Ивана Родионовича, он у нас экспериментатор... А не поверят, пусть сами и приезжают.

Успех был очевиден — за столь короткое время! И Маргелов нервно сжимал кулаки, подбирал губы, как если бы готовился к драке.

Но долетела обычная в этом деле весть: декретная литераторша родила сына. Сына так сына, лишь бы благополучно. Но Маргелов взволновался и всем докладывал:

— Вы слышали — сына родила, понимаете, сына! Какое счастье...

В тот же день он поехал в районный центр, купил на рынке букет тюльпанов и передал роженице с пожеланием здоровья сыну.

И еще весть: во время каникул он получил учительский журнал «Литература в школе» со своей статьей «Преподавание литературы в средних классах». Первая серьезная публикация, да еще с не менее серьезным гонораром. Было от чего всколыхнуться сердцу.

И маячил по ночам огонек сквозь штору из окна «химика», и по-прежнему никто не знал, чем он занят, что делает.

Близилась последние звонки, экзамены для старшеклассников, после чего сессия и для Маргелова — затем госэкзамены. И он верил, что все будет хорошо, потому что жил этим. Но уже в середине мая в школу пришла ошастливленная сыном литераторша и объявила, что с нового учебного года непременно выйдет на работу, следовательно, Маргелову часов не будет.

— Что же делать, у нее сын, ей надо, а я один, у меня нет сына, я уйду... Вы только позвольте использовать мне отпуск на сессию и госэкзамены, а там я и уволюсь, как же иначе?! — впервые почти скороговоркой рассудил Маргелов, даже директор в удивлении вскинула взгляд, решив, что тяжело человеку расставаться с предметом.

— А что, Иван Родионович, может, возьметесь за труд? Этого увольнять будем — пьют.

Маргелов долго молчал, чем окончательно смутил директора.

— А что, и часов немного найдем...

— Нет, — возразил Маргелов и улыбнулся. — Теперь в трудовики я уже не пойду...

Все вершилось по сказанному: выпускники по русскому языку и литературе сдали экзамены лучше, чем ожидал Маргелов. Сессия выдалась трудная, а госэкзамены без затруднений. В августе он получил диплом и тотчас уволился из школы. К тому времени в «Учительской газете» была опубликована его большая статья опять же о преподавании литературы. Так что по неостывшей дороге Маргелов поехал к шефу в институт.

Шеф, пятидесятилетний доктор, Рабин Марк Антонович, годился в товарищи по возрасту и общим интересам, но Маргелов не позволял себе напрашиваться в свояки. После обсуждения газетной статьи он все же поделился собственным положением:

— Знаете, Марк Антонович, вышла моя роженица, родила сына и вышла. Делить нечего — да у нее ведь сын! Трудовиком отказался, так что ушел — буду смотреть: куда? А пока работаю над статьей «Гоголь в школе»...

— Ты, Иван, оставь Гоголя! — с возмущением прервал шеф. — Думать надо, на ноги встать надо, а потом Гоголь-могиль. Уж этот мне Гоголь, кто только о нем не писал! Прежде надо найти школу или еще что-то, а заодно прикрепиться в аспирантуру — можно к нам или куда-то еще, но чтобы время работало на тебя — ты и так уже пятнадцать лет подарил вождям!

Марк Антонович вращал над столом растопыренные пальцы, о чем-то соображая и изредка как будто выкрикивая:

— Гоголь!.. Могиль!..

Наконец он прекратил дурачиться. Глаза его как будто заволокло морозом — и сделался он мертвенно суровым. Поиграл пальцами по столу и сказал определенно и однозначно:

— К нам... я буду твоим руководителем... А сейчас позвоним институтскому однокашнику Ларину, он так и застрял в директорах, поинтересуемся — нет ли у него часов?

И позвонил — и за пятнадцать минут, не выходя из кабинета, решил все проблемы, походя, определив будущее Маргелова.

* * *

Школа замечательная, на Фрунзенской набережной, директор школы, Анатолий Николаевич Ларин, оказался человеком приятного покроя: видный и внушительный, хорошо знающий и любящий свое дело, но тихий и кроткий, полагали даже, что бесхребетный. Он поднялся навстречу, с улыбкой поздоровался за руку и заботливо усадил Маргелова в креслице. Сам же сел за стол.

— А я ведь статьи ваши прочел сразу по выходе из печати и, знаете, очень даже заинтересовался. Я ведь по образованию тоже литератор и не раз задумывался над этим, а вот что-то в статье реализовать не решался. Да и дело ведь не только в этом. Национальная культура подорвана — вот беда.

— Иначе и быть не могло... — и Маргелов запнулся.

Ларин настороженно глянул на него, но тотчас улыбнулся и продолжил свое:

— Знаете, я предложил Белецкой, одному из наших литераторов, провести такой мини-эксперимент. Пусть попробует, а потом обсудим на нашем ученом совете. У нас ведь и ученый совет имеется!.. А в общем, статьи ваши, доложу вам, не останутся без внимания.

— Спасибо, — поблагодарил Маргелов, все еще не совсем понимая, сказал он или нет чего-нибудь лишнего.

— А живете вы, значит, в Подмоскowie. Далеко, уставать будете... И что же вы для кандидатской думаете подготовить, или уже готово?.. Разрешите ваш паспорт... м-да. Часов у нас наберется не больше двенадцати, зато, я подумал, можно бы проводить внеурочные занятия: «Литература в школе и дома», — на такие инкарнации деньги нам отпускают. С чего бы вы начали занятия?

— С чего? С того, что классики и живущие ныне достойные писатели и поэты — это наши учителя.

— А как же быть с «Доктором Живаго»?

И Маргелов смешался, но лишь на мгновение. «Доктора Живаго» он считал лживым романом настолько, что так и не осилил дочитать до конца. Ларин заметил замешательство, однако и Маргелов вышел из неловкости, пожалуй, неплохо:

— С этим я воздержался бы — «Живаго» пока еще не отстоялся!

— Да, да, можно и так... Позвольте мне трудовую и заявление... М-да, оригинальное сожительство: конюх и учитель... Хорошо, я подпишу заявление с испытательным сроком на четыре месяца, то есть до зимних каникул. У нас так принято.

И только теперь Ларин, качнувшись на стуле, с виноватой улыбкой спросил:

— Скажите, Иван Родионович, а за что вы так долго сидели в тюрьме?

— Во-первых, не сидел, а работал, во-вторых, не в тюрьме, а в лагерях, в-третьих, обычно не спрашивают за что, не принято так, спрашивают: по какой статье?.. По пятьдесят восьмой. Скоро пять лет как реабилитирован за отсутствием состава преступления.

— Да, да, вот тебе и не хлебом единым... Значит, в аспирантуру рекомендовал Марк Антонович? Что ж, руководитель надежный — и как ученый, и как человек... На сегодня, простите, все. Позвоните дня через три — как пройдет оформление... все ведь может быть.

Оформление прошло, как — этого Маргелов не знал. И завуч Ида Юрьевна пригласила на августовский педсовет. К тому времени Маргелов уже прикрепился к аспирантуре при Педагогическом институте, его руководителем стал Марк Антонович. Вот так успешно получилось в Москве.

III

Весь ход перемен должен бы окрылить Маргелова, однако он оставался замкнутым и хмурым. А вскоре настигла и рассеянность. Именно своей рассеянностью он объяснил и то, что, глянув однажды на себя в настольное зеркало, крайне удивился, что оброс бородой и усами, причем и борода, и усы были сплошь седые.

— Старик, — пробормотал Маргелов и опустил зеркало стеклом на стол. — Пусть растет, значит, пора.

Спустя полгода борода уже обрела форму, иной образ обрел и сам Маргелов. В это время он много, если не очень много, работал. И в школе нагрузка была выше ставки, да еще внеклассная работа. Нередко в педагогических изданиях появлялись его статьи; в аспирантуре за первый же год он сдал весь кандидатский минимум, удивив знанием разговорного немецкого языка, который изучал лет восемь, работая в лагере вместе с нем-

цами. С руководителем согласовывалась кандидатская — «Преподавание литературы в школе». Но сам Маргелов уже не первый год вел и другую тему — «В. А. Жуковский: педагогика и метод обучения». А подготовка к урокам, кипы тетрадей для проверки и оценки!.. Словом, в Москву уезжал он затемно утром, возвращался не раньше семи вечера. И по-прежнему светилося его окно до поздней ночи, а по воскресным дням — и до раннего утра. В конце концов Маргелов почувствовал себя сильно усталым и, наконец, — стариком. Он даже стал замечать, как пошаркивает по полу домашними туфлями, а по асфальту ботинками, как его покачивает и как дрожат ноги, когда приходится стоять в транспорте.

«Господи, — не раз сокрушался он, — а что я хочу? Я так много и тяжело работал, но так мало отдыхал. Скажи — не поверят: за всю жизнь ни разу не был даже в доме отдыха, не говоря уже о курортах. Всю жизнь обслуживаю себя; и в общей сложности семь лет учился заочно. А каторга?! Вот она и пришла, родная старость».

Однако вновь, в который уже раз, окунулся Маргелов в работу, решив завершить Жуковского. Копии из архивов и редких книг были уже собраны, вчерне половина работы завершена. Окунулся — и вынырнул вполне довольный, когда отпуск уже кончился и надо было показаться в школе.

Он нервно прохаживался по комнате и всякий раз, подходя к столу, с натянутой улыбкой брал в руки папку с «Жуковским», как бы взвешивая триста машинописных листов.

«Вот и кандидатская готова, — думал Маргелов, и дрожью охватывало грудь. — А ту «обязательную» оставлю для Марка. Защищусь — и уйду из школы, если жив буду и Господь даст сил. Со студентами все-таки серьезнее... А в этом году семинар со школьниками по Толстому. Но как вести его, когда Хорькова сидит на шее и заглядывает в рот. Господи, сколько уже было стычек.

С завучем Идой Юрьевной отношения были сложные с первых дней. Женщина возраста Маргелова, она выглядела молодо: по-восточному красивая, с короткой стрижкой черных волос; черные брови, карие глаза, полные алые от помады губы, и вечно поддернутые рукава, будь то кофточка, платье или свитерок в холодное время. Ходила она стремительно, как если бы искала кого-нибудь заклевать.

Поначалу Ида Юрьевна даже улыбалась Маргелову при встрече. Однако он лишь кивал в ответ и молча проходил мимо, впрочем, так держался и с другими. Но Иде Юрьевне представлялось это вызовом. Маргелов замечал, что даже директор школы вздрагивает от звучного голоса завуча.

Стычки начались, когда Ида Юрьевна начала посещать кружковые семинары по литературе. На занятиях молчала, строчила и строчила в тетрадь, но по окончании всякий раз приглашала к себе в кабинет, где и устраивала правед. Ведь она ко всему была еще и секретарем партийной организации школы.

В первом году работы, когда Маргелов уже был утвержден в штате, семинары начали с Гоголя. Занятия проводились два раза в месяц, но личное общение с кружковцами было постоянным. Учащиеся по заданию Маргелова сами готовили доклады по отдельным произведениям, обсуждали их, а в итоге характеризовали автора — писателя и человека. И произошло неожиданное: после первых же двух занятий потянулись старшекласники,

так что классная комната уже не вмещала желающих. «Переселились» в актовый зал. Именно тогда и обеспокоилась Ида Юрьевна.

Понятно, по Гоголю тотчас столкнулись на письме Белинского к Гоголю и ответе Гоголя.

— В чем дело, Иван Родионович? Ваши «семинаристы», — она особо выделила это слово, — зачитывают ответ Гоголя и подвергают сомнению революционную позицию Белинского! Выкапывают допотопные буржуазные статьи, но о советских гоголеведах даже не упоминают. Да и нет всего этого в школьной программе...

Первое желание было сказать: «Да пошла ты вон». Но лишь подумал так Маргелов, ответил иначе:

— В школьной программе, Ида Юрьевна, Гоголь — основоположник, и что предусмотрено программой, будет проработано на уроках. А здесь сверх школьной программы. Было задание: изыскать материалы, касающиеся письма Белинского к Гоголю, и подготовить доклады для обсуждения. И я доволен, что ребята нашли так много материалов и подготовили содержательные доклады.

— Послушайте, но ведь они отходят от партийности в литературе! — возмутилась Ида Юрьевна.

— Дайте детям самостоятельно разобраться в источниках, а уж партийность им еще пересадят в мозги не раз.

— Станный вы, однако, человек, это по меньшей мере. — Ида Юрьевна с трудом прикрыла свои пламенеющие глаза. Она понимала, что просто давить на Маргелова бессмысленно, его надо только за жабры, с уликой и за жабры. — А вы не думаете, что это может стать темой партийного собрания?

Маргелов невольно вскинул руку:

— Почему бы и нет?!. Может, если нет более важных вопросов.

* * *

В следующий раз докладчик упомянул с большим цитированием в связи с «Ревизором» о «Выбранных местах из переписки с друзьями».

— Послушайте, да вы же заставляете детей читать это мракобесие — бред религиозного фанатика! Вы понимаете, что делаете?

И вновь объяснялись жестко и непримиримо. В конце концов Маргелов сказал:

— Ида Юрьевна, давайте так договоримся: вы докладываете директору и предлагаете лично побывать на очередном заседании любителей литературы. И если он сочтет подобные заседания вредными для школьников — прекратим это дело. А вот так воспитывать меня не надо, вы лет на тридцать опоздали с этим делом...

Следующее заседание было по «Мертвым душам». Три докладчика говорили столько интересного и смешного, они цитировали не только «Выбранные места», но и Константина Аксакова и даже архимандрита Бухарева. Анатолий Николаевич буквально пришел в восторг от того, что все это дети готовят и изыскивают сами. Он громко смеялся и хлопал в ладоши.

Был ли у директора с завучем разговор — известно только им, но Ида Юрьевна стала реже контролировать Маргелова.

Однако на следующий год, когда «маргеловцы» взялись за Достоевского и уже цитировали из «Дневника писателя», завуч, возмущенная

до крайности, собрала партийное собрание, где вынудила-таки оправдываться директора школы. Хотя в конце концов Анатолий Николаевич сказал:

— Вот если бы каждый предметник сумел так организовать и заинтересовать детей — а к Ивану Родионовичу ходят до семидесяти учащихся разных классов, я был бы благодарен вам. А если дети самостоятельно анализируют произведения Достоевского, обращаясь при этом к его «Дневникам» из домашних библиотек, так это поднимает их на голову выше классного ученика. Прочтите статьи Маргелова в педагогических изданиях — и у него есть чему поучиться. Если же он допускает какие-то промахи, так ведь практики без промахов не бывает...

И вот теперь на третьем году предстояло выходить на Толстого — и это грезилось взрывом бомбы.

IV

Одолевала усталость. Маргелов заметно приволакивал ноги. Штанины по-стариковски наплывали на туфли. Побаливала грудь, но он и не догадывался, что это сердце дает о себе знать.

Прошли августовские совещания и педсоветы: наговорились, укомплектовались — и отдохнувшие приступили к новому учебному году.

— А вы где отдыхали, Иван Родионович? — мимоходом поинтересовался Ларин.

— Я? Нигде не отдыхал. Я кандидатскую довел, то есть дописал. — И с усмешливой гримасой пожал плечами. — Специально я ни разу не отдыхал.

— Это никуда не годится — вам не двадцать пять лет. — Ларин и руки развел. — А я смотрю: усталость оседлала Маргелова. Не случайно, видать, Марк Антонович на вас глаз положил. Утянет в институт, — и скептически вздохнул, — а я вот детьми обзавелся, чиновник... а теперь уже и гули-гули улетели. — Он приобнял Маргелова за плечо и негромко пророкотал над ухом: — Работайте, я не дам вас в обиду.

«Счастливый человек: делает свое дело, семья, дети, наверно, уже и внуки, отдыхает и радуется жизни... А мне судьба, наверно, монастырь обещала...»

Так и не угасал свет настольной лампы в окне Маргелова, так и не знали соседи, чем это там занимается «химик» по ночам.

Побывал у Марка Антоновича, согласовали дополнения и правку в кандидатской. Шеф остался доволен:

— Все хорошо, Иван Родионович. Перегоняй на машинке в пяти экземплярах, переплетай. И готовь реферат... Зимой отдадим рецензентам, словом, я подскажу как, когда, кому. В следующем году будем защищаться. Тогда и решим, как дальше жить...

Позвонил своему редактору в журнал: посоветовался, есть ли смысл посмотреть большую статью о педагоге Жуковском... Ответ последовал неутешительный:

— Нет, Иван Родионович, у нас не пройдет. Однозначно... Запиши-те телефон издательства (и назвал имя — кому), может, в издательстве клонут.

Он так и сказал «клянут». Позвонил — не клюнули, посоветовали отложить царского педагога. Вот если бы о педагоге Толстом, то это бы пожалуй... Но на это Маргелов ответил:

— Давайте и это отложим — не пройдет.

— Намек понял! — и заместитель главного редактора усмехнулся.

Итак, все прояснилось: перепечатка и переплет — когда будут лишние деньги; реферат — дело двух недель, когда будут деньги. Что-то писать новое — не идет. Реальным делом остается школа. Школой и следует заниматься. И хотя усталость многолетнюю тащил он на своем горбу, все же включился в работу без раскачки. Правда, с тех пор, когда он осознал себя стариком, давило и угнетало неясное предчувствие: *что-то должно случиться*. Лишь на время от этого отвлекался он в работе.

* * *

Перед осенними каникулами, в последний рабочий день четверти, когда все проверяли, заполняли журналы, согласовывали и выставляли оценки, Маргелов задержался: писал отчет и план по внеклассной работе для завуча — на этот раз по Толстому. Наконец кончил, оделся, простился и поспешил к метро «Фрунзенская».

Все произошло как в плохом романе: решив пройти до метро «Парк культуры», Маргелов уже подходил к Никольскому храму в Хамовниках, когда не глазами, а сердцем, всем своим существом увидел **ее**. То ли она вышла из храма, то ли вывернулась из проулка, но несомненно было одно — это **Она**. Не сегодняшнего дня, а далекого прошлого, рожденная в неволе — Она. И Маргелов ощутил, как в груди его что-то надорвалось, он все медленнее и медленнее шаркал туфлями по асфальту. А она спешила, она как будто летела навстречу, хотя и с тяжеловатой поступью. И все это свершалось так быстро, так рассеянно, что, когда они поравнялись, провожая ее взглядом, он остановился, но только и запомнилось, что туфли ее на толстой платформе, болотного цвета плащ, на голове пестрый вязаный берет, на плече сумочка... Впрочем, лицо ее он знал хорошо, стоило лишь закрыть глаза. Возможно, он окликнул бы ее, догнал и остановил, если бы она была постарше. Ему показалось, что ей не больше двадцати пяти, а ведь ему уже полных сорок шесть...

Будучи пуганым, он никогда не заходил в Хамовнический храм — близко от работы. Но на этот раз в растерянности вошел: службы не было, за ящиком он купил свечу, зажег и поставил перед храмовой иконой Святителя Николая, перекрестился и медленно опустился на колени. Сколько так простоял, о чем молился или хотя бы думал, Маргелов не запомнил. Одно теснилось в памяти — **Она**...

Очнулся он в метро. Два дня не мог сосредоточиться, здраво рассудить.

«Кто такая? И почему так? — напряженный и суровый пытал он себя. — И возможно ли такое — вдруг и узнать? Я в душе своей уже принял celibатство — и вдруг, с ума сойти! И почему я не догнал ее, почему не посмотрел в глаза? Ведь тогда все было бы ясно. Я седой старый человек, а она как елочка рождественская: Она, зародившаяся в песнях неволи... Нет, это бред, мимолетное видение, невозможное повториться... Седобородый Иван... ты хоть чай себе завари, приготовь обед, погладь сорочку и галс-

тук — завтра же педсовет. — Он силился переломить свое состояние, но мысли возникали и уходили, а состояние бреда оставалось. — Неужели так может быть, возрождение спаленных чувств... Сходить в магазин и взять водки? Или поехать в Сергиев Посад? Нет, поздно, ехать надо на первой электричке. А завтра педсовет... А может, не ехать — сказаться больным? Не надо, ничего не надо — я устал...»

— Я не могу жить! — неожиданно вскрикнул Маргелов и упал, на какое-то время лишившись сознания...

Очнулся на полу, расслабленный и как будто опустошенный. Болела грудь, подташнивало.

«Только этого и не хватало», — подумал он, с трудом поднялся, не в состоянии понять, сколько же он пролежал.

Ночью плохо спал, перемогался; утром поднялся ослабленный, болела голова и грудь. Пока завтракал и пил чай — делал выбор: ехать или не ехать. Но опять же одолел прежний довод: надо жить. И Маргелов поехал, с одной лишь разницей — опоздал на электричку, пришлось стоять на платформе двадцать пять минут. И вновь: может, не ехать? Нет, надо жить, двигаться.

* * *

Педсовет уже начался. Впрочем, ничего предосудительного: Маргелов осторожно прикрыл за собой дверь, намереваясь тихо пройти на свободное место, но тотчас и вздрогнул.

— Вы что же это, Иван Родионович, опаздываете? — с язвительной усмешкой холодно сказала Ида Юрьевна.

— Электричка, — хмурясь, негромко ответил Маргелов.

— Все ясно: электричка с рельсов сошла, — так она решила пошутить. — Продолжим педсовет.

Маргелов прошел к свободному месту, извлек из портфеля необходимые записи и едва вскинул взгляд — как судорожно и окаменел: за столом напротив сидела — Она. Маргелов никого не слышал, ничего не понимал, казалось, и дыхание его остановилось, смотрел остекленело, не моргнув. А она, склонившись, что-то писала или рисовала на листе бумаги. Когда же подняла взгляд, то еле уловимо улыбнулась. И такая же ясноглазая — как и он... В груди дрожь, дышать становилось все труднее. Он шарил ладонями по столу — и это выглядело комично... Трудно сказать, чем бы кончилось, но Ида Юрьевна добродушно сказала:

— Послушаем нашего нового товарища и коллегу, Наталью Родионовну Трубникову. Кстати для тех, кто не успел познакомиться: историк, окончила Московский университет, двенадцать лет работала в глубинке, ну, не такая уж дремучая глубинка, в Московской области, но тем не менее. Теперь же возвратилась в родные пенаты — домой. Просим любить и жаловать...

Трубникова вздохнула и коротко поведала об итогах за свою неполную четверть.

— Личное мнение, — заключила она, — учащиеся славные, есть очень хорошо подготовленные ребята, так что разумным было бы расширять программные установки хотя бы за счет краеведения...

— Пока не будем трогать программу, все-таки утвержденную Министерством.

«Она, Она», — мысленно повторял Маргелов. Дышать нечем; окаменел затылок.

Он поднялся, его качнуло, и медленно пошел к выходу, не проронив ни слова. С недоумением проводили его коллеги.

Педсовет продолжался.

Маргелов прошел в учительский туалет, открыл окно — холодным воздухом опажнуло, но легче не стало.

«Не упасть бы... надо уйти... где-то ведь медсестра есть... это Она, это Она...» — Маргелов левой рукой прихватил галстук и вытянул из узла его так, что верхние пуговички сорочки расстегнулись и из пазухи на поверхность выскользнул нательный крестик на цепочке. Дышать как будто стало легче. Он и еще минуту колыхался в холоде, уже решив: сейчас возьмет портфель и уйдет.

С распушенным и скомканным галстуком в руке, с нательным крестиком наружи, бледный — таким он и предстал в дверях педсовета. Все молча смотрели на него, а он как будто медлил в дверях.

Воспользовавшись паузой, завуч объявила перерыв на пять минут и быстро подошла к Маргелову. Вывела его в коридор и закрыла за собой дверь.

— Теперь-то с вами все ясно! — с недоброй усмешкой сказала она. — Это что такое!? — она поддела пальцами крестик и подбросила к лицу.

— Не понятно? — глухо ответил Маргелов, намереваясь привести себя в надлежащий вид. Но завуч вновь потянулась к крестiku:

— Поповщина...

Маргелов вяло стукнул ее по руке:

— Куда лезешь! — ощерясь, предупредил он, по-немецки добавив: — Дура.

И она поняла его.

— Ну этого я тебе, христосик, не прощу. Запомни — не прощу!

Он грубо отстранил ее рукой, прошел в учительскую, взял портфель и вышел вон...

Не выезжая из Москвы, Маргелов оказался в больнице — гипертонический криз при сердечной недостаточности... Давление ему сняли уколами. Впервые обследовали, нашли даже камень в почке, и строго предупредили побережь сердце: отказаться от крепкого чая и соли, принимать профилактические лекарства. Словом, соблюдать хотя бы возрастной режим. До этого Маргелов жил по принципу: насколько хватит. Успокоившись под действием лекарств, он радостно вспоминал и думал о Трубниковой, прежде всего о таком невероятном совпадении — Родионовна. Поразило и то, что ей так много лет: после университета двенадцать лет уже отработала... Понятно, такие женщины не болтаются в одиночестве... И все-таки — Она. Сердце вздрагивало и билось учащенно, с перебоями — и грезились, грезились жена и сын.

Выписавшись на амбулаторное лечение, Маргелов тотчас закрыл больничный лист и уже на следующий день поехал в Москву.

Иды Юрьевны в кабинете не было, и Маргелов вошел к директору.

— Где же вы пропадаете? — нарушил обоюдное замешательство Ларин. Он искусственно пытался улыбнуться и в то же время пальцы одной руки нервно оглаживали настольное стекло.

— Я оказался в больнице, две недели — врач сообщала в школу о моем местонахождении, — ответил виновато Маргелов и положил на стол больничный лист.

— Да, да, что-то доносилось, но, знаете, как сорока на хвосте... мне по крайней мере никто не звонил и не сообщал... А тут, знаете, у нас такая ли чехарда: открытое партийное собрание с представителями из райкома.

— Это мимо меня — я ведь не член партии.

— Да не мимо, а именно...

— Что именно? — Маргелов уже понял, что заочно разбирали его дело.

— Знаете, — Ларин и голову клонил, и кривил губы, точно старался ускользнуть в защитный панцирь. — Ида Юрьевна так раскрутила, в ЦК бегала, на Лубянке наводила справки... А вы тоже хорош: учитель с креслом на шее... Носили бы в кармане или пришили бы к подкладке.

— Анатолий Николаевич, не надо... Вы директор школы, вот и оставайтесь директором... У меня было давление двести сорок на сто двадцать, я не помню, как оказался в больнице, меня подобрали... А уж если миную вас раскрутили, то хотя бы настояли, чтобы судили меня при мне. Экая ведь поспешность...

— Да говорил я, — Ларин совсем стушевался.

— И какой же приговор вынесли? — Маргелов усмехнулся, желая перевести на шутку, смягчить разговор. Но Ларин нахмурился, и голос его посуровел:

— Какой приговор... вот приговор. — Он извлек из стола напечатанный на машинке приказ с печатью и положил на стол перед Маргеловым. — Ознакомьтесь.

Кровь так и стукнула в голову — это был приказ об увольнении, не проставлены лишь месяц и число. Формулировка: *несоответствие с занимаемой должностью*.

— Каким же числом?

Ларин глянул в больничный:

— Сегодняшним. Больничный можно не сдавать. Я и зарплату по сегодняшнему дню выдам, и трудовую.

— Понятно, — и сердце затрепетало в ознобе. — Но ведь не тридцать же седьмой год...

— Верно... Но я, простите, отмолчался.

— Понятно. Давайте трудовую и зарплату.

Ларин отсчитал на стол деньги, учтя за два месяца отпускные, раскрыл трудовую книжку — и, склонившись на минуту, как будто задремал над ней. Наконец воздел взгляд, губы его дрогнули, жилы на шее напряглись. Он взял ручку и тихо сказал:

— Вот так у нас дают пинка под зад: два-три пинка — и на всю жизнь хватит.

— Для меня это — третий.

— Так сложилось, что я делаю запись в трудовую... я рискую, я, Иван Родионович, ценю вас как человека и как учителя...

— Благодарю.

Но Ларин не слышал собеседника, он думал вслух и принимал трудное решение:

— Но от меня уже ничего не зависело — все шло через партийную организацию, через райком... А теперь я хочу рисковать: я запишу в трудовую *«согласно поданному заявлению»*. Но прошу, Иван Родионович, в нашем районе ни в одну из школ не переступайте порога.

— Не беспокойтесь, — получая из руки Ларина трудовую книжку, признательно сказал Маргелов. — Я помолюсь о вас...

V

Ларин смягчал удар, однако в институте Марк Антонович, посмеиваясь, встретил с укором:

— Ну что ты там крест выставил — бурю устроил! Теперь можешь не спешить с кандидатской — придется ждать. Да еще, оказывается, ты давнишний крестonosец, за что и сидел... Будем ждать — год, два, три...

Не замедлила и другая отрывка: из «Школьного образования» без объяснения возвратили уже в верстке статью, значит, и туда донесли.

Но и это не все: побывал в шести школах — всюду отказ, часов нет. Оно, наверно, так и есть, а думалось иначе.

Прошла неделя, вторая, и Маргелов впал в уныние. В лагере влекла и манила воля, теперь — не влекло и не манило. И, как будто унюхав это, в гости явился Миша.

— Моё вам, учитель!.. Ты чего это, смотрю, клюв повесил?

— Влюбился.

— О, это бывает... Значит, кстати мой пузырь — за любовь и опорожним. Своевременно?..

Маргелов молча поставил на стол закуску из холодильника и впервые сел с алкашом к бутылке.

— Ты, Миша, наливай мне разовую дозу, дважды травиться я не смогу.

— Понятненько, чайханщик! А я так ничего, я и с чаем могу. — И набулкчал для Маргелова полный граненый стакан.

Миша допил остальное, покурил, покуражился и скоро ушел. Маргелов захмелел. Замокнул входную дверь и начал вышагивать по кухне, думая о последних событиях, сопровождая их голосовым матом, которым тоже давненько не пользовался. Скоро он ослаб, прошел в комнату, лег на диван — и как живая на него надвинулась Наталья Родионовна. Даже теперь ощущал, как его прохватывало дрожью, и он с трудом мысленно выговаривал: «Она, Она... Единственная...»

* * *

Уже пятый день в одиночестве Маргелов принимал разовые дозы, но теперь уже дважды — с утра и вечером. Он расслаблялся, хмелел и погружался в сумбурные думы. Ему было безразлично, что остался без работы — в который уже раз! — что Трубникова семейная женщина. Все это как будто не имело никакого значения, потому что жить осталось совсем немного — сигнал уже был. Господу так угодно — Он знает, кому когда. Найти бы что-то для прожитка — и успеть сделать о Жуковском книгу, так много собрано материала. Только ведь и это — зачем? Ничего не надо...

«Вот кончатся деньги — и я кончусь; под моей крышей будет жить другой; а книги и рукописи надо завещать ей — все движимое — и машин-

ку тоже. И она приедет сюда, когда меня уже не будет... — плел и плел словеса, как паук паутину, хотя и не было желания что-то делать, доводить до конца. — Все, я выдохся... И некому руку пожать». — Он опустил голову, и голова показалась ему холодной и тяжелой, как ядро, не способное думать, способное лишь упасть на землю и даже не расколотся, скорее, утонуть. И гнев, и горечь перехватили горло — Маргелов закашлялся и воздел как будто поблекшие, но все еще ясные глаза:

— Господи, помилуй мя грешного...

После Введенской оттепели, когда развезло по-весеннему, на заморозок выпал обильный снег. За окном все бело: яблони и возле калитки березы, и весь участок — как весь мир, и крыша сарая — все лучилось голубоватым блеском. Ветра не было, но ветки деревьев изредка вздрагивали, роняя сахарный снег и оголяя черноту коры. Безгрешная природа, творение Господа — и человек, разрушающий творение. Но почему небо такое ясное, почему солнце такое яркое, почему Земля прекрасная, а человек во зле?..

Он налил глоток водки — и выпил, как будто запил таблетку.

«Я устал жить. Доколе, Господи!» — И неожиданные слезы готовы были выкатиться из глаз, когда в калитку, привычно открыв рукой вертушку изнутри, вошла женщина. Она шла уверенно и несколько торопливо.

«Куда она спешит — соседи на работе, на двери замок». — И действительно, глянув на дверь и на мгновение, видимо, растерявшись, женщина пошла к двери Маргелова. — Что ей до меня, я не открою ей, не поверну ключа, не поднимусь со стула», — и опустил голову на руки...

Послышались шаги, глухой стук в дверь, и, не дожидаясь ответа, женщина предстала на пороге. На черной меховой шапочке еще искрились снежинки... Она — Трубникова, но поверить этому, понять такое явление он не смел. Маргелов закрыл глаза, открыл: Она по-прежнему стояла в дверях, смотрела, казалось, широко открытыми глазами.

— Неужели Она? — как будто выдавив, подумал он вслух.

— Вы не узнали меня, Иван Родионович?! — то ли она удивилась, Трубникова, то ли расстроилась, но тотчас и попыталась улыбнуться.

— Это Она, — повторил Маргелов. — Безумие...

Он поднялся, его качнуло, быстро шагнул к ней, для достоверности тронул рукой ее плечо, и только теперь его обласкало живым огнем — Она! До ломоты в голове Маргелов напрягся, на мгновение просветлел и с достоинством трезво глянул на нее. Но лишь на мгновение... Он даже помог ей снять и повесить на крючок пальто. И она тотчас преобразилась в плотном свитере и удлиненной темной юбке.

— Вы зачем?! — Маргелов обхватил голову руками, слепо отшатнулся и тяжело сел на стул. — Я водку пью, а вы пришли. — И ему вдруг захотелось поковряться, покривляться, чтобы показать себя отвратительным — с обратной стороны: вот, мол, к кому вы пришли, сударыня!.. Но надолго его не хватило — он опустил взгляд, слепо нашел бутылку и налил себе очередной глоток. — Что же вы на ногах — присаживайтесь. Я не говорю садитесь — сидеть плохо.

— Присаживаться и пить водку? Тогда уж и мне наливайте.

— Вы — пьете?

— Нет, не пробовала. Но у вас, наверно, ничего другого нет? — сказала и в то же время подумала: «Неужели он пьет? Господи, несчастный...»

- Другого ничего.
- Вот и наливайте.

Она присела на край стула и осторожно повела взглядом: здесь, на кухне, все было в порядке и прибрано, даже на столе ничего лишнего, и только на хозяине рубаха с нелепыми заплатками на локтях, и волосы дыбом.

— Значит, это не случайно — Родионовна... У меня, Родионовна, и рюмок нет, я вот из чашки пью.

— И мне в чашку, Родионович... — и тихо засмеялась Трубникова: значит, не пьет.

Маргелов снял с сушилки чашку и резко повернулся, бледный и как будто испуганный.

— Нет! Неужели? Зачем вы пришли!

Трубникова отвела взгляд:

— Не знаю... А вы верующий или крестик тюремный?

— Нет, не лагерный. Только блатные без веры носят. — Он набулькал себе в чашку, помедлил и сказал: — А тебе я не налью, тебе не надо, ты чистая.

— И верно, ведь сейчас Рождественский пост.

— Угу, — согласился Маргелов, — пост... Одинокому трудно поститься. Вот я и не пощусь, — и выпил из чашки, понимая, что уже лишнего. — У меня, Родионовна, вся жизнь Великий пост... — И вновь сердце затрепетало в нервном ознобе. «Она, действительно, Она!» — И Маргелов едва не закричал вслух: «Она!» Но лишь ткнулся лбом в ладони. — Зачем вы, зачем! — Маргелов восклонился. Зачем? Ведь ты меня не знаешь...

— Вот я и хочу узнать.

— Я каторжанин... я три года конюхом работал, чтобы только крышу над головой иметь. Ты знаешь, что такое без крыши над головой?

— Не знаю, но хочу знать, потому что и мне это не безразлично.

Маргелов долго молчал. Затем он шатко поднялся со стула и сказал:

— Хорошо, я расскажу все, но прежде скажи: ты — семейная?

— Нет... И не была.

— Тогда расскажу... Вот туда, за эту дверь, никто не заходил — ни мужчины, ни женщины, ни дети. Войди — и ты первая переступишь этот порог.

И Трубникова сама открыла дверь и переступила порог. Окно зашторено, в комнате полумрак, хотя белый, снежный и солнечный, день просачивался во все щели. В маленькой передней большой трехстворчатый платяной шкаф и старое тяжелое кресло перед топкой печи... Дверной проем в большую комнату: здесь по левой стене от пола до потолка стеллажи с книгами; впереди перед окном письменный стол с машинкой, бумагой и книгами по краям, черная настольная лампа на длинной шее; справа в углу подвесной угольник с иконами и лампадкой; вдоль правой стены кресло современное и раскладной односпальный диванчик; а в ногах тумбочка с музыкальным проигрывателем и с колонками на стене. На полу ковер — от стола до двери; маленький коврик перед иконами. Единственный стул у письменного стола. Вот и все. Здесь было даже уютно и пахло лампадным маслом, а еще — тихо.

Трубникова оглянулась — Маргелов молча указал рукой на кресло, сам он сел на стул, включив настольную лампу.

— Знаете, Наташа, я уже неделю пью. Ничего подобного со мной не случилось. Но я устал, мне кажется, что скоро умру... Ты только не смейся, иначе я замолчу — навсегда. Меня уволили — дело привычное... Но я увидел тебя возле храма в Хамовниках и впервые сказал — *это Она*. И тогда же, наверное, понял и другое: после этого я скоро умру, потому что так просто не возвращаются. Поэтому и в школе так... В случае чего вы, ради Бога, возьмете отсюда все: книги, стол, рукописи, иконы и что глянется. Бог милостив. А теперь давайте помолимся. Ведь это роковое чудо. — Они поднялись каждый со своего места, и Маргелов сказал: — Господи, прости меня грешного и хмельного. Выслушай нашу молитву и сними ложь и тяжесть с наших сердец. Ведь это Она, Ты знаешь. — И тихо начал читать молитвы с непонятными и странными добавлениями. И Трубникова губами повторяла эти молитвы, крестилась, и слезы плыли в ее глазах...

— Наталья Родионовна, смилуйся, скажи мне, зачем ты приехала? При настольной лампе можно было скрыть выражение лица, глаз — и она скрыла, лишь улыбка скользнула по ее губам.

— А я, Иван Родионович, тоже тебя увидела возле храма в Хамовниках, и тоже в душе решила: это Он...

— Неужели и так бывает? — задумчиво произнес Маргелов. — Я ведь из простой рабочей семьи. У нас никто не отпал от веры. Только семью извели: сначала отец, а потом старший брат погибли на фронте. Мы с мамой остались вдвоем. Она любила меня и тревожилась за мою нравственность. Она даже настояла, чтобы я дал слово, что не буду грешен до Богом данной мне жены... Я окончил школу и поступил в Педагогический институт. На третьем курсе мы организовали Философско-Христианский семинар для изучения русской православной философии — нас было шестеро. После двух проведенных семинаров нас всех арестовали. Двоим, готовившим доклады, по десятке... И я целиком отзвонил свою десятку. А когда освободился, то мама уже умерла, а наша квартира отошла государству. Тогда я и остался без крыши над головой... Где я только не жил, где не работал! Эти ужасные годы: обложили красными флажками — и гоняли по России — мотай или новый срок получишь. Одну зиму я провел в Крыму, в пещерах. Гнали, а денег на билет нет — и я однажды на паперти действующего храма протянул руку. Подавали православные, но как ворон налетел легавый — люди защитили... А потом, на Северах, меня нашла неожиданная реабилитация — *за отсутствием состава преступления*. И я приехал сюда по совету лагерного москвича. Здесь и обрел крышу над головой, за что и работал три года конюхом и плотником. Здесь я и ожил: за эти годы окончил заочно институт. Поступил в аспирантуру. Оказался в школе на Фрунзенской набережной — и увидел тебя. Значит, лучшие мои годы прошли здесь, под этой крышей. Здесь я писал, контрольные, статьи, диссертацию, здесь ночами я молился вот перед этими иконами... Я о тебе молился... И когда молитва доходила до Господа, я верил — и плакал от счастья. Я и молитву написал, понимаешь ли, где были и такие слова: «Пошли мне, Господи, Жену и сына...» Я не мог нарушить данное слово, а тебя не было, ты где-то скиталась — и я оставался один и вновь молился... Но когда я увидел тебя — то и ощутил тяжесть прожитых лет, понял, что я старик не по годам, а по жизни — и скоро умру... Но это ничего, я уже

счастлив тем, что ты есть, я тебя увидел — и даже вот исповедуюсь тебе. Значит, так угодно Господу. Я не сказал бы тебе ничего, но я в небывалом опьянении и предчувствии... Шеф сказал, что защищаться пока не будем, и в журнале из номера сняли статью — расплозлось даже в Москве, значит, и это должно быть так...

Он помолчал, вздохнул, поднялся из-за стола и весьма твердо пошел по комнате, переключаясь на что-то иное, отчужденное и не совсем понятное. Маргелов вдруг начал рассказывать замысловатую историю то ли о друге, то ли о подельнике, то ли о себе, по крайней мере все это переплеталось в несносные сухожильные узлы. И рассказ этот сопровождался резкими движениями, восклицаниями, как будто человек был невянеямо пьян.

— Да это мой друг, нет, или брат, мой подельник, как часто он восклицал: пора, брат, пора! Ты знаешь, что такое смерть?! Это когда в забое обвал — взрыва нет, огня нет, но и выхода нет. Ни воздуха, ни света — и только звон в ушах от падающей где-то капли... А потом и дышать нечем — красный искрящийся бисер в мозгу и глазах. Это смерть, тихая, надежная, лишь в сердце продолжает жить вера: пробурят, откопают, выведут. И начинается последняя молитва о спасении: Господи, на все воля Твоя...

Ого, а ты знаешь, что такое голод и северная цинга, когда жевать нечего и нечем — и с кровью изо рта выплевываешь зубы?! И ты уже не в своем рассудке. И это тоже смерть, когда срастается кожа с костями, звонкий мешок, а внутри пусто. И это смерть... Безразличие ко всему. Но вздрогнет душа: Господи, на все Твоя воля... И он повторяет: пора, брат, пора...

А когда уходит последняя надежда, тогда побег. Он знает, хорошо знает, что настигнут, затравят, добавят срока, если на месте не прикончат, зато в лучшем случае отправят в крытую... И бежит из зоны, бежит с объекта, бежит с этапа — и кто-то уходит, а он — нет. Но когда собачий лай, бухают по земле сапоги и лязгает оружие — он знает, что это смерть. Господи, на все Твоя воля.

И какая же там долгая жизнь, но какая же здесь она короткая. Я тоже не раз восклицал: пора, брат, пора!.. А знаешь ли ты, для чего все это? Для истребления! Они истребляют, и мы сами себя истребляем. Нет, не понять этого, если забыть и не помнить, что на все воля Господа. Не понять, если забыть или не знать, что человек Божия тварь — и весь иной мир в его душе, и душа бессмертна. И только тогда выход, свобода, но к тому времени жизнь становится невыносимой — значит, пора, время мытарств.

Я все понимаю — и небо, и землю, но одного не могу понять: зачем так много страданий! Если это не ад, то каков же ад? Господи...

Маргелов уронил руки, весь как будто обмяк — и вдруг упал на колени перед ней. А Трубникова сидела на краешке кресла и беззвучно плакала, и мысленно повторяла: «Это Он, это Он — как долго мы блуждали». И казалось ей, что так до конца жизни будет она плакать и плакать...

— Иван Родионович, так нельзя жить...

— А как можно?! Как, если жизнь уже кончилась, а ты только прозрел?

— Не знаю...

— И я не знаю.

— С молитвой.

— Я каждую ночь молился... и о тебе.

Снег свежий и еще не затоптанный. Морозно. Воздух свежий, с особым привкусом, как летом после грозы. Десять вечера, а уже ночь. И луна лобастая из-за деревьев. И так впечатлительно под ногами поскрипывает снег.

— Знаешь, Наталья Родионовна, иду и как будто всю жизнь шел вот так рядом. А ноги тяжелые...

Сгибом своей руки она поприжала его руку.

— Ты, Иван Родионович, только не пей и не умирай.

И шли молча — любые слова, казалось, были бы лишними и пошлыми.

Второе воскресенье декабря, а на следующей неделе в среду Маргелова увезли в районную больницу с инфарктом.

Послесловие

Серебряную свадьбу решили отметить в кругу родни. Стол уже накрыли, а сестры с мужьями и теща, как обычно, задерживались. Но зато на звонок в открытую дверь вошли одновременно все.

— А вот и мы...

— Заждались, серебряные...

И все улыбались с первыми тюльпанами и подарками в руках.

Тесно, поэтому тотчас и за стол: Трубникова София Андреевна, три ее дочери с мужьями, сын и дочь Маргеловых.

Муж Софии Андреевны, редактор одного из журналов, двадцать лет тому как скончался, а сама она в свои девяносто лет была не только на ногах, но сохраняла и острый ум, и чувство юмора, могла часами объясняться по телефону и бесконечно писала и пыталась опубликовать большую статью о Тихоне Задонском. Была она глубоко верующая и начитанная в святоотеческой литературе.

Муж старшей дочери, Николай Николаевич, — доктор, искусствовед. Он успешно читал лекции в нескольких вузах. Ирина Родионовна, по образованию химик, после замужества, оставив свою лабораторию, занималась единственным сыном и домохозяйничала. И теперь, как и прежде, она домохозяйничала, занималась внуками, для чего ездила в другой конец Москвы.

Муж средней дочери, Петр Александрович, — художник-декоратор. И в работе, и в жизни он весьма преуспевал, но чрезмерно любил выпить и приволочься за смазливенькой актрисой, даже и теперь, когда ему давно за шестьдесят. Надежда Родионовна, жена его, имела филологическое образование и до сих пор работала редактором в издательстве, куда давно уже определила и свою единственную дочь...

А доктору педагогических наук Маргелову перевалило за семьдесят. Был он воистину стар, хотя и после второго инфаркта выглядел неплохо. Лекции Иван Родионович уже не читал, работал дома, активно сотрудничая с издателями.

Зато Наталья Родионовна в свои шестьдесят выглядела молодо, хотя и располнела, но это как будто создавало особый уют в семье. Читала лекции в вузе, вела уроки в православной гимназии. И по-прежнему — Она.

Их сыну, старшему и складному Родиону, исполнилось двадцать четыре. Пошел он вслед за матерью по исторической стезе — окончил Университет и учился в аспирантуре. Дочка Людмила училась на последнем курсе искусствоведения. И характером, и внешностью она уродилась в отца.

Жила семья тесно, в двухкомнатной квартире, но слава Богу — мирно. Зато у них была и «Маргелова крыша» за городом, куда любой уставший от тесноты мог убежать хотя бы на время...

Дружно потребовали почин от Ивана Родионовича, потому что знали, что через десять-пятнадцать минут он уйдет, чтобы лечь отдохнуть.

Маргелов поднялся, скупо улыбнулся, прикрыл глаза и негромко сказал:

— Это *Она*, — и положил руку на плечо жены, — и Ангел мой, и друг надежный. Жизнь моя разделилась надвое: в той жизни я уже умер, в этой — до сих пор живу. И это — *Она*... В той жизни я, скрываясь, много молился. Была у меня и особая молитва, мною составленная, я повторял ее изо дня в день лет двадцать. Никто эту молитву не знал и не знает, даже *Она*. И вот теперь я ее прочту, потому что время собирать камни. — Он прикрыл глаза, помолчал, наверно, припоминая прошлое, и как будто вздохнул:

— *О Господи, спаси и сохрани
От дикой власти и безвластья;
И на земле даруй мне мир и счастье:
Пусть под окном хоть горькая осина,
Пошли мне, Господи, жену и сына.
На стол мне воду, хлеб и соль,
Бумагу и перо — писать позволяй.
Еще молю Тебя, Благий,
Любить мне ближних помоги...*

Он не дочитал последние строки, закашлялся и уже шарил по карманам лекарство. Все молчали, ожидая окончания. И Маргелов продолжил:

*Я все отдам, я все смогу —
Лишь ног не вымою врагу.
Помилуй, Господи...*

И после паузы:

— Вот *Она*, посланная мне Богом *жена*, Наталья Родионовна; вот он *сын*, а еще и папина *дочка*... И всех вас я люблю, хотя долго не мог сродниться с вами... А чтобы не усомниться: под окном и «горькая осина», которую я не сажал, не сеял — вот она! — и вскинул руку.

И тогда все с удивлением обратились к широкому окну, до этого никогда не задумываясь о том, а что же растет под окном у Маргеловых. Но мелко-мелко, как будто со звоном, затрепетали молоденькие листья осины, наверно, приветствуя собравшихся.

— Вот это да! — как будто за всех восхитился Петр Александрович. И заговорили, заговорили за столом, но Маргелов остановил их:

— Не всё, родные... Я каждое утро после молитвы благословляю это дерево... А теперь давайте, как мы всегда это делаем, — помолимся. Поблагодарим Господа за даруемую — до мелочей! — полноту молитвенной благодати.

Задвигали стульями, поднялись, и неожиданно Маргелов звучно запел:

— *Верую...*

Сначала за столом скользнуло недоумение, затем улыбка, но уже тотчас подхватил общий хор:

— *...во единого Бога Отца Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым...*

И думалось, что никогда так стройно и слаженно они не пели. Уверенно и светло звенели голоса молодых в общем хоре.

И катились счастливые слезы из ясных глаз Натальи и Ивана Маргеловых.

ПОЭЗИЯ

Татьяна КУШНАРЕВА

«СТИХ МОЙ БУДЕТ О ЛЮБВИ...»

Татьяна Кушнарева родилась и выросла в Тирасполе, высшее образование получила в Одессе, а ныне живет и работает в Москве. Три этих города определили судьбу поэтессы, характер ее творчества, направленность ее интересов. Солнечная Молдавия насытила ее поэзию красками южной природы и радостью земного бытия, разноречивая Одесса подарила ей живость речи и иронический взгляд на мир, первопрестольная задала ее творчеству высокую художественную планку.

Поэзия Татьяны Кушнаревой — яркое отражение сложного и удивительно тонкого внутреннего мира поэтессы, воспринимающей жизнь во всей ее полноте и многоцветии. Автор тонко чувствует природу поэтического слова, обладает редкой способностью передать сложнейшие оттенки душевного состояния лирического героя.

Т. Кушнарева — член Союза писателей России, лауреат Всероссийской премии им. Н. Гумилева, литературной премии «Золотое перо Москвы», Республиканского конкурса, посвященного 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина.

* * *

Храм Покрова.

Святых лампад мерцанье.
В очах Христа иных миров лучи.
Твой строгий профиль молча созерцаю
В скупом сиянье тающей свечи.

Любимый мой, жизнь наша скоротечна.
Миг — от рожденья до печали тризн.
Как соизмерить это слово «вечность»
С таким простым коротким
словом «жизнь»?

Но если есть на этом свете слово,
Что оправдает жизнь,
как плоть и кровь,
Священное, как заповедь Христова,
То имя слову этому — Любовь.

* * *

Кружат над клевером шмели,
Поля полны волшебным светом,
И пар, идущий от земли, —
Он как дыхание планеты.

Земля творит добро свое,
Вобрав цветов благоуханье.
Вот так дыхание мое
С твоим сливается дыханьем.

* * *

Сестре Оле

Уходят близкие, покинув мир страстей,
Как будто ветер гасит пламя спички.
А мы, как прежде, ждем от них вестей
По старой устоявшейся привычке.

Уход любимых отпоеет весна,
Придут заботы и дела иные,
И только неизменно чудо сна,
Где все они опять со мной живые.

* * *

Татьяне Залещенко

Ты говоришь, что ты устала жить
И так трудна твоя дорога,
Что перестала дорожить
Бесценным даром, данным Богом.

Да, был нелегким этот год,
Но как бы жизнь нас ни давила,

Знай, что Господь нам не дает
Креста, который не по силам.

Глянь на погост, где много мест,
Где всяк умерший все бы отдал,
Чтоб поменять могильный крест
На твой нелегкий, но свободный.

* * *

Я привыкаю к нелюбви,
Как привыкают к непогоде,
Когда холодные дожди
Кружат в осеннем хороводе.

Я привыкаю к нелюбви,
Как привыкает зверь к неволе,

Прожив безрадостные дни
В тоске по сладостной свободе.

Давно уж розы отцвели,
В саду — предзимье. Слишком поздно.
Я привыкаю к нелюбви
Смирненно, буднично, бесслезно.

* * *

Мне бы к звездам взлететь по серебряной нити,
Все оставив внизу, на далекой Земле,
И понять, как прекрасна земная обитель
И как ей одиноко в космической мгле.

Я далеких созвездий познаю движенье
И увижу Звезду — мироздания венец.
И пойму, жизнь моя — это только мгновенье
Перед ликом Вселенной, что создал Творец.

А. С. ПУШКИНУ

С тобой я в праздник и в печали,
Вхожу с тобою в белый сад,
С тобою я рассвет встречаю,
Смотрю на розовый закат.

Твой стих нездешней красотою
Пленил меня с далеких лет.
Твой томик я ношу с собою,
Мой неразгаданный Поэт.

Ты дал мне ключ к стихотворенью,
Шепчу, когда весь город спит:
«Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид...»

Строкой несмелою своею
Иду, грустя, тебе вослед.
Но никогда сказать не смею
Вослед тебе, что я — поэт.

* * *

Я не люблю стихи с надломом —
О боли, горечи, войне.
Люблю, когда луна над домом
И тишь в небесной вышине.

Люблю свой дом, где дух покоя,
Портрет отца в карандаше,

В кувшине глиняном — левкой
И свет божественный в душе.

Но если вдруг нагрянут годы
Утрат и жизни на крови,
Я буду болью жить народной,
Но стих мой будет о любви.

Валентина ЕФИМОВСКАЯ СВЕТА ИСТОЧНИК

*О творчестве
современного
русского художника
Филиппа Москвитина*

Валентина Валентиновна Ефимовская — потомственный житель Петербурга, родилась в Ленинграде. Поэт, критик, публицист, автор трех поэтических сборников. Работала на радио, создала цикл передач, посвященных поэтам, деятелям культуры, образам пригородов Петербурга, историческому прошлому страны, автор сценариев для программ Ленинградского телевидения.

Критические статьи печатались в журналах «Москва», «Воин России», в газете «Российский писатель». Член Союза писателей России с 1999 года. **Живет в Санкт-Петербурге.**

О физических свойствах света человечество, кажется, знает всё. И то, что он является одновременно и волной, и частицей, и то, что в пределах видимости распространяется прямолинейно, что обладает спектром, и многое другое. Однако свет остается чудом, во все времена заставляет трепетать душу, восхищает разум, пытающийся проникнуть в глубину этого непостижимого явления, возникшего по Божию Слову. Основным способом познания света, который кроме видимых физических проявлений имеет мистическую, всеобъемлющую значимость и поэтому, наверное, издревле метафорически отождествляется с миром сущего, со всем «белым светом», по сей день для человека остается вера. Только верой святитель Василий Великий прозрел и отразил в «Шестодневе» процесс возникновения света на Земле. «Первое Божие Слово создало природу света, разогнало тьму, рассеяло уныние... Явилось небо, покрытое дотоле тьмою; открылась красота его в такой мере, в какой еще и ныне свидетельствуют о ней взоры... И эфир стал приятнее при свете; воды сделались светлее, не только принимая в себя лучи, но и испуская их от себя через отражение света, потому что вода во все стороны отбрасывала отблески...»¹

Так в мир вошла красота, к постижению, отражению и приумножению которой более всего всегда стремились творческие души, предчувствующие скрытую, духовную природу света, присутствующего в каждом настоящем произведении искусства. Например, Анна Ахматова, поэтически изображая архитектурное величие дворца в Летнем

¹ Творения Василия Великого, архиепископа Кессарии Каппадокийская. — М., 1991. — С. 34.

саду, «где все перламутром и яшмой горит», добавляет: «но света источник таинственно скрыт». Объективность художественного образа, характеризующегося субъективным авторским выражением, очень убедительно выявляется в стихотворении Федора Тютчева «Фонтан». Речь в нем идет об обыкновенном фонтане, о периодическом непреложном законе его существования. Но у Тютчева это не просто метафорическое отражение зрительного восприятия явления, само явление представлено как метафора бытия, где существует «закон непостижимый», который «луч, упорно преломляя, свергает в брызгах с высоты». Скорее по наитию, по исконному ощущению света, нежели в соответствии с осмыслением физических законов, Тютчев использует здесь понятие луч. Если луч — значит свет, если свет — значит небо, высота. Хотя именно законами теории излучения полнее всего и можно описать этот процесс. Известно, что свет становится видимым, только если он отражается от препятствия, от границы раздела двух сред. Об этом образно говорится и в приведенной цитате Василия Великого. Поэтому в космосе света нет. Но на земле, рассветным утром, даже когда еще не взошло солнце, мы видим его первые лучи на облаках за счет отражения от атмосферы. Да, в нашем зримом материальном мире солнце — первичный источник. Но есть мир невидимый, но от того не менее реальный, — духовный, в котором Источником света является Бог. И в этом мире существует разделение «сред», а душа является и естественной отражающей преградой, и вторичным источником, источающим свет духовный, свет веры.

Мир пронизан Божественным светом, падающим на каждую человеческую душу. Но, если можно так сказать, коэффициент отражения-поглощения у всех душ разный. И это более всего заметно на примере творческих личностей и их художественных произведений. Если рассмотреть возможные отражающие свойства человеческой души, то очевидной становится ценностная иерархия художественных явлений. Душу художника слепую, невосприимчивую к Божественному свету, можно представить аналогичной плотной среде, где после преломления происходит полное внутреннее поглощение, как в «черной дыре», попадая в которую свет не отражается, не возвращается. В результате может получиться «Черный квадрат» Малевича. Даже попытки изображения света, как, например, у Кандинского, приводят к

Филипп Москвитин

свету оккультному, ожесточающему сердце, оставляющему произведение в отрицательном квадранте условных осей координат бытия, так как искажают образ бытия, не соответствуют Божиему замыслу. Если же душа художника проникновенна, посредством внутреннего духовного очищения просветлена, то она глубоко воспринимает Божественный Свет и преображенный щедро возвращает в мир в виде истинных художественных образов и произведений, которыми так богата русская живопись, непостижимая без Православия. Существует, кажется, и промежуточный вариант взаимодейст-

вия, который можно физически представить в виде биений вдоль границы раздела «сред», происходящих, когда художественный образ не обращен к небу, когда он создается не духом, а разумом и пробивается в освещенный квадрант за счет гениального своего воплощения, как, например, «Джоконда» Леонардо да Винчи. Таким образом, если считать, что творчество художника определяется способностью восприятия и отображения Божественных энергий, то оно может характеризоваться условной мерой — «критическим углом отражения», и есть возможность рассматривать это творчество в определенных границах и закономерностях. Конечно же, это условная, приближенная оценка, ведь в любом художественном произведении, как и в самом творческом даре, заложена непостижимая рациональным способом тайна, благодать, умножающая выразительность произведения искусства и его светоносную силу.

Через все творчество современного московского живописца Филиппа Москвитина проходит тема света — света природного и света духовного, которые неделимы. Это творчество на фоне массового современного искусства, не отражающего подлинную глубину человеческого существования, уводящего в мир мнимостей, выделяется особой нравственной красотой, просветленным прикосновением к глубинам человеческого духа, связью с сокровенными сущностями. Талантливого художника причисляют к московской школе живописи, которая считается традиционно реалистической, сюжетно-тематической, исторически тяготеет к военно-патриотическим темам, славится жанровыми и пейзажными картинами. В этих традициях Филипп Москвитин говорит своим художественным языком, находит и живописно воплощает свое новое слово, которое черпает из вечностных, незыблемых основ бытия. При всем многообразии художественно-выразительных средств, при неизменном реалистическом отображении картины мира художник не сворачивает с единственного, выбранного еще с детства и продолженного в годы обучения в Российской Академии живописи, ваяния и зодчества пути — пути истинной православной традиции, которая не сужает творческие рамки, а, наоборот, дает возможность глубоко исследовать самые разнообразные, неожиданные темы и сюжеты средствами живописи, графики и даже мозаики.

Живописные интересы Филиппа Москвитина в первом приближении можно разделить по нескольким жанрам — исторические полотна, портреты, пейзажи и высший уровень — иконы. Однако это деление достаточно условно. Благодаря врожденной художественной одаренности, духовной пронизательности, живописному мастерству, ощущению настоящего времени художнику легко дается совмещение нескольких направлений. Жанрово-тематическое взаимопроникновение-обогащение поднимает это творчество на духовный уровень, но не отрывает от реального мира, от сегодняшнего времени, в котором, как никогда, ожесточилась борьба за само понятие жизни в физической и духовной ее ипостасях. Одним из победных символов этой непримиримой борьбы является строгий, торжественный портрет Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского, написанный художником в 1998 году в качестве дипломной работы. Запоминающееся произведение тогда еще совсем молодого художника удивляет не только зрелостью мастерства, глубокой выразительностью образа архипастыря, но усиливающимся с течением времени, с каждым годом духовным значением

Празднование Державной. Филипп Москвитин

масштабного полотна, постепенно приобретающего особую надвременную ценность. Конечно же, это в первую очередь связано с личностью самого митрополита Иоанна, ему по Божию Промыслу были даны особые духовные силы, необходимые в новые смутные времена, в которые нам всем выпало жить, когда вновь было попущено зло, когда опять встал вопрос о самом существовании России. Митрополит Иоанн совершил зримый святительский подвиг, который выражался не только в том, что при нем произошел значительный рост числа верующих и прихожан в Петербургской епархии, началось возвращение народа в свой исконный духовный дом — Русскую православную церковь. Выдающийся подвиг Владыки — его духовное творчество, где митрополит Иоанн разработал целостную, исторически обоснованную идеологию русского национально-религиозного возрождения.

Филипп Москвитин находит убедительное художественное решение, разрабатывает новые живописные приемы для создания образа православного пастыря. По сути, изображая его в облачении света, он уподобляет его самого мощнейшему источнику любви, источнику света духовного. Усиливается это ощущение благодаря симметрично выверенной композиции картины, в которой Владыка с жезлом в руке изображен в полный рост на амвоне Свято-Троицкого собора Александро-Невской лавры. За ним — Царские Врата, над ним простираются золотые лучи, символизирующие схождение благодати Святого Духа. Владыка облачен в саккос, украшенный византийским орнаментом. Цвет одеяния нельзя однозначно назвать золотым, это более глубокий, сложный цвет света, того чудесного света, которому не нужна антитеза тьмы. Он приближается к нематериаль-

ному, невещественному свету, в изображении которого совершенствовались многие иконописцы Святой Руси. Но Филипп Москвитин не увлекается их достижениями, а находит свои приемы. Создавая образ земного человека, нашего современника, он не использует чистых, ослепительных цветов, световых пробелов. Чудо излучения света ему удастся создать в приближении к традициям умеренной московской иконописной школы. Он использует приемы, близкие к технике плавн, создающие эффект разлития света с тончайшими переходами близких, теплых оттенков, перемежающихся прозрачными тенями. Не открытый контраст, а спокойное равномерное сияние охватывает выразительное лицо Владыки с простыми русскими чертами. Это лицо, излучающее мудрость и нравственную силу, портретно в соответствии с принципом духовного понимания художественного документализма, а в целом портрет являет запоминающийся, живописно достоверный, психологически сложный, зрительно объемный образ выдающегося деятеля Русской православной церкви.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, 2002. Филипп Москвитин

Как говорит сам художник: «Больше всего радует точно найденный образ, найти его, передать эту радость зрителю — вот моя задача». Но для достижения цели мало одного желания, нужно мастерство, нужна школа, дающая умение решать поставленные задачи. Очевидно, не только русской живописной традицией определяются индивидуальные особенности творчества художника, который учился у Ильи Глазунова и кроме Александра Иванова, русских импрессионистов называет в числе своих любимых художников Диего Веласкеса, представителя строгой испанской живописи. Кажется, что может быть общего с последним? Но при внимательном рассмотрении

творчества Филиппа Москвитина и при обращении к художественным особенностям великого испанца параллели выявляются. В первую очередь это мировоззренческая близость. В своих портретах, соблюдая классический канон парадной портретной композиции, требующей сдержанности, отчужденности, внешнего достоинства, Веласкес умел передавать внутренний мир человека с поразительной многогранностью. Серьезно и беспристрастно он раскрывал сложность человеческого характера, его индивидуальность, видя

и воссоздавая ее в нерасторжимой слитности многообразных качеств, будь то придворный вельможа, иерарх церкви или человек из народа. В том же направлении работает и Филипп Москвитин, которому тоже интересны в первую очередь личности аскетические, внешне сдержанные, но духовно богатые. Он часто обращается к лицам духовного звания, портретов которых много в его обширной галерее. Особо обращает на себя внимание погрудный портрет Святейшего Патриарха всея Руси Алексия II (2002). На портрете, решенном в немногочувственной вишнево-золотой цветовой гамме, патриарх предстает перед нами в праздничном пасхальном облачении, с патриаршим посохом. Этот портрет при строгом колористическом и композиционном решении производит впечатление очень сдержанного художественного произведения, раскрывающего вдумчивый, богатый духовными переживаниями образ предстоятеля Русской православной церкви. Усиливает историческую значимость образа реальный фон в виде древней поблекшей храмовой стенной росписи, символизирующей незыблемость, непрерывность и преемственность православной традиции, защита которой вменяется каждому русскому патриарху.

К образу патриарха Алексия II художник обращается в другом своем значимом произведении, в большой многофигурной композиции «Перенесение мощей патриарха Тихона, или Благовещение в Донском монастыре» (1995–2001). На картине изображено одно из событий современной Православной церкви — прославление Патриарха Тихона, святителя, занимающего место в сонме новомучеников российских. Он скончался в 1925 году в день Благовещения Пресвятой Богородицы. Его мощи обреты в 1992 году в Донском монастыре. По традиции в каждое Благовещение после праздничной службы Святейший Патриарх Алексий II возглавлял процессию перенесения мощей патриарха Тихона из Малого собора в Большой. Это торжественное многолюдное событие Филипп Москвитин передал, не перейдя тончайшей грани достоверности и художественного вымысла, который заключается в первую очередь в колористическом и пространственно-

*Перенесение мощей святителя Тихона
(Благовещение в Донском монастыре), 1995–2001. Филипп Москвитин*

композиционном решении грандиозного полотна. Достоверность достигается узнаваемостью многих священнослужителей. Рядом со Святейшим Патриархом мы видим архимандрита Кирилла (Павлова) с иконой святителя в руках. На первом плане — архимандрит Даниил, который в юные годы бывал на службе патриарха Тихона, благословлялся у него, участвовал в его погребении. Событие показано с большой жизненной правдивостью, оно не кажется явлением стихийным, случайным, но представляется звеном исторического процесса жизни Русской православной церкви. Кстати, впервые в истории живописи глубокое решение исторической темы в реальном, естественном представлении дал Диего Веласкес в картине «Взятие Бреды». На полотне Филиппа Москвитина все персонажи тоже естественны, жизненны, выразительны, обладают индивидуальностью, внешней и внутренней характеристикой. Но в большей степени для художника, стремящегося к смысловой и композиционной общности образа, важно то, что объединяет всех этих людей.

Чтобы это понять, может быть, имеет смысл сопоставить картину Филиппа Москвитина с известным полотном Ильи Репина «Крестный ход в Курской губернии», созвучной тематически, но являющейся ей полной противоположностью. Репин, бесспорно, добился художественного правдоподобия, мастерски изображены богомольцы, церковные атрибуты, пыльный воздух, но нет правды о самом событии, связанном с перенесением особо почитаемой русскими людьми чудотворной иконы Курской Коренной Пустыни. Прославленный художник не смог или не захотел найти обобщающий композиционный образ, который смог бы выразить духовное устремление народа, представленного в этой исторической картине разрозненными персонажами. Филипп Москвитин стремится к духовно-философским обобщениям и для этого разрабатывает целую систему художественных приемов.

Трудную задачу объективной передачи большого пространства художник успешно решает в соответствии с законами зрительного восприятия, чего, однако, недостаточно для передачи глубоких духовных процессов, той поразительной целостности, которой подчинено происходящее на полотне действо. Известно, что в плоскостном, неподвижном живописном произведении содержится образ времени, представление которого определяется мастерством и художественной задачей автора. Художественный образ времени может совпадать с Вечностью, как в «Троице» Андрея Рублева, может длиться фотографическое мгновение, как в вышеупомянутой картине Ильи Репина. Образ времени в первую очередь связан с темой произведения — в исторической картине заложена определенная историческая временная дистанция, но точнее всего он может выражаться и передаваться средствами композиции, перспективным построением, как, например, в любимой картине Филиппа Москвитина «Явление Христа народу»; по признанию самого Александра Иванова, расположение фигуры Христа на далеком плане и введение синеющих гор вдаль углубили смысл всей композиции. Еще одной особенностью этой знаменитой русской картины является принцип пластического единства изображенных фигур и групп, что дает почувствовать образ длящегося времени. Как пишет искусствовед Н. Н. Третьяков, «неизменное влечение к образам вечности и длительного времени суть национальный признак нашего искусства. Это

то, что нам завещано христианской традицией, которую мы должны сохранять и продолжать»².

Стремление отразить время явно прослеживается в творчестве Филиппа Москвитина, особенно в картине «Перенесение мощей патриарха Тихона», где соблюдаются и традиционные приемы, и разрабатываются новые. Бесспорно пластическое единство изображаемых фигур, которое не нарушается и даже усиливается контрастными цветами одеяний участников торжественного хода. Цвет черный — от черных облачений монахинь, возглавляющих процессию и уже входящих в храм, плавно, чередованием черных клобуков и серебряных мантий, следующих за ними монахов, постепенно, от фигуры к фигуре, преобразуется в серебристо-голубой и достигает своего апогея — цвета света одежд Патриарха всея Руси Алексия II. Центральная фигура Патриарха, символизирующая и значимость происходящего события, и аналогию служения патриарха Тихона, отдалена, углублена, что создает ощущение длящегося, стремящегося в бесконечность времени. Это ощущение усиливается и углублением пространства картины за счет свето-воздушной перспективы, изображенного художником на дальнем плане воздуха-света, как будто заключенного в свод, образуемый из склоняющихся обнаженных ветвей деревьев, незыблемых в холодный Великопостный праздничный день. Акцентированные антиномии праздника Благовещения и Великого поста, смерти и Воскресения, горя и радости, выраженные художественными средствами, свидетельствуют, что это не просто картина отражения события, это живописное философско-богословское размышление. Автор полотна осмысливает и художественно решает задачу изображения единства Церкви Небесной, пребывающей вне времени, явленной в картине метафорическими образами весенней природы, сложными небесными световыми аберрациями, и Церкви земной, зримой, распахнувшей свои врата торжественному монастырскому ходу. Большой собор монастыря, куда переносятся мощи патриарха Тихона, показан фрагментарно. Но черная монолитная группа монахинь, поднимающихся по ступеням, окна храма, горящие ровным, теплым естественным светом, видимое через проем двери богато украшенное паникадило — все это создает ощущение подлинности, великого таинства, свершающегося в глубине собора. Следует отметить мастерство художника в том, что, не видя лиц монахинь — они изображены со спины, — зритель точно определяет, что это женские фигуры. Вся процессия в картине будто бы проистекает от Неба, от Света, от Церкви Небесной и движется в бесконечность через Церковь земную.

Движение времени в картине создается и усиливается зрительным ощущением ритма, наличием ритмических взаимосвязей. Известно, что наиболее ритмичным является искусство иконописи, где наряду с изображением движения по горизонтали разработан прием изображения движения по кругу, создающее впечатление пространственной бесконечности. В картине Филиппа Москвитина наблюдаются элементы окружности: по дуге движется процессия, полукружья образуют ветви деревьев, и даже небеса, кажется, движутся вокруг незримого центра. Используется прием восхождения фигур, прием чередования цветовых интервалов. Но изображаемый ритм

² Третьяков Н. Н. «Образ в искусстве», Свято-Введенская Оптиная Пустынь, 2001. — С. 92.

не просто сумма приемов, он приводит к гармонии, за счет чего создается впечатление монументальности, незыблемого порядка, вечности и наследования исконных традиций земной Церкви Христовой, предводимой и сберегаемой русскими патриархами.

К образу патриарха Тихона живописец обращается неоднократно. Богатая событиями, физическими и духовными подвигами жизнь этого святителя известна не достаточно широко. Художника интересуют ее переломные моменты, о которых он дает запоминающееся живописное представление. Драматичная картина «Арест патриарха Тихона» (1996) решена на фоне древней красной кирпичной стены в целом в сумрачных тонах, символизирующих власть темных, атеистических сил. Белый куколь Патриарха и его ясное волевое лицо являются смысловым центром картины, в которой, по сути, изображена трагедия временного одоления света силами тьмы, представленными уверенными в своей правоте непреклонными во зле красноармейцами. О временности их власти свидетельствуют смиренные и непоколебимые в своих устоях духовные чада Патриарха, склонившие свои головы под его отдаленное в пространстве благословение. И композиция картины в целом, и это отдаленное благословение наводят на мысль о двух иконографических источниках произведения — «Взятие Христа под стражу» и «Воскрешение Лазаря».

Арест патриарха Тихона, 1996. Филипп Москвитин

Примерно в таких же склоненных позах мы видим других духовных детей святителя, на других землях, на другой картине «Прощание с Америкой святителя Тихона» (1995–2003). Со смирением, любовью и благодарностью взирают на своего просветителя коренные жители Аляски, где будущий Патриарх совершал миссионерский подвиг в сане архиепископа Алеутского и Северо-Американского. Из жизнеописания святителя мы зна-

ем, что за восемь лет его управления Алеутско-Аляскинской епархией были учреждены две викарии — Аляскинская и Бруклинская, открыты духовные семинарии, основан Свято-Троицкий монастырь, построен Свято-Никольский собор в Нью-Йорке. Число приходов возросло с семнадцати до семидесяти пяти. В центре картины Филиппа Москвитина святитель Тихон изображен не активным церковным деятелем, а добрым пастырем в строгом монашеском одеянии. Он еще молод, но к нему, как к истинному отцу, приник на прощание плачущий по-детски алеут. Не только горе видится в этом прощании, но ощущается великая радость встречи — встречи с Господом, на Которого с уверенностью святитель Тихон, свершивший миссионерский просветительский подвиг, уезжая, оставляет своих духовных чад. Для усиления этой мысли, этого двузначного неделимого образа горя прощания — радости встречи живописец композиционно, кажется, цитирует Евангельскую притчу о возвращении блудного сына, не раз отображенную в истории живописи. Грустны и просветлены лица других членов этого сильного рода, живущего в суровом краю гор и ледяных камней и обретшего истинного Заступника — Отца Небесного. Образы всех персонажей картины индивидуальны, точно и подробно переданы орнаменты и особенности национальных костюмов. Изображены домашние животные. Кажется, легко достигнуто образно-композиционное единство. И цветовое решение усиливает смысловое значение картины. Тему горя-радости проявляет сложный, в целом сдержанный колорит живописного произведения, в основной части полотна теплый, золотисто-коричневый, на втором плане — холодный, просветленный серебристо-лиловыми оттенками небесной и водной сред, объединенных белоснежными горами. Действие, кажется, закономерно разворачивается на фоне глубокого, метафорического пейзажа, уводящего взор зрителя выше озера, выше гор, к низко клубящимся строгим и благодатным Господним небесам.

Целая серия работ Филиппа Москвитина посвящена русским святителям-миссионерам. В этих работах живописец осмысливает духовный подвиг выдающихся деятелей Русской православной церкви, находит особые способы его художественного выражения. Николай Японский, Иннокентий Московский на больших полотнах изображены в полный рост, в экзотическом пейзаже или на фоне просторов Сибири. Особо запоминается полотно «Владыка Нестор, апостол Камчатки» (2009). Малоизвестна подвижническая жизнь этого святителя, который в 1907 году, в год пострижения, был назначен миссионером на Камчатку. Он не только проповедовал камчадалам христианство, но лечил и обучал малограмотных жителей далекого Гажинского уезда России. Владыка изучал местные языки — корякский и тунгусский, перевел на корякский Божественную Литургию, частично Евангелие. На картине он представлен во время торжественного богослужения, в полном облачении, с трикирием — ручным светильником с тремя зажженными свечами, символизирующими свет Пресвятой Троицы, и дикирием, в котором две горящие свечи символизируют свет Христа в двух ипостасях — божественной и человеческой. Торжество происходящего действия художник подчеркивает и достигает не только специальной атрибутикой, мастерски изображенными элементами священнического одеяния, украшенного мехом, но и проникновенным цветовым звучанием произведения. Логично сочетаются, кажется, не сочетаемые цвета — теплые оттенки золотисто-коричне-

*Святитель Николай Японский.
Филипп Москвитин*

вых тонов облачения святителя и холодные синие цвета сумеречного неба и морозного воздуха, окружающего камчадалов, расположенных за спиной владыки сплоченной группой. Двойственное, щемящее и радостное чувство вызывают эти опрятные маленькие люди со свечами и православными иконами в руках. Художник специально изображает их много меньше центральной фигуры святителя, размещает в глубине картины, в отдалении. Разновеликость фигур и значительное расстояние между Владыкой и воцерковляющимися коренными жителями Камчатки создают метафорический образ возможности их будущего духовного роста до беспредельной высоты, олицетворяющей нимбоподобным Северным сиянием, освящающим все полотно. Иным, невидимым духовным светом исполнено красивое, выразительное лицо святителя Нестора, которого художник с низкой точки зрения изображает в полный рост, возвышающимся над зрителем. Фактура и свет являются основными средствами изображения главного героя полотна. Вибрирующие слои краски, то густые, темные, то светлые, нанесенные легким слоем,

кажется, создают впечатление кристаллизации образа, излучающего как будто изнутри свет духовной жизни. В этом неярко живописном произведении художник успешно решает сложнейшую задачу изображения светового контрапункта — света небес, света растущей веры и света незыблемого духа. Несмешиваемые и несмешанные, они явлены живописцем в удивительной убедительности, целостности и гармонии.

На языке мистического реализма, со знанием этапов жизни и духовных подвигов, с портретной достоверностью Филипп Москвитин рассказывает о выдающихся православных пастырях, о великих духовных личностях сравнительно недавней истории России. Но интересуют его и времена стародавние, он обращается к эпохе государственного и державного становления государства, стремится найти нравственный идеал в прославленных людях далекого прошлого. Картина «Присяга Преображенского полка императрице Елизаве-

те Петровне» (1995) изображает поворотный момент истории России, освобождающейся от ненавистного правления и встающей на путь национального объединения. Многофигурная композиция, вписывающаяся в треугольник, построенная художником по известному классическому принципу, с обязательным четким смысловым центром, симметрией, производит впечатление статичного постановочного действия, может быть, по причине редкой особенности события, которая, с одной стороны, подчеркивается театральными жестами приближенных императрицы, с другой — приглушается монотонной однотипностью изображенных grenадер. И только смутное ночное небо в сполохах, живое пламя факела, ярко освещающего красивое, волевое лицо императрицы, и крест, сияющий в ее руке, сильнее, чем вся драматургия этого художественного произведения, говорят о значимости действия.

В историческом полотне «Александр Невский и Сартак в Орде» (1999), кажется, совсем нет драматургии, выраженного сюжета. Для понимания происходящего нужно знать историю Руси времен татаро-монгольского нашествия. Это полотно посвящено жизни и подвигу св. благоверного князя Александра Невского. Картина написана по заказу наместника Александроневской лавры. Известно, что св. благоверный князь Александр Невский во время поездки в Орду побратался с сыном хана Сартаком. Благоверный князь славен не только военными подвигами, но и подвигом миссионерства. В Орде он строил храмы, воцерковлял ордынцев, желая им спасения души и дружбы с Русью. Сын хана Сартак, подружившийся с князем, тоже принял христианство, но в результате заговора сородичей был убит. На полотне мы видим скачущих по степи св. благоверного князя Александра Невского и Сартака. Художник изображает их как обыкновенных всадников, ведущих по пути беседу. И только образ этого пути в виде полыхающего закатными красками ковыля, похожего на стелющееся, движущееся навстречу всад-

Александр Невский и Сартак в Орде, 1998. Филипп Москвитин

*Гражданин Кузьма Минин
и князь Дмитрий Пожарский, 2009.
Филипп Москвитин*

никам пламя, вносит драматизм. Картина требует вдумчивого прочтения, пристального внимания. В ней нет громогласной пафосности, метафоры тоньше, глубже. Разнятся характеры всадников, выраженные различными живописными приемами. Под обеспокоенным, жестикулирующим, импульсивным Сартаком черный норовистый скакун, кажется, несется неуверенно, стремительно, опасно. Художник, вытягивая его пропорции, заостряя морду, приглаживая на ветру гриву, достигает передачи большой скорости движения, подчеркивает пытливую нетерпеливость новообращенного его хозяина.

Александр Невский, наоборот, выглядит уверенно, значительно, его белый конь полон достоинства, хотя в скорости не уступает соседу. Остались позади всадников покинутые юрты стана Сартака, их далекий план символизирует прорыв к новой жизни, к истинной вере. Этот трудный, мучительный прорыв олицетворяется беспокойным, в скрученных, мятущихся облаках холодным небом. Вообще, большую часть этой картины занимает пейзаж, играющий значительное смысловое и эстетическое значение почти в каждой картине художника. Многокрасочен, богат колорит картины, хотя наиболее запоминающиеся пятна созданы в небесных оттенках — серо-синем и белом, насыщен стальной цвет кольчуги святого благоверного князя. Стремление выразить художественными средствами преобладание духовных стремлений над телесными, усилить мистическое ощущение изображаемого события, присутствие элементов православного канона, заметных в образе Александра Невского, свидетельствуют о знании мастером иконных композиций.

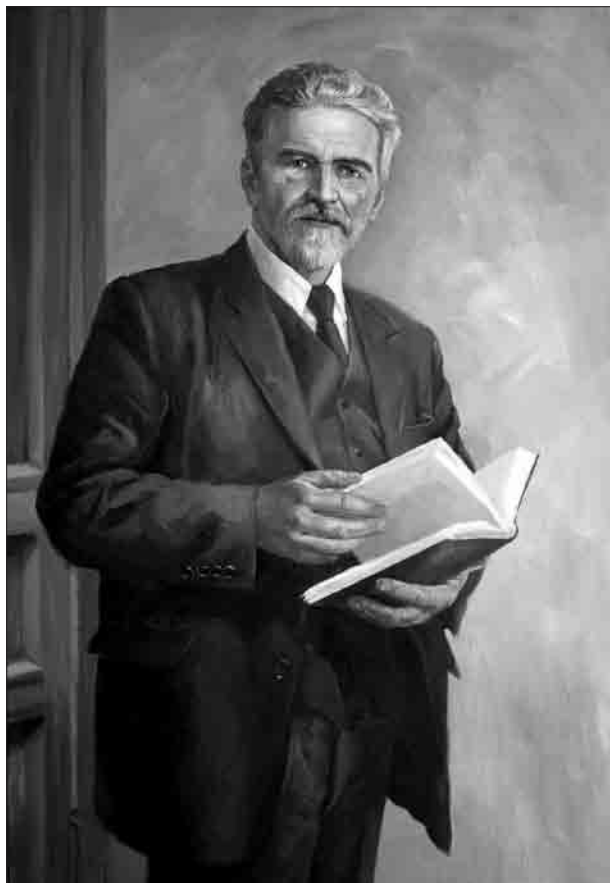
Иконописание — особая сторона дарования мастера. Очевидно, что именно к иконе тяготеет он в своем творческом развитии, имея достаточный опыт создания церковной живописи. Филипп Москвитин проектировал иконостасы Троицкого собора Борисоглебского монастыря, создал цельный образ храмового интерьера. Иконы выполняет в темперной технике, автор не делает списков-копий. Об этой особенной, требующей дополнительного исследования стороне творчества можно сказать словами его исследователя доктора искусствоведения В. Г. Брюсовой: «Опираясь на древнюю традицию иконописи, он создает новые образы Спасителя, Богородицы, святых благоверных князей страстотерпцев Бориса и Глеба, святителя Филарета Московского, преподобной великой княгини Елизаветы Федоровны, свя-

тителя Тихона, Патриарха Всероссийского, святых архидиаконов Стефана и Лаврентия. Отказ от «фряжского» письма, возврат к канонам и технике древней иконописи с использованием опыта современной живописи позволяют говорить о стремлении художника к созданию своего стиля». Примером тому может быть запоминающаяся икона-портрет «Святые Царственные мученики» (1999). Художник обращается к стилю заупокойного античного фаюмского портрета, к колориту энкаустики и к символике древнерусской живописи. Темно-синий фон, пурпурно-золотые одежды, кресты в руках по канонам символизируют подвиг мученичества. Просветленные, полные достоинств, озаренные небесными светами живые лица Царственных мучеников, кажется, запечатлены в момент наивысшей истинной свободы — в момент смиренного, сознательного принятия Господней воли.

Сколь сложно давалось это свободное решение, какими выстрадано нравственными муками, во много превосходящими, кажется, муки физические, свидетельствует «Портрет Императора Николая II» (1999), созданный по известной фотографии в окне вагона поезда в начале крестного пути Венценосца. Мы видим, как трагичны переживания помазанника Божия, преданного соратниками, вынужденного оставить Россию на разграбление врагам, молитвенный голос которого был сознательно заглушен политической какофонией. Кажется, художнику самому надо было вжиться в этот образ, чтобы с такой силой, с такой проникновенностью передать в выражении лица царя сгусток невыносимых, жгучих чувств, выражающих беспощадный образ смутных времен. Портрет по выразительности превосходит фотографический образ, тем более что решен в убедительной цветовой гамме. Излюбленные темные, сине-серые тона закрытого фона картины диссоциируют с бледным, покрытым глубокими морщинами еще молодым лицом царя, но созвучны цвету его пронзительных, светоносных синих глаз, обращенных уже не вдаль, а вглубь своей души, хранящей память о прежней России, вглубь своего сердца, решившего принять крестную муку вместе со страной, идущей на Голгофу.

Очевидно, что для Филиппа Москвитина жанр портрета — жанр особый, это его экспериментальная мастерская. Именно в портрете художник ставит и решает различные и стилистические, и психологические задачи. Одно общее можно отметить, что все портреты пронизаны лиризмом, в них нет смятенности духа, явных страстных поисков истины. С большой точностью и тонкостью художественного вкуса, многогранно отражая разные образы людей, художник выявляет и особо подчеркивает черты, созвучные собственному православному мировоззрению. Поэтому у него так много портретов священников, монахов. Неповторимо различна красота их благообразных лиц, разнообразны облачения, но напряженное духовное предстояние, созерцание неведомого Божественного Света единит их в чувстве нескрываемой сердечной теплоты, неиссякаемой любви.

Кажется, в этом же ряду портреты творческих личностей, русских писателей, духовно близких мастеру. Это не заказные картины, это изображения людей, которых художник хорошо знает, любит и старается запечатлеть в целостности личности, понимая, что на суд времени выставляет их образы, поэтому стремится выявить самое главное, индивидуальное, достойное будущего. Для этого ищет художник наиболее емкие выразительные средства. «Портрет Николая Дорошенко» (2006), известного московского проза-

*Писатель Николай Иванович Дорошенко, 2006.
Филипп Москвитин.*

ика, публициста, издателя строг и композиционно, и по колориту, мастерски выдержан в излюбленных автором темно-серых, жемчужных тонах буквально нескольких оттенков, которыми художник не столько создает достоверный внешний облик, сколько выявляет суть духовной устремленности. На клубящемся, словно облако, фоне стены писатель изображен стоя, почти в полный рост. Такую композицию Филипп Москвитин использует обычно, чтобы подчеркнуть духовную силу, особую значимость личности. Строго тонкое, одухотворенное лицо. Чередование светотеневых пятен в его изображении создает ощущение глубоких внутренних раздумий, сложных переживаний. Сосредоточен тревожный взгляд писателя, держащего в руках открытую

книгу. Образ книги в данном случае не атрибутка, не свидетельство профессиональной принадлежности, но глубокий символ. Живописец находит для изображения ее листов такой чистый ослепительно белый цвет, что создается эффект внутреннего свечения, кажется, что книга — первичный источник света, духовная свеча, озаряющая все полотно. Через этот образ можно понять, о чем тревожится писатель — о чистоте этого света, о его пронзительной силе в современной жесткой духовной войне, о которой точно и емко сказал петербургский поэт Андрей Ребров:

*Бородино листа,
Свеча, а выше
Три сомкнутых перста, —
Так крестятся и пишут.*

«Портрет великого русского писателя Василия Белова» (2009) — тоже картина-аллегория, картина — раздумье. Не только портретное сходство, узнаваемость беспокоят художника. Он задается более сложной задачей — показать место русского народного писателя в современном обществе. Выдающийся прозаик изображен так, как будто только что вышел проводить

гостей из своего дома, помещенного автором в глубине картины. С непокрытой головой, в далеко не новом пальто писатель видится смиренно предстоящим пред светом небес, пред будущим. Строгая, холодная живописная гамма, запорошенный снегом пейзаж, мастерски переданная изморозь, легкая одежда в зимний день, создают ощущение зябкости, отчужденности героя, иноческой оторванности от мира. Мотив одиночества, оставленности усугубляется яркой по смыслу и цвету, запоминающейся живописной метафорой — вынесенной на передний край полотна, к самой раме, тяжелой, беспросветной линией разделяющего забора, на который опирается немолодой русский классик, вглядываясь своим лучистым, источающим свет взглядом в наши лица. Глубокая перспектива зимнего пейзажа создает настроение прощания. Кажется, исходит не только время года, время земной жизни, но звучит мотив расставания с исконной русской народной традицией во всех ее проявлениях, умышленно отделяющей от нас духовно-борческим забором. По глубинным ассоциациям, настроению и цветовому решению эта картина будто бы перекликается с полотном «Арест патриарха Тихона». Так и слышатся обличительные слова патриарха-исповедника, обращенные как будто в наше время: «Противостаньте им силою веры вашей, вашего властного всенародного вопля, который остановит безумцев и покажет им, что не имеют они права называть себя поборниками народного блага, строителями новой жизни по велению народного разума, ибо действуют даже прямо против совести народной»³. Такое историческое и идеологическое созвучие и страшит, и вместе с тем оставляет надежду: ведь не одолела тьма вечной жизни и неиссякаемой веры патриарха Тихона. Так и русская литература, как бы ни была попираема ныне, вернется к народу во славе своей нетленной.

Но нигде в его живописи более так оптимистично не проявляется тема вечной, непобедимой красоты Божьего мира, как в пейзажах. Пейзажи Филиппа Москвитина — светлая, жизнеутверждающая страница его творчества, явление

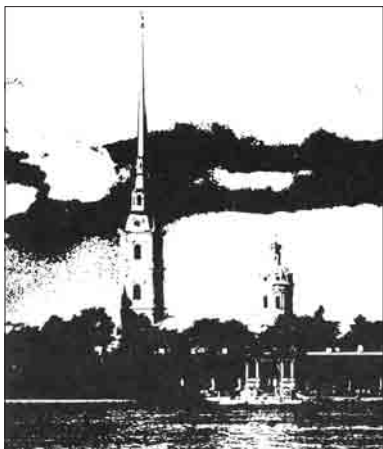
*Писатель Василий Иванович Белов,
холст, масло, 2008. Филипп Москвитин*

³ «Послание Святейшего Патриарха Тихона» от 19.01.1918, цит. по книге диакона Георгия Малкова «Контрреволюция духа», — М., 2006. — С. 151.

особого поэтического образного строя. Радость бытия, жизненные силы молодого сердца, благодатные надежды и многие другие добрые чувства выражает художник в многочисленных образах природы, без которой не мыслит своего существования. Красноречиво во многих смыслах полотно «День святого Георгия Победоносца» (2001), на котором изображена в наивысшей своей красоте немолодая, с ветвями, искореженными морозами, но преодолевшая во имя будущей жизни все смертельные зимние испытания раскидистая цветущая яблоня. Художник показывает свое мастерство в изображении этого природного чуда, работая в стилистике импрессионизма, пользуется светлыми, чистыми тонами, дробными мазками добивается прозрачности светотени, что позволяет картине в зависимости от освещения изменять свою светосилу, создается ощущение наполненности живописного пространства воздухом, трепетными ароматами. Несмотря на то что огромное, раскидистое цветущее дерево занимает почти все пространство холста, что от этого великолепия невозможно оторвать взгляд, и зритель словно втягивается в этот метафорический пейзаж, удивляющий обилием тонких оттенков зеленого цвета, переливами белого, главные акценты, судя и по названию, и по элементам композиции все-таки иные. Победу жизни над смертью олицетворяет ликующая природа, превосходство духовных законов над материальной составляющей бытия являет маленькая золотая луковка православного храма, возвышающаяся в отдалении над пышной кроной цветущего дерева. Этот скромный золотой куполок с православным крестом символизирует то незримо-могучее здание Церкви, дом Духа Живого, Которым создается вся эта красота и от Которого и святой Георгий Победоносец черпал свои победные силы. Отсюда же черпает свое художественное мастерство и вдохновение Филипп Москвитин.

Этот пейзаж яркий пример того, как художник, восхищаясь красотой природы, многообразием форм бытия, гармонией Мироздания, не переходит зыбкой границы между материальным и духовным в сторону материального, не впадает в пантеизм, но поклоняется нетварному через творение, поклоняется через образы природы — ее Творцу. Изображение красот природы есть путь познания Бога. Яркое, философское творчество живописца во всех его проявлениях и достижениях есть в первую очередь опыт духовного исследования реального мира. Принимая и подтверждая ценность бытия как такового, художник не видит его смысла без духовного основания. Множественное отображение образов природы, разнообразие жанровых направлений этого творчества подтверждают мысль Максима Исповедника, считавшего, что люди обладают знаниями о мире, о природе, о сущности вещей в разрозненном виде, то есть видят Мироздание, разделенное на части. Стремление к созерцанию, постижению и отображению всего мира в целостности и единстве, стремление к одному Божественному Логосу, Который можно прозреть лишь духовным зрением, есть суть творчества талантливого русского художника Филиппа Москвитина. Но духовное зрение требует духовного света, которым освещается творческий путь духовного познания. Этот свет мастер черпает всеми силами своей верующей души во Христе и Его Церкви и художественно преображенный возвращает людям.

Петербургский ПИСАТЕЛЬ

Ольга СОКУРОВА

ВАСИЛЬКИ ТЯНУТСЯ В НЕБО

*О книге
Александра Ракова
«О, жизнь,
нечаянная радость»*

Летнее высокое небо с вольно гуляющими по нему белыми облаками. И васильки, васильки, васильки... Из травы тянутся они в небесную высь, вырастают в нее своими зубчатыми лепестками, мохнатыми пестиками, еще не раскрытыми бутонами. Такое близкое, дорогое, милое всякой русской душе васильковое поле на обложке новой книги Александра Ракова притягивает к себе, обещает встречу с чем-то родным и необходимым, чем можно дышать — не надышаться. Светлое предвестие чего-то очень хорошего, насущного и мудрого несет в себе и поэтическое название книги — «О жизнь, нечаянная радость». Сразу же скажем, что книга оправдывает ожидания.

На поле каждой страницы этой прекрасно изданной книги живет тоненькая былинка, напоминающая об оригинальном и в то же время очень органичном жанре, изобретенном автором. По его собственным словам, «былинки» подтверждают свое название тем, что они легонькие, непритязательные на первый взгляд, в них нет сложных сюжетов, они берутся из самой жизни. Толчком для их рождения становится какое-то жизненное впечатление, наблюдение, воспоминание (подчас это может быть воспоминание о каком-нибудь давнем грехе, которое, возникнув, не дает покоя). В душе идет процесс, имеющий разную временную протяженность, но, наконец, наступает момент, когда «былинка» требует выхода и заставляет сесть за компьютер, воплотить ее в тексте и выпустить на свет Божий. Как видим, «былинки» — это нечто такое, что представляется не искусственно сделанным, а зародившимся и вызревшим. Это что-то природное, не вымышленное, а выращенное. Источником для их появления является сама жизнь во всем многообразии ее

проявлений. Создатель «былинок» «всем этим болеет», все пропускает через сердце и дает любому человеку почувствовать, что «он не один в своей боли, своих грехах, своих муках». «И человек, переживший, может быть, и разлуку, и смерть близких, а нынешняя молодежь — и наркотики, и страсть винопития, — открывает книгу» и видит, что другой человек может обо всем этом прямо, просто и честно написать. И тогда он понимает, «что он не брошен, что его проблемы решаемы».

В самом деле, поистине драгоценна та доверительная, искренняя интонация, которая выбрана автором при его беседе с другом-читателем. Вести себя совершенно открыто, держать душу нараспашку, конечно, рискованно. Но автор, похоже, сознательно идет на такой риск. Ведь в наше время люди, к сожалению, очень разобщены, каждый предпочитает жить «на особинку» и при этом молча мучается своим одиночеством. Мы, русские, можем утратить уникальное свое богатство, уже давно недоступное остальному миру — роскошь настоящего человеческого общения.

*Это жажда разговора со своим.
Это детское братанье — навсегда.
И наивное: потом договорим.
А потом и не бывает никогда.
Это вечное желание мое
Всех собрать и воедино, и навек.
Это то, что называется «свое»,
По чему тоскует русский человек.*

Надежда Мирошниченко

А. Г. Раков не случайно включил эти стихи в последнюю книгу «былинок»: они выражают позицию, которая побуждает его упорно двигаться «против течения», против тенденции разъединения людей и расчленения русского мира к противоположной цели — восстановлению человеческого братства и соборного единства народа, то есть того главного, «по чему тоскует русский человек».

Сплав стихов и прозы — еще одно проявление соборного начала в книгах А. Ракова и еще одна характерная и неповторимая, «каноническая» особенность жанра «былинок».

Стихи множества известных, малоизвестных и совсем не известных поэтов возвышают, одухотворяют, облагораживают прозу, обобщают конкретные жизненные впечатления, дают возможность мысли о земном оторваться от земли и воспарить вверх.

Этот сплав авторской прозы и «чужих» стихов еще раз убеждает в том, что истина — одна на всех, и поскольку у нас еще и одна на всех страна и общая историческая судьба, мы часто мучаемся одними и теми же вопросами, темами, одними и теми же физическими, духовными болезнями и социальными проблемами. Мы нередко переживаем похожие впечатления, приходим к одинаковым выводам. Мы родные друг другу. Мы не одиноки.

Приходится только догадываться и удивляться, какую надо иметь память и какую огромную собрать библиотеку современной поэзии, чтобы в нужное время и в нужном месте извлечь на свет, точно подогнать и прикрепить «стропы поэзии к вескости прозы», а затем отправить в путь очередную

«былинку». Действительно, при всей непосредственности, естественности, спонтанности возникновения «былинок» от автора этого, как кажется, «легкого» жанра требуется большой творческий труд и высокий профессионализм.

Кстати, именно о сложности создания малой литературной формы и о несомненной ее перспективности в условиях нашего стремительного времени говорил Ю. В. Бондарев при вручении Александру Ракову в 2009 году Международной премии им. М. А. Шолохова за сборник публицистических и философских размышлений «На милость дня. Былинки». Приведем дословно слова Бондарева: «Я давно понял, что в короткой речи, если она насыщена тем, что у тебя на душе болит, можно выразить очень многое. А у вас очень много боли. Я не увидел никакого подражания кому бы то ни было». Далее выдающийся писатель-романист признал, что короткой литературной форме принадлежит будущее и работать над ней сложнее, чем написать большой роман: «...В романе тебя движет сюжет, какие-то коллизии, взрыв характеров. А в короткой форме нужны настроение и мысль».

Юрий Бондарев — честный и мужественный человек и настоящий писатель. Писатель-фронтовик. Поэтому получить из его рук премию особенно почетно. Это равносильно признанию боевых заслуг, включению в братство по оружию. То, что оружием является писательское слово, дела несколько не меняет. Ибо бои за честь, свободу и независимость нашей Родины продолжаются. И становятся все тяжелее:

*Был День Победы взрывом счастья,
В нем гасла даже боль потерь.
Стучали радостно и часто
Сердца людские. А теперь?*

*Идут года, а с ними беды —
Как из прорвавшейся сумы.
И чем мы дальше от Победы,
Тем ближе к пораженью мы.*

Эти горькие строки, включенные в книгу, принадлежат кубанскому поэту Николаю Зиновьеву. Его имя стало широко известным в последнее время, и его правдивые, сдержанные в своей трагичности и тем более сильные стихи находят живой сочувствующий отклик во многих сердцах. Но все-таки приведенные строки кажутся слишком пессимистичными в финале. Да, ныне мы несем огромные потери, несопоставимые ни с каким былым историческим лихолетьем, даже с ужасами прошлой жесточайшей и великой войны. Но дух, но сердце не хочет и не может согласиться с окончательностью нашего поражения. Во временных же поражениях русский характер только закалялся и креп — таково его удивительное свойство. Капитулировать мы не собираемся, хотя внутренне готовимся к еще пущим испытаниям. И обо всем этом свидетельствует новая книга А. Ракова.

Эта книга в некотором смысле юбилейная: десятая по счету среди всех книг автора и седьмая среди «былинок». Семь — тоже число знаменательное, символизирующее земную полноту. Диву даешься: когда только автор успел столько написать — всего-то в течение одного десятилетия

XXI века... По книге в год! И это при той нагрузке, которую Александру Григорьевичу приходится нести в качестве редактора газеты «Православный Санкт-Петербург» и четырех дочерних ее изданий. Для такого редкостного плодоношения нужно, чтобы многое накопилось в душе и терпеливо ожидало своего дня и часа. Нужно, чтобы была большая любовь к едва ли не каждодневному занятию «былинками» и почти неослабевающая творческая энергия, почти (без передышек все же невозможно!) неиссякаемая радость вдохновения. Чтобы писалось как дышалось — без такого свободного дыхания «былинки» вряд ли могли бы появиться на свет. И потому их изобилие похоже на чудо. Возможно, это чудо связано с благословением замечательного духовника — о. Иоанна Миронова и с его постоянной молитвенной помощью. Православному читателю представлять о. Иоанна не надо. Все знают, что в нем — сама безграничная любовь Христова, и благость, и детская простота, и святоотеческая мудрость. По милости Божией он здесь, с нами, и в нем — все драгоценные дары русского старчества. Дай Бог дорогому батюшке многая и благая лета!

По признанию А. Г. Ракова, ему на первых порах удавалось с великим трудом испрашивать у духовника благословения на свои литературные занятия, а в последнее время старец сам настойчиво говорит: «Пиши, пиши и пиши!» Согласитесь, это дорогого стоит. Должно быть, о. Иоанн усмотрел несомненную пользу написанного и для самого автора, и для его читателей. Ведь, по видимости, легкие «былинки» связаны с нелегкой и неустанной внутренней работой их создателя над исследованием собственной души: «Я с ужасом и удивлением узнал, что чем глубже погружаешься в себя, тем больше грехов и всевозможных ошибок открывается перед тобой»:

*Пора углублять свою веру;
У сердца потребность в тиши.
Почаще исследуй пещеру
Своей богозданной души.
И там затепляя лампаду,
И там возжигая свечу,
От сердца шепчи то, что надо
Небесному слышать Врачу...*

Протоиерей Андрей Логвинов

Читатель тоже, подчас незаметно и неожиданно для себя, втягивается в эту работу души, начинает что-то похожее или иное вспоминать о себе и испытывает живительную боль стыда и покаяния. Ради таких моментов истины стоит писать книги.

К этому следует добавить, что в последней, «юбилейной» книге А. Г. Ракова появилось нечто новое: каждую «былинку» сопровождает комментарий архимандрита Амвросия (Юрасова), духовника Свято-Введенского женского монастыря в г. Иваново и православного общества «Радонеж». Если привычные поэтические «крылья» позволяют «былинке» взлететь над землей, то духовное слово опытного пастыря и миссионера поднимает ее еще выше, в горние сферы, и бросает на все повествование отблеск вечности. Порой получается выразительный контраст: горячая, страстная реакция автора книги на то или иное явление жизни встречается с невозмутимо спокойным вра-

зумлением или наставлением о. Амвросия. Иногда его наставление кажется слишком отвлеченным, отрешенным от страдающего человека или от конкретной жизненной ситуации, от поражающего воображение факта. Но всякий раз это отрезвляющее беспристрастное слово напоминает о Боге и Его Благом и Премудром Промысле. Так что даже при видимой «нестыковке» текстов комментариев духовно опытного пастыря очень полезен. Кроме того, возникшая потребность в таком комментарии свидетельствует, что автор книги, хотя он и продолжает считать себя человеком еще не вполне воцерковленным, все же развивается в нужном направлении: смиренно склоняет буйную головушку перед авторитетом Церкви, почтительно прислушивается к пастырскому голосу.

Вообще работа автора над собой, например старание совладать со своей раздражительностью, вспыльчивостью, порывистостью, отражена в книге. И добрые следствия этой внутренней борьбы, ведущейся с помощью Божией, тоже порой видны.

Как говорил старец нашего времени архимандрит Иоанн Крестьянкин, тот, кто действительно хочет спасать Россию, должен начать с проблемы своего личного спасения и спасения близких людей.

Автор книги именно в такой мудрой последовательности движется в своем повествовании: от внутреннего делания к внешним проблемам, от малого к большому, от частного, сугубо личного или внутрисемейного — ко всеобщему, универсальному.

Раздвигается пространство: от квартиры на Черной речке или от маленькой дачи с рабочей кельей, родными деревьями и знакомой вороной до просторных картин русского севера, до распахнутых мировых пространств, до всего живого космоса (пока еще живого!). Раздвигается и время: от циклической смены времен года, отраженной в композиции книги, со всеми драгоценными, милыми сердцу природными приметами — до глубокого колодца родовой памяти, «преданий старины глубокой», связанных с фамилией Раковых и судьбами предков. А потом, из глубины прошлого — взгляд в грядущее: тревоги о духовном состоянии дочери, волнения о том, как сложится жизнь внуков, эти переживания вырастают в заботу о будущем планеты, с уже явленными на ней знаками грядущего апокалипсиса. Одно из характерных качеств новой книги — это ее «итоговость», масштабность размышлений, подкрепленных поэтическими обобщениями:

*Сошел на нет двадцатый век,
Итог его таков:
Мы отравили русла рек
И извели китов.
Леса, поля кровоточат,
И воздух заражен.
Мы превратили землю в ад,
А небо — в полигон.
А все сильнее человек
Хватает и гребёт.
Кончается железный век —
Какой теперь грядет?*

Иван Стремяков

Обращает на себя внимание еще одна особенность книги: она обильно снабжена фотографиями. Если сопровождение авторской прозы поэтическими текстами усиливают эмоциональное и смысловое воздействие текста, то фотодокументы придают ему силу достоверности, убедительности, наглядности. Вот старые семейные фотографии: за каждой угадывается история страны, ее этапы. Вот светлые лица внучат... А вот любимые коты, о которых автор так замечательно умеет рассказывать. И еще фотографии множества животных и птиц, расселившихся по всему огромному свету. Их становится все меньше... Вот бьющие по сердцу фотографии инвалидов, фотографии бездомной опустившейся женщины и другой женщины, всеми брошенной в своей болезни и беде, но не желающей сдаваться. Фото слепого юноши с удивительно чистым, светлым и сильным лицом. О каждом таком человеке в книге не просто рассказана история — в ней звучит призыв к конкретной действенной помощи. Где возможно, прилагается адрес.

...А вот и сам автор с очками на лбу, что придает его образу, с одной стороны, какую-то забавную непосредственность, безыскусность, а с другой — неожиданную символичность: очки нужны не столько глазам, сколько лбу — умозрению, чтобы оно было особенно зорким и четким.

Много грустного, а часто и трагичного разглядел А. Г. Раков сквозь свои старомодные круглые очки. В книге есть, например, потрясающий рассказ о послевоенной судьбе безруких и безногих «самоваров» на Валааме, которым мы обязаны жизнью и которых власти постарались проводить с глаз долой, подальше от наступившего в стране относительного благополучия. В книге можно найти размышления о детском алкоголизме, об униженном женском достоинстве. Есть в ней и исповедь ВИЧ-инфицированного православного человека, позволяющая заглянуть в еще одну бездну, разверзшуюся у нас под ногами в последние десятилетия. Есть и скупое сообщение, что единственный в стране батальон, созданный для поиска неучтенных воинских захоронений, Министерство обороны решило сократить «в целях оптимизации расходов».

Может возникнуть вопрос: а где же та нечаянная радость жизни, которая воспета и вроде бы обещана нам в названии книги? Радость эта в книге постоянно присутствует. Она — в том, что великое чудо жизни по Божьей милости несмотря ни на что продолжается. Она — в том, что мы с годами начинаем ценить и понимать многое, чего раньше не замечали. Это значит, что все более оживает в нас внутренний человек, и по мере этого оживления усиливаются в нас чувства благодарности и вины. Эти чувства относятся прежде всего к Господу и еще к тем, кто отдал жизнь, чтобы жили мы.

Автор книги, как и автор этих строк, принадлежат к поколению детей Победы. Цена, заплаченная за нее, была столь велика, что вот уже 65 лет продолжается в стране худо-бедно, но мирная жизнь — срок для России неслыханный! Это тот срок, в который уложилось наше действительно счастливое детство, безоблачные годы учебы (говоря диким языком современных чиновников, годы совершенно бесплатно предоставляемых народу «образовательных услуг»). Это тот срок, в который вошли еще годы, когда мы набирали «опыт — сын ошибок трудных», и годы, в которые мы успели осмыслить эти ошибки, сумели многое пересмотреть и понять и, главное, созреть душою для того, чтобы прийти к вере, укрепнуть в ней и постараться по этой вере жить. Да, срок отпущенной нам мирной жизни по-

истине огромен. Это великий дар отцов, положивших «жизнь свою» — за всех нас. Между тем нынешние «правдолюбцы», которые точно так же обязаны им самим фактом своего существования, швыряют в них, уже беззащитных, комья грязи и пытаются развенчать народную, священную войну как ложный миф.

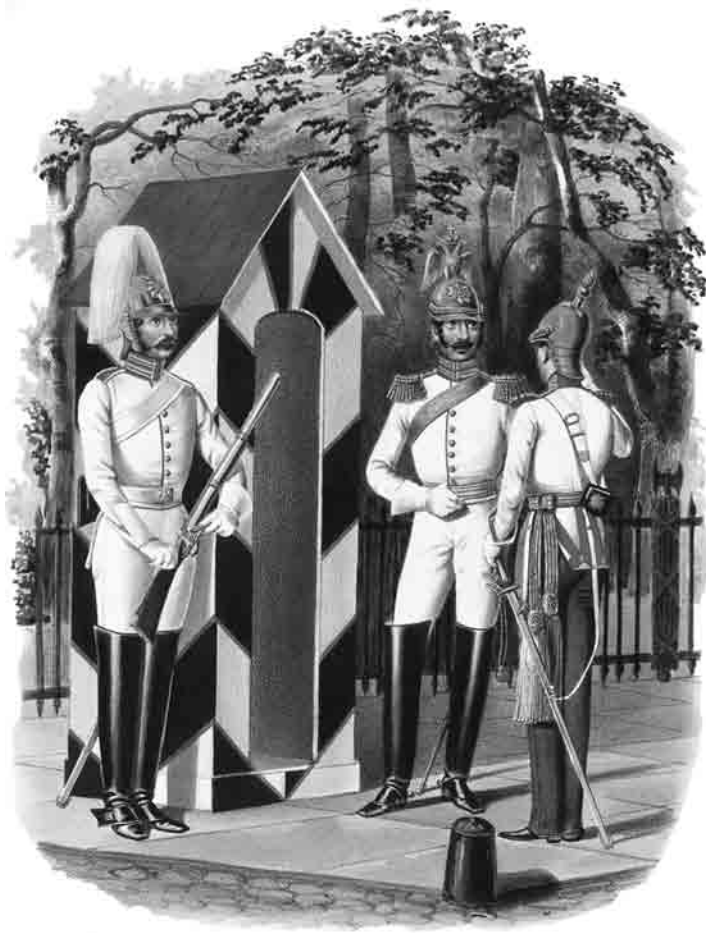
Но живы мы, дети Победы — свидетели, призванные защитить тех, кто добыл ее для всего мира. На всех нас есть отблеск Победы — многие представители нашего поколения отличаются сильным характером, независимостью взглядов и внутренним достоинством. При этом мы несем всю полноту ответственности перед Богом и поколением отцов. И к каждому из нас может быть с особой настойчивостью обращен призыв Амвросия Оптинского, не раз прозвучавший в книге: «Тяни лямку, пока не выкопают ямку».

В нынешней трудной ситуации Александр Раков «тянет лямку», сражается на передовой, а его книги можно приравнять к действенному оружию борьбы за Жизнь, за Веру, за Правду, за Россию.

ИМПЕРАТОРСКИЙ ПЕТЕРБУРГ

*Санкт-Петербург
на старинных
фотографиях,
рисунках
и открытках*

Генерал, офицер и рядовой лейб-гвардии конного полка

Виктор ЛИХОНОСОВ

«Я ЗНАЮ, ЧТО НУЖНО ЖИТЬ...»

Виктор Иванович Лихоносов — родился в 1936 г. на ст. Топки Кемеровской обл. Окончил Краснодарский государственный педагогический институт. Работал учителем. Автор многих книг прозы. Лауреат премии СП СССР и Государственной премии РФ. Член высшего творческого совета при правлении СП России. Почетный гражданин города Краснодара. Гл. редактор журнала «Родная Кубань». Живет в Краснодаре.

Быть самим собой, бороться нелегко везде. После статьи В. Кожинова в «Нашем современнике», за публикацию которой отвечал Ю. Селезнев, пришлось на своем горбу испытать, что такое литературное братство, когда нависают административные тучи. Многие предали Юрия Ивановича, причем те, кто вчера еще «шел в ногу». Даже из отчета в «Литературной России» видно было, на какое фарисейство, передергивание пустились некоторые маститые писатели, с какой бессовестностью отдали они на закляние... единомышленника Селезнева. Юрий Иванович пережил это тяжело — не потому что в журнале «Наш современник» он потерял пост заместителя главного редактора. Очень уж хитромудрыми в тактике оказались некоторые писатели. Окруженный в Москве хорошими, подчас невлиятельными друзьями, он все же не забывал друзей из провинции, с пылом звал к себе звонившего с вокзала писателя — хотелось отвести душу с В. Распутиным, В. Беловым, В. Астафьевым, В. Потаниным...

Думая о нем, о его одинокой матери, осиротевших дочках, я с беспомощной досадой говорю туда, в его небытие: ну зачем было отправляться в это заграничное путешествие?!

Литература без нас обойдется (она теряла и не таких), а родные, для которых мы есть все на свете, — никогда.

Сколько ранних смертей в русском искусстве!

Нас еще в молодости приструнил Жюль Ренар строчкой из своего дневника: писатели работают как волы.

Юрий Селезнев сгорел на костре литературы. Казалось, в некоторые периоды литература для него была необходимее жизни.

«Достоевского» для ЖЗЛ закончил вчерне, — писал он мне из Москвы. — За семь месяцев ночной работы написал тридцать два листа. Выдохся совершенно; и то: на работе читаешь, отписываешь, домой полный портфель рукописей тащишь. До двенадцати ночи, как правило, читаю, потом с часу до трех-четырех пишу свое. Потом снова работа...»

В роковое для него лето 1984 года я ждал его приезда в Пересыпь. Он задумал книгу о Лермонтове и хотел посетить Тамань. Кто только не побывал в Пересыпи за десять лет, а его я затянуть сюда не мог. Как и многие мои товарищи-писатели, мать мою он знал заочно — по повести «На долгую память». Теперь бы мы посидели в ее дворе, попробовали помидоров «бычье сердце», семена которых я брал у казака станицы Пашковской. Хорошо бы ему никуда не торопиться, пожить, просто пожить в нашем местечке, которое, между прочим, по-гречески называлось когда-то Тирамбе, поглядеть вокруг, пробраться по Керченскому проливу в Екатерининский Крым (в Керчь), а оттуда гладкой водной дорожкой — в казачью Тамань. Великий труженик Пушкин любил и умел пожить в охотку, развеяться, увлечься прелестью мгновения и позабыть об Аполлоне; умел пожить в свое удовольствие Бунин; забывал литературу ради охоты в казахских степях и рыбалки на Дону Шолохов. Этого нам на семинарах не подсказывали, а все: «литература — труд, каторжный труд!». Если труд становится нашей единственной средой, мы надрываемся душевно и физически, а радость земная тает, как в тумане. Наверное, влияние Ф. М. Достоевского на Селезнева было чрезмерное; он перехватил у него даже образ жизни — ночной.

Когда он работал в издательстве «Молодая гвардия» заведующим редакцией ЖЗЛ, я еле отбил от его предложения — написать биографию Н. М. Карамзина.

— Мне не поднять XIX век! — плакался я. — Что я там соображаю? Я вырос у коровьей стайки.

У меня были другие заботы: я собирал материалы к роману «Наш маленький Париж». Но он уговаривал:

— Приедешь в Москву, пороешься в библиотеках. Поцитируешь летописи, через Карамзина еще раз скажешь, какой была Русь.

И сам загорался, повышенным скоропалительным тоном начинал изливать восторги перед древнерусской литературой:

— Сколько там неоткрытых, неведомых даже нашим литераторам, удивительных образов, мыслей, Господи, как подумаешь, что ничтожная идейка европейской легенды о Фаусте стала под пером Гете всемирным творением — оторопь берет. Куда эта легенда хотя бы в сравнении с нашим «Путешествием Иоанна на бесе в Ерусалим»

Юрий Иванович Селезнев

лим»? Здесь же бездны духа, бытийные проблемы добра и зла, и в таких внешне простых образах. И идея, какая широ-та, простор во всем: поступок, всякое движение ума и души происходят у нас перед лицом всего мира...

— Нет, нет, Юра, не мне писать о дворянах. С нами не разговаривали в детстве по-французски и не рассказывали нам мифов Греции. Я не готов. Карамзин? Только подумать — и руки опустятся.

У Селезнева была идея — «создать внутри серии ЖЗЛ особую культурную сферу, культурный пласт, который воздействовал бы на читателя не только фактами, но силой художественного образа, самым словом, стилем».

— Что голая информация? — говорил он. — Надо воздействовать на душу. Страшно подумать, сколько людей воспринимают личности Пушкина, Достоевского, Толстого через книги, затмевающие подлинное величие этих писателей. До сих пор нет книг о Карамзине, Жуковском, Державине, Лермонтове, Лескове, Тютчеве, Фете, Бунине, Пришвине, Булгакове, С. Соловьеве, Ключевском, Третьякове, Афанасьеве, не говоря уже о старых наших писателях — Несторе, Данииле Заточнике и других. Дело же не в том, чтобы выпустить книгу о Жуковском или Аполлоне Григорьеве, какую — неважно. Нет, чтоб это была такая книга, которая оставила бы глубокий след в сердцах, стала частью чьей-то жизни. Академики-литературоведы не напишут. Не спешите, русские писатели, отказываться. Я уже и с Валей Распутиным говорил. И Белову написал.

— Мне хоть бы с романом справиться...

В феврале на последнюю, как оказалось, встречу я привез ему «Наш маленький Париж»... Он прочитал, и мы долго говорили в гостинице «Москва». На юге я бы ему еще раз сказал, что роман мой — не роман событий, а судеб. Слишком много он выразил мне пожеланий, и все они не лезли в мой свершившийся замысел: человек дороже мне концепций и затемненных сцен в истории.

Прощаясь со мной внизу, он повторил: «До встречи в Тамани».

Мы обошли бы с ним все прибрежные таманские улочки, погадали бы, где в точности стояла хата Царицыхи, по какому спуску таскал сверток слепой мальчик, и какими тогда были кручи. Не сомневаюсь, в книге о Лермонтове, на тех страницах, которые затронули бы путешествие поэта осенью 1837 года, он бы, ничего лишнего не приписывая тоскливым чувствам поэта, коснулся седой старины: и Тмутаракани, и летописца Никона, и древних греков. Но самое глав-

ное — Тамань продлила бы его жизнь, в этом я уверен. Зачем было ехать в Берлин?!

Родные углы ждут нас, немо вопрошают, почему мы их забыли.

«Жаль, не сумел приехать в Краснодар...»

«Я и не знаю, когда удастся в Краснодар...»

«Больше года уже не был дома...»

Когда что-то случится непоправимое, в первые минуты отчаянно восклицаешь: зачем было уезжать из дому в Москву?!

Между тем все объясняется самой жизнью. Так у нас часто бывает: чтобы тебя в науке, искусстве признали, надо покинуть родное гнездо и найти сочувствие в Москве. А если такой возможности уехать нет, то достоинство свое, имя все равно придется утверждать с помощью Москвы. Юрий Селезнев уехал — сперва учиться. Никто в литературных кубанских кругах не спешил заметить в нем большого таланта. Да если бы заметили, было бы еще хуже: правдивые его критические статьи засолились бы в ящиках редакционных столов, ярлык был бы тотчас навешен, помнили бы его какое-нибудь высказывание «пожизненно». Надо знать нашу провинциальную трусость тех лет, оправдываемую «важностью задач», «ответственностью перед читателем». Представим, что ему на первых порах не повезло бы и в Москве, он убежал бы назад, домой, пробился бы кое-как в университетские преподаватели, был бы одинок, скучал и, главное, не прошел бы замечательной столичной школы, не утончался в общении с выдающимися критиками, философами, историками, художниками, смирился бы постепенно с приземленными вкусами и не сумел бы растворить свою душу в крупных идеях и замыслах. Критику постоянно нужны живые разговоры и дружество с себе подобными; приток одних книжных противоречий и кабинетного единомыслия недостаточен. И он остался после аспирантуры наживать опыт ума, обстреливать себя едкими взглядами и фразами старших, сверстников, познавших столичную остроту мысли. Я его понимаю. В первые годы литературной учебы я тосковал по московской культурной среде особенно. Каждый день дарил мне там яркие впечатления. Всегда привлекала меня открытость, небоязливость московских суждений, там и приезжие раскрываются в полноте птичьего пения и вдруг чувствуют сладость бесед и истинно художественного разнообразия. Какие неожиданные встречи! Какие прогулки в поздний час до гостиницы «Россия» (опять с откровениями и усладой надежд, и с печалью, что дома уже этого пиршества не будет)! Из Москвы возвращаешься порою усталый, раздерганный бессонницей и ходьбой по улицам, порою кем-то недовольный, но как она все ставила на место, усугубляла трезвость, сдирала кожуру болотистой провинциальности!

Как ни странно, но в Москве, а не на юге познакомился я с Ю. И. Селезневым, «сошелся», что называется. В Краснодаре нас разделяла привычная атмосфера недоверия и ненужности друг другу.

И вот стал он законным столичным жителем — с пропиской, без еще устроенного личного быта. Он говорил мне:

— Не бойся, я «москвичом» в плохом смысле не сделаюсь.

Из Краснодара я привозил ему новости об Аркадии Ивановиче Малахове. Жил у нас такой старичок с ноготок, изящный до тщедушности, со скрипучим голоском, добрый, но язвительный. У него была богатейшая библиотека по индийской философии. Любители Востока, Индии, оккультных наук обивали порог его квартирки на улице Красной. Редко кто возвращал ему драгоценные книги, библиотека его тощала, пристрастились к ней хапучие книголюбы, он страдал, но отказать не мог, всех пускал, выслушивал. Я его часто видел в книжном магазине — с сеточкой в руке. По родному городу он ходил какой-то удивленный, словно только что прибыл издалека и никак не мог разобраться, почему там — то, а там — это. Юрия Ивановича называл ласково, с улыбкой: Юрка. Не одобрял его побега в Москву. «Юрка-то наш прогрыз изделия московских жрецов? Москвичом стал! Орут, бегут... Арсений Гулыга зовет меня — не пое-е-ду!»

В сентябре 1980 года Селезнев прислал мне письмо — писал в час нестерпимой потребности высказаться:

«Здравствуй и не обижайся, что так задержался с ответом: все время как в колесе и некогда остановиться. И так мечтается (даже все более назревает решение) бросить все к чертовой матери, снять где-нибудь не в писательском месте домик в Подмосковье и хотя бы месяца два-три забыть обо всем и просто посидеть, подумать, побродить. Устал: голова как медный котелок, по которому тинькают и тинькают. Работаешь день и ночь — чуть не круглосуточно, и все толку никакого — все недовольны и все чего-то не хватает... А у меня (никому не говорю, конечно) какое-то ощущение или скорее состояние — будто у последних дней находишься и надо бы не о квартире, а о другом думать и стараться, но для этого нужно бросить именно все и иначе жить, а так нельзя.

Пойми... я не жалею на свою жизнь — в конце концов каждый сам виноват в том, как он живет, но — не потому не жалею и не жалею о своей жизни: знаю, не все даром, было, наверное, и что-то дельное; не случайно же книжки «жезээловские» сейчас до пены доводят кое-кого, значит, работают. А ведь в этих книгах и я есть, невидимо, но есть, я-то знаю: некоторые мною же и задуманы, и авторов нашел, и убедил их написать (и не побояться написать). Тратил время — не рабочее: на работе — встречи, мелочи, бумажки, и, главное, бумажки, в день отвечаешь на двадцать-тридцать писем, на кучу жалоб, доносов и т. д., а дома, после работы, читал уже рукописи, редактировал, писал письма с советами и просьбами, чтобы еще доработали, чтобы еще прояснить и т. д. И снова на меня — как на дурака. И дома нужно помогать, смотреть за ребенком, устраивать встречи, приемы, говорить о разных приятных вещах. Ну, словом, быть нормальным человеком — это тоже приходилось делать, соответствовать, так сказать, нормам жизни, но — долго не выдерживаю... Вечера и ночи, часто напролет — опять рукописи, рукописи, письма, так что

написать человеческое письмо другу — физически порой невозможно: отвратительно от самой мысли о письме. А ведь хотелось еще и самому что-то написать, но больше писал не оттого, что хотелось, а потому, что это было кому-то нужно: то ли судьба чьей-то книги решалась, а то и просто судьба — знаешь, часто от одной несчастной рецензии, от одного упоминания имени судьба решается и так и эдак. А для себя оставались вечера и ночи, свободные от работы, и спал по четыре-пять часов в сутки, а то и вовсе не ложился, пока силы были, и шел на работу, снова в то же колесо; пробивал рукописи в издательстве, цензуре, ЦК и т. д. — как никогда не бился ни за одну свою вещь. Никогда не ждал, да и не имел никакой благодарности в таких случаях, слов, да и не ради них работаешь, не в словах дело; из неприятностей вылезти и не рассчитываю: при моей работе и при моем характере это невозможно, угроз уже давно не пугаюсь, обид тоже (от тех же авторов: и прочитал не вовремя, и с ответом запоздал, и тираж не 150, а только 100 тысяч, и чего-то убрал, а ведь убирал-то только глупости, никогда ни у одного автора дельной талантливой строчки, слова даже не вычеркнул — все выходило, зато если было что — никогда не жадничал и отдавал все, что возникало, и тиражи выпрашивал, и объемы сверх договорных, и все, что мог и не мог) — так что нажил кучу могущественных врагов, нервы совершенно ни к черту, сердце загнал — все на сигаретах, по две-три пачки в день, да на кофе, чтобы не уснуть на работе после бессонной ночи... Вот уж седой совсем, а личной жизни у меня... уж и забыл, какая она, эта личная жизнь: даже с ребенком не всегда можешь побыть, когда душа просит. Ну ладно — расписался, разболтался, как старый Мазай в сарае. Прочти и выброси. Что-то очень уж наболело — прорвало. Прости. Не люблю жаловаться, ныть, да и некому. Видно, устал, а отдыхать некогда и не дадут. Никто не даст, потому что я — только средство, а так просто, именно как я — только маме одной и нужен. И вот пока она есть и пока я нужен, я, а не что-то во мне и не для чего-то, а просто я, — я знаю, что нужно жить...»

* * *

Мать его, как и после семьдесят четвертого года мать В. М. Шукшина — Мария Сергеевна, вынуждена глядеть только на фотографии и книги сына. У меня тоже есть его книги, в том числе посмертные. И единственная телеграмма ко дню рождения, сперва для меня дорогая, а теперь печальная. В конце мая 84-го года я вернулся из Коктебеля и в кипе телеграмм и писем нашел поздравление с подписью: «Марина и Юрий Селезневые». Шутливо играя заголовком моего романа, прочитанного ими в рукописи, они обещали встречу в «нашем маленьком Париже...».

Все лето и осень 1984 года прошли у меня под знаком печали и горького сетования: зачем он предпочел путешествие в Европу спасительному свиданию с родной кубанской землей?!

Учредители:
Андрей РЕБРОВ
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Контактные телефоны редакции:
8(911) 836-00-06
8(921) 311-31-87 (В. В. Ефимовская)

Московское представительство:
119146, Москва, Комсомольский пр., 13.
Тел./Факс: 8(499) 246-58-44

Почтовый адрес редакции (*для рукописей и писем*):
196244 п/я № 8. В. В. Ефимовской

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
<http://www.rodnaya-ladoga.ru>

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
196158, Санкт-Петербург, ул. Ленсовета, д. 81, кв. 70.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Цена свободная

Корректоры Г. А. Ильина, Ю. В. Бармина
Дизайн обложки Г. Ю. Алкаева
Компьютерная верстка Т. Б. Макаровой

Подписано в печать 10.09.2010 г. Формат 70х100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ.л. 25,0.
Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»
Санкт-Петербург, Сабировская ул., д. 37.